

misterium

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**РОМАН-ОБЛАДАТЕЛЬ
ПРЕМИИ
ALEX AWARDS 2014**

МАКС БАРРИ **ЛЕКСИКОН**

СУЩЕСТВУЕТ СЛОВО-ОРУЖИЕ.

И ОНО МОЖЕТ УБИТЬ ЛЮБОГО.

НО ЕСТЬ ЛИШЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК, КТО СИЛЬНЕЕ ЕГО...

ЭКСМО

Эмили — обычная девушка с улицы, раскручивающая праздную публику на заведомо проигрышную игру в карты. Она не претендует ни на что большее. Но однажды незнакомые люди приглашают ее в особую школу для особенных учеников. Это потому, что Эмили хорошо обращается со словами, говорят они. Девушку учат управлять сознанием других людей с помощью необычных звуко сочетаний. Постепенно Эмили понимает: существует такое слово, с помощью которого она сможет заставить кого угодно совершить что угодно. Им можно убедить, а можно и убить. Это слово сделает его владельца равным Богу. Но дело в том, что Богом хочет быть не только Эмили...

Макс Барри

Лексикон

Для Джейн, снова

Каждая история, когда-либо написанная,
Состоит из одинаковых букв, одинаковых символов,
Расставленных в разном порядке.
Иногда эти символы приносят радость,
Иногда — печаль.
А иногда люди бросают их в огонь,
Потому что их расстановка несет страх и ужас.

Часть I

Поэты

Когда был создан Ра, величайший из богов, отец дал ему тайное имя, столь ужасное, что ни один человек не решался разузнать его, и столь преисполненное могущества, что все другие боги жаждали узнать его и завладеть им.

Ф. Г. Бруксбэнк «Легенда о Ра и Исиде»

— Он приходит в себя.

— У них с глазами всегда так.

Мир был в тумане. На правый глаз что-то давило. Он сказал: «Мм».

— Черт!

— Дай сюда...

— Поздно, забудь об этом. Вынимай.

— Еще не поздно. Держи его.

В поле его зрения появился силуэт. Он учуял запах алкоголя и застоявшейся мочи.

— Уил? Слышишь меня?

Он потянулся к своему лицу, чтобы смахнуть то, что давило.

— Убери... — На его запястье сомкнулись чьи-то пальцы. — Уил, тебе нельзя прикасаться к своему лицу.

— Почему он в сознании?

— Не знаю.

— Ты что-то напортачил.

— Ничего я не напортачил. Дай мне вот то...

Шуршание. Он сказал: «Мм-м».

— Перестань дергаться. — Он ухом ощутил чье-то дыхание, горячее и нежное. — У тебя в глазном яблоке игла. Не двигайся.

Он не двигался. Что-то завибрировало, что-то электронное.

— Ах, черт, черт...

— Что?

— Они здесь.

— Уже?

— Двое из них, как видно. Надо уходить.

— Я уже вошел.

— Нельзя ничего делать, пока он в сознании. Ты поджаришь ему мозг.

— Надеюсь, не поджарю.

Он сказал: «П-пжааалста, не убивайте меня».

Щелканье зажимов.

— Я в процессе.

— Нельзя, пока он в сознании, и у нас мало времени, и мы, кажется, ошиблись с парнем.

— Если не хочешь помогать, так хотя бы не мешайся под ногами.

Уил сказал:

— Мне... нужно... чихнуть.

— Чих только повредит тебе, Уил. — Он ощутил, как на грудь опустилась тяжесть. В глазах потемнело. Его глазное яблоко слегка дернулось. — Может быть чуть-чуть больно.

Звук надрезаемой плоти. Тихий электронный вой. Ему в мозг воткнулся железнодорожный костыль. Он закричал.

— Ты жаришь его.

— Ты в порядке, Уил. С тобой все в порядке.

— Он... ох, у него кровь идет из глаза.

— Уил, мне нужно, чтобы ты ответил на несколько вопросов. Важно, чтобы ты отвечал честно. Ты понял?

«Нет, нет, нет...»

— Первый вопрос. К кому ты себя относишь: к тем, кто любит собак, или к тем, кто любит кошек?

«Какого...»

— Давай, Уил. Собак или кошек?

— Данные невозможно прочитать. Именно мы ничего не делаем, когда объекты в сознании.

— Отвечай на вопрос. Боль прекратится, когда ты ответишь.

«Собак! — завопил он. — Собак, умоляю вас, собак!»

— Это была собака?

— Ага. Он пытался сказать «собак».

— Отлично. Очень хорошо. Один есть. Какой твой любимый цвет?

Что-то зазвенело.

— Проклятье! Черт побери!

— Что?

— Вульф здесь!

— Это какая-то ошибка.

— Эта штука показывает, что она здесь, черт побери!

— Покажи.

«Синий!» — кричал он в тишину.

— Он ответил. Видел?

— Да, видел! Ну, и что из этого? Нам надо уходить. Нам надо уходить.

— Уил, я хочу, чтобы ты задумал число между единицей и сто.

— О, боже.

— Любое число, какое хочешь. Давай.

«Я не знаю...»

— Сконцентрируйся, Уил.

— Сюда идет Вульф, а ты тыкаешь зондом не в того парня. О чем ты только думаешь?

«Четыре, я выбрал четыре...»

— Четыре.

— Я видел.

— Молодец, Уил. Еще два вопроса. Ты любишь свою семью?

«Да, нет, что за...»

— Она уже рядом.

«У меня нет... наверное, да, то есть все любят...»

— Подожди, подожди. Ладно. Я вижу. Господи, ничего не понять...

— Еще один вопрос. Зачем ты это сделал?

«Что... я не...»

— Простой вопрос, Уил. Зачем ты это сделал?

«Что я сделал сделал сделал...»

— Очень спорно, я бы сказал. Все указывает на восемь разных сегментов.

«Я не понимаю о чем вы я ничего не делал клянусь я никогда никому ничего не делал»

только только однажды я был знаком с девушкой...»

— Вот.

— Да. Да, верно.

На его рот легла ладонь. Давление на глазное яблоко усилилось, как будто его высасывали. Они вытаскивают его глазное яблоко. Нет, это игла, ее вынимают. Он пронзительно вскрикнул, возможно. А потом боль ушла. Чьи-то руки подняли его. Он ничего не видел. Он плакал по своему несчастному, измученному глазу. Но тот был на месте. На месте.

В тумане замелькали неясные тени.

— Что, — сказал Уил.

— Коарг медисити найтен коенс, — сказала тень повыше. — Вставай на ноги.

Уил зажмурился, озадаченный.

— Ш-ш, — сказала тень пониже. — Может, это все же он.

* * *

Они наполнили раковину и ткнули его лицом в воду. Он вынырнул, судорожно хватая ртом воздух.

— Не намочи его одежду, — сказал высокий.

Он был в туалете. В аэропорту. Он прилетел в три ноль пять вечера из Чикаго. В самолете место у прохода занимал крупный мужик в гавайской рубаше, и Уил никак не мог его разбудить. В аэропорту туалет был закрыт на уборку, но уборщик снял табличку, и Уил со всех ног припустил к заветной двери. Он подскочил к писсуару, расстегнул брюки и испытал непередаваемое облегчение.

Дверь открылась. Вошел высокий мужчина в бежевом пальто и с красивыми глазами. В туалете было по меньшей мере с полдюжины свободных писсуаров, но мужчина встал рядом с Уилом. Летели секунды, а незнакомец все не писал. Уил, на высокой скорости опорожнявший мочевой пузырь, ощутил в душе сострадание к бедняге. У него такое случалось.

Дверь снова открылась. Вошел еще один мужчина и запер дверь.

Уил заправил свое хозяйство в брюки. Он посмотрел на мужчину рядом с собой и подумал — как забавно это выглядит в ретроспективе, — что, что бы тут ни случилось, какую бы опасность ни нес с собой тот тип, что сейчас вошел в общественный туалет и запер дверь, он, Уил, и высокий мужчина в пальто по крайней мере заодно. Что их по крайней мере двое против одного. А потом он заметил, что взгляд у Мочевого Пузыря спокойный и серьезный, вернее, что взгляд у него спокойный, как у человека, которого не удивляет происходящее. В следующее мгновение Мочевой Пузырь схватил его за голову и толкнул так, что Уил шарахнулся об стену.

Потом была боль и вопросы.

— Надо смыть кровь с волос, — сказал коротышка и принялся ожесточенно вытирать Уилу лицо бумажными полотенцами. — Его глаз выглядит ужасно.

— Если они подберутся достаточно близко, чтобы увидеть его глаз, у нас будут большие проблемы. — Высокий вытирал ему руки маленькой белой тряпочкой, уделяя внимание каждому пальцу. Он был худым, со смуглой кожей, и сейчас его глаза уже не казались Уилу

красивыми. Они были холодными и излучали полное бездушие. Как у человека, который способен наблюдать за чем-то ужасным и не отводить взгляд. — Итак, Уил, ты с нами? Можешь идти и разговаривать?

— Пошел, — сказал Уил, — к чррррту. — Прозвучало не так, как он хотел. Его голова поникла.

— Отлично, — сказал высокий. — Договорились. Нам нужно как можно быстрее с наименьшим шумом выбраться из аэропорта. Я хочу, чтобы ты сотрудничал с нами. Если я этого не получу, то сделаю все, чтобы твоя жизнь превратилась в ад. Не потому, что у меня на тебя есть зуб. Просто я хочу, чтобы у тебя была правильная мотивировка. Ты понял?

— Я... — Уил искал слово. «Небогат»? «Непохищаем»? — Никто. Я плотник. Я строю террасы. Балконы. Бельведеры.

— Да, вот поэтому ты и здесь, из-за своих неповторимых бельведеров. Можешь забыть об этом. Мы знаем, кто ты такой. И они знают, кто ты такой, и они здесь, так что давай уберемся отсюда, черт побери, пока нам не помешали.

Уил замер на мгновение, чтобы подобрать слова, потому что у него возникло ощущение, что другой возможности у него не будет.

— Меня зовут Уил Парк. Я плотник. У меня есть девушка, и она ждет меня на стоянке. Я не знаю, за кого вы меня принимаете и зачем вы воткнули ту... ту штуку мне в глаз, но я никто. Честное слово, я никто.

Коротышка упаковывал инструменты в коричневый ранец, забросил его на плечо и уставился на Уила. У него были жидкие волосы и беспокойные брови. Уил принял бы его за бухгалтеря в обычной ситуации.

— Вот что я вам скажу, — сказал он. — Я зайду в кабинку и закрою дверь. Двадцать минут. Я выжду двадцать минут. Как будто мы с вами никогда не встречались.

Коротышка бросил взгляд на высокого.

— Я не тот, — сказал Уил. — Я не тот, кто вам нужен.

— Проблема с твоим, Уил, планом в том, — сказал высокий, — что если ты останешься здесь, то через двадцать минут будешь мертв. Если ты пойдешь к своей девчонке, которой, как ни грустно мне об этом говорить, больше нельзя доверять, то тоже будешь мертв. И если ты вообще что-то сделаешь, а не пойдешь с нами, причем быстро и дружно, исход будет тот же. Мы единственные, кто может спасти тебя от смерти, хотя тебе так не кажется. — Он пристально вглядывался в Уила. — Но я вижу, что мои слова не убедили тебя, так что позволь мне переключиться на прямые методы. — Он распахнул пальто. На боку, в длинной кобуре, дулом вниз, висел обрез. Демонстрация оружия не имела смысла, потому что они были в аэропорту. — Пошли, иначе я прострелю твою чертову почку.

— Да, — сказал Уил. — Это веский довод. Я буду сотрудничать.

Главное было выбраться из туалета. В аэропорту полно людей из службы безопасности. Достаточно выйти отсюда, толкнуть одного, другого и ринуться вперед. Вот так он и сбежит.

— Нет, — сказал коротышка.

— Нет, — согласился высокий. — Я вижу. Вырубай его.

* * *

Дверь открылась. По ту ее сторону лежал мир блеклых красок и приглушенных звуков,

как будто у Уила были чем-то заткнуты уши, и глаза, и, возможно, мозг. Он потряс головой, чтобы избавиться от этого ощущения, но мир стал еще мрачнее и враждебнее и отказался сохранять вертикальное положение. Миру не понравилось, что его трясут. Теперь Уил это понял. И больше не будет его трясти. Он почувствовал, как из-под него, будто на роликовых коньках, выезжают ноги, и оперся о стену, чтобы не упасть. Стена чертыхнулась и вцепилась пальцами ему в руку — вероятно, это была не стена. Вероятно, это был человек.

— Ты слишком много вкатил ему, — сказал этот тип.

— Береженого бог бережет, — ответил другой человек.

Это плохие люди, вспомнил Уил. Они похитили его. Он вдруг разозлился, хотя исключительно формально, так же, как когда говорят: «Стоять на своих принципах», — ведь в этом случае никто никуда не встает. Он предпринял попытку попятиться на обутых в роликовые коньки ногах.

— Боже мой, — пробормотал человек, тот, высокий и со спокойными глазами. Уилу не нравился этот человек. Он забыл почему. Нет. Из-за похищения. — Иди вперед.

Уил пошел, продолжая возмущаться. В его сознании имелись важные факты, но он не мог отыскать их. Вокруг было сплошное движение. Их подхватил людской поток. Все куда-то шли. И ведь Уил тоже куда-то шел, тогда, раньше. Должен был с кем-то встретиться. Слева от него зачирикала птичка. Или телефон. Коротышка посмотрел на экран.

— Райн.

— Где?

— В зале внутренних рейсов. Прямо по курсу. — Последняя фраза показалась Уилу забавной: говорит, будто про корабль, а терминал — это безбрежный океан. — Мы знакомы с кем-то по имени Райн?

— Ага. Девчонка. Новенькая.

— Черт, — сказал коротышка. — Терпеть не могу стрелять в девиц.

— Привыкнешь, — сказал высокий.

Мимо, держась за руки, прошла пара. Влюбленные. Это понятие показалось знакомым.

— Сюда, — сказал высокий, резко поворачивая Уила к книжному магазину. Тот едва не ударился лицом о стойку с надписью «Новые поступления». Его ноги продолжали катиться; он вытянул руку, чтобы поймать себя, и ощутил острую боль.

— Проблемы?

— Возможно, нет, — пробормотал высокий, — а возможно, Райн уже позади нас, в голубом платье.

В глянцевой обложке промелькнуло отражение. Уил пытался вычислить, что укололо его. Торчащая проволока на вывеске «Новые поступления». Забавно, этот укол помог ему прогнать туман из головы.

— Самое оживленное место в любом магазине — там, где новинки, — сказал высокий. — Они притягивают людей. Не лучшее, а новое. Уил, как ты думаешь, почему?

Уил надавил рукой на торчащую проволоку. Он действовал слишком осторожно, поэтому ничего не почувствовал. Тогда он попробовал снова, сильнее. На этот раз его сознание рассекло лезвие боли. Он сразу вспомнил иголки и вопросы. Его девушка, Сесилия, ждет его на стоянке в белом джипе. Она должна была заехать в ту зону, где можно останавливаться всего на две минуты, — они заранее точно рассчитали время. А он опоздал из-за этих типов.

— Кажется, пронесло, — сказал коротышка.

— Проверь. — Коротышка отошел. — Итак, Уил, — сказал высокий, — через несколько мгновений нам предстоит пересечь зал и спуститься по лестнице. Затем мы окажемся на поле среди снующих туда-сюда пассажирских самолетов и поднимемся на борт очаровательного, уютного самолетика на двенадцать посадочных мест. Там можно будет перекусить. И попить, если тебя мучает жажда. — Высокий внимательно посмотрел на него. — Ты здесь?

Уил вцепился мужчине в лицо. У него не было плана, он не знал, что будет делать дальше, поэтому просто толкал его в лицо, пока тот, пытаясь, не споткнулся о картонный стенд. Оба повалились на пол, на них посыпались книги. «Беги», — подумал Уил. Да, это была здоровая идея. Он вскочил на ноги и побежал к выходу. В стекле двери увидел человека с диким взглядом и понял, что это он сам. Услышал крики и тревожные возгласы — это, наверное, высокий поднимался с пола. У него обрез, вспомнил Уил, а обрез — это не та вещь, о которой можно забыть.

Он влетел в океан испуганных лиц и открытых ртов. Никак не получалось вспомнить, что он делает. Ноги предательски подгибались, но вот движение подействовало на него хорошо, помогло прояснить сознание. Уил увидел эскалаторы и устремился к ним. Его спина напряглась в ожидании выстрела из обреза. Люди ловко уворачивались от него, буквально бросались врассыпную, и за это он был им благодарен. Уил добрался до эскалаторов, но ноги в роликовых коньках выехали из-под него, и он упал навзничь. На него стал медленно надвигаться выложенный плитами потолок. Эти плиты были грязными. Они были отвратительными.

Он сел, вспомнив Сесилию. И еще обрез. И, вспомнив обрез, задумался: а как же служба безопасности? Где она? Ведь это же аэропорт. Это же аэропорт, а не что-то еще. Уил ухватился за поручень, намереваясь встать и поискать взглядом людей в форме, но его колени подогнулись, и он опять упал. Из отдаленных частей тела к нему посыпались телеграммы с жалобами. Наконец он встал. Пот заливал глаза. Туман в голове все не рассеивался; зрение было нечетким. Однако он видел свет, который означал «выход», который означал «Сесилия», и Уил побежал. Кто-то закричал. Свет стал ярче. Холодный воздух охватил его со всех сторон, как если бы он нырнул в горное озеро, и Уил втянул его, впуская в легкие. Снег, разглядел он. Шел снег. Снежинки напоминали крохотные звездочки.

— Помогите, там человек с оружием, — сказал он мужчине, который походил на копа. Потом сообразил, что это, вероятно, распорядитель при стоянке такси. Оранжевые автобусы. Зоны для остановок. Те, где можно стоять две минуты, — чуть дальше.

Уил едва не налетел на семейство, катившее перед собой тяжело нагруженную тележку, и мужик даже попытался схватить его за куртку, но он продолжал бежать вперед, и его действие, его бег, стало обретать смысл. Уил начал вспоминать. Как управлять своим телом. Он оглянулся. И тут на него налетел столб.

Во рту появился привкус крови. Кто-то спросил, как он, какой-то подросток стянул с головы наушники. Уил тупо уставился перед собой. Он не понял вопрос. Он налетел на столб, и все мысли высыпались. Он порылся в них и нашел Сесилию. Поднял свое тело, как обломки корабля — из глубин, оттолкнул парня и устремился вперед на гребне его возмущенных возгласов. Наконец он увидел ее, машину Сесилии, белую крепость на колесах с надписью «Вирджиния — для влюбленных» на заднем стекле. Его повела за собой радость. Уил распахнул дверцу и ввалился внутрь. Он никогда не был так горд собой.

— Получилось, — выдохнул он. И закрыл глаза.

— Уил?

Он посмотрел на Сесилию:

— Что?

У нее было странное лицо, и он почувствовал неуверенность. А потом к нему пришла мысль: она выплеснулась с фонтаном ужаса, который начинался где-то внутри и заканчивался в яйцах. Зря он добрался сюда. Зря он привел вооруженных людей к своей девушке. Это было полнейшей глупостью. Уил разозлился на самого себя и впал в смятение, потому что на то, чтобы добраться сюда, у него ушли все силы, а сейчас снова придется бежать.

— Уил, в чем дело? — Сесилия кончиками пальцев коснулась его. — У тебя из носа течет кровь. — Она слегка хмурилась. Он отлично знал это выражение, и ему было грустно, что придется с ним расстаться.

— Я налетел на столб. — Уил потянулся к ручке. Чем дольше он сидел в машине, тем плотнее вокруг него смыкался туман.

— Подожди! Куда ты?

— Ухожу. Я должен...

— Сядь!

— Я должен уйти.

— Тогда я отвезу тебя туда! Сиди на месте!

А это мысль. Отвезти его.

— Да.

— Ты будешь сидеть на месте, пока я веду машину?

— Да.

Сесилия потянулась к ключу зажигания:

— Ладно. Просто... сиди. Я отвезу тебя в больницу или еще куда-нибудь.

Договорились?

— Да.

На душе стало легче. Тело вдруг отяжелело. Интересно, спросил себя Уил, будет ли это нормальным, если он впадет в бессознательное состояние. Теперь от него ничего не зависит. Сесилия отвезет его в безопасное место. Этот автомобиль — самый настоящий танк. Раньше он смеялся: машина такая огромная, а Сесилия такая крохотная, но обе в одинаковой степени агрессивны. Сейчас же она спасет его. Поэтому он может хоть на секунду закрыть глаза.

Когда он их открыл, Сесилия смотрела на него. Уил поморгал. У него возникло ощущение, что он заснул.

— Что?.. — Он сел прямо.

— Ш-ш.

— Мы едем? — Они никуда не ехали. — Почему мы не едем?

— Посиди спокойно, пока они добираются сюда, — сказала Сесилия. — Это очень важно.

Уил повернулся к окну. Стекло запотело. Он не видел, что там, снаружи.

— Сесилия. Поехали. Быстрее.

Она заправила прядь волос за ухо — она делала так, когда старалась что-то вспомнить. Уил буквально увидел, как она в какой-то комнате разговаривает с каким-то человеком, и

теперь понял, что она пытается вытащить из памяти именно этот разговор.

— Помнишь тот день, когда ты знакомился с моими родителями? Ты дергался, что мы опоздаем. Но мы не опоздали. Мы не опоздали, Уил.

Он стер со стекла конденсат. Из белой мглы к нему бежали мужчины в коричневых костюмах.

— Поехали! Сил! Поехали!

— Сейчас, как тогда, — сказала она. — Все будет хорошо.

Он перегнулся через нее, потянулся к зажиганию:

— Где ключ?

— У меня его нет.

— Что?

— У меня больше нет ключа. — Она положила руку ему на бедро. — Просто посиди со мною минутку. До чего же красив снег, правда?

— Сил, — сказал он. — Сил.

За окном мелькнуло что-то темное, и дверца распахнулась. В него вцепились чьи-то руки. Уил боролся с этими руками, но они были сильными и вытащили его на холод. Он бил кулаками во все стороны, пока что-то тяжелое не обрушилось ему на затылок. Его взвалили на чье-то широкое плечо. Вероятно, прошло какое-то время, потому что вокруг стало темнее. В голове волнами пульсировала боль. Уил увидел асфальт и развевающиеся полы пальто.

— Черт, — сказал кто-то, причем раздраженно. — Забудь о самолете. Они больше не могут нас ждать.

— Забыть о самолете? А тогда что?

— За этими зданиями есть пожарный въезд. Вези нас на шоссе.

— На машине? Ты шутишь? Да они перекроют пожарный въезд.

— Не успеют, если мы поторопимся.

— Не успеют, если мы?.. — сказал коротышка. — Проклятье! Все к черту, потому что ты отказался уходить, когда я говорил!

— Ш-ш, — сказал высокий. Они остановились. Дул сильный ветер. Кто-то пробежал, и Уил услышал двигатель. Остановилась машина.

— Вылезай, — сказал высокий, и Уила запихнули в крохотный автомобильчик. Коротышка сел рядом. С зеркала заднего вида свисал дискошар. С приборной панели ему улыбались плюшевые зверюшки с огромными глазами. Голубой кролик держал флаг — Уил так и не понял, какой страны. Он подумал, что можно было бы дровком этого флага ткнуть кого-нибудь в глаз. Потянулся к нему, но коротышка опередил его.

— Нет, — сказал он, конфискуя кролика.

Двигатель взревел.

— Ну что, Уил, не вышло с девчонкой? — спросил высокий. Он развернулся вокруг столба с обозначением ДЗ, и Уил понял, что они на парковке. — Теперь ты готов признать, что мы знаем, что делаем?

— Это ошибка, — сказал коротышка. — Безопаснее было бы пешком.

— Машина — это здорово.

— Не здорово. Ничего не здорово. — У него на коленях лежал сердитого вида пистолет-пулемет; раньше Уил этого почему-то не заметил. — Вульф преследует нас с самого начала. Они знали.

— Не знали.

— Бронте...

— Заткнись.

— Бронте обдурила нас! — рявкнул коротышка. — Она обдурила нас, а ты этого не видишь!

Высокий направил машину к приземистым ангарам и похожим на склады зданиям. Когда они подъехали ближе, на них набросился ветер, бесновавшийся в узких проходах между стенами, и стал плевать в них льдом. Машину закачало. Уил, зажатый между мужчинами, валился то на одного, то на другого.

— Чертова машина, — сказал коротышка.

Из мрака впереди появилась маленькая фигурка. Девушка в голубом. Она стояла неподвижно, а ветер трепал ее волосы.

Коротышка подался вперед:

— Это Райн?

— Наверное.

— Сбей ее.

Двигатель взвыл. Девушка стремительно приближалась к лобовому стеклу. Уил даже разглядел цветочки на ее платье. Желтые.

— Сбей ее!

— А, черт, — сказал высокий, слишком тихо, чтобы его расслышать, и машина начала кричать. Мир сдвинулся с места. Уила мотало из стороны в сторону. За лобовым стеклом все двигалось. На них набросилось какое-то существо — бегемот с горящими глазами и серебряными зубами. Машина накренилась, ее развернуло. Зубы — это радиаторная решетка, сообразил Уил, а глаза — фары, потому что существо — это грузовик. Тот смял перёд джипа, заревел, закачался и влетел в кирпичную стену. Уил закрыл голову руками, потому что вокруг все рушилось.

Он услышал стоны. Шарканье. Щелканье в остывающем двигателе. Поднял голову. Ботинки высокого исчезали в зазубренной дырке на месте лобового стекла. Коротышка возился с дверной ручкой, но то, как он двигался, навело Уила на мысль, что ему трудно подчинить себе свои руки. Изнутри салон приобрел странные формы. Уил попытался спихнуть что-то со своего плеча, но это оказалось крышей.

Коротышкина дверца взвизгнула и замерла. Снаружи появился высокий и открыл ее. Коротышка выбрался и оглянулся на Уила:

— Вылезай.

Тот покачал головой.

Коротышка чертыхнулся, отошел, и в проеме появилось лицо высокого.

— Эй, Уил. Уил. Посмотри направо. Наклонись немного вперед. Вот так. Видишь?

Боковое стекло было затянута паутиной трещин, но через него Уил все же смог разглядеть машину, которая атаковала их. Это был белый джип. Его перёд был смят о стену. Из-под вывернутых передних колес поднимался пар. На заднем стекле была наклейка: «Вирджиния — для влюбленных».

— Твоя девчонка, Уил, только что пыталась убить нас. Она направила свою тачку прямо на нас. Не знаю, видно тебе оттуда или нет, но она даже не удосужилась пристегнуть ремень — так спешила. Сейчас она мертва.

— Нет, — сказал он.

— Да, и тебе надо вылезать из машины, потому что за нею придут другие. Места павших

всегда занимают новые.

Уил вылез из машины. Он собирался врезать этому типу, сбить его с ног и, возможно, придушить, посмотреть, как мутнеет его взгляд, но что-то обхватило его запястья. Когда он сообразил, что коротышка надел на него наручники из белой пластмассы, было поздно. Высокий подтолкнул его.

— Вперед.

— Нет! Нет! Сесилия!

— Быстрее, — сказал высокий.

— Я убью тебя, — сказал Уил.

Коротышка, придерживая свой автомат, потрусил впереди них. Его голова поворачивалась то в одну сторону, то в другую. Он, вероятно, высматривал девушку, ту, которую они называли то ли Райн, то ли Рейн. Девушку, которая стояла, будто приклеенная к асфальту, которая словно могла взглядом остановить машину.

— Там, в ангаре, фургон, — сказал он. — Может, даже с ключами.

Приблизились какие-то люди в касках и комбинезонах. Коротышка заорал, чтобы те легли на пол и не двигались. Высокий распахнул дверцу белого фургона и затолкал Уила внутрь. Тот быстро развернулся, чтобы, когда высокий полезет в салон вслед за ним, врезать ему по горлу, но его внимание отвлекло нечто голубое в боковом зеркале. Он пригляделся. Это голубое было возле искореженного джипа. Голубое платье.

Боковая дверца фургона отъехала в сторону, и в машину забрался коротышка. Он посмотрел на Уила:

— Что?

Уил ничего не сказал. Высокий завел двигатель. Уил и не заметил, как оказался в машине.

— Подожди, — сказал коротышка. — Он что-то увидел.

Высокий повернулся к нему:

— Это так?

— Нет, — ответил Уил.

— Черт, — сказал коротышка и выскочил из машины. Уил услышал его шаги.

Он не хотел смотреть в боковое зеркало, потому что высокий наблюдал за ним. Однако все же бросил в него быстрый взгляд и ничего не увидел. Прошло несколько мгновений. Девушка в голубом платье пронеслась мимо окна Уила. Ее светлые волосы развевались на ветру. Раздался грохот выстрела. Девушка мешком повалилась на бетон.

— Не двигаться, — сказал высокий Уилу.

Из-за фургона появился коротышка и посмотрел на них. Из дула его автомата поднимался дымок. Он перевел взгляд на девушку и издал короткий, лающий смешок.

— Попалась!

Уил видел ее глаза. Она лежала ничком, волосы закрывали ее лицо, но он все равно смог разглядеть, что у нее глаза такого же цвета, как голубое платье. По бетону растекалась темная кровь.

— Попалась, чтоб ей пусто было! — сказал коротышка. — Срань господня!

Высокий поддал газу:

— Поехали.

Коротышка взмахнул рукой: «Подожди». Он взял девушку на мушку, как будто она могла встать, и приблизился к ней. Она не двигалась. Коротышка оглянулся на фургон и

просиял:

— Да у нас тут поэт!

Веки девушки дрогнули. Ее губы приоткрылись.

— *Контрекс хело сиг раттрак*, — сказала она, или что-то в этом роде. — Убей себя.

Коротышка приставил дуло автомата к своему подбородку и нажал на спусковой крючок. Его голова откинулась назад. Высокий резко распахнул дверь фургона и поднял к плечу обрез. И разрядил его в девушку. Ее тело дернулось. Высокий прошел вперед, поменял магазин с пустого на полный и снова стал стрелять. По ангару разнесся грохот.

К тому моменту, когда высокий вернулся к фургону, Уил уже почти вылез из машины.

— Назад, — сказал высокий.

В его глазах плескалась смерть, и Уил ясно увидел, что отныне они оперируют абсолютными понятиями. Они обменялись осознанием этого. Уил забрался в машину. Сцепленные руки вдавились ему в спину. Высокий сдал назад, объехал тела и на большой скорости устремился в ночь. Он ничего не говорил и не смотрел в сторону Уила. Тот без всякой надежды наблюдал, как за окном мелькают здания. Возможно, у него и были шансы сбежать, но теперь они исчерпаны.

Стрелок из аэропорта: «Не для чего стало жить»

Портленд, шт. Орегон. Как вчера рассказали друзья и родственники техника, который застрелил двух человек и потом покончил собой и из-за которого Международный аэропорт Портленда на восемь часов прекратил работу, он страдал от депрессии, вызванной разрывом с женой.

Амелио Гонзалес, 37 лет, признался своему другу, что ему не для чего стало жить после того, как три месяца назад суд присудил опеку над двумя его детьми, 11 и 7 лет, бывшей жене, Мелинде Гонзалес.

Известно, что мистер Гонзалес обращался за медицинской помощью, и ему было назначено лечение антидепрессантами.

Коллеги мистера Гонзалеса до сих пор не могут поверить в случившееся и отзываются о нем как о дружелюбном, великодушном человеке, который всегда старался помочь другим.

«Амелио был чертовски хорошим парнем, — сказал Джероним Уэббер, который два последних года вместе с мистером Гонзалесом работал в подразделении технического обслуживания и эксплуатации воздушных судов. — Немного молчаливым, хотя у любого на его месте снесло бы крышу [подобными обстоятельствами]. Но уж такого я от него меньше всего ожидал».

Руководство аэропорта защищает свою кадровую политику, утверждая, что все сотрудники регулярно проходят обследование у психологов. Что касается мистера Гонзалеса, то с ним психолог беседовал всего четыре недели назад.

«Мы делаем все возможное, чтобы выяснить обстоятельства случившегося, — говорит Джордж Афтеркок, начальник службы безопасности Международного аэропорта Портленда. — Мы хотим понять, по каким причинам образцовый работник вдруг сорвался».

В субботу Амелио Гонзалес застрелил двух человек. Третья жертва, женщина, разбилась в автомобильной аварии, когда пыталась спастись. Их имена пока не названы.

Изначально считалось, что к стрельбе, устроенной Гонзалесом, имеет отношение и

случившееся чуть ранее происшествие, когда взбудораженный чем-то мужчина бежал через зал прибытия, однако потом было установлено, что эти события никак не связаны.

Пост № 16

В ответ на: [http://nationstates.org/pages/topic — 8724511-post-16.html](http://nationstates.org/pages/topic—8724511-post-16.html)

Итак: в моем городе мы потратили \$1,6 миллиарда на новую систему билетного контроля для электричек. Мы заменили бумажные билеты на смарт-карты, и сейчас через них они могут определить, где люди садятся и где сходят. Поэтому вопрос: стоило ли тратить на это \$1,6 миллиарда?

Люди говорят: все дело в том, что власти некомпетентны. Ладно. Но такое происходит повсюду. Все транзитные сети принимают смарткарты, в бакалейных лавках записывают имена, в аэропортах устанавливают камеры с распознаванием лиц. Правда, эти камеры не срабатывают, когда люди пытаются уклониться от них. Например, их можно обдурить, надев очки. Мы ЗНАЕМ, что они неэффективны как средство борьбы с террористами, но все равно продолжаем устанавливать.

Все это — смарт-карты, системы обнаружения вторжения, технологии спутникового мониторинга автотранспорта для объезда пробок — весь этот кошмар не делает то, для чего он официально предназначен, потому что любой сможет уклониться от этих систем, если на самом деле того захочет. Они полезны только для того, чтобы отслеживать остальных из нас, 99,9 % тех, кто пользуется смарт-картами или чем-то подобным и позволяет отслеживать себя исключительно потому, что так проще.

Я один из таких — я не свернут на частной жизни и прочем в таком роде, и мне плевать, что эти организации хотят знать, куда я хожу и что покупаю. Меня волнует другое: на что все они ГОТОВЫ ради получения этих данных, сколько денег тратят и почему отказываются признать, что именно эти данные им и нужны. То есть получается, что информация по каким-то причинам стала очень ценной штукой, и мне интересно, для кого и почему.

— Гм, — произнес парень в бейсболке с длинным козырьком, так любимой дальнобойщиками. — Думаю... нет... секундочку...

— Не торопитесь, сэр, — сказала Эмили. — Дама никуда не денется. Ей, с ее юбками, вполне комфортно там. Она будет ждать вас весь день. — Она улыбнулась мужчине, стоявшему позади дальнобойщика. Мужчина улыбнулся ей в ответ, вспомнил о своей жене и нахмурился. Значит, этот парень отпадает.

— Слева, — сказала женщина в свитере с надписью «Я♥САН-ФРАНЦИСКО». Ее взгляд переметнулся на Эмили. — Я думаю.

— Вы думаете? — спросил дальнобойщик.

— Я абсолютно уверена.

Эмили подмигнула женщине. «*Все правильно*». Женщина едва заметно улыбнулась, явно довольная.

— Ну, не знаю, — сказал дальнобойщик. — Думаю, посередине.

— Дама очень шустрая, сэр. Нет ничего постыдного в том, что вы не поспеваете за нею. Ну, еще одна попытка.

— Посередине, — сказал дальнобойщик, потому что «*Еще одна попытка*» означало: «*Хватит, Бенни*».

Бенни, естественно, не был дальнобойщиком. Он нашел эту бейсболку в переулке. Но в ней, сильно надвинутой на глаза, и с всклокоченной бородой песчаного цвета он действительно походил на дальнобойщика.

— Ну, а теперь вы уверены? Вы же получили подсказку от этой госпожи.

— Теперь точно посередине.

— Как скажете, сэр. — Эмили перевернула среднюю карту. Толпа загудела. — Сожалею, сэр. Она сбежала от вас. — От нее потребовалась определенная ловкость, чтобы передвинуть даму слева направо, сделать Мексиканский переворот, но у нее все получилось. — А дама — слева, как и говорила та госпожа. Надо было прислушаться. А вы глазастая, сударыня... Очень глазастая. — Она перемешала карты, сгребла их и принялась перебрасывать из руки в руку, быстро, но не слишком. Толпа начала редеть. Эмили заправила за ухо прядь светлых волос. На ней была шляпа с цветастыми вставками и обвисшими полями, которые ей все время приходилось поднимать вверх, чтобы они не падали на глаза. — Хотите попробовать, сударыня? Всего два доллара. Для вас нет ничего проще, если вы такая глазастая.

Женщина колебалась. Всего одна игра. Иногда Эмили позволяла выигрывать в первой игре, чтобы разжечь желание играть, играть и играть. Но этот прием срабатывал только с определенным типом людей. И все же — два доллара... Два доллара — это хорошо.

— Играю.

Это сказал молодой человек с длинными волосами в дешевом, почти черном костюме и бледно-желтом галстуке. С нагрудного кармана рубашки свисала бирка с именем. Их было четверо — еще два парня и девушка, — все одинакового вида, похожие на студентов на каникулах или на летних работах. Видимо, продавцы, торгуют какими-нибудь дешевыми подделками. Не копы. Копов бы она вычислила. Здесь, на пирсе, копы — это постоянная угроза. Она усмехнулась. Женщина в свитере ушла, ну и пусть. Парень в дешевом костюме

лучше. Значительно лучше.

— Отлично, сэр. Подойдите поближе. Вы сделали мне большое одолжение. Та госпожа могла бы обчистить меня до нитки.

— Возможно, я тоже обчищу тебя, — сказал парень.

— Ха-ха. Ну, вы и краснобай. Но это замечательно, сэр. Говорите сколько вам захочется. За разговоры денег не берем. А вот за игру — два доллара.

Он бросил две купюры на карточный столик Эмили. Она обнаружила, что он раздражает ее, хотя не понимала почему, ведь молодые парни, вроде этого, заносчивые, красующиеся перед публикой, — это золотая жила. Они всегда будут проигрывать и удваивать ставки. Достаточно изредка давать им выигрывать, чтобы они не сорвались и не обвинили тебя в мошенничестве. Если умно к ним подойти, они будут играть весь день. И только потому, что гордость не позволит им выйти из игры, когда они окажутся в полном проигрыше. Однажды, месяца два назад, Эмили «обула» вот такого же типа на сто восемьдесят долларов, причем большую часть денег выиграла в последней игре. У него на шее вздулись вены, глаза налились кровью — Эмили отлично видела, как сильно ему хочется врезать ей, но вокруг была толпа... В тот вечер она поела.

Эмили бросила на стол даму и два туза.

— Поймайте ее, если сможете. — Она принялась мешать карты. — Даме нравится физическая нагрузка. Всегда совершает утренний моцион. Только вот вопрос: где она гуляет? — Парень даже не смотрел на карты. — Трудно выиграть, если вы не смотрите, сэр. Очень сложно. — На его бирке было написано: «Привет! Я Ли!». А ниже: «Агент по авторизованному анкетированию». — Ли, правильно? А вы молодец, Ли, если можете отследить даму не глядя. Мастер.

— Мастер, — ответил он, улыбаясь и не спуская с нее глаз.

Эмили была полна решимости забрать у Ли два доллара. Если он сделает новую ставку, она заберет и ее. Потом предложит ему удвоить ставку и заберет его деньги. Она будет безжалостна, она не даст ему выиграть ни одной игры, потому что Ли — козел.

Толпа загудела. Эмили мешала карты слишком быстро. Она остановилась. Убрала руки. Толпа засмеялась, кто-то захлопал в ладоши. Эмили учащенно дышала.

— Ну, — сказала она. — Посмотрим, какой вы мастер, Ли.

Он так ни разу не взглянул на карты. Парень позади и справа от него — специализация маркетинговые исследования — лучезарно улыбнулся ей, как будто только что заметил ее. Другой парень тихо сказал девушке: «Хорошего в этом то, что я именно там, где и хочу быть, на лучшем из всех возможных мест», — а девушка кивнула и сказала: «Это точно, ты прав».

— Справа, — сказал Ли.

«Неправильно».

— Вы уверены? Хотите подумать? — Но ее руки уже двигались, готовые предъявить доказательства ее победы. — Последний шанс...

— Дама справа, — сказал он, и когда Эмили прикоснулась к картам, она почувствовала, как ее пальцы движутся вправо. Ее левая рука метнулась вперед в жесте, который был нацелен только на то, чтобы отвлечь внимание, а правая подсунула одну карту под другую.

Раздались редкие аплодисменты. Эмили изумленно уставилась на стол. Червовая дама была справа. Она поменяла их местами. В последний момент она поменяла их местами. Не зачем?

— Отлично, сэр. — Эмили заметила, что Бенни встал и огляделся в поисках копов; он,

без сомнения, пытался понять, что она, черт побери, делает. — Мои поздравления. — Она сунула руку в свой мешочек с деньгами. Два бакса. А разница между проигрышем и выигрышем — четыре. Это целый обед. Или ужин. Полный расчет за ночь с «химической радостью». Она вытащила купюры и, когда Ли взял их, ощутила боль. Он спрятал их в бумажник. Девушка посмотрела на часы, из пластмассы и блестящие. Один из парней зевнул. — Еще одна игра? Может, удвойте ставку? Такие, как вы, любят играть на серьезные деньги. Я права? — Она машинально произносила эти слова, ее голос звучал напряженно, потому что она знала, что проиграет ему.

— Нет, спасибо. — Вид у него был скучающий. — Мне здесь ничего не нужно.

* * *

— Что за черт? — спросил Бенни.

Эмили шла вперед, ссутулившись, на спине болтался рюкзак с Пикачу^[1], поля шляпы качались в такт шагам. Солнце уже садилось, но от нагретого тротуара волнами поднимался жар.

— Не хочу говорить об этом.

— Ты никогда не позволяла типам вроде этого выигрывать первую игру. — Бенни нес стол. — Ведь на этом все кончается. Таким плевать на деньги. Главное для них — обыграть тебя. Ты дала ему то, что он хотел.

— Я перепутала карты, ясно? Я перепутала карты.

— Тот парень собирался играть. — Бенни наподдал пластмассовую бутылку. Та пролетела через тротуар и покатила по проезжей части, где ее с хрустом переехала машина. — Его запросто можно было сделать на двадцатку. Может, даже на пятьдесят.

— Ну, да.

Бенни остановился. Эмили тоже остановилась. Хороший он, этот Бенни. До поры до времени, пока не становится нехорошим.

— Ты серьезно?

— Серьезно, Бенни. — Она потянула его за руку.

— Пятьдесят баксов.

— Ага. Пятьдесят баксов. — Эмили знала: это взбесит Бенни, но ничего не могла с собой поделать. Иногда на нее накатывало, и она начинала упорствовать в своей неправоте.

— Что?

— Пошли. — Она потянула его за руку. Он стоял как вкопанный. — Найдем что-нибудь поесть. Я приготовлю что-нибудь.

— Да пошла ты.

— Бенни...

— Пошла ты! — Он вырвал руку, бросил стол на тротуар и сжал кулаки. Проходивший мимо мужчина в рубашке и галстук посмотрел на нее, потом на Бенни и отвел взгляд. «Спасибо, приятель». — Пошла прочь!

— Бенни, не надо.

Он шагнул к ней. Эмили попятилась. Когда он бьет, то бьет со всей силы.

— Не смей идти за мной.

— Замечательно, — сказала она. — Боже, до чего же замечательно. — Выждала, когда

его злость истощится, и протянула руку. — Отдай мне хотя бы мои деньги. Я сегодня заработала сто двадцать, отдай мне половину.

А потом она побежала, потому что по глазам Бенни поняла, что снова довела его. Рюкзак с Пикачу бил ее по спине, шляпа слетела, но Эмили не стала поднимать ее, оставила валяться на тротуаре. Когда она добежала до угла, Бенни был в полуквартале от нее. Он еще какое-то время преследовал ее, но недалеко. Она радовалась, что ей удалось сохранить свой рюкзак. В нем была куртка.

* * *

Эмили спала в Глисонс-парке, под живой изгородью, которую люди не замечали и в которой имелись проходы с двух сторон. Она проснулась в полночь от сладострастных воплей. Парочка была ей незнакома, да и сношалась слишком далеко, чтобы представлять угрозу. Эмили закрыла глаза и заснула под «сука», «дрянь» и «моя». А потом наступил рассвет, и какой-то алкаш писал ей на ногу.

Она вскочила.

— Ублюдок. Ублюдок.

Мужик попятился.

— Извиняюсь, — запинаясь, произнес он.

Она осмотрела себя. Брызги на брюках, ботинках.

— Вот козел.

— Я... не... видел.

— Черт, — бросила Эмили, вытащила из изгороди свой рюкзак и отправилась в туалет.

* * *

Общественный туалет располагался в углу парка. Если бы можно было, она бы туда не пошла, но солнце уже начинало пригревать, и ее брюки все сильнее пованивали мочой. Держа ботинки в руке, Эмили обошла заведение и дождалась, когда оно опустеет, а потом остановилась в дверях и задумалась. Только один выход — это беда всех общественных туалетов. Один выход, и кричать можно до посинения — никто не придет на помощь. И все же она вошла. Проверила замок, починили ли его с тех пор, как она была здесь в последний раз. Нет. Эмили сняла брюки и вместе с носками сунула их под воду. От мертвого, бетонного воздуха кожа покрылась мурашками. Она то и дело косилась на дверь, потому что у нее было не очень хорошее положение на тот случай, если кто-то войдет. Но никто не вошел, и Эмили, преисполнившись уверенности, подняла ногу и сунула ее под кран. Диспенсер для бумажных полотенец был пуст, и ей пришлось вытираться тончайшими, почти прозрачными квадратиками туалетной бумаги.

Эмили открыла свой рюкзак. А вдруг в нем, пока она спала, материализовалась новая одежда? Нет. Она закрыла рюкзак и изо всех сил выжала джинсы. Вот было бы здорово, если бы она могла разложить их на траве в парке, с голыми ногами лечь рядышком, закрыть глаза и понежиться на солнышке, пока они сушатся... Они бы впитывали в себя его тепло. Она и ее джинсы. Может, в другой раз. И в другой вселенной... Эмили принялась натягивать на

себя мокрые штаны.

* * *

Она шла по Флит, и от голода у нее скручивало желудок. Для благотворительных столовых час был слишком ранний. Эмили прикинула, к кому бы из знакомых нагрнуть. Может, и Бенни уже остыл... Она покусала губу. Она чувствовала себя макмаффином.

И тут она увидела его, Ли, длинноволосого и в дешевом костюме, Ли, который забрал ее два доллара. Он стоял на углу с бюваром в руке и, фальшиво улыбаясь, обращался к прохожим. Он занимается маркетинговыми исследованиями, вспомнила она, — кажется, это было написано на его бирке. Эмили стала наблюдать за ним. Почему-то она считала, что он в долгу перед ней.

Когда она подошла, его взгляд на мгновение оторвался от мужчины, которому он задавал вопросы, и метнулся на нее.

— Ты задолжал мне завтрак, — сказала Эмили.

— Большое спасибо, — поблагодарил Ли мужчину. — Ценю, что согласились уделить мне время. — Он записал что-то в бюваре и перевернул страницу. Закончив, улыбнулся Эмили. — Темная личность.

— Я дала тебе выиграть, — сказала она. — Я пожалела тебя. Купи мне макмаффин с яйцом.

— Разве это ты дала мне выиграть?

— Ладно, не придуривайся. Я профессионал. У меня никто не выиграет, пока я сама не разрешу. — Эмили улыбнулась. Она никак не могла понять, как он реагирует на ее слова. — Давай по-честному. Я есть хочу.

— А мне казалось, что профессионал в состоянии купить себе макмаффин с яйцом.

— Это верно, — сказала она, — но я разрешаю тебе заплатить за меня, потому что мне нравится твоя физиономия.

Ее слова, кажется, позабавили Ли. Это было первое доброжелательное выражение, что она увидела на его лице.

— Ладно. — Он зацепил ручку за край бювара. — Вот что я тебе скажу: я куплю тебе макмаффин с яйцом.

— Два, — сказала Эмили.

* * *

Она откусила от сэндвича. Как ей и представлялось, это была вкуснятина. Напротив нее за столом сидел Ли, раскидав руки по спинке дивана. Снаружи на покрашенной в неоновые цвета детской площадке визжали и гонялись друг за другом детишки. У кого хватает мозгов кормить детей завтраком в «Макдоналдсе»? Хотя кто дал ей право судить... Она отпила кофе.

— Ты действительно голодна, — сказал Ли.

— Трудные времена. — Эмили тщательно прожевала кусок. — Экономическая ситуация.

Ли не ел.

— Сколько тебе?

— Восемнадцать.

— Я серьезно.

— Восемнадцать. — Ей было шестнадцать.

— По виду не скажешь, что ты уже в том возрасте, когда разрешается жить самостоятельно.

Эмили пожалала плечами, разворачивая следующий сэндвич. Ли купил ей три плюс кофе и картофельные оладьи.

— Да я в порядке. Справляюсь. А тебе сколько?

Он наблюдал, как она жадно поедает сэндвич.

— А почему ты захотела макмаффин?

— Я почти целый день ничего не ела.

— Нет, почему именно макмаффин?

— Он мне нравится.

— Почему?

Эмили внимательно посмотрела на него. Глупый вопрос.

— Просто нравится.

— Ясно. — Впервые за все время он отвел от нее взгляд.

Ей не хотелось говорить о себе.

— Ты откуда? Ты же не отсюда.

— А как ты определила?

— Дар у меня такой.

— Ну, — сказал он, — ты права. Я путешествую. Из города в город.

— И просишь людей заполнять анкеты?

— Верно.

— Ты, наверное, спец по этому делу, — сказала Эмили. — Настоящий мастер по уговариванию людей заполнять анкеты. — Его лицо не дрогнуло. Она не понимала, почему ей так хочется уколоть его. Он же купил ей еды. И все-таки он ей не нравился. А чтобы понравился, макмаффинов было мало. — Что привело тебя в Сан-Франциско?

— Ты.

— Да? — Эмили надеялась, что это не та ситуация, когда надо срываться и бежать. Она уже набегалась. Только разделившись с последним макмаффином, она принялась за картофельные оладьи — ведь главное было сначала разделаться с сэндвичами.

— Не ты конкретно. А те, что типа тебя. Я ищу людей, которые умеют убеждать и которых нельзя *скомпрометировать*.

— Что ж, в «яблочко», — сказала она, хотя не знала, что значит «скомпрометировать».

— К сожалению, ты не оправдала ожиданий.

— Я не оправдала?

— Ты позволила мне забрать твои деньги.

— Ха, так то был выигрыш для заманухи. Я сразу сказала. Хочешь попробовать еще раз? — Он улыбнулся. — Я серьезно. Второй раз ты уже не выиграешь. — Эмили была настроена решительно.

— Гм, — произнес Ли. — Ладно, дам тебе еще один шанс.

Ее карты остались у Бенни. Но она найдет другие, потом вынудит этого парня поставить

сотню, предложит отследить масть, и когда банкнота коснется стола, она схватит ее и убежит. А потом отправится к Бенни и подразнит его. «*Говоришь, парня можно было раскрутить на двадцатку?*» Ей нравилось, с каким выражением лица он встречал ее, когда она приносила ему деньги. «*А может, на полсотни?*»

— Давай я допью кофе, схожу в магазин на той стороне улицы...

— Не в карты. У нас будет другой тест.

— О, — с сомнением протянула она. — И какой же?

— Например, попробуй не отсосать.

Возможно, она ослышалась, или это был оборот речи. Возможно, Ли имел в виду: «Попробуй не послать меня». Вокруг было много народу, так что пока опасаться было нечего. Но все равно надо было найти способ отделаться от него.

— Вообще-то моя работа состоит не в том, чтобы проводить опросы. Моя работа — тестировать людей. Проводить собеседования, как при приеме на работу, но так, чтобы человек ни о чем не догадывался.

Эмили проглотила последний кусок оладьи.

— Ну, спасибо, что подумал обо мне, но я, видишь ли, вполне счастлива тем, что у меня есть. И все равно спасибо. — Она допила кофе. — Спасибо за завтрак. — Она потянулась к рюкзаку.

— За это платят.

Она заколебалась:

— Сколько?

— А сколько ты хочешь?

— Сейчас я зарабатываю пятьсот в день, — ответила Эмили, что было вопиющей ложью, естественно. Она зарабатывала от нуля до двухсот долларов в день и делилась ими с Бенни.

— Там было бы больше.

— На сколько?.. — Эмили осадилась. О чем она только думает? У него на руке пластмассовые часы. Он предложит ей зайти в какую-нибудь грязную квартиру, а потом запрет дверь... Не будет там никакой работы. — Послушай, дело в том, что мне пора идти.

Ли достал из кармана бумажник и открыл его. Эмили еще вчера заметила, что там у него не больше двадцати долларов. Он расстегнул молнию на еще одном отделении и швырнул на стол купюры. Она изумленно уставилась на них. Их было множество.

— Мы одеваемся в дешевое, потому выглядели бы странно, если бы стояли на углу улицы в костюмах за десять тысяч баксов.

— Ясно, — сказала Эмили, практически не слушая его.

— Оставь в покое рюкзак.

Она посмотрела на него. Очевидно, Ли по ее лицу понял, что она подумывает о том, чтобы схватить деньги и со всех ног броситься прочь. Она разжала руку, державшую рюкзак.

— Ты получаешь авиабилет первого класса до головного офиса в округе Колумбия. Проводишь там одну неделю, решая всякие тесты. Если ты пройдешь, тебя возьмут на работу с начальной зарплатой в тысячу двести долларов. Если нет, мы самолетом отправляем тебя домой с пятью тысячами в конверте за хлопоты. Как тебе это?

— Жульничество.

Ли рассмеялся:

— Знаю. Действительно, выглядит как жульничество. Я тоже так подумал, когда они

мне все это предложили.

Эмили продолжала смотреть на деньги на столе. Она не хотела на них смотреть, но ничего не могла с собой поделать.

— Ты ходила в школу, — сказал Ли. — И в какой-то момент обнаружила, что тебя там все не устраивает. Что тебя учат тому, на что тебе наплевать. Заставляют заучивать даты, решать уравнения, рассказывают всякую ерунду про умерших президентов... Но не учат убеждению. Твоя способность убеждать людей — это единственный и самый важный детерминант качества твоей жизни, а они даже не затрагивают эту тему. А мы учим этому. И ищем студентов с природными способностями.

— Ладно, — сказала Эмили. — Мне интересно. Я беру билет.

Ли улыбнулся. Она вспомнила его слова насчет отсосать. Она, должно быть, и в самом деле неправильно поняла его. Сейчас он наверняка захочет, чтобы она сделала ему минет в обмен на авиабилет. Если так, тогда все ясно. Интересно, а там действительно есть работа? Он из тех, кому хочется верить.

— Покажи мне что-нибудь, — сказала Эмили. — Какой-нибудь документ.

Парень выложил перед ней визитную карточку. Его полное имя было Ли Боб Блэк. Она сунула карточку в рюкзак. У нее полегчало на душе. С карточкой она сможет позвонить начальнику Ли и рассказать, о чем тот просил ее в обмен на устройство на работу. Будем надеяться, что компания крупная и захочет избежать публичного скандала. Будем надеяться и на то, что там действительно есть работа.

— Ну вот, ты знаешь, кто я, — сказал Ли. — А кто ты?

— Эмили.

— Кого ты предпочитаешь, кошек или собак?

— Что?

— Кошек или собак? Кого ты предпочитаешь?

— А тебе какое дело?

Он пожал плечами:

— Я просто так спросил, чтобы поддержать беседу.

— Терпеть не могу кошек. Уж больно они подлые.

— Ха, — произнес он. — А какой твой любимый цвет?

— Это у тебя такая манера поддерживать беседу?

— Просто ответь на вопрос.

— Знаешь, я, как спец по всяким беседам, заявляю, что у тебя это здорово получается, — сказала она. — Черный.

— Закрой глаза и выбери число от единицы до ста.

— Это из твоих анкет?

— Да.

— Ты изучаешь меня? Это тест?

— Отчасти.

— Я не буду закрывать глаза. Тридцать три.

— Ты любишь свою семью?

Эмили ошеломленно замерла.

— Ты серьезно? Думаешь, я оказалась бы здесь, если бы имела хорошую семью? — Она почти встала, но осталась сидеть. — Нет.

— Ладно, — сказал Ли. — Последний вопрос. Зачем ты это сделала?

Она изумленно уставилась на него.

— Не придумывай ответ, — сказал Ли. — Я смогу это определить, и результаты теста придется аннулировать.

— Это ведь не вопрос, а фуфло, да?

— В каком смысле?

— Ты не знаешь, о чем спрашиваешь. И хочешь, чтобы я думала, будто знаешь.

Он пожал плечами.

— Все это выглядит совсем не как изучение.

— Это тест на определение личности.

— Это сайентология?

— Нет.

— «Амвэй»^[2]?

— Честно говорю, это не «Амвэй». Это то, о чем ты никогда не слышала. Эмили, мы почти закончили. Какой твой ответ?

— На твой фуфловый вопрос?

— Ты не обязана мне верить. Тебе нужно просто дать честный ответ.

— Замечательно, — сказала она. — Я сделала это, потому что мне захотелось.

Ли кивнул.

— В этой работе есть один неутешительный момент. Люди всегда оказываются менее интересными, чем ты надеешься.

Прежде чем Эмили успела решить, оскорбил он ее или нет, парень произнес набор слов. Они проплыли мимо нее и растворились. На нее будто что-то накатило.

— Иди в туалет, — сказал он. — Жди меня там.

* * *

Эмили пошла к стойке. Она не взяла с собой рюкзак, но в этом не было ничего страшного. Ли приглядит за ним. Она попросила у парня за стойкой ключ от туалета. Тот внимательно оглядел ее, но ключ дал. Кабинка была всего одна. Она опустила крышку сиденья и села на нее.

Через минуту дверь открылась и вошел Ли, на ходу говоря по телефону. Ее сердце гулко забилось. А он ничего, красив. И нравится ей все больше. Ей даже нравятся его волосы. Она почти влюбилась в него.

— Да, — сказал Ли своему телефону. — Эй, а вот и мы. Еще одно задание. — Он встал перед ней. Эмили наблюдала, как он возится со своей «молнией». Она находилась в очень интересном месте, там, где она как бы присутствовала и при этом была далеко. Все вокруг вызывало любопытство и веселое удивление. Ли прижал телефон щекой к плечу, запустил руки в брюки и достал свой пенис. Тот оказался длиннее, чем она ожидала. Он закачался перед ней, загигаясь вверх. — Я сейчас с ней, — сказал Ли. — На какое-то мгновение мне показалось, что там что-то есть. — Он прикрыл телефон ладонью. — Бери его в рот.

Эмили обхватила его пенис и открыла рот. И подумала: «Подожди! С какой стати?»

— Знаю, — сказал Ли. — Всегда пожалуйста. — Он рассмеялся. Пенис запрыгал у нее в руке.

Эмили ударила его по яйцам. Ли взвыл. Она попыталась пнуть его, но он уже пятился, и

она лишь скользнула ногой по его колену. Затем подскочила к двери и распахнула ее. В ее сторону повернулись головы.

— Извращенец! — закричала Эмили обращенным к ней лицам. — Там маньяк! — Она схватила свой рюкзак. Ни один человек не шевельнулся. — Маньяк! — еще громче заорала она и побежала.

* * *

В переулке мальчишки в бейсболках продавали и покупали наркотики, или пели что-то в духе «фрестайл», или занимались тем, чем всегда занимались, и один из них шагнул к ней навстречу и расставил руки. Эмили пронеслась мимо него. Рюкзак мотался в руке. Она пробежала три квартала, прежде чем почувствовала себя в относительной безопасности и остановилась, чтобы проверить, преследует ее Ли или нет. Бросив рюкзак на землю, она наклонилась и уперлась руками в колени, чтобы отдышаться. Мимо шли люди. Что это было? Эмили помнила детали, но вместе они не складывались в четкую картину, были какими-то бессмысленными. Она не знала, о чем думала в те мгновения.

Затем подняла голову. Ли, с перекошенным лицом, ковылял к ней, прижимая руку к паху. Она быстро выпрямилась. На той стороне улицы девушка с длинными каштановыми волосами и в дешевом костюме ступила на проезжую часть, отшатнулась от проезжавшей мимо машины и побежала к ней через дорогу. Она двигалась под таким углом, что не смогла бы преградить путь Эмили, зато вынудила бы ее сдвинуться восточнее. При виде всего этого у Эмили в голове забились тревожные колокола: у тех, кто так делает, есть соратники. Она вытянула шею и разглядела еще двух парней с бьюарами и в костюмах; оба типа шли прямо на нее.

— Помогите! — проговорила Эмили, ни к кому конкретно не обращаясь, и, естественно, ей никто не помог.

Она увидела еще один переулок и устремила к нему. Рюкзак соскользнул с плеча. Она запаниковала, но позволила ему упасть, что было самой настоящей катастрофой, потому что без рюкзака у нее не было ничего. Теперь ей придется полагаться на людей. Она бежала мимо бизнес-центра, и когда из вращающихся стеклянных дверей вышла очень красивая деловая пара, она подумала, а не забежать ли туда, в этот чистый, безопасный, пронизанный духом товарищества мир, из которого вышла пара. Но все равно ничего не получится: охранник, поставленный охранять этот мир от таких, как она, вытолкает ее наружу через ту же дверь. Поэтому она побежала дальше. Переулок повернул и превратился в подъездную аллею. Плохо, плохо. Аллея закончилась у запертых сдвижных ворот с надписью «Проезд не загоразивать. Зона погрузки». Эмили повернулась, собираясь бежать обратно, но они уже были тут. Один из парней держал ее рюкзак с Пикачу. Она сунула руку в карман джинсов.

— У меня газовый баллончик. — Эмили пятилась, пока не уперлась спиной в ворота. Вокруг много офисных окон — наверняка кто-то смотрит. Вот если она закричит... Вот если объявятся ангелы...

— Остановись, — сказала девушка. — Отдышись. — Стоявший рядом с ней Ли наклонился и сплюнул.

— Не подходите ко мне.

— Извини, что пришлось гоняться за тобой. Просто, честное слово, мы не хотели, чтобы

ты сбежала.

— Пошли вы все, гады! Чтоб вам провалиться! — сказала Эмили.

— Все в порядке. — Девушка усмехнулась. — Все в порядке, Эмили. Ты прошла тест.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Кому: Всем персоналу

От кого: Камерон Уинтерс

Привет, ребята! Спешу сообщить: нам все же ДАЛИ добро на выездной корпоратив на 29-е число, а это двойная ставка для всех поденных сотрудников! Крут наш головной офис!

Я уезжаю на долгие выходные, так что Мелани будет главной по работе с клиентами. И на свое 18-летие тоже (в субботу)!! Извини, Мелани, просто вылетело из головы!!!

И еще сто раз пожалуйста!! смотрите, кому даете ключи от туалета. У нас туда забрела наркоманка, и один парень, бедняга, нарвался на нее; она выскочила как ошпаренная, напугала клиентов, не очень-то приятное зрелище!!!

Всем пока

Колеса фургона съехали на разделительный газончик, и в салон хлынул свет от приближающейся фуры.

— Черт! — сказал высокий.

Взвыл клаксон. Уил почувствовал, как машина завихляла, сдаваясь на милость сил природы, потом колеса вцепились в асфальт и вывели их в свой ряд. Фура продолжала гудеть.

Интересно, подумал он, сильно он поранился бы, если б ногой выбил дверь и вывалился из машины на такой скорости. Наверное, сильно. Руки-то связаны.

— Черт, — сказал высокий. Секунду помолчал. — Черт.

Уил ничего не сказал.

— Как тебя зовут?

— Уил Парк.

— Да не сейчас! Раньше.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Когда ты жил в Брокен-Хилл, в Австралии. Как тебя тогда звали?

— Я никогда не жил в...

— Да я же слышу твой акцент!

— Я вырос в Австралии. В Мельбурне. Но никогда не бывал в Брокен-Хилл.

Высокий крутанул руль. Фургон пересек три ряда и замер на аварийной полосе. Высокий дернул ручник, взял обрез и стал вытаскивать Уила из машины. Тот сопротивлялся, и высокий дважды врезал ему прикладом. Уил повалился в снег. Когда он поднял голову, то обнаружил наставленное на него дуло.

— Думаешь, если ты не тот, кто мне нужен, я тебя отпущу? — сказал высокий. — А будет по-другому: если ты не неподдающийся, я пристрелю тебя и брошу твой труп в снег.

— Я неподдающийся.

— Полтора года назад где ты жил?

— В Брокен-Хилл.

— Где в Брокен-Хилл?

Мимо пронеслась машина.

— На Мейн-стрит.

— Ох, черт бы тебя драл, — сказал высокий.

— Объясните, что вам нужно. Я не знаю, чего вы хотите.

Высокий сел на корточки.

— Ты ездешь на «тауресе». Ты приехал в Штаты полтора года назад. А за год до этого ты жил в Брокен-Хилл. У тебя была собака.

Уил поежился.

Проехал грузовик и разметал ледяную крошку, которой была усыпана дорога.

— Не неподдающийся, — сказал высокий. И покачал головой. — Вот проклятье.

— Я очень сожалею.

— Забудь, — сказал он, вставая. — Поднимайся. Повернись.

— Что?

— Ты глухой?

Уил осторожно поднялся.

— Повернись.

Он повернулся.

— Иди.

— Куда?

— Неважно. Прочь от шоссе.

— Ладно, давай еще подумаем.

— Не пойдешь — я тебя пристрелю.

— Да не пойду я в лес, ты там меня пристрелишь!

— Замечательно, — сказал высокий, послышалось шуршание, и Уил пошел вперед. Он тут же провалился в снег. Снег был неглубоким, всего по щиколотку, но он сделал вид, будто там очень глубоко. — Быстрее.

— Я пытаюсь.

— А я пытаюсь не выстрелить в тебя, — сказал высокий. — Но мне все тяжелее себя сдерживать.

Он пробирался через снег, слой которого становился толще и толще. Его сознание напоминало огромный белый простор. Снежную равнину, лишённую каких-нибудь планов, кроме тех, которые заканчивались его смертью.

— Иди правее. А то ты все время пытаешься вернуться к шоссе.

Уил пошел. Впереди были деревья, жидкий лесок. Его убьют в этом леске. Его тело засыплет снег. Весной его сожрут лисы. Потом его обнаружат скауты и будут тыкать в его останки палками.

— Стоп. Хватит.

— Не стреляйте мне в спину! — Уил повернулся, проваливаясь в снег. Высокий был в десяти футах от него, не достижимый в высоких сугробах. — Оставьте меня здесь. Я все равно никуда быстро не доберусь. А вы спокойно уедете.

Высокий вскинул обрез и приставил приклад к плечу.

— Ну хотя бы... ради всего святого... подождите! Объясните мне, почему? Вы не можете просто так пристрелить меня! Это из-за того, что я не стал плясать под вашу дудку, да?

— Нет.

— Не стреляйте мне в лицо!

Высокий раздраженно фыркнул.

— Хорошо. Повернись.

— Ладно! Ладно! Только дайте мне... — Уил вытащил одну ногу из снега, опустил ее. У него текло из носа. — Ублюдок!

— Пять секунд — и я стреляю, — сказал высокий. — А ты пока встань так, как тебе нравится.

Уил повалился на землю, потому что теперь уже ничего не имело значения.

— Прости, Сесилия, мне жаль, что ты умерла. Я никогда не говорил тебе о любви, а должен был бы. Но «люблю» — это просто слово. Элементарное слово, которое я не смог произнести, а должен был бы. — Он скоро умрет. Этот мужик выстрелит и оставит его бездыханное тело в снегу. Так, наверное, лучше.

Время шло. Уил поднял голову. Высокий все еще был на месте.

— Что ты сказал?

— Что... я... так и не сказал Сесилии, что люблю ее. Я должен был сказать ей об этом.

— Ты сказал «элементарное слово».

Молчание затянулось. Он не выдержал.

— Так ты будешь стрелять в меня?

— Я над этим думаю.

У него скрутило кишки.

Высокий опустил обрез.

— Она заставила тебя забыть, — сказал он. — Ты действительно не знаешь, кто ты такой.

Уил сел, у него стучали зубы.

— Новый план, — сказал высокий. — Возвращайся к машине.

* * *

Мимо проносился мир, состоящий из съездов, эстакад, освещенных желтым светом заправок и деревьев в снежном уборе. Глухо стучали «дворники». У Уила дергался глаз. Водительское окно было приоткрыто, и в щель врвался разъяренный воздух.

Высокий покосился на него.

— Как ты? В порядке? Что-то вид изможденный. — Он неопределенно взмахнул рукой. — Лицо бледное.

Теоретически снег, сваленный на обочину шоссе, должен быть фута два глубиной. Велика вероятность, что он смягчит удар. Но потом придется бежать по снегу. Фургон с визгом затормозит. Распахнется дверца. Ничего хорошего из этого не получится.

Высокий подвигал рычажок.

— Печка не работает. А окно нужно держать открытым, чтобы не запотевало лобовое стекло.

В сущности, маловероятно, что ему удастся открыть дверцу ногами. В сущности, он не собирается ничего предпринимать, пока этот тип не съедет на обочину.

— Ты выглядишь так, будто у тебя гипогликемия, — сказал высокий.

А ведь можно ударить. Можно попытаться устроить аварию. Проблема в том, что этот тип пристегнут ремнем, а он — нет. Поэтому в аварии Уил пострадает гораздо сильнее, чем похититель. Так что этот план — только на крайний случай.

— Прекрати, — сказал высокий. — Ты никуда не побежишь, и хватит об этом думать.

Он посмотрел в боковое окно и сказал:

— На следующей заправке я остановлюсь. Куплю тебе конфеток.

* * *

Они свернули на ярко освещенную заправку и остановились у самой дальней от магазина колонки.

— Итак, — сказал высокий, — прежде чем мы двинемся дальше, усвой несколько основных правил. — Он щелкнул пальцами, потому что Уил не отрывал взгляда от магазина. — Запрещается сбежать. Звать на помощь. Тайком оставлять записки кассиру,

заглядывать в камеры наблюдения, проситься в туалет, а потом запирается там, и так далее и тому подобное. Если ты учудишь что-нибудь из перечисленного, мне придется, — он похлопал по обрезу, который стоял у него между ног, дулом в пол, — применить вот это. Ясно?

— Да.

— Не к тебе. Ты мне нужен. Я там насчитал троих. Хочешь, чтобы я пристрелил этих людей?

— Нет.

— Я тоже не хочу. Так что не вынуждай меня стрелять в них. — Высокий крутанул пальцем. — Поворачивайся.

— Зачем?

— Чтобы я мог разрезать веревку.

Путы ослабли. Несмотря на яростное сопротивление затекших плечевых мышц, Уил выставил руки перед собой и принялся растирать запястья. Со свободными руками, его взгляд на жизнь стал более оптимистичным.

— Вопросы есть? — спросил высокий.

— Ты кто?

— Том.

— Что?

— Я Том, — сказал он. — Ты спросил, кто я. Я Том.

Уил промолчал.

— Что ж, пошли за покупками, — сказал Том и открыл дверцу.

* * *

У соседних колонок стояли три машины: два седана и потрепанный пикап с техасскими номерами и задним стеклом, затянутым флагом Конфедерации. На бампере была наклейка: «НЕ МОЖЕТЕ НАЙТИ РАБОТУ? СКАЖИТЕ СПАСИБО НЕЛЕГАЛАМ». Уил думал, Том решит заправиться, но тот сразу пошел к магазину. Стекло двери разъехались, и они шагнули внутрь. Звучала музыка. В воздухе пахло чем-то сладким. Том потопал.

— Ну и ну, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Холодно сегодня.

Уил увидел журналы и шоколадные батончики. Рекламный плакат призывал купить хот-дог и слэш^[3] всего за два доллара. Ну разве его могут похитить рядом с таким заманчивым предложением? Нет, это невозможно. Ему нечего бояться за свою жизнь, пока он стоит в магазине и смотрит на хот-дог. Но Уил посмотрел на Тома; тот все еще был рядом, с обрезом, плохо скрытым пальто. Уила затошнило, и он снова перевел взгляд на хот-дог. Этот тип едва не пристрелил его. Еще несколько секунд — и его ошметки разметало бы по снегу. Сесилия мертва. «Кричи, — подумал он. — Разве может быть хуже?» Уил знал ответ. Но искушение было велико, пока он смотрел на хот-дог.

— Давай, — сказал Том, — бери что хочешь. — Он жестом обвел магазин.

Уил направился к огромной пирамиде из острых «Принглс». Оглянувшись, увидел, что Том подошел к журнальной стойке, рядом с которой стоял мужчина в красной клетчатой вязаной шапке с «ушами» и с подозрением поглядывал на дамочек под полиэтиленовой упаковкой.

— Здравствуйте, — сказал Том. — Пикап ваш?

Уил снова обратил взгляд на «Принглс». Обхватил пальцами один тубус. Тот был твердым и хорошо лег в руку. Уил не ждал от него неожиданностей и был благодарен за это. Он оглянулся на Тома. Тот, кажется, не обращал на него внимания. Поэтому Уил пошел дальше, завернул за стеллаж и оказался вне поля его зрения. На него навалилось желание присесть. Прикрыться батончиками и пакетиками. Выстроить из банок маленький форт. Уил продолжал идти. Взял упаковку шоколадных яиц. Впереди, над пакетиками из красной и зеленой фольги, мелькнул женский «хвост».

Он закрыл глаза. Том отвезет его в какой-нибудь стоящий на отшибе фермерский дом и убьет. Это же очевидно. Его найдут через восемь лет, похороненным под розами, — еще один скелет среди множества в ВАШИНГТОНСКОМ ДОМЕ КОШМАРОВ. Потому что Том — психопат. Вернее, нет: Том — это член некоей политически ангажированной группировки, вполне профессиональной и террористической. Но главное — Том убивает людей. Он уже убил девушку в голубом платье, перезарядил обрез и снова выстрелил в нее, а потом умерла Сесилия, и хотя Том не был причастен к этому напрямую, суть остается прежней: люди вокруг Тома умирают. Уил либо сбежит, либо тоже умрет. Он вдруг ощутил странное спокойствие. Ему понравилось устанавливать факты. Это позволяет принимать решения. Он поговорит с той женщиной. Как ему ни жаль, но он втянет ее во все это. Он пошепчет ей на ухо, и если ситуация обострится, то защитит ее. Это лучшее, что он может предложить.

Уил открыл глаза. Он был уверен, что Тому каким-то образом удастся следить за ним, а потом и убедился в этом, когда, оглядевшись, увидел в углу под потолком зеркало и Тома в нем. Том кивал мужчине в шапке, а тот зачем-то показывал ему сотовый телефон. Уил сделал вид, будто изучает картофельные чипсы.

Женский «хвост» направлялся к концу прохода, туда, где картонный лев предлагал бесплатную «Коку» при покупке свыше четырех долларов. Этот лев прикроет его, если он поторопится и перехватит женщину, и тогда у него будет целая секунда, чтобы незаметно поговорить с нею. Он тронулся с места. На полпути женщина остановилась, и Уилу тоже пришлось остановиться. Чтобы потянуть время, он принялся разглядывать батарейки, потом посмотрел в зеркало. Том все еще разговаривал. О чем можно столько времени говорить с незнакомым мужиком, Уил не представлял. «Хвост» пошел дальше. Уил двинулся за ним. Он заметил еще одно обзорное зеркало и предположил, что, возможно, лев полностью и не скроет его. Но у него уйдет всего секунда, чтобы произнести: «Меня похитили, помогите, вооружен, звоните 911», и все. Уил уже решил для себя, что не хочет быть похороненным под розами. Он повернул за угол.

Там стояла девочка лет пяти-шести. Она смотрела на картонного льва. Уил остановился. Появилась женщина.

— Кейтлин, иди сюда.

Девочка подбежала к матери. Уил не двигался. Они прошли мимо него и повернули в следующий проход.

Девочка спросила:

— Мам, а почему дядя такой грустный?

— Ш-ш, — сказала женщина.

Уил шел к фургону. Очевидно, он так и не помещает этому ублюдку увезти его куда-нибудь и там прикончить. У него ничего не получилось. Он злился на что-то.

— Не к фургону, — сказал Том. — Мы меняем машину. — Он кивнул в сторону пикапа.

— О, — сказал Уил.

Том забряцал ключами.

— Ты спас им жизни. — Он отпер дверцу пикапа и открыл ее. — Ты принял правильное решение.

Внутри пахло куревом. На приборной панели стояла кукла с качающейся головой — кого она изображала, Уил не понял. Какого-то политика. Том захлопнул дверцу, и клацанье замка вызвало у Уила ассоциацию с запечатыванием гробницы.

Заработал двигатель. Из вентиляционных отверстий подул воздух.

— Ого! — сказал Том. — У нас есть печка.

— Ты купил машину у того парня, — сказал Уил.

— Мы поменялись. — Том прибавил оборотов. Судя по всему, работа двигателя не вызвала у него нареканий, и он медленно поехал с заправки, оставляя позади фургон аэропортовых служб.

— Поменялись, — сказал Уил. — Он просто так согласился поменяться машинами.

— Точно. — Том посмотрел влево, проверяя, нет ли машин, нажал на газ и покатил по скользкой дороге. Затем сунул руку в карман пальто. — А еще он добавил вот этот сотовый.

Уил посмотрел на телефон.

— Вот как.

— Ага, — сказал Том. — До кучи, в качестве бонуса.

Они выехали на шоссе. На следующей неделе день рождения Сесилии. А Уил все тянет с походом по магазинам.

«Просто дай мне денег», — сказала она, и он не исключал, что именно так и сделает, потому что ей очень трудно купить подарок. Но ему все равно хочется что-нибудь придумать. Ведь до дня рождения еще целая неделя. А вдруг ему удастся найти то, о чем она мечтает.

Уил вспомнил, как Райн-Рейн стояла посреди дороги. И как она окровавленными губами произнесла странные слова. Как коротышка приставил дуло к собственному подбородку. Уил так тогда ничего и не понял. Может, Том — серийный убийца, или террорист, или правительственный агент под прикрытием, или кто-то еще, но кем бы он ни был, он должен что-то хотеть. Уил обязан добраться до магазина.

— Куда мы едем?

Том не ответил.

— Кто была та девушка?

Двигатель гудел. Из-под шин поднимался веер брызг.

— Почему твой приятель выстрелил в себя?

— Заткнись, — сказал Том. — Я с тобой не разговариваю.

— Вы пришли и схватили меня. Зачем-то я вам нужен.

— Не для разговоров.

— Тогда для чего?

Том молчал.

— Почему он назвал ее поэтом? Твой приятель сказал: «У нас есть поэт».

Том снова вытащил сотовый из кармана, набрал номер и поднес телефон к уху.

— Это я. Ты где? — Уил смотрел, как кукла на приборной панели качает головой. —

Это хорошо. Я цел. У Брехта ничего не получилось. — Молчание. — Из-за Вульф. Потому что эта проклятая Вульф объявилась через пять секунд после того, как мы наладили контакт. — Уил услышал, как человек в телефоне заговорил громко и возмущенно. Голос был мужской, но незнакомый. — Черт подери! А чья же это вина? Просто скажи, где встретимся. Я хочу убраться с шоссе. — Он облегченно выдохнул. — Отлично. Мы будем там. — Он бросил телефон в карман.

— Кто такая Вульф? — спросил Уил.

— Плохой человек, — сказал Том. — Очень-очень плохой.

— Как Райн?

— Да.

— А Вульф тоже поэт?

— Угу, — сказал Том, идя на обгон.

— Когда ты говоришь «поэт», — сказал Уил, так как Том, кажется, решил отвечать на вопросы, — это название их организации или ты имеешь в виду...

— Я имею в виду, что она умеет обращаться со словами, — сказал Том. — А теперь заткнись.

— Я просто хочу понять.

— Тебе не надо ничего понимать. Тебе надо сидеть тут и не делать глупостей, а я позабочусь о тебе. Вот что тебе надо. Послушай, я понимаю, что у тебя была тяжелая ночь, а теперь тебя прошибло на всякое «*как такое возможно?*» и «*зачем он так поступил?*». Но я не собираюсь отвечать на эти вопросы, Уил, потому что у тебя не хватает знаний, чтобы понять ответы. Ты как ребенок, который спрашивает, почему я его вижу, если он закрыл глаза. Просто смиришься с тем, что это происходит.

— А ты можешь дать мне знания?

— Нет, — сказал Том. — Заткнись.

Уил помолчал.

— Зачем ты застрелил ту девушку?

— Пришлось.

— Она же просто лежала, — сказал Уил. — Она и так была при смерти.

— Лежа там, при смерти, она все равно была опасна.

Уил ничего не сказал.

— Ладно, — произнес Том. — Ты слышал о пожаре в ночном клубе в Риме два месяца назад? Что там куча людей погибла? Так вот, то была Райн. И она сделала это, потому что считала, что один из тех людей — ты.

— Рейн хотела убить меня?

— Да.

— Почему?

— Потому что полтора года назад кое-что должно было убить тебя, но не убило.

— В Брокен-Хилл?

— Да.

— Я не помню такого.

— Да.

— А что это было?

— Что?

— То, что должно было убить меня.

— Нечто плохое, — сказал Том. — То, что нельзя было выпускать наружу.

— То есть химикаты? Полтора года назад в Брокен-Хилл люди погибли из-за разлива химикатов.

— Точно, — сказал Том. — Химикаты.

— А сейчас тебе до этого какое дело?

— Они опять разлились.

— И я могу их остановить?

— Да.

— Бессмыслица какая-то.

— Потому что это не совсем химикаты, — сказал Том. — Но ты все равно ничего не поймешь, так что не спрашивай.

— Это слово?

Том посмотрел на него.

— Там, на снегу, тебя заинтересовало кое-что, что я сказал о слове. Об одном конкретном слове. А еще ты сказал, что Вульф и Рейн — поэты, потому что умеют обращаться со словами.

Том молчал. Затем произнес:

— Ладно, это слово.

— Которое должно было убить меня?

— Да.

— Не понимаю, как слово может убить.

— Это потому, что ты плохо понимаешь, что такое слова.

— Слова — это звуки.

— Нет, не звуки. Мы с тобой не просто сотрясаем воздух. Мы передаем друг другу смысл. И благодаря моим словам в твоём мозгу именно в этот момент происходят нейрохимические изменения.

Уил помолчал.

— Я же говорил, — сказал Том, — нет знаний.

Уила охватило чувство потерянности.

— Теперь в Брокен-Хилл никто не живет. После разлива там никого не осталось.

— Да.

— Почему Сесилия хотела убить меня?

— Это сложно.

— Она была поэтом?

— Нет.

— Тогда... почему?

— Райн.

— Из-за Рейн?

— Не Рейн, а Райн. Кэтлин Райн, через «а». Писала стихи о природе. Жила в Англии, с тысяча девятьсот восьмого по две тысячи третий.

— И... она... вернулась?

Том покосился на него.

— Ты серьезно?

— Что?

— Они пользуются именами. Именами знаменитых поэтов.

— О, — произнес Уил.

— Они не зомби.

— Ладно. Я думал...

Они ехали в молчании.

— Вульф...

— Вирджиния Вульф, — сказал Том.

— Вирджиния Вульф хочет убить меня?

— Не она одна. Но опасаться нужно именно ее.

— Почему твой приятель застрелился? Из-за слов?

— Хватит болтать, — сказал Том категорическим тоном.

Уил захлопнул рот. Из темноты перед ними стелилась дорога, и они катили по ней.

ПРЕНЕБРЕЖЕНИЕ НОРМАМИ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КАК «ПАРАДИЗО» ПРЕВРАТИЛСЯ В «ИНФЕРНО»

Рим: Предполагается, что причиной смерти 24 человек в популярном итальянском ночном клубе стала переполненность помещений.

Утверждают, что причиной пожара в клубе «Парадизо», начавшегося примерно в 22.00, когда залы были переполнены, послужило возгорание в результате повреждения электропроводки.

По сообщениям итальянских СМИ, в одном из танцзалов у выхода началась давка, поэтому многие посетители не смогли выбраться наружу и задохнулись. По некоторым данным, погибло более двух десятков человек.

Восемнадцатилетняя Марьястелла Гальони, которой посчастливилось спастись из соседнего с горящим зала «Музыка», так описывает увиденное у дверей: «Там были два мужика [которые пытались выбраться], но они застряли в дверях. Они заблокировали выход. Никто не смог пройти».

Недавно в «Парадизо» закончился ремонт, и официальными органами было признано, что заведение соответствует нормам пожарной безопасности. Однако все хорошо знают, что коррупция насквозь пропитала государственные надзорные органы Италии.

В полиции заявили, что будет проведено полномасштабное расследование.

Эмили ждала, что кто-нибудь оттащит ее в сторону, грозно осведомится, что она тут делает, и заявит, что ей не место среди пассажиров первого класса. Но когда она подошла к стойке и протянула свой посадочный талон, представитель авиакомпании улыбнулся.

— Приятного полета, мисс Рафф.

— Спасибо.

Смутившись, она поправила лямки рюкзака. Другие пассажиры первого класса были в элегантных костюмах и дорогих блузках, Эмили же была одета в те самые джинсы, на которые пописал тип в парке. Она и не предполагала, что все здесь будут такими чистыми и лоснящимися.

— Мисс Рафф! — приветствовал ее бортпроводник с таким видом, будто с нетерпением ждал встречи с ней. — По имеющейся у меня информации, вы впервые отдали свое предпочтение нашей авиакомпании. Но мне трудно в это поверить, это не может быть правдой. — Он повел ее мимо рядов кожаных тронов. — Я собираюсь проявить о вас особую заботу. — Он наклонился к ней и театральным шепотом добавил: — Нам нужны красивые молодые клиентки.

Эмили решила, что он шутит. Но он не шутил. Странный он, этот первый класс...

— Устраивайтесь поудобнее, — сказал бортпроводник, — а я пока раздобуду для вас очень шоколадное печенье — вы такой вкуснотищи в жизни не пробовали.

— Ладно, — сказала она и собралась положить свой рюкзак на полку, но бортпроводник делано ужаснулся и забрал у нее рюкзак.

Эмили села в кресло. Она спала и в худших условиях, чем здесь. Справа от нее женщина в огромных солнцезащитных очках держала в одной руке высокий бокал, а в другой — журнал. Она улыбнулась Эмили, и та улыбнулась ей в ответ. Женщина снова углубилась в журнал. Все хорошо, подумала Эмили. Все хорошо.

Она услышала звяканье и потянулась за своим рюкзаком. Бортпроводник прошептал:

— Прошу простить меня. — Он поставил на подлокотник стакан с водой. Звяканье шло от кубиков льда. — Я не хотел вас разбудить.

Эмили уставилась на стакан. Когда она услышала этот звук, то решила, что кто-то пишет.

Эмили высаживалась. Они так и называли это: высадкой. Она никогда раньше не слышала, чтобы кто-то произносил это слово. Эмили расстегнула ремень, и ей стало грустно. Не хотелось покидать свое крохотное перовоклассное королевство.

Перед отъездом она оставила записку для подруги, чтобы та передала ее Бенни. Интересно, он ее уже прочитал? И что? Расстроился? Скучает по ней? Все эти вопросы волновали ее гораздо меньше, чем она думала. Эмили поняла это, когда смотрела в иллюминатор на спрятанный от всех мир солнечного света над облаками. Бенни остался позади. И это хорошо. Она чувствовала себя почти так же, как два года назад, когда, прихватив свой рюкзак с Пикачу, ушла из разваливающегося дома — от материнских угроз и брошенных ей вслед предсказаний быстрого и плохого конца, — и чем дальше она уходила, тем лучше ей становилось. Бенни не хороший. Совсем нет. Она начала понимать это сейчас,

когда посторонние люди забирали у нее рюкзак и приносили ей воду, пока она спит. Эмили начала понимать, что без Бенни сможет достичь большего.

Возле выхода бортпроводник тронул ее за руку:

— Огромное вам спасибо.

— Это вам огромное спасибо, — сказала она.

В зале прилета стоял водитель в фуражке и униформе и держал табличку с надписью: «ЭМИЛИ РАФФ».

— Я Эмили, — сказала она.

Он потянулся к ее рюкзаку. Она заколебалась, но все же позволила ему взять его — надо привыкать к этому.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс. Машина стоит перед входом. Надеюсь, перелет не сильно утомил вас?

— Да. — Эмили подладила под его шаг.

Она вдруг застеснялась своего рюкзака с покемоном. Он выглядел нелепо на тележке, которую толкал перед собой водитель. Но тот, кажется, относился к этому спокойно. Люди оглядывались на них — на грязную девочку, которую сопровождал водитель в униформе, — и она изо всех сил старалась не улыбаться.

Он придержал для нее дверь. Снаружи было солнечно и холодно. У бордюра стоял длинный глубокого черного цвета лимузин. Водитель открыл заднюю дверцу, и Эмили забралась внутрь с таким видом, будто в этом не было ничего необычного.

Желает ли она выпить что-нибудь освежающего? Посмотреть телевизор? Она может делать что пожелает. В салоне было достаточно места, чтобы лечь. Она могла бы жить здесь.

Водитель сел на свое место. Центральный замок щелкнул.

— Дождь не предвидится. Вы прибыли к нам в погожий день.

— Я так думала, что день будет хорошим, — сказала Эмили. — Я чувствовала это.

Они ехали около сорока минут и остановились перед высокими металлическими воротами. Сквозь затемненное стекло лимузина она разглядела траву и гигантские деревья. Водитель переговорил с кем-то в караульном помещении, и створки ворот разомкнулись. Они стали подниматься на холм, и впереди появилось здание.

— Это старый женский монастырь, — сказал водитель. — Сто лет здесь жили монашки. — Хрустя гравием, машина подъехала к главному входу. С крыльца к ним спустился мужчина. Носильщик. Такова была его должность. — Красиво, правда?

— Да.

— Вас проводят. — Он на сиденье повернулся лицом к ней. Ей это очень нравилось — то, как люди поворачиваются, чтобы обратиться к ней. — Желаю удачи на экзаменах, мисс.

Носильщик привел ее в комнату с высоким потолком, деревянными стенами и десятью тысячами книг. Общая комната, догадалась она. Во-первых, потому что слышала о таких помещениях, а во-вторых, потому что не могла представить, для каких еще целей может понадобиться такая комната. Возможно, ни для каких. Возможно, после определенного размера в здании появляется больше помещений, чем имеется для них применений. Эмили поставила рюкзак на пол между ног и попыталась успокоиться. Где-то в отдалении закрылась дверь — клац, — слышались голоса, потом по коридору разнесся смех. Ей захотелось писать.

Снаружи застучали женские каблуки. Дверь со щелчком открылась. В первую секунду Эмили решила, что это монашка, но оказалось, что женщина просто одета в темно-синий костюм. Неужели на нее так подействовал рассказ о монашках? Женщина была стройной, лет примерно тридцати пяти, с темными волосами и в изящных очках. Она направилась к Эмили, протягивая на ходу руку пальцами вниз, для дамского рукопожатия. Та встала с кресла, чтобы пожать ей руку.

— Здравствуй, Эмили. Большое спасибо, что решила приехать к нам. Меня зовут Шарлотта.

— Здравствуйте, — сказала Эмили.

Шарлотта села в другое кресло. Эмили села в свое. Казалось, их разделяет огромное расстояние. Лежавший между ними ковер напоминал карту еще не открытого мира.

— Скоро я провожу тебя в твою комнату, — сказала Шарлотта. — Но сначала ты задашь свои вопросы. Они наверняка у тебя есть.

Еще бы. Например, *«что за люди были с тем парнем, Ли»*, и *«почему я»*, и *«что за экзамены»*. Но она не задала их. А все потому, что если бы на эти вопросы были даны плохие ответы, она бы очень сильно расстроилась.

— На этой неделе у нас шестеро таких, как ты, — сказала Шарлотта, решив ответить на вопросы, которые Эмили не задала. — То есть шесть абитуриентов. У каждого из вас своя комната, естественно. Твоя выходит на Восточный лес. Думаю, тебе там понравится. В главной столовой вам будут подавать еду, в конце коридора ты найдешь комнату отдыха, а рядом с ней — читальный зал. Между экзаменами можешь сколько угодно изучать территорию, не стесняйся. Это замечательное место. Когда-то здесь располагался женский монастырь.

— Я слышала.

— Вне Нового крыла ты можешь встретить наших нынешних студентов. Им строго запрещено разговаривать с вами, так что, пожалуйста, не воспринимай их поведение как грубость. — Шарлотта улыбнулась.

— Хорошо, — сказала Эмили.

— Я должна попросить тебя соблюдать два правила в течение всего периода, пока будут длиться экзамены. Не покидать территорию и не пользоваться телефоном. Эти правила очень важны. Ты согласна?

— Да.

— Отлично! — Шарлотта похлопала себя по колену, как будто подзывала к себе кошку. — Итак, до завтра у тебя есть время на то, чтобы устроиться. Познакомиться с другими абитуриентами, провести время с пользой для тела и ума. Экзамены начнутся утром.

— У меня есть вопрос, — сказала Эмили. — В чем подвох?

Брови Шарлотты взлетели вверх. У нее были очень красивые брови. Изогнутые, как плеть.

— Прошу прощения?

— Ну... — Она рукой обвела комнату. — Здесь так здорово, что просто не верится. То есть я, конечно, ценю все это, но если будете просить меня брить голову, или раздеваться, или еще о чем-то в этом роде, я хотела бы знать заранее.

Шарлотта подавила улыбку.

— У нас тут не секта, даю слово. У нас школа. Мы собираем здесь лучших и самых

способных и помогаем им раскрыть свой потенциал.

— Ясно, — сказала Эмили.

— Я, кажется, не убедила тебя.

— Уж больно все это не похоже на школу.

— Между прочим, очень похоже. У тебя сложилось другое впечатление, потому что твой опыт ограничен государственными учебными учреждениями. — Шарлотта наклонилась вперед и заговорщицки прошептала: — И мне кажется, что как раз они не похожи на школы. — Эмили не знала, как на это реагировать. Шарлотта встала. — Итак, позволь мне проводить тебя в твою комнату.

Эмили подхватила свой рюкзак:

— И все же мне кажется, здесь есть какой-то подвох.

Шарлотта поджала губы:

— Мы принимаем только тех, кто сдал экзамены. А сдать их очень трудно.

— Я сдам.

Шарлотта улыбнулась.

— Что ж, — сказала она, — здесь нет никакого подвоха.

* * *

Эмили шла вслед за Шарлоттой по отделанным деревянными панелями коридорам и залам с терпящимися где-то в выси потолками. Она никогда в жизни не видела столько арок. Шарлотта ногтем постучала по одной из дверей.

— Мой кабинет. — На медной табличке было выгравировано: «Ш. Бронте». — Обращайся ко мне с любыми вопросами или проблемами, в любое время дня и ночи.

Дальше опять потянулись коридоры. Через высокие, узкие окна Эмили увидела детей в темно-синих форменных пиджаках и шляпах. Может, это и в самом деле похоже на школу.

Шарлотта остановилась перед тяжелой деревянной дверью.

— Твоя комната.

Здесь была узкая кровать. Высокое арочное окно. Старый письменный стол и стул с высокой спинкой. Стены сложены из камней, неровные грани которых уже давно сгладили ладони неугомонных монашек.

— Некоторые из новеньких живут по соседству, — сказала Шарлотта. — Но я предоставлю тебе самой знакомиться с ними. — Она улыбнулась, взялась за ручку двери. — Ужин в шесть.

Дверь закрылась.

Эмили выпустила из руки лямку, и рюкзак упал на пол. Она подошла к двустворчатому окну и изучала его механизм, пока не разобралась, как его открыть. Ветер взъерошил ей волосы. Вид на Восточный лес был отличным. Деревья напоминали колонны. В лесу можно было заблудиться. И отыскать пряничный домик. И встретить колдунью.

Ей нужно было сходить в туалет. Потом отправиться на поиски других учеников, выяснить, что у нее за конкуренты. Но Эмили все стояла у окна и смотрела на лес, потому что в этот момент ей было хорошо, хотя ее и не покидала мысль, что в конечном итоге вся эта история может оказаться мошенничеством.

Она пописала, вымыла руки и оглядела себя в зеркале. Волосы напоминали солому. На ней была одежда, которая казалась тем хуже, чем красивее становилась окружающая обстановка. Зато от нее не воняло. Однако в общем Эмили не выглядела совсем уж не ко двору. Можно было даже поверить, что она из тех, кто регулярно писает в туалете с высокими шестиметровыми потолками. А потом катается верхом.

— Расслабься, — сказала Эмили отражению, потому что взгляд у нее был напряженным.

Она пошла на звук телевизора и оказалась в маленькой комнатке с диванами, подушками и развалившимся на них мальчишкой. Он сел прямо, когда она вошла. Его вьющиеся волосы скручивались в тугие колечки. Одежда на нем была новой и яркой, ворот поднят. Если между ними и было нечто общее, Эмили этого не увидела.

Его взгляд скользнул по ней. Очевидно, он думал о том же самом.

— Привет, — сказал он.

— Привет. Ты кто?

— Парень. На диване. — Он улыбнулся. Эмили уже его ненавидела. — Ты на экзамены?

— Ага.

— Только что приехала?

— Ага.

— Откуда?

— Из Сан-Франциско.

— Ясно, — сказал он. — А... гм... откуда из Сан-Франциско? — Он опять улыбнулся.

Поднятый воротник — что это значит?

— С улицы. — Он захлопал глазами. — С улицы, — сказала Эмили. — Понимаешь? С улицы.

Он помотал головой:

— Не понимаю.

— Я вижу.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Я имел в виду, чем ты занимаешься? — Он покрутил пальцем, подразумевая под этим жестом комнату. — Ведь сюда просто так не попадают.

— Я фокусник. Развлекаю людей.

— Вот как, — сказал он. — Что-то ты мало похожа на тех, кто из сферы развлечений.

— Ты тоже мало похож на тех, кто хоть в чем-то разбирается, — сказала Эмили, потому что ее уже начали пугать его формулировки. — Ты как здесь оказался?

Он усмехнулся. У него были потрясающие зубы.

— Ассоциация дискуссионных клубов школ Новой Англии. Выпускные экзамены. — Он подождал реакции. — Я сдал на «хорошо».

— Вот как, — сказала она.

Эмили приняла душ и переделалась. Там, откуда она приехала, было круто изо дня в день

носить одну и ту же одежду; это означало, что ты слишком занят ловлей жизненных шансов, чтобы успевать менять свой наряд. Но здесь такая манера одеваться стала бы проблемой. Она натянула свою куртку, меховую и с маленькими байкерскими заклепками, над которыми она смеялась, когда кто-нибудь замечал их, но которые втайне считала прикольными. Она расчесывала волосы до тех пор, пока не расчесала все колтуны, забрала их заколкой так, чтобы они не падали на лицо. Вспомнила, что в косметичке есть тушь для ресниц, и с помощью подручных средств сделала себе «дымчатый макияж». А вот дезодорант она где-то посеяла. Зато в душе хорошо промыла подмышки. По сути, сейчас от нее пахло лучше, чем раньше.

Где-то зазвенел колокол — самый настоящий колокол: звук был кристально чистым, как у музыкального инструмента. Эмили выглянула в коридор и обнаружила, что из-за других дверей тоже выглядывают. Все лица были юными, в большинстве своем женские.

— Время есть! — сказала чернокожая девочка из комнаты напротив, и раздались смешки.

Длинный стол в столовой был накрыт на семь персон. Средняя его часть была застлана огромной, как простыня, скатертью, а по краям оставалось еще много сверкающего полированного дерева. Вошел тот самый кудрявый мальчишка; он оживленно болтал с девочкой, которую Эмили еще не видела. Он сел напротив. Она ожидала, что он посмотрит на нее, но парень не посмотрел. Она попыталась разобраться в столовых приборах. Рядом с ней на стул забралась девочка не старше десяти лет. Эмили поздоровалась с ней; девочка ответила, правда, смущенно. С другой стороны от нее села очень красивая девочка в плиссированной юбке и с блестящими светлыми волосами. Кудрявый мальчик посмотрел на блондинку, отвел взгляд и посмотрел снова, и Эмили подумала: «Ага, ясно».

Та самая Шарлотта, которую Эмили сначала приняла за монашку, обошла стол и обменялась парой фраз с каждым из них. Подали хлеб. Суп. Десятилетняя девочка с отчаянием и беспомощностью таранилась на ложки, и Эмили попыталась помочь ей, основываясь на догадке, что есть надо тем, чем едят все.

— Мне нравится твоя куртка, — сказала блондинка — у нее было ангельское личико. — Она такая аутентичная...

— О, — ответила Эмили. — Мне нравятся твои уши.

— Уши?

Эмили восприняла ее слова как оскорбление, но вовремя сообразила, что блондинка говорит абсолютно серьезно. Что на самом деле она хотела сделать ей комплимент.

— Да. Они как у эльфа. — Она пихнула локтем свою десятилетнюю соседку. — Правда, как у эльфа?

— Да.

— О, — сказала блондинка. — Ну, спасибо.

На серебряных блюдах были разложены крохотные, на один укус, конструкции из мяса, хлеба, какой-то пасты и чего-то еще. Эмили взяла одну только потому, что жевание исключало ее из разговора. Штука оказалась вполне съедобной. Странной на вкус, но странной не в плохом смысле. За весь день она практически ничего не ела, если не считать сухого печенья.

Шарлотта встала и произнесла короткую речь о том, как счастлива видеть их здесь и как она надеется, что они обеими руками ухватятся за выпавший им шанс, потому что каждый из них обладает огромным потенциалом, а задача Академии — раскрыть его. Потом

сказала, что они должны хорошо выспаться, потому что первый экзамен начнется рано, и кудрявый мальчишка спросил, из чего будет состоять экзамен. Шарлотта улыбнулась и сказала, что все ответы будут получены к утру. Это были ее слова: «Ответы будут получены к утру». Если бы кто-нибудь заговорил так в мире Эмили, он тут же схлопотал бы затрещину, но ей эта манера вроде бы пока нравилась. На пирсе, прикрываясь полями своей шляпы, она использовала слова, чтобы заставлять людей улыбаться, подходить поближе, отдавать свои два доллара и не переживать из-за проигрыша. От правильных слов зависело, будет у Эмили еда или нет. А еще она обнаружила, что лучше всего работают не факты и аргументы, а слова, которые по какой-то причине щекочут людям мозг, которые просто вызывают у них веселое удивление. Каламбуры, преувеличения, нечто, являющееся правдой и одновременно неправдой. «Ответы будут получены к утру». Такие, например, фразы.

Потом они разошлись по своим комнатам, и Эмили чистила зубы, стоя рядом с девочкой из Коннектикута. Все, кроме нее, были в пижамах. Когда она шла к своей комнате, по коридору разнесся голос:

— Спокойной ночи, девочка в дверях.

— И тебе, мальчик на диване, — сказала Эмили и закрыла свою дверь.

Ей не верилось, что она сказала такое. Ну и напасть этот мальчишка! Хотя не то чтобы очень уж страшная напасть...

* * *

Утром они все сидели в зале, и им раздавали экзаменационные листы. Первые вопросы Эмили узнала сразу: кого она предпочитает — кошек или собак; какой ее любимый цвет; любит ли она свою семью. Был там и тот, странный: «Почему вы это сделали?» Эти вопросы были в самом начале страницы, а дальше шло бесконечное множество новых.

— Пожалуйста, отвечайте абсолютно честно, — сказала Шарлотта. Она шла между партами, и стук ее каблуков эхом отдавался под потолком.

Ее спрашивали о любимых фильмах. Песнях. Книгах. В последний раз Эмили читала книгу, когда ей было восемь. Она огляделась. Десятилетняя девочка сидела через три парты позади нее; ее ноги даже не доставали до пола. Эмили покрутила ручку и написала: «Принцесса Лили спасает мир». Это было единственное, что она вспомнила.

Наконец Шарлотта собрала листы и на некоторое время исчезла. Народ принялся сверять ответы. Эмили заметила в коридоре какого-то мужчину, высокого, с коричневой кожей и с глазами, как кубики льда. Он наблюдал за ними через стекло. Она почему-то ощутила смятение и отвела взгляд, а когда снова посмотрела в ту сторону, мужчины уже не было.

Шарлотта вернулась с телевизором на тележке.

— Вам покажут серию быстро сменяющихся картинок. На одной из них будет изображен вид еды. Вам предстоит записать название этой еды. У кого-нибудь есть вопросы? — Она оглядела зал. — Очень хорошо. Удачи.

Эмили взяла карандаш. Шарлотта нажала кнопку на видеоманитоне. На экране появился текст — «СЕРИЯ 1-1» — и исчез. Секунду экран был черным. Потом стали появляться и исчезать изображения. Эмили заморгала. На экране появилось: «КОНЕЦ СЕРИИ 1-1». Головы склонились над партами. Эмили уставилась на свой листок. Все это

было гораздо быстрее, чем она ожидала. Что она увидела? Смеющееся лицо. Семью за столом. Целующихся людей. Траву. Корову. стакан молока? Эмили сомневалась. И это было странно, потому что она отличалась наблюдательностью. У нее было острое зрение. Тогда почему она сомневается насчет молока? Эмили огляделась. Все, кроме нее, писали. Она пожевала губу и написала: «МОЛОКО».

— Пожалуйста, отложите ручки.

Эмили огляделась. Справа от нее кудрявый мальчишка написал: «СУШИ». Она похолодела. Разве там были суши? Может быть. Она посмотрела влево. У девочки с ангельским личиком тоже «СУШИ».

Шарлотта стала переходить от парты к парке.

— Да, — сказала она, проходя мимо мальчика впереди. — Да. Да. — Она остановилась возле Эмили. — Нет. — Эмили сокрушенно выдохнула. — Да. Да. Нет.

Она оглянулась, чтобы выяснить, кто еще облажался. Оказалось, что десятилетняя девочка, которая, судя по виду, страшно расстроилась. Прежде чем она спрятала свой листок, Эмили увидела: «МОЛОКО».

— Серия вторая, — сказала Шарлотта.

Очевидно, ее ошибка заключалась в том, что она позволила другим картинкам сбить себя с толку. Завтрак, корова, и там точно был стакан, но пустой. Просто ее мозг наполнил его. У нее слишком богатое воображение. Суши она не разглядела потому, что просто не знает, как эта чертова штука выглядит. А сейчас вроде бы вспомнила. Только эта еда ей не знакома. Другие же ребята, наверное, едят суши дважды в неделю, с икрой и перепелками, и с чем-то типа того, что вчера было намазано на бутербродиках. Паштет. Вот. В следующей серии она все разглядит.

Замелькали картинки. Экран потемнел. Эмили охватил ужас. Там был банан. Точно банан. Но еще и солнце, очень похожее на банан, а в начале проскочило нечто, что могло оказаться рыбой. Хотя не исключено, что банан был остаточной картинкой после солнца. И почему там были пальмы? Случайно или для того, чтобы заставить ее подумать о рыбе? Она сжала ручку и написала: «РЫБА».

— Ответы, пожалуйста.

Эмили огляделась. У кудрявого мальчишки «БАНАН». У блондинки «БАНАН». У десятилетней девочки «РЫБА».

— Да. Да. Да. — Шарлотта дошла до нее. — Нет.

Она сама себя перехитрила. Надо было доверять своим инстинктам. Ей не хотелось встречаться взглядом с тем мальчишкой, однако она не удержалась. Его глаза были закрыты, как будто он настраивался, очищал свое сознание. «Козел», — подумала она. Хотя, может, ей тоже стоит подготовиться.

— Серия третья.

Экран принялся изрыгать картинки. На этот раз он заговорил, что застало ее врасплох. Мужчина сказал: «Красный», и старушка рассмеялась. Это была клубника? Нет, кровавое пятно. Серия закончилась. Эмили точно видела мороженое в рожке. Она так и написала, чтобы не дать себе передумать. Затем ладонями закрыла свой листок и вперила взгляд в спину девочки впереди.

Кудрявый мальчишка отложил ручку. Она не видела, что у него написано, поэтому одними губами спросила: «Мороженое?» Его брови поползли вверх. Эмили не поняла, что это означает. Ее охватило дикое желание схватить ручку и написать что-то другое. Но она не

видела ничего, кроме мороженого.

— Ответы, пожалуйста.

Мальчишка убрал руки. «КЛУБНИКА».

— Вот гадство, — произнесла Эмили.

Она не стала смотреть на других. Шарлотта дошла до нее и подтвердила, что она ошиблась, снова. Кроме ее было еще два «нет»: вместе с нею и десятилетней девочкой задание провалил еще и тощий мальчик в черном. Это обрадовало Эмили, но все же она злилась. Если бы всем, кто есть в комнате, раздали по десять долларов и подождали два часа, то все деньги были бы у Эмили. Если бы их всех выкинули на улицу и оставили без ночлега, через сутки она была бы единственной, кто не наложил бы в штаны. А из-за этих чертовых тестов она чувствует себя полной идиоткой...

— Серия четвертая.

«Чтоб вас», — подумала Эмили. Она смотрела на экран, но никакого энтузиазма не ощутила. Этот видеоряд был самым длинным. Когда он закончился, она поглядела в свой листок и подумала: «Даже не представляю».

Девочка впереди нее громко и неожиданно чихнула. Примерно то же самое делал Бенни, когда ей нужно было на секунду отвлечь кого-то, и, не задумываясь, Эмили скосила глаза вправо. Под рукой кудрявого мальчишки она разглядела: «АБР». Остальное было закрыто.

— Будь здорова, — сказала девочка с ангельским личиком. Кто-то хихикнул.

— Тишина, — сказала Шарлотта.

Эмили не могла сообразить, какая еда начинается на «АБР». Ее мысли крутились вокруг «ЯБЛОКА». Может, он написал «ЯБЛ»? Если она за пять секунд не сообразит, что за еда начинается на «АБР», то напишет «ЯБЛОКО». Шарлотта открыла рот. Эмили быстро написала: «АБРИКОС».

— Ответы, пожалуйста.

Она посмотрела вправо. Да! Шарлотта двинулась между партами.

— Да. Да. Да. — Когда она дошла ко Эмили, Эмили обнаружила проблему. У мальчишки было «АБРИКОСЫ». В ее слове не хватало Ы. Шарлотта остановилась. Эмили ничего не сказала. «Да ладно, — думала она. — Абрикос, абрикосы, какая разница?»

— Да, — сказала Шарлотта.

Эмили просияла. Именно так и надо было поступать с самого начала. Именно так она и вершила свои дела всю жизнь: нарушала правила. Жаль, что она не сразу вспомнила об этом.

— Да. Да. Нет. — Шарлотта прошла вперед и выключила телевизор. — Спасибо. На этом первый экзамен окончен. На сегодня вы свободны. — Народ заговорил, стал вставать из-за парт. — Герти, задержись, пожалуйста.

Эмили посмотрела на десятилетнюю девочку. Та выглядела несчастной, поэтому Эмили наклонилась к ней.

— Глупый тест. — Она ошиблась насчет ее возраста — Герти еще не было и десяти. — Не переживай.

— Эмили Рафф, — сказала Шарлотта. — Ты можешь идти.

— Ты еще слишком маленькая, — сказала Эмили. — Я была здесь два года назад и тоже все завалила. На следующий год у тебя все получится.

Герти посмотрела на нее с надеждой.

— Спасибо, Эмили, — с нажимом произнесла Шарлотта.

Идя к выходу, Эмили подмигнула Герти. Такие подмигивания очень действовали на людей на пирсе.

* * *

— Я думал, ты уже история, — сказал кудрявый мальчишка. Эмили собиралась пройти мимо его комнаты, но теперь остановилась. Он валялся на кровати. В его комнате была и блондинка, она стояла прислонившись к каменной стене.

— Это просто разминка. — Эмили хотела пойти дальше, но девочка отклеилась от стены.

— Послушай. Я хочу знать твое мнение. Почему у всех учителей фальшивые имена?

Эмили озадаченно посмотрела на нее.

— Шарлотта Бронте. Есть учитель по имени Роберт Лоуэлл, а еще Пол Остер. Ты видела список педсовета внизу, в вестибюле? Там сказано, что до Бронте директором была Маргарет Этвуд. — Она многозначительно изогнула брови.

— И? — сказала Эмили.

— Все это знаменитые поэты, — сказал мальчишка. — В большинстве своем умершие знаменитые поэты. — Он посмотрел на девочку, вид у него был удивленный. — А она-то не знает...

— Как будто мне больше делать нечего, как заучивать наизусть стихи всяких поэтов, — сказала Эмили. — Вот поэтому-то я и разгромлю вас на экзаменах, потому что ваши головы набиты бесполезными знаниями.

Мальчишка усмехнулся. Девочка сказала «все в порядке» таким тоном, что Эмили захотелось врезать ей.

— И у школы нет названия. Они называют ее просто Академией. Странно, правда?

— Это ты странный, — сказала Эмили.

* * *

Герти не вернулась.

— Экзамены построены по принципу отсева, — с набитым ртом сказал кудрявый мальчишка, продолжая жевать ржаной хлеб. Было время обеда. Он занял место Герти. — Провалил один — и всё. Пакуй чемоданы.

Эмили намазывала масло на булочку, но, услышав его слова, на мгновение замерла.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Сам догадался. Это же очевидно, разве ты не видишь? — Он все жевал и жевал.

* * *

Во время обеда вошла Шарлотта и посмотрела на Эмили, но так, что той этот взгляд не понравился. Затем она ушла. Эмили продолжила есть, но теперь она словно ощущала в

желудке тугой мяч. После обеда Шарлотта с другими учителями поджидала ее в коридоре. Это напомнило Эмили Сан-Франциско, когда подходишь к двери своего сквота, а там стоят две тощие сволочные тетки с костлявыми бедрами, со ртами, похожими на кошачье анальное отверстие, и обеих трясет от злости из-за какого-то твоего долга или поступка... Шарлотта поманила ее.

— Эмили, будь любезна, пройди за мной. — Ее каблук застучали по полу.

В кабинете Шарлотта указала ей на стул. Кабинет оказался просторнее, чем думала Эмили. В нем было несколько дверей, и одна наверняка вела в комнату, где та спала, — ведь она же сказала, что к ней можно приходить в любое время дня и ночи. Единственное окно выходило на двор, на захламленном письменном столе стояла ваза с живыми цветами.

— Я разочарована.

— Вот как, — сказала Эмили.

— Мы предоставили тебе огромный шанс. Ты никогда не осознаешь, насколько значительный.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— В экзаменационных классах ведется наблюдение. Очень тщательное.

— Ясно, — сказала Эмили. Повисло молчание. — Значит, вы утверждаете, что я что-то неправильно сделала.

— Сжульничала? Да. Это и было неправильно.

— Ну, вам следовало бы предупредить. Вам следовало бы сказать: «Имей в виду, у нас есть три правила, и третье состоит в том, что жульничать запрещается».

— Ты считаешь, об этом надо упоминать особо?

— Тот парень в Сан-Франциско, который прислал меня сюда, Ли, он знал, что я обманываю людей. Именно этим я и занималась. Я — кидала. Вы привезли меня сюда, и вдруг оказалось, что я не имею права жульничать? Вы никогда об этом не говорили.

— Я сказала, что важно дать честный ответ.

— Это было до того. До видеотеста.

— Это не тема для дискуссий, — сказала Шарлотта. — Мы уже вызвали водителя. Пожалуйста, собери свои вещи.

— Черт, — сказала Эмили.

— Возможно, тебе было сказано, что ты получишь компенсацию за пребывание здесь. К сожалению, на данный случай компенсация не распространяется, из-за жульничества.

— Ну ты и жопа.

Лицо Шарлотты не дрогнуло. Эмили ожидала от нее, такой скромной и молчаливой, хоть какой-то реакции. Она предполагала, что та тихо бесится, так же, как другие люди, когда кто-то нарушает установленные ими правила. Но оказалось, что Шарлотте просто наплевать.

— Можешь идти.

— Не нужен мне водитель. Мне вообще от вас ничего не нужно. — Эмили встала.

— До аэропорта двадцать миль. Водитель...

— Да пусть он катится куда подальше, ваш водитель, — сказала она.

Эмили прошла в свою комнату и принялась запикивать вещи в рюкзак с Пикачу. До этого момента она не испытывала ничего, кроме гнева, но неожиданно ее охватила глубокая тоска, а на глаза навернулись слезы. Она закинула рюкзак на плечо и вылетела в коридор.

— Эй! — Это был кудрявый мальчишка. — Что случилось? Куда ты? — Она не ответила, а он не стал ее догонять.

Никакого водителя на улице не оказалось, и Эмили зашагала по подъездной аллее. Ей в спину смотрела тысяча окон, и она представила, что за каждым из них — глаза. Но это же глупость; по сути, всем плевать. Через пять минут после ее ухода они забудут о ней, потому что без нее в этой школе будет больше здравого смысла.

Она преодолела уже половину аллеи, когда сзади к ней с хрустом подъехала машина.

— Эмили Рафф?

— Мне не нужен водитель.

— Я не... — Она услышала, как машину поставили на ручник и открылась дверца. — Я не водитель. — Это был тот самый высокий мужчина, которого она видела за дверью экзаменационного класса. — Меня зовут Элиот. Пожалуйста, вернись в школу.

— Меня исключили.

— Подожди секунду. Остановись.

Эмили остановилась. Мужчина внимательно оглядел ее. Весь его облик был какой-то спокойно-неподвижный, она не смогла ничего понять по его лицу.

— Ты сжульничала. Твоя линия защиты — в том, что тебя не предупредили, что жульничать нельзя. Я согласен. Возвращайся в школу.

— Я не хочу возвращаться в эту школу.

— Почему?

— Потому что я не хочу там учиться, ясно? Тут же все, кроме меня, такие умные и образованные, знают, к примеру, имена поэтов, так что... спасибо за предоставленный шанс. — Она пошла вперед.

Мужчина догнал ее и пошел с ней рядом.

— Есть два типа экзаменов. На первом проверяется твоя способность сопротивляться убеждению. На втором проверяется твоя способность убеждать. Этот важнее. И, судя по тому, что я видел, у тебя хорошо получается и то, и другое.

— Шарлотта сказала...

— Решать не Шарлотте.

Эмили оглянулась на школу. Искушение было велико.

— Было бы преступлением не выяснить, на что ты способна. — Элиот пожал плечами. — Это мое мнение.

— Эх... ну, ладно, — сказала она.

* * *

Эмили вернулась в комнату и разгрузила свой рюкзак. Она предполагала, что долго ждать ей не придется, — и оказалась права. Вскоре появился кудрявый мальчишка.

— Я думал, ты уехала, — сказал он, сердито глядя на нее.

— Я передумала.

— Или тебя заставили передумать? — Он сложил руки на груди. — Возьмут только

одного из нас.

В дверном проеме возникла девочка с ангельским личиком. Эмили сказала:

— Они возьмут одного из нас?

— Я о таком не слышала, — сказала девочка.

— В последний день, если останется больше одного кандидата, тебе придется убедить остальных в том, чтобы они уехали. Вот так это работает.

— Ни разу не слышала об этом, — сказала девочка, — а тебе, Эмили, я говорю: добро пожаловать обратно.

— Ты идиотка, — сказал мальчишка.

— А ты козел, — сказала девочка.

Мальчишка повернулся к ней.

— Можешь уезжать уже сейчас. Спорим, ты чертовски хорошо умеешь убеждать, особенно тех, кто знаком с твоими родителями. В школьном совете ты королева. Но здесь ты только потому, что считаешься лучшей, а такими и должны быть хорошие маленькие девочки. Они стараются изо всех сил.

У девочки запылали щеки.

— Ты говоришь это для того, чтобы вынудить меня уехать?

— Я и так знаю, как заставить тебя уехать. Сделаю так, чтобы твой папочка позвонил и сказал, как сильно он соскучился по тебе.

Девочка развернулась и вышла. Эмили слышала, как ее шаги удаляются по коридору. Она перевела взгляд на мальчишку.

— Это моя школа, — сказал тот.

* * *

На следующее утро Шарлотта повезла Эмили в город. Наставница почти не разговаривала, а Эмили все еще чувствовала себя обиженной, поэтому путешествие получилось спокойным. Они въехали на парковку, и Шарлотта заглушила двигатель. Эмили отстегнула ремень, но Шарлотта не двинулась с места.

— Элиот считает, что с тобой стоит поработать, — сказала она в зеркало заднего вида. — Мне это кажется бессмысленным. Но иногда бывает, что он видит дальше.

Эмили держала рот на замке.

— Обычно этот экзамен проводит младший преподавательский состав. — Шарлотта открыла перчаточный ящик и надела большие солнцезащитные очки. Они придали ей элегантности и сексуальности, она перестала походить на скучную монашку. — Но раз из тебя, как утверждают, так и хлещет потенциал, я решила посмотреть своими глазами.

Она подвела Эмили к самому обычному уличному перекрестку, где был бакалейный магазин, стойка с газетами и собака, привязанная к столбу с табличкой: «СТОЯТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ». Одно из этого очень важно, догадалась Эмили. Шарлотта бросила взгляд на часы. Было рано, но солнце уже выглядывало из-за домов и, кажется, радовалось этому. Если они еще немного поболтаются здесь, ей придется снять куртку.

— Сегодня наша цель — проверить твой лексикон, — сказала Шарлотта. — Под этим я подразумеваю твой набор полезных слов. — Для Эмили это ничего не прояснило. — Ты готова?

— Естественно, — сказала девушка.

Стоя на углу, Шарлотта повернулась к одной из улиц. На тротуаре никого не было. Они ждали.

— Курва — это тот, кто «идет по кривой дороге». Между прочим, слово произошло от того же корня, что и «курица». Ты знала об этом?

— Нет.

— Сегодня это слово используется для обозначения человека, которого можно убедить. Главным образом с помощью денег и на секс. Таких еще называют проститутками. Но есть и более общий смысл. Это человек, который продает себя, выполняя любое неблагоприятное действие в обмен на награду.

Эмили переступила с ноги на ногу.

— То же самое обозначает и термин «прозелит». Обычно он употребляется в религиозном значении для обозначения человека, перешедшего из одной религии в другую. Как и проститутку, прозелита убедили совершить действие. Разница в том, что проститутка знает, что делает плохо, но поступает так за вознаграждение, а прозелит поступает так, потому что его убедили, будто это правильно. — Шарлотта посмотрела на Эмили. — Ты будешь стоять там, где стоишь сейчас, и тебе нельзя заходить за пределы круга радиусом в три фута. Если ты выйдешь за него, считай, что экзамен ты провалила. Твоя задача — убедить людей, находящихся на той стороне улицы, перейти на эту. Тебе запрещается применять один и тот же метод убеждения больше одного раза на одного человека или группу. Каждый человек или группа, которых тебе не удастся убедить, это минус, засчитанный тебе. После трех минусов экзамен заканчивается. Можешь начинать.

Эмили изумленно уставилась на нее.

Шарлотта головой указала на противоположную сторону улицы. Там бежала трусцой девушка в черном костюме. Эмили на мгновение застыла. Потом закричала:

— Прошу прощения! — Она замахала руками. Бегунья вытащила наушники из ушей. — Вы могли бы подойти сюда? Пожалуйста! Это очень важно!

На лице девушки отразилось раздражение. Однако она остановилась, проверила, нет ли машин, и перебежала через проезжую часть.

— Неспецифическое анонимное вербальное требование, — сказала Шарлотта, отходя в тень навеса у магазина одежды. — Один.

Бегунья, светловолосая и потная, добежала до нее.

— В чем дело?

— Простите, — сказала Эмили. — Я обозналась, я приняла вас за другого человека.

Девушка злобно зыркнула на нее и вставила в уши затычки. Эмили почувствовала, как спина у нее покрылась холодным потом.

— Скольких я должна убедить?

— Боюсь, я не имею права разглашать эту информацию. Но если тебе интересно, рекорд составил тридцать шесть.

— Господи...

— Между прочим, у Элиота. Внимание! Вот еще один прохожий.

Эмили стащила с себя куртку и бросила ее на тротуар.

— Джон! — закричала она. — Джон! Эй, Джон!

На противоположной стороне мужчина средних лет остановился. Когда он понял, что она обращается к нему, он очень удивился и покачал головой.

— Что? — Она приложила руку к уху, как бы прислушиваясь. — Я не слышу тебя, Джон!

— Я не Джон!

— Что?

— Я не... — Он сдался и пошел к ней через улицу.

— Вербальное требование с использованием имени, — сказала Шарлотта. — Два. Переговариваясь и смеясь, из машины выбрались три женщины.

— Внимание всем! Бесплатная одежда! — сказала Эмили. — Первым трем покупателям! — К ней повернулись три головы. Эмили указала на магазин одежды. — Стоимостью до двухсот долларов для каждого покупателя!

— Вербальное обещание материального вознаграждения через представителя. Три. Мужчина, ласково улыбаясь, наконец-то дошел до нее.

— Я думаю, вы меня с кем-то перепутали.

— Ой, точно. — Она краем глаза увидела, как молодая мамаша с маленьким мальчиком, держащимся за ее руку, идет к бакалее.

— Прошу прощения, мэм! Мэм! Мне нужно поговорить с вами о вашем сыне! — Женщина посмотрела на нее, потом отвела взгляд. — Мэм, с вашим сыном не все в порядке.

— Вы сказали, бесплатная одежда? — спросила одна из трио. У нее был пирсинг в носу и слишком густо накрашенные ресницы.

— Мэм! — закричала Эмили мамаше. — У вашего сына действительно серьезные проблемы! Я не шучу!

Мамаша зашла в бакалею. По ее спине Эмили догадалась, как сильно она напряжена. Она все слышала, но предпочла проигнорировать ее.

Она посмотрела на Шарлотту.

— Ведь минус только один, правильно, потому что они были вдвоем.

— Верно. Один минус.

— Что-то я не вижу никакой рекламы, — сказала женщина с намазанными ресницами. — Ну что, зайдём или?..

— Да. Давай зайдём.

Мужчина пошел прочь, вид у него был разочарованный. Эмили догадалась, что ему очень хотелось оказаться Джоном.

По той стороне улицы к перекрестку приближалась стайка мальчишек-старшеклассников в мешковатых штанах и майках без рукавов. Она уже открыла рот, чтобы применить тот же метод, но потом упала на одно колено.

— Ой! Черт! Ой! — Мальчишки повернулись. Эмили сделала вид, будто пытается встать. — Черт! Помогите!

* * *

В половине девятого она сняла свою футболку, под которой был самый обычный бюстгальтер. Поколебавшись, расстегнула его. И вся покрылась «гусиной кожей». Помахала группе мальчишек, глазевших на нее с той стороны улицы. Они переглянулись, захохотали и пошли через дорогу, но в двух футах от противоположной стороны их едва не снес проезжавший мимо седан. Эмили повернулась к Шарлотте.

— Так ведь можно, да?

— Невербальное сексуальное приглашение. Девятнадцать.

Ей показалось, что она услышала недовольство.

— Вы разочарованы?

— Между прочим, — сказала Шарлотта, — я удивлена, что ты так долго ждала.

— Ну, что тут? — хихикнул один из мальчишек. Они сбились в кучку в девяти футах от нее, на краю тротуара, как будто боялись подойти ближе.

— Послушайте, — сказала Эмили, — сделайте мне одолжение. Встаньте на том углу и не давайте никому пройти. Пусть все идет сюда.

— Зачем? — спросил один. А другой сказал: — Я хочу стоять тут и смотреть на твои титьки. — Все заржали, и это отвлекло их на какое-то время. Уж больно юными они были.

— Вы не пожалеете. — По той стороне шел мужчина: крупный, с бритой головой и в черной майке. — Я каждого отблагодарю! Лично! — Эмили сама не знала, что несет.

Мальчишки затрусили к противоположной стороне улицы. Она надела футболку, чтобы не нарушать правило, запрещающее использовать повторяющиеся методы. Шарлотта сказала:

— Надеюсь, ты понимаешь, что твои доверенные лица направят сюда множество групп, и это будет считаться как повторение метода убеждения, и, следовательно, минусом.

— Ох. Черт... — Мальчишки о чем-то оживленно разговаривали с тем мужиком, у которого была бритая голова, и указывали на нее. Сзади к ним приближалась небольшая группа пожилых старушек. — Черт.

— Двадцать, — сказала Шарлотта, когда мужик с бритой головой перешел через улицу. — Убеждение через доверенное лицо.

— Хватит! — закричала Эмили мальчишкам. — А теперь уходите! — Но все их внимание было сосредоточено на старушках. — Вот... недоумки!

Мужик с бритой головой дошел до нее. Вид у него был настороженный: Эмили не знала, что мальчишки наговорили ему. Тут она заметила свой бюстгальтер, он лежал на тротуаре. А она совсем забыла о нем.

— Ты в порядке?

— Они напали на меня. — Эмили подняла бюстгальтер и прижала его к груди. — Те мальчишки.

Пока мужик с бритой головой бил мальчишек, она успела надеть бюстгальтер, вытащила волосы из ворота майки. Старушки отошли на дальний угол перекрестка и ждали, когда загорится зеленый свет для пешеходов. В общем, тротуар был пуст. У Эмили оставалась минута. Шарлотта сказала:

— Перенаправление с помощью физической угрозы. Двадцать один.

— О, боже! — завопила Эмили, потому что увидела двух женщин средних лет. — Это же Деми Мур! — Женщины остановились. Она указала на Шарлотту. — Можно взять у вас автограф?

Губы Шарлотты дернулись.

— Но ведь она похожа, — сказала Эмили.

— Приманка в виде... фальшивой знаменитости, я полагаю. Двадцать два.

— И все-таки, а сколько надо, чтобы сдать?

На нее уставились солнцезащитные очки.

— Пять.

— Пять, — эхом повторила Эмили.

Из-за угла вышла девочка-подросток с наушниками. Эмили не представляла, что скажет этой маленькой шлюшке, но знала, что что-то скажет. Она открыла рот.

УЗНАЙ СВОИХ ДРУЗЕЙ®!

Вопрос 6/10: Каких животных ты предпочитаешь — кошек или собак?

- Кошек!
- Собак!

Следующий вопрос →

Отправь эту анкету своим друзьям!

Узнай результаты своих друзей!

ЛАЙК Узнай своих друзей®

Они свернули с шоссе и проехали через несколько засыпанных снегом городков. Уил спал, хотя и не собирался этого делать, и проснулся от выстрелов и мертвых девушек. Его подбородок был мокрым от вытекшей слюны. Дорога ослепляла своим блеском в свете фар и исчезала в ночи, темной, как одеяло.

— Где мы?

— Там, где безопасно. — Том всматривался в дорогу. — Почти. — Он сбросил скорость. Свет фар выхватил грунтовую дорогу. Уил увидел сетчатый забор, деревянные столбы и указатель «МАККОРМАК И СЫНОВЬЯ. ПРОДАЖА ПОРОДИСТОГО СКОТ». Машина остановилась и издала булькающий звук.

— Гм, — сказал Том.

— Что?

— Ты мне доверяешь?

— Доверяю ли я тебе?

— Я неправильно выразился, — сказал Том. — Я имел в виду другое: если я скажу тебе, что от того, насколько точно и без колебаний ты будешь выполнять мои указания, зависит твоя жизнь, могу ли я быть уверен, что ты точно и без колебаний их исполнишь?

— Конечно, — сказал Уил, но потом, понимая, что его ответ звучит не вполне правдоподобно, добавил: — Возможно.

— Это не очень хорошо. «Возможно» предполагает, что ты останешься в живых только возможно.

— Я думал, мы едем к твоим друзьям.

— Так и есть.

— Тогда в чем проблема?

Том перевел взгляд на указатель.

— Ни в чем. Нет проблемы.

Он включил передачу. Пикап свернул на грунтовку. В жидкой грязи четко выделялись колеи. Том проехал две сотни ярдов и остановился на развилке. Слева дорога исчезала в темноте. Справа вдали стоял столб, на котором висела лампочка. В круге отбрасываемого ею света не было ничего, кроме грязи. Том повернул направо. Колеса пробуксовали, но все же зацепились за грунт.

— Что это за место?

Сбоку на некоторое время появилось металлическое ограждение, потом оно исчезло. Они оказались перед бескрайним месивом грязи. Земля казалась пережеванной. Они добрались до столба и остановились. Двигатель работал на холостом ходу. Том нажал кнопку, и в дверях щелкнуло. Он поднял с коврика обрез и положил его к себе на колени.

— Что дальше?

— Тихо.

Тишину нарушал только звук двигателя.

— Может, мне тоже вооружиться?

Том покосился на него.

— Если нам будет угрожать опасность, я буду делать так, как ты скажешь. И все же, как насчет того, чтобы выдать мне оружие?

— Это только увеличит опасность, — сказал Том. — Для меня. — Он снова устремил взгляд во мрак.

Уил увидел в темноте какое-то движение. К ним бежал мужчина и размахивал руками. Полы его куртки развевались. Длинные волосы были всклокочены. Он добежал до машины, оперся на капот и усмехнулся. Стекло Уила поползло вниз.

— Эй! Черт бы тебя побрал! — сказал длинноволосый. — Это он? Это точно он?

— Где остальные? — сказал Том.

— Внутри. — Длинноволосый внимательно оглядел Уила. — Проклятье, мне не верится, что ты его нашел.

— Не вижу никакого внутри.

— Там дом. — Не отрывая взгляда от Уила, длинноволосый махнул во мрак. — Вылезайте. Я отведу вас.

— Где мне оставить машину?

— Не переживай за нее. Оставь здесь. Мы уедем через десять минут. — Длинноволосый дернул ручку двери Уила. — Пошли.

— Почему ты так бежал?

— Я очень взволнован, Элиот! Я просто на седьмом небе от счастья! — Мужчина еще раз попытался открыть дверцу. — Ведь ради этого мы столько работали! Это, черт побери, дает нам шанс! — Он улыбнулся.

Том повернул голову и принялся изучать темноту. Уил не знал, что он там высматривает.

— У нас есть самолет. Уже заправлен, стоит на полосе за домом. У нас есть препараты, у нас есть зонд; двадцать минут — и мы будем в воздухе и вскроем череп этому парню. — Он перевел взгляд на Уила. — Ничего личного. Но то, что у тебя там, нам нужнее, чем тебе. — Он попытался легонько постучать Уилу по голове. — Дружище! Дай я тебя расцелую!

Том сказал:

— Ты понимаешь, какое количество эмоций сейчас выставляешь напоказ?

Длинноволосый посмотрел на него. Затем метнулся к Уилу, схватил его за голову и попытался протиснуться в машину через окно. Его ботинки скребли о дверцу. Том нажал на газ, машина рванула вперед. Длинноволосый взвизгнул, повалился, и на секунду Уил испугался, что он так и будет волочиться за машиной. Однако его хватка ослабла, пальцы выпустили его голову и шею, и он исчез.

— Сдохнуть можно! — сказал Уил. — Что происходит?

— Ничего хорошего, — сказал Том.

— Это твой друг?

— Нет. Был им когда-то.

Впереди блеснул металл. Это была ограда, такая же, как та, вдоль которой они приехали сюда. Уил решил, что Том собирается пробить ее, но тот повернул. Ограда тоже повернула, она казалась бесконечной.

— А, ясно, — сказал Том. — Мы в загоне.

— В загоне?

— Выгульная площадка для скота. — Он еще раз повернул, и они оказались носом к столбу с лампочкой. Длинноволосый уже спешил от круга света к ним. Том переключил передачу. Колеса пикапа закрутились в грязи.

— Ой, — сказал Уил, — ой, подожди, нет.

Перед капотом возник длинноволосый. В последний момент Том крутанул руль влево и ударил длинноволосого крылом. В красном свете хвостовых огней Уил увидел, как тот поднялся из грязи и заковылял за ними.

— Ты сбил своего друга, — сказал он.

Том нажал на тормоз. Уила по инерции наклонило вперед. Он посмотрел на водителя.

— Что ты делаешь? — Том не ответил. — Твой друг приближается.

— Прекрати называть его моим другом.

— Ну, тогда к нам приближается тот чертов парень. Он в двадцати футах.

Взгляд Тома метнулся к зеркалу заднего вида.

— Честное слово, пора ехать.

Длинноволосый шлепнул ладонями по заднему стеклу, затем подбежал к дверце Уила и попытался открыть ее одной рукой. Другая висела под странным углом. Он завопил от негодования. Его пальцы скребли по стеклу; взгляд, напряженный и голодный, не отрывался от Уила.

— На грунтовку нельзя. На ней мы будем как в бутылочном горлышке, — сказал Том.

— Тогда давай... — Длинноволосый принялся с хрустом биться головой о стекло. — Давай что-нибудь придумаем, а? — Том никак не отреагировал. Длинноволосый все бился о стекло. — Пожалуйста, Том. Не заставляй меня смотреть, как этот парень убивает себя.

Впереди замелькал свет. Уил приставил руку ко лбу, загораживаясь от него. Что-то кашляло и чихало.

— Ага, — сказал Том.

— Что это?

— Грузовик. — Он включил заднюю передачу, повернулся и перекинул локоть через спинку своего сиденья. — Большой грузовик.

Свет впереди задрожал, рычание переросло в горловой рев. Длинноволосый упал в грязь и поднялся. Они задом проехали полукруг, и Том переключил коробку на переднюю передачу. Пока они, подпрыгивая на кочках и раскачиваясь, удалялись от грунтовки, Уил увидел, как темнота стала приобретать очертания. Это был скотовоз, огромный, как дом, его радиаторная решетка напоминала злобную ухмылку. Из двух выхлопных труб над кабиной валил дым. Когда он въезжал в загон, свет от лампочки упал на ярко-красные наклонные буквы: «*Верная Бетани*».

— Надо выбираться отсюда. — Свет их фар скользил по металлической ограде. — Мы можем проломить загородку?

— Нет. — Том повернул руль.

— Откуда ты знаешь? Может, нам удастся сломать...

— Если бы это было возможно, они выбрали бы другое место. — Скотовоз заполнял весь обзор. Том прибавил скорости и понесся на него.

— Что ты... что ты... Боже! — Он выбросил вперед руки. Том резко повернул руль. Пикап подпрыгнул. Скотовоз зацепил их, и все накренилось и завертелось. Но тут покрышки вгрызлись в землю. Они летели к грунтовке и к свободе радостные десять секунд. И вдруг Том опять затормозил.

Уил, который сидел пригнувшись, ударился о приборную панель и откинулся на спинку. Пикап стоял на границе загона и грунтовки. Впереди были какие-то выпуклости. Большие выпуклости. Люди, увидел Уил. Три человека, все сидели.

— Кто они? — Он посмотрел на Тома. — Поэты?

— Нет.

— Зачем они там сидят?

Черные волосы женщины были коротко подстрижены. Рядом с ней сидел мальчик-подросток. А дальше — пожилой мужчина с седыми волосами. Они не двигались и смотрели на пикап, их лица были выбелены светом его фар.

В салоне вдруг стало светлеть. Уил обернулся. Скотовоз закончил медленный разворот и несся на них.

— Ах ты, сука, — сказал Том, указывая вперед. — Кровожадная сука, чтоб тебе провалиться.

— Том. Грузовик. — Том нажал на педаль газа, но скорость не переключил. — Грузовик, Том.

Тот повернул и повел машину вдоль ограды, обратно в загон. Они набрали скорость и проскочили мимо вращающихся колес грузовика. Откуда-то возник длинноволосый. Том дернул рулем, но они ехали слишком быстро. Длинноволосого подбросило, и он перелетел через крышу. Впереди появилась ограда. На первый взгляд могло показаться, что Том все же решил пробить ее, но Уил знал, что ничего этого он делать не будет, потому что, как он сказал, это невозможно. А потом понял, что тот затеял, и зажмурился.

Мир поднялся. Он стал предметом. Вещью, которая не может управлять своим движением. Земля вздыбилась и неожиданно врезала им. И все стихло.

Уил сглотнул. Заморгал. Ага, значит, он может хоть что-то делать... Попытался поднять голову, но ему помешала сила гравитации, как-то неправильно она работала. Она тянула его в стороны. Уил хотел протереть глаза, но промахнулся. Уж больно много неправильного было в ситуации, и он не понимал, откуда начинать исправление.

— Сол, — сказал Том. Он лежал на руле. Должно быть, у него тоже были проблемы с гравитацией, потому что он был у Уила над головой. Наверное, поэтому и держался за руль.

По приборной панели промелькнул пучок света. Недоброго света, вспомнил Уил. Он ощупал ремень безопасности, нашел замок и упал на свою дверь. Окно было окрашено в белый. Ему потребовалась секунда, чтобы идентифицировать эту краску как снег. Снег на земле. Пикап лежит на боку. Он подергал ручку, так, на всякий случай, но земля никуда не делась.

— Мы должны выбираться. — Как он понял, Том не держался за руль; баранку выбило из приборной панели, и теперь она прижимала Тома. — Ты в порядке? Что мне делать?

— Сол.

Уил уперся в приборную панель и через Тома потянулся к водительской двери; при этом его плечо задело Тома по лицу, а колено уперлось ему в ребра. Том застонал. Однако ему все же удалось высунуть руки в окно и вытащить свое тело на морозный воздух. Скотовоз заканчивал разворот, световые пучки от его фар мели по земле.

— Эй, Том, я вытащу тебя.

Тот помотал головой.

— Прекрати. Тебе надо выбираться отсюда. — Уила окатило светом. Он поднял голову. Перед грузовиком маячил какой-то странный силуэт. Человек. Он подволакивал одну ногу. Доковыляв до искореженной секции ограды, стал неуклюже пролезать в образовавшуюся дыру, которую они проделали своим пикапом. — Тот тип идет сюда.

— Сол. — Том дернул головой, указывая в сторону педалей. Уил увидел приклад обреза.

Не «сол», догадался он. Ствол.

— Я не буду стрелять в людей. Дай мне вытащить тебя.

— *Ствол.*

Длинноволосый перелез через порушенную ограду и стал пробираться по глубокому снегу. Скоро идти ему станет легче, сообразил Уил, потому что в десяти футах от длинноволосого начиналась ровная, гладкая полоса, сделанная пикапом после того, как он приземлился. Снег был красным от задних фонарей машины.

— Бери. Его, — сказал Том.

— Нет! — Длинноволосый дошел до пикапа и начал взбираться на него. Уил услышал, как его ботинки заскребли по выхлопной трубе. — Я не буду убивать его!

Ладони зашлепали по дверце багажника. Над кузовом появилась голова длинноволосого.

— Черт, — сказал Уил, вытащил через окно обрез и приставил его приклад к плечу. — Стоять, мерзавец!

— *Пристрелю,* — сказал Том.

Длинноволосый лег торсом на бок пикапа. Затем он закинул ногу, и Уил увидел, что его джинсы потемнели от крови, а штанина прорвана в нескольких местах. Подонок истекал кровью. Его нога соскользнула с кузова, и он принялся закидывать ее снова.

— Не лезь сюда!

— *Предохлаждение...* — сказал Том. — Кнопка. Сбоку.

— Я австралиец, я знаю, как обращаться с оружием! — Уил убрал одну руку с обреза и несколько раз сжал ее в кулак и разжал, чтобы разогнать кровь. — *Стой, недоносок!*

Длинноволосый выпрямился на одной ноге и неуклюже забалансировал. Его лицо было испачкано грязью и кровью. Вид у него был целеустремленный и сосредоточенный. Полностью игнорируя наставленный на него обрез, он начал продвигаться вперед по кузову.

— Черт, — сказал Уил и нажал на спусковой крючок. Обрез выстрелил. Длинноволосый свалился с пикапа. Уил опустил обрез. — Черт бы все побрал!

— Молодец, — сказал Том.

Взвыл двигатель грузовика, из выхлопных труб с шипением вырвались газы, завращались колеса.

— А теперь, — сказал Том, — пожалуйста, помоги мне.

Уил наклонился и схватил Тома за руку. К тому моменту, когда он вытащил раненого, грузовик был уже близко. Они прыгнули в глубокий, серый в темноте снег. Уил стал продвигаться вперед. Когда он вышел из тени, отбрасываемой пикапом, перед ним растянулась его собственная тень, длинная, тощая, с четкими границами, ужасно уязвимая. Земля дрогнула. Заскрежетал металл, и Уил подумал: «*Грузовик проломил ограду, он в тридцати футах*». Надобности оглядываться и проверять это не было, однако он все равно оглянулся. Грузовик отшвырнул пикап в сторону. Мысль побежать неожиданно показалась Уилу чрезвычайно глупой, потому что скотовоз был огромным, как гора. И он собирался его переехать, что бы Уил ни сделал.

Том схватил его за ухо. Грузовик уже ехал по глубокому снегу и сгребал его перед собой в огромный вал. Уил не учел снег: он их сильно замедлит. Понял: он сможет выжить, или смог бы выжить, если бы подумал об этом десять секунд назад. Скотовоз плыл на него, разбрасывая в стороны фонтаны снега. Потом он сбавил скорость и остановился. Его колеса вертелись. Уил вытянул руку и дотронулся до его «кенгурятника».

Том забрался на решетку и поднял обрез. Уил увидел, что за рулем женщина. Чуть за сорок. Очки, типа профессорских. Меньше всего он ожидал увидеть женщину за рулем жаждущего убить его грузовика. Она посмотрела на Тома с выражением мягкой решимости и потянулась за пистолетом, который лежал на приборной панели.

Том выстрелил в лобовое стекло. Уил отвернулся. В свете фар снег напоминал россыпь бриллиантов. Миллиарды крохотных камешков.

Том спрыгнул на землю.

— Пошли.

Он двинулся вперед, проваливаясь в снег. Они не разговаривали. За пределами пучков света снег стал глубже, по пояс. У Уила изо рта валил пар. Спустя какое-то время он сказал:

— Я больше не могу.

Том посмотрел на него. В его лице было нечто жуткое. Он перевел взгляд на загон для скота. Потом вдруг сел. И принялся вытаскивать из карманов пальто патроны и заряжать ими обрез.

Уил, тяжело дыша, сел рядом с ним. Грузовик был примерно в пятистах ярдах от них, фары у него еще горели. Он смог разглядеть дыру в лобовом стекле.

— Это Вульф?

Том повернулся к нему:

— Что?

— Та женщина.

— Нет, — сказал Том.

— А.

— Если б это была Вульф, я бы рыдал горячими слезами от радости.

— А.

— То, что случилось с твоим родным городом, с Брокен-Хилл... Это сделала Вульф. А не разлив химикатов. Я бы сплясал джигу, если б это была Вульф.

— Ясно, — сказал Уил.

— Не Вульф, — сказал Том. — Не Вульф.

Они сидели в тишине. Вокруг все застыло, двигался только ветер.

— Ты знаешь эту женщину в грузовике?

— Да.

— Почему она хотела убить нас?

Том не ответил.

Уил поежился:

— Я замерз.

Том отшвырнул обрез и бросился на него. Уил завопил и упал на спину, а Том сгреб в кулак ворот его майки, приподнял его и пихнул в снег, приподнял еще раз и пихнул.

— Какого... — выдохнул Уил.

Том зачерпнул горсть снега и стал запихивать его Уилу в рот.

— Замерз? — спросил он. — Замерз?

Затем оторвался от Уила. Когда тот сел, Том уже успел повернуться лицом к грузовику. Уил стер снег с лица.

— Прости.

— Ты должен быть лучше, — сказал Том. — Ты должен быть достоин.

Уил сунул руки под мышки и посмотрел в небо.

— А если поглядеть, ты не стоишь и того дерьма, что у тебя внутри.

— Эй, послушай, я не просил, чтобы меня похищали.

— «Спасали» — это другой взгляд на ситуацию.

— Я не просил, чтобы меня спасали.

— Тогда уходи.

— Я не сказал, что хочу уйти.

— Оставайся. Посмотрим, сколько ты продержишься.

— Я и этого не говорил.

— Ты — бесполезная куча дерьма, — сказал Том.

— Я убил человека. Не для того, чтобы подтвердить свое сотрудничество. Я просто, черт побери, убил человека.

Том раздраженно хмыкнул.

— И я вытащил тебя из пикапа. — Уил цепенел от холода, глубоко проникавшего в тело. Он открыл рот только для того, чтобы дать хоть какую-то работу своим челюстным мышцам. — Ты же не поехал на тех людей.

Том внимательно посмотрел на него.

— Мы же могли выбраться. Но для этого тебе пришлось бы переехать их.

— Да, — сказал Том.

— Почему ты этого не сделал? — Тот не ответил. — Ты убил ту женщину.

— Бронте.

— Что?

— Ее звали Бронте.

— Как... Шарлотту Бронте? Поэтессу? Я правильно подумал, что они поэты?

Том промолчал.

— Ладно, — сказал Уил. — Я все понял. Тот тип назвал тебя Элиотом. Ты Том Элиот. Верно? Т. С. Элиот. Ты поэт.

Том вздохнул:

— Был.

— Ты был поэтом раньше? А кто ты сейчас?

— Не знаю, — сказал Том. — Бывший поэт, наверное.

— Почему твои друзья стали плохими?

— Их *скомпрометировали*.

— В каком смысле?

— До них добралась Вульф.

— В каком...

— Это значит, что она очень хорошо умеет убеждать.

— Убеждать? Она умеет убеждать?

— Я говорил тебе, что поэты ловко обращаются со словами. — Том встал. С его пальто посыпался снег. — Пора идти.

— Ты утверждаешь, что Вульф удалось убедить их убить нас? Она вот так вот взяла и сказала: «Эй, ребята, как насчет того, чтобы устроить ловушку для вашего приятеля Тома Элиота, заманить его в загон для скота и переехать грузовиком?», а они так просто все это выполнили? Только потому, что она умеет убеждать?

— Я сказал: *очень хорошо* умеет убеждать. Вставай.

Во всех направлениях был только снег.

— Куда мы идем?

— У меня есть одна мысль, — сказал Том. — Может, самолет и вправду здесь.

* * *

Они пробирались через снег и темноту до тех пор, пока Уил не перестал что-либо чувствовать. Его нервные окончания убралось куда-то внутрь, где было еще тепло. Нос превратился в сплошное воспоминание. Он не только никогда так не замерзал — он вообще не представлял, что температура может опускаться до таких значений. Уил уже начал надеяться, что поэты найдут их, потому что тогда, что бы ни случилось потом, они окажутся в тепле.

Он споткнулся.

— Ага! — сказал Том. — Взлетная полоса. — Уил не видел его. — Давай-ка... сюда.

Через несколько минут звезды начали исчезать. Послышался шум. Том взял Уила за руку, и он нашел ступеньки. Наверху воздух оказался другим. И там было теплее, Господь всемогущий, теплее!..

— Сядь, — сказал Том. — И ничего не делай.

Он опустился на пол, обхватил согнутые ноги руками и уткнулся лицом в колени. Том возился где-то впереди, щелкая тумблерами. Через некоторое время Уил начал оживать. Поднял голову. Желтый свет лился из — как он предположил — кабины пилота. Уил помассировал ступни. Можно ли их отморозить за такое короткое время? Ощущение такое, что они действительно отморожены. Он решил пройтись, спасти свои ступни.

Кабина была напичкана приборами, единственное кресло окружали темные панели. В кресле сидел Том, пристегнутый ремнем.

— Ты умеешь летать на этом? — сказал Уил.

— Это проще, чем делать операцию на головном мозге.

— Ты же не видишь, куда взлетать. Вокруг сплошная темень.

— Я основываюсь на том, что мы повернуты в нужном направлении, — сказал Том. — И поеду прямо.

— Ох, — сказал Уил.

Том провел большим пальцем по одному из циферблатов и остановился на потертой черной кнопке.

— Думаю, мы готовы к взлету.

— Ты думаешь?

— Прошло немало времени с тех пор, как я летал в последний раз.

— Ты же сказал, что это не операция на головном мозге.

— Так и есть. Но плата за ошибку высока.

— Может, стоит еще подумать?

Том ждал. Уил решил, что он размышляет. Но потом понял, что Том куда-то очень внимательно смотрит. Уил проследил за его взглядом и не увидел ничего, кроме ночного неба. Одна звезда двигалась.

— Что это? — сказал он и догадался. — Вертолет.

— Да. Иди, сядь. — Том отжал кнопку, где-то раздалось «щелк». — Гм.

— Так и должно быть? — Том не ответил, но явно не должно было. — Они, что,

повредили самолет? Ты думаешь, они...

— Ты заткнешься или нет, черт побери?!

Том забормотал себе под нос, склонившись над приборами. Звездочка впереди увеличивалась. Земля под ней сверкала. По снегу скользил прожектор.

— Он приближается.

— Убирайся!

— Я просто сообщаю тебе...

— Прочь из кабины!

Уил в темноте добрался до сидений, рухнул в одно из кресел и пристегнулся. Какое-то время ничего не происходило. Он оглянулся. Мрак был неполным, поэтому Уил разглядел, что на задних сиденьях что-то есть. Ему не сиделось, поэтому он встал и прошел туда. На одном сиденье обнаружил слабо мерцающий металлическими боками чемоданчик. Провел руками и нашел замки.

Он ничего не видел, поэтому исследовал свою находку на ощупь. Что-то звякнуло. Уил почувствовал под пальцами ткань. Потом отыскал нечто трубчатое и попытался вытащить его, но оно не поддавалось. Он поднял чемоданчик с сиденья и понес его в переднюю часть самолета. Когда света стало побольше, Уил заглянул внутрь. Кое-что из увиденного было ему незнакомо. А кое-что он узнал. Шприцы. Сверла для дрели. В центре лежал скальпель, его лезвие защищал пластмассовый чехол.

Когда он вошел в кабину, Том лежал на спине под приборной панелью и, засунув в нее руки по локти, копался в ней. Уил достал скальпель.

— Что это?

— Не сейчас, Уил.

— Взгляни на это.

Из-под панели появилась голова Тома. Выражение на его лице не изменилось. Он опять исчез под панелью.

— Что вы собирались со мной сделать? — Уилу пришлось повысить голос, чтобы перекричать нарастающий стрекот вертолета. — Тот тип сказал, что вы вскрыете мне череп. Именно так он и сказал. Вскроете мне череп. И у меня, Том, крепнет подозрение, что то было вовсе не фигурой речи.

— Отвянь, а?

— *Так вы намеревались убить меня?*

— Я точно убью тебя, если ты не уберешься отсюда.

Уил сделал шаг вперед, держа в руке скальпель. Он не собирался ударять им Тома — просто хотел, чтобы его воспринимали всерьез. Однако вынырнувшая из-под панели рука Тома схватила его за запястье и вывернула ее так, что ему пришлось разжать пальцы. Том отпихнул скальпель в салон, снисходительно посмотрел на Уила и забрался в кресло пилота.

Уил сказал:

— Ты задолжал мне ответ.

— Мы намеревались делать все, что могло понадобиться. — Том щелкнул несколькими переключателями. — Если бы нам не пришлось взламывать тебе череп для того, чтобы вытащить из тебя слово, которое разрушило Брокен-Хилл, это было бы здорово. Мы пошли бы этим путем. Если бы понадобилось — другим. Это всяко лучше, чем то, чего хочет от тебя другая сторона.

— Совсем это, черт побери, не лучше.

— Я знаю Вульф, — сказал Том. — Я знаю ее давно, с тех пор, как ей было шестнадцать. Поверь мне, лучше... Да сядь же ты, наконец! Чтоб тебе пусто было!

В кабину через лобовое стекло ворвался свет. Уил загородился рукой. Прожектор нашел самолет. Под его светящимся взглядом взлетно-посадочная полоса напоминала черное стекло. Стрекот над головой перерос в грохот.

— Ну вот, теперь мне все видно. — Том большим пальцем нажал на черную кнопку. Двигатель заработал. Обороты стали с воем нарастать. Где-то над головой Уила раздалось «чпок, чпок, чпок». Самолет тронулся с места.

— Они стреляют в нас. Они ведь стреляют в нас?

— Да.

Они ехали вперед, набирая скорость.

— Ты знаешь, что вертолет над нами?

— Знаю.

— Но как мы выберемся из-под него, когда оторвемся от земли? — Инерция поволокла Уила назад. Он ухватился за спинку кресла Тома. Скоро он пожалеет о том, что не сел. Но Уил не был настроен покидать кабину. — Как мы выберемся из-под вертолета, Том?

— Самолеты быстрее вертолетов.

Том потянул на себя штурвал, и они взлетели.

Секта самоубийцы собрала урожай из шести жертв

Монтана. Во вторник на отдаленном ранчо недалеко от Миссулы полиция обнаружила тела шестерых человек. Все они стали жертвами группового самоубийства по сговору.

Среди погибших оказался владелец ранчо, хорошо известный местный скотовод Колм Маккормак, 46 лет, и его жена, Морин Маккормак, 44 лет. В ноябре прошлого года Колм Маккормак баллотировался на пост главы местных органов самоуправления, но проиграл выборы.

Другие подробности не сообщаются.

Прошел слух, что Керри победил на выборах в Нью-Гемпшире. Теперь он станет кандидатом на пост президента от демократов.

— Ну вот, — сказала Сашона. Она поигрывала кончиком украшенного бусинами дреда. — Еще четыре года с Бушем.

Эмили сидела на заднем ряду и не участвовала в обсуждении. Она была своего рода одиночкой.

— Почему ты думаешь, что снова выберут Буша? — возразил какой-то мальчик. — За Керри все СМИ, для нас он лучше.

«Потому что Буш из противоположного лагеря», — подумала Эмили.

— Потому что Буш из противоположного лагеря, — сказала Сашона.

* * *

У нее было шестнадцать уроков в неделю. Предполагалось, что после занятий она будет заниматься самоподготовкой и практиковаться. Но не на других учениках. Таково было правило. В первый день она, одетая в форму, от которой все еще пахло пластиковой упаковкой, стояла в кабинете Шарлотты и слушала лекцию. Правил было много, и Шарлотта терпеливо и в подробностях разъясняла их ей, как будто Эмили была слабоумной. Сначала она решила, что так Шарлотта проявляет свою обиду на нее, но потом, когда лекция закончилась, поняла, что нет. Шарлотта просто считала ее глупой.

— Это правило действует в школе и обсуждению в школе не подлежит, — сказала Шарлотта. — Вернее, во всей Организации как таковой. Если ты нарушишь его, для тебя не будет никаких оправданий. И второго шанса у тебя тоже не будет. Я ясно выразилась?

— Вы ясно выразились, — сказала Эмили.

В тот момент она не знала, что значит «практиковаться». Потребовалось несколько месяцев, чтобы выяснить это. Эмили думала, ее будут обучать, как нужно убеждать, но вместо этого она получила философию, психологию, социологию и историю языка. Тогда, в Сан-Франциско, Ли произнес маленькую речь о том, насколько эта школа не похожа на другие, потому что там учат интересным, полезным вещам. По мнению Эмили, все это было шуткой. В грамматике не содержалось ничего интересного. И не было никакой пользы от знания, откуда произошли слова. И никто ничего не объяснял. Не давалось общее представление о предмете. Не было четкого плана. В каждом классе было от восьми до двенадцати учеников абсолютно всех возрастов, и все они на голову опережали Эмили и не задавали очевидные вопросы. Она ночами сидела над учебниками и пыталась понять, почему все эти дисциплины так важны.

Эмили выучила иерархию потребностей Маслоу, которая описывала, в каком порядке люди удовлетворяют различные типы желаний (пища — безопасность — любовь — статус — просвещенность). Она узнала, что рычаг управления желанием людей получить признание называется «информационное социальное влияние», а рычаг управления желанием людей нравиться другим является «нормативным социальным влиянием». Она также узнала, что любого человека можно отнести к одной из двухсот двадцати восьми

психографических категорий с помощью небольшого количества правильно сформулированных вопросов и результатов наблюдения и что все это называется «сегментацией».

— Я думала, будет круче, — пожаловалась она Элиоту. Он был лектором на полставки и преподавал в нескольких продвинутых классах, но не в том, в который зачислили ее. Каждый раз, когда Эмили видела его машину, припаркованную перед главным входом, она шла в его кабинет, потому что он был единственным, с кем она могла поговорить. — Я думала, это будет как волшебство.

Элиот работал с документами. Но она считала, что он обязан общаться с ней, потому что, по сути, это он был виноват в том, что она оказалась здесь.

— Сожалею, — сказал он. — На том уровне, что ты сейчас, тебя ждут только учебники.

— А когда будет как волшебство?

— Когда ты покончишь с учебниками, — сказал Элиот.

* * *

К концу года Эмили уже разглядела, куда все движется. Она не училась убеждать, изучала Платона, нейролингвистику и политические корни русской революции, однако начала чувствовать связь между этими областями знаний. Однажды ей пришлось препарировать человеческий мозг, и когда она через очки смотрела на лобную долю, на то, как скальпель разрезает мякоть мозга, отделяя принятие решений от моторных функций, память от центра удовольствия, она мысленно сказала: «Привет». Потому что знала, что эта мякоть делает.

* * *

Эмили играла в футбол^[4]. Надо было заниматься каким-то спортом — футболом, или баскетболом, или водным поло, — а она была маленькой и ненавидела купальники, поэтому остался футбол. По средам во вторую половину дня она вместе с остальными девочками выстраивалась в шеренгу. Со щитками, заправленными в фиолетовые гольфы, с собранными в «хвост» волосами, в развевающейся на ветру желтой майке она гоняла мяч по полю. Все девочки были разного возраста, поэтому игра сводилась главным образом к тому, чтобы отпасовывать мяч старшим и выкрикивать что-нибудь ободряющее. Исключение составляла Сашона, сверстница Эмили, сильная, но грациозная, с прямыми и мощными плечами. Футбол считался бесконтактным видом спорта, но Сашона обязательно своими плечами расшвыривала всех. После гола она потрясала кулаком; правда, это не было проявлением радости, все выглядело так, будто успех не удивил, а просто удовлетворил ее. Хотя Эмили не очень-то нравился футбол, то, как играла Сашона, производило на нее глубокое впечатление. Ей хотелось в какой-нибудь области быть такой же успешной, как Сашона — в футболе.

По вечерам она сидела за письменным столом у окна своей комнаты-кельи. Учебники были стопками сложены на столе. Для занятий Эмили подкалывала волосы, снимала школьный галстук и вешала его в сторону. Она не любила читать, но ей нравилось, как учебники превращаются в ключи к разгадке. Каждый был кусочком мозаики. И даже если

эти кусочки не сочетались друг с другом, они все равно помогали лучше увидеть ту картину, которую ей предстояло сложить.

Однажды, изучая коридор, который, как она всегда считала, никуда не ведет, Эмили обнаружила секретную библиотеку. Она не знала, на самом ли деле эта библиотека секретная. Но на двери не было таблички, и Эмили не видела, чтобы кто-нибудь заходил туда. Книги, хранившиеся там, были старыми. Когда она взяла первый попавшийся том, страницы буквально рассыпались у нее в руках. Со следующей книгой Эмили проявила большую осторожность. Она допускала, что, возможно, ей запрещено заходить сюда, но подобное правило не было включено во всеобъемлющий список Шарлотты, и старые книги настолько заинтересовали ее, что она осталась.

Одна полка была посвящена историям о бедствиях. Возможно, они были подобраны по какой-то определенной схеме, но Эмили так и не выяснила, по какой именно. Однако во всех рассказывалось о гибели большого количества людей. Прочитав несколько книг, она поняла, что в них излагается одна и та же история. Действие происходило в различных местах — в Шумерском государстве, и в Мексике, и в странах, о которых она даже не слышала, и подробности различались, однако основная нить повествования была той же. Группа людей — иногда их называли колдунами, иногда демонами, иногда они были обычными людьми — правила в одном королевстве, или в одной стране, или где-то еще. В четырех книгах они начали строить нечто величественное — например, хрустальный дворец или самую большую в мире пирамиду. Потом случалось что-то плохое, люди погибали, и все начинали говорить на разных языках. Эта история показалась Эмили смутно знакомой, но она не узнала ее, пока не наткнулась на книгу, в которой величественным строением была башня, называемая Вавилонской.

Ей послышался какой-то шум, и она замерла. Но шум был далеко. Эмили вдруг увидела себя со стороны: одетая в пиджачок и плиссированную юбку, с темно-синими лентами в волосах, сидит на полу в библиотеке и читает старые книги. До прихода сюда Эмили видела таких девочек — с синими лентами и любящих читать — и считала, что они из другого мира. Она тогда думала, что их разделяет непреодолимая пропасть. А тут сама оказалась на той стороне и даже не понимала, как это случилось. Эмили совсем не чувствовала себя другим человеком. Она просто находилась в другом месте.

* * *

В столовой для младших готовили изумительный шоколадно-молочный коктейль. У Эмили стало привычкой бегать туда после урока макроэкономики, а потом с коктейлем в руке выходить на залитый солнышком кусочек лужайки за зданием, чтобы спокойно почитать. Бумажный стакан был до смешного огромен. Эмили всегда испытывала легкий приступ тошноты, когда допивала его. Но продолжала пить коктейль.

Однажды она проходила мимо мальчика с ноутбуком. Он сидел за одним из уличных столов. Эмили уже видела этого мальчика в коридорах, но они учились в разных классах, так как он был старше. А еще он был более продвинутым. Она бросила на него быстрый взгляд, потом еще один, потому что он был очень симпатичным.

На следующий день Эмили увидела его на том же месте, и на этот раз он поднял голову, когда она проходила мимо. Его взгляд выхватил ее огромный стакан с коктейлем. Она

прошла дальше, устроилась на своем солнечном клочке, но сосредоточиться на книжке не смогла.

На следующий день после этого он, едва увидев ее, потянулся и убрал волосы с лица.

— Что, жажда замучила?

Эмили улыбнулась, потому что сама хотела сказать нечто вроде этого, и это нечто было: «Боже, как же меня жажда замучила!»

— Ага, — сказала она. — Ужасно. — И пошла дальше.

В среду Эмили купила еще одну порцию и поставила ее к нему на стол. В его глазах, серых и нежных, как подушка, отразилось удивление.

— Я подумала, что и тебя жажда замучила. — И она пошла дальше, довольная собой.

В четверг коктейль для него Эмили не купила. Хотя изначально подумывала об этом. Она просто прошла мимо. В один ужасный момент испугалась, что он ничего не скажет, — а вдруг он слишком погружен в свой компьютер и не замечает ничего вокруг. Может, походить вокруг него, только не унизит ли она себя тем самым?

— Эй, подожди, — сказал парень.

Эмили остановилась.

— Спасибо за вчерашний коктейль.

— Пожалуйста.

Она улыбалась, всей душой надеясь, что на этом он не закончит.

— Я никогда не был молочной душой, но коктейль оказался хорош.

— Он не просто хороший, он отличный, — сказала Эмили. — Я под села на него. — Она потянула напиток через соломинку.

Он откинулся на спинку.

— Присядешь?

— Мне нужно еще много прочитать. Но все равно спасибо. Может, в другой раз.

Она пошла прочь. Мальчик не пытался остановить ее, что стало небольшим разочарованием, да и потом он не искал встречи с ней. Но Эмили не переживала. Она играла в долгую игру. Игра была сомнительной. Потому что, по сути, она *практиковалась*. Пыталась убедить другого ученика. Так, чуть-чуть, ничего такого, из-за чего могут быть неприятности. Ведь если оглядеться по сторонам, сразу видно, что люди то и дело пытаются убедить друг друга в чем-то. Они только этим и занимаются.

На следующий день Эмили направилась к своему солнечному клочку без коктейля. Ее сердце бешено стучало, потому что если он увидит это и никак не отреагирует, она будет выглядеть жалко. Однако, когда Эмили завернула за угол, то обнаружила, что его компьютер закрыт, а на столе стоят два коктейля. Мальчик улыбнулся, жестом предложил ей сесть, и она села.

* * *

Его звали Джереми Латтерн. Раньше он хотел иметь собственный зоопарк. Его семья жила в крохотном собственном домике в Бруклине, и его мама спасала животных: кроликов, и мышей, и уток, и собак, и двух кур. Одна из куриц была психически ненормальной. Она бегала кругами и орала так, словно ее топили. Родители хотели избавиться от нее, но Джереми горячо возражал и уговорил их смилостивиться над бедняжкой. Он думал, что

сможет вылечить ее. Он представлял, как курица становится его другом, и люди говорят: «Джеремии — единственный, кого подпускает к себе эта курица». Но этого так и не случилось. Однажды курица набросилась на него, исклевала лицо, и отец свернул ей шею. Вот каким образом Джереми получил этот маленький шрам у левого глаза и решил отказаться от зоологии.

Эмили поведала ему, что ее родители были канадцами и что она выросла рядом с хоккеем. Она рассказала, что когда ей было шесть, отец повел ее на один матч, и она ужасно испугалась, потому что толпа просто сходила с ума от ярости. Там был один инцидент, игроки устроили драку, и она повернулась к отцу, ища у него защиту, но у того было зверское лицо. По дороге домой он спросил, понравилось ли ей, и она ответила «да», но с тех пор, когда по телевизору показывают хоккей, ей становится плохо.

Все это, естественно, было ложью. О себе ученикам нельзя было рассказывать правду. Вообще-то это не было четким правилом, просто подразумевалось само собой. Эмили училась в школе уже второй год и знала, что людей можно классифицировать по двумстам двадцати восьми психологическим группам в зависимости от того, как у них работают мозги. Сегмент сто седьмой, например, включал интровертную личность, мотивированную интуицией и страхом. Эти люди принимали решения, основываясь на стремлении избежать худшего исхода, считали основные цвета успокаивающими и, когда их просили выбрать какое-нибудь число, выбирали маленькие величины, потому что с таким выбором чувствовали себя менее уязвимыми. Если знать, что некто относится к сегменту сто семь, сразу становится ясно, как убедить его или, как минимум, какая из техник убеждения быстрее работает. Это не сильно отличалось от того, чем всегда занималась Эмили, не особо задумываясь над тем, что она делает; достаточно было научиться чувствовать, какую оценку ученики желают или боятся получить, и использовать эти знания, чтобы принуждать их к чему-то. Сейчас было то же самое, только основывалось на теории. Вот поэтому и не следовало рассказывать о себе, вот поэтому старшие ученики и были такими замкнутыми и недоступными: чтобы их не идентифицировали. Чтобы уберечься от убеждения, нужно было прятать свою сущность. Однако Эмили подозревала, что у нее это не очень хорошо получается. Она догадывалась, что существует множество ключей, которые она, стоило ей раскрыть рот, или сделать стрижку, или выбрать свитер, по неосторожности подкидывает другим ученикам, например, Джереми Латтерну. Она поняла: если в школе существует правило не практиковаться, значит, кто-то точно практикуется.

* * *

— Расскажи, чему тебя учат, — сказала она. — Чтобы у меня было хоть какое-то представление.

Теперь Эмили и Джереми пили слаши. Они пошли дальше молочных коктейлей. Преимущество слашей заключалось в том, что для их потребления нужно было покидать территорию школы. По вторникам и пятницам, если стояла ясная погода, они ходили в ближайший магазин «Севен-Илевен», расположенный в трех четвертях мили. Эмили нравилось идти рядом с Джереми Латтерном, потому что водители проезжавших мимо машин приветствовали их гудками, принимая ее, вероятно, за его девушку.

— Ты очень прямолинейна, — сказал он. — Ты не просишь. Ты требуешь. Это полезный

инстинкт.

— Так объясни мне, зачем я учу латынь.

— Не могу.

— Ты всегда соблюдаешь правила?

— Да.

— Фи, — сказала Эмили, так ничего и не добившись от него.

— Правила важны. То, чему нас учат, опасно.

— То, чему учат тебя, опасно. А то, чему учат меня, — это латынь. Я же не выпытываю у тебя государственные секреты. Открой мне хоть что-то. Хоть одну вещь.

Джереми сквозь крестообразный надрез в крышке вставил в стакан соломинку.

— Фи, — снова сказала Эмили. Они прошли к кассам и заняли очередь за мальчишкой, который платил за бензин. За прилавком стоял мужчина лет пятидесяти, пакистанец или что-то в этом роде. Она пихнула Джереми локтем. — Как ты думаешь, он из какого сегмента? — Парень не ответил. — Я думаю, из восемнадцатого. Я права? Ну, давай, я произвожу сегментацию, ты же можешь ответить на вопрос.

— Возможно, из сто семидесятого.

Эмили не взяла в расчет этот сегмент, но сразу поняла, что его предположение вполне обосновано.

— Неплохо. А теперь что? Что мы будем делать, если знаем, что он из сто семидесятого?

— Заплатим за наши слаши, — сказал Джереми.

* * *

Иногда Эмили навещала Джереми в его комнате. Однажды она, уходя, залепила жвачкой личинку замка, а потом вернулась, зная, что сейчас он на уроке. Подошла к его книжной полке и вытащила три книги, на которые уже давно поглядывала. Эмили сидела на его кровати, глубоко погрузившись в «Социографические методы», когда дверь открылась и на пороге возник Джереми. Она никогда не видела его в таком бешенстве.

— Отдай.

— Нет. — Она подсунула книгу под себя.

— Тебе известно, что с тобой сделают... — Джереми попытался вытащить книгу, но Эмили сопротивлялась, и он повалился на нее, чему она в некоторой степени поспособствовала. Его дыхание коснулось ее лица. Она незаметно сделала так, чтобы книга с грохотом упала на пол. Джереми поднял руку, на мгновение задержал ее на весу, а потом опустил ей на грудь. Эмили судорожно втянула в себя воздух. Он убрал руку.

— Продолжай, — сказала она.

— Не могу.

— Можешь.

Он скатился с нее.

— Это запрещено.

— Давай, — сказала Эмили.

— Нам запрещается быть вместе. — Таково было правило. Фратернизация^[5]. — Это небезопасно.

— Для кого?

— Для всех нас.

Она пристально посмотрела на него.

— Прости, — сказал Джереми.

Эмили придвинулась к нему и дотронулась до его белой рубашки. Она уже довольно давно представляла, как будет снимать эту самую рубашку.

— Я никому не скажу.

Она погладила его по груди. Он накрыл ее руку своею и повторил:

— Прости.

* * *

— Зачем это правило фратернизации? — спросила Эмили у Элиота.

Она бродила по его кабинету, водя пальцем по книгам и изображая небрежность. Элиот оторвался от бумаг и поднял голову. Изначально она собиралась спросить: «Почему мы не можем заниматься сексом?» И только ради того, чтобы хоть раз увидеть Элиота удивленным или оскорбленным. Или еще каким-нибудь. Чтобы получить доказательство, что он человек. Однако у нее не хватило духу.

— Ученикам не разрешено вступать в отношения друг с другом.

— Я знаю, в чем оно состоит. Я спрашиваю, зачем оно.

— Ты знаешь зачем.

Эмили вздохнула.

— Заметь, что если позволить кому-то хорошо узнать тебя, он сможет тебя убедить. Но это же невероятно холодно, Элиот. — Она подошла к окну и стала следить, как ласточка порхает над покатою крышей. — Так жить нельзя. — Он не ответил. — Вы хотите сказать, что до конца моей жизни я не смогу иметь близкие отношения с человеком из Организации?

— Да.

— Вы хоть представляете, как все это безрадостно? — Элиот никак не отреагировал. — А как насчет... ну, вы понимаете, чисто физической близости?

— Нет никакой разницы.

— Есть, и огромная. С отношениями я все поняла. Но не с примитивным сексом.

— Не существует «примитивного секса». Это называется близостью по субъективным основаниям.

— Существует, — запротестовала Эмили. — И называется он «случайная встреча».

— «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина»^[6]. Обрати внимание на слово «познал» в этом контексте.

— Это было три тысячи лет назад. Вы говорите о Библии.

— Именно так. Концепция не нова.

Эмили раздраженно помотала головой.

— Вы когда-нибудь это делали?

— Делал что?

— Нарушали правило, — сказала она. — Фратернизации.

— Нет.

— Не верю. — Эмили верила, просто не хотела отступать. — Вы наверняка думали об

этом. А как насчет Шарлотты? Между вами точно что-то есть. Вы так и норовите ее поддеть. А она становится такой тихой, когда вы рядом... Как будто вы плохо ведете себя в классе, а она старается не кричать на вас. Она становится очень тихой, когда пытается проконтролировать свои эмоции.

— Ты не возражаешь, если я немного поработаю? — Голос Элиота звучал абсолютно бесстрастно.

— Я думаю, Шарлотта хочет завести с вами тесные отношения, — сказала Эмили. — Очень хочет.

— Вон.

— Иду, — сказала она. И вышла. Еще никогда она не была так разочарована.

Ей сегодня восемнадцать. Эмили некоторое время лежала в кровати, размышляя о том, что это значит. И значит ли что-то вообще. Она встала, пошла на уроки. Никто, естественно, ничего не знал. В обед Эмили вместе с Джереми шла в «Севен-Илевен» и прикидывала рассказать ему или нет. Наконец, когда ей наливали слаш, она сказала:

— А мне сегодня восемнадцать.

Он очень удивился. Считалось, что такой информацией не делятся.

— У меня нет для тебя ничего.

— Знаю. Мне просто захотелось рассказать.

Джереми молчал. Они подошли к кассе. Эмили улыбнулась продавцу за прилавком.

— Сегодня у меня день рождения.

— Надо же.

— Наконец-то свободна. — Она наклонилась вперед и усмехнулась. — Свободна, чтобы дарить долгую и счастливую жизнь.

— Вот что я тебе скажу, — сказал продавец. — Ты получаешь этот слаш бесплатно.

— О, нет, — сказала Эмили.

— С днем рождения. — Он подвинул к ней стакан. — Ты хорошая девочка.

Когда они вышли из магазина, Джереми схватил ее за руку.

— *Дарить счастливую жизнь? Наконец-то свободна?*

Эмили улыбнулась, но парень остался серьезным. Он потянул ее к скамейке недалеко от магазина, и она села, а он остался стоять и сердито смотрел на нее. Эмили ощутила трепет в желудке, одновременно отвратительный и восхитительный.

— Ты не имеешь права так делать.

— Я получила слаш. Один бесплатный слаш.

— Это серьезное нарушение правил.

— Да ладно тебе. Как будто словесное внушение — это настоящая техника. Спорим, это ничто по сравнению с тем, что умеешь ты.

— Разговор не об этом.

— Все из-за того, что он сделал мне подарок, а ты нет?

— Ты думаешь, правила тебя не касаются? Касаются. Ты не имеешь права практиковаться. Ни за пределами школы. Ни на этом дядьке. Ни на мне.

— На тебе? А когда это я практиковалась на тебе? — Эмили ткнула его мыском ботинка. — Как будто мне под силу повлиять на тебя. Ты выпускаешься на следующий год, а я ничего не знаю... Хватит тебе. Садись. Пей слаш. Это мой день рождения.

— Дай слово, что больше никогда так не сделаешь.

— Ладно. Ладно, Джереми. Я просто пошутила.

Он сел, но не сразу, через несколько мгновений. Эмили положила голову ему на плечо. И ощутила удивительную близость с ним.

— Обещаю, что я не превращу тебя в раба моих мыслей, — сказала она и почувствовала, что Джереми улыбнулся. Но она уже не раз подумывала об этом.

* * *

В следующий вторник Эмили слонялась возле школьных ворот, но Джереми на их традиционный поход за slashем так и не явился. Она побрела к зданию школы. Наверное, что-то ему помешало. Какие-нибудь занятия. С недавних пор у Джереми все меньше и меньше свободного времени. Однако он обнаружился на лужайке перед фасадом: она увидела его там в обществе друзей. Джереми сидел на траве, закатав брюки и подставив ноги солнцу. Они разговаривали именно так, как разговаривают старшеклассники, никто не смеялся и почти не двигался, каждое предложение буквально сочилось иронией и многозначительностью. Во всяком случае, так показалось Эмили. Она остановилась. Головы повернулись. Джереми посмотрел на нее, потом отвел взгляд. Она пошла дальше.

Эмили понимала: нельзя, чтобы их часто видели вместе. Нельзя, чтобы их воспринимали как пару. Она все это знала. Эмили дошла до своей комнаты, села за стол и открыла учебник. Если повернуть голову, то будет видна лужайка, и она увидит Джереми и его самодовольных приятелей. Но она не повернула. Изредка откидывалась на спинку и потягивалась или теребила волосы, потому что знала, что и он может ее увидеть.

* * *

Время от времени ей встречались ученики, у которых запястье было повязано ленточкой. Ленточки были красными или белыми, и если ленточка была красной, это означало, что старшеклассник сдает выпускной экзамен. Правило запрещало разговаривать с ними и даже пристально смотреть на них, хотя Эмили, естественно, смотрела, потому что однажды и ей предстояло повязать красную ленточку, и ей хотелось знать, каково это. Один раз она видела, как мальчик с красной ленточкой строит карточный домик в переднем холле. Он работал два дня, его дом становился выше и выше, а он все худел и худел, и вид у него был загнанный. Все даже стали обходить холл, чтобы не устраивать сквозняк. А потом однажды утром карты исчезли, исчез и мальчик. Эмили так и не выяснила, что тогда случилось, сдал он экзамен или провалился. В другой раз она проснулась ночью от странного звона колокольчика, подошла к окну и увидела девочку, которая вела по подъездной аллее корову. Самую настоящую живую корову. Эмили так и не придумала, какая от коровы может быть польза для экзамена.

В конце второго года обучения она нашла под своей дверью листок бумаги, извещавший ее о том, что урок по языкам программирования высокого уровня будет проходить в другом классе. Однако, когда Эмили пришла на урок, то оказалась там единственной ученицей. Учитель, невысокий, лысеющий мужчина по имени Брехт, протянул ей белую ленточку.

— Мои поздравления. Ты подготовлена к тому, чтобы сдать предпоследний экзамен.

Взволнованная, Эмили повязала ленточку на левое запястье.

Брехт дал ей задание, чтобы компьютер вывел на экран слово «ПРИВЕТ». Она прикинула, что сможет выполнить такое задание минуты за две, дав компьютеру команду «PRINT» или «ECHO». Но Брехт сказал, что ей нельзя покидать класс, пока задание не будет выполнено. Эмили села на картонную коробку — это был не класс в обычном понимании, а скорее склеп для трупов доисторических компьютеров — и открыла лэптоп.

Как оказалось, «фишка» состояла в том, что компьютер не работал. Она использовала всю комнату, проверяя источники питания и вентиляторы. Нашла монитор, который нормально включался, но имел «убитый» вход VGA. Вскоре Эмили обнаружила, что в этом помещении все оборудование было таким: с «битыми» ключевыми элементами.

Из внутренностей различных устройств она все же собрала компьютер, этакого Франкенштейна от электроники. Он имел и жесткий диск, и монитор, и электропитание, но отказывался что-либо делать. Мигающий курсор на экране никак не реагировал на клавиатуру. Операционная система тоже была «побита».

Мочевой пузырь Эмили едва не лопался. По дороге к классу она выпила полбутылки воды, и это оказалось катастрофой. Перед нею встала задача сдать экзамен прежде, чем придется писать в пакет. Эмили обнаружила проблему в BIOS и ошибку в загрузчике. К тому моменту, когда добралась до операционной системы и увидела приглашение к набору команды, она уже знала, что сейчас обнаружит. Ни одна из полезных команд не работала. Эмили принялась искать баги. Их было по одному на каждом уровне. По одной намеренно сделанной ошибке на каждом уровне программного обеспечения, отделявшего компьютер от команды «ECHO». А уровней было много. Просто потрясающе, какой огромный объем кода стоит за командой «ECHO». Раньше она не задумывалась об этом, поэтому не могла оценить по достоинству. Там были скрипты, и библиотеки, и модули, и компиляторы, и компоновщик автокод, и все это было надстроено одно над другим. Технически ни один из этих элементов не был существенным, можно было бы выполнить ту же задачу, вручную конструируя цепи, перебрасывая провода и манипулируя пикселями один за другим. Но уровни преобразовывали электрический ток в команды. С их помощью можно было заставить электроны перемещаться, логику микросхем — работать, фосфор — светиться, а металл — намагничиваться. И все это — через печать слов на клавиатуре.

* * *

Эмили закончила со своим кремниевым монстром и отправилась за Брехтом. Тот посмотрел на «ПРИВЕТ», отображавшееся на экране, один раз кивнул и принялся разбирать ее агрегат. Ей стало немножко грустно. День ото дня в ней крепла уверенность, что люди — тоже просто машины, только работают они по-другому.

Всю следующую неделю Эмили была вынуждена соблюдать осторожность при встрече с другими учениками — а вдруг они носят белые ленточки. Некоторые ученики исчезали на несколько дней, а некоторые вообще не возвращались, и это, как догадалась Эмили, означало, что они провалились на экзамене. Так как учеников распределяли не по возрастам, раньше она не замечала, что младших классов больше, чем старших. Значительно больше.

После экзаменов предоставлялись двухнедельные каникулы, и многие ученики на это время разъехались по домам. В результате Эмили получила школу практически в полное

свое распоряжение. Ей было скучно и тревожно, и она принялась разрабатывать планы, как проникнуть в чужие комнаты, чтобы что-нибудь узнать о хозяевах. Она бродила по зданию вместе с еще одним учеником, оставшимся в школе на каникулы, девочкой с оленьими глазами, длинной челкой и постоянным презрительным выражением на лице. Раньше Эмили испытывала к ней ярую неприязнь, потому что та была старше и много времени проводила в обществе Джереми. Сейчас же она оказалась единственным человеком, который мог бы ее чему-нибудь научить. Эмили сделала себе такую же стрижку и переняла походку этой девочки, плавную и скользкую, как будто она перемещалась по коридорам на страницах с миллионом печальных поэм. Все это не принесло того результата, на который надеялась Эмили, так как девочка ни капельки не раскрылась, поэтому получилось, что Эмили зря сделала дурацкую стрижку. Однако она все же выяснила, что девочка каждый день плавает по часу, и однажды залезла в ее шкафчик и стащила ключ от комнаты.

Комната у девочки с оленьими глазами была такой же, как у нее: узкая кровать, деревянный письменный стол, стул и окно, выходящее на внутреннюю территорию школы. А вот учебники у нее оказались совершенно другими. Среди них имелось *«Убеждение в Средней Европе и современная психографика»*, а также маленькая желтая книжка — Эмили видела ее у старших учеников, и она вызывала у нее дикое любопытство — под названием *«Гуттуралы»*. К ее разочарованию, оказалось, что книжка состоит только из фрагментов слов без каких-либо пояснений или контекста. Гораздо соблазнительнее выглядела другая книга: *«Лингвистика волшебства»*. В ней рассказывалось о том, как люди когда-то верили в настоящее волшебство, в чародеев, ведьм и заклинания. Они отказывались называть незнакомцу свое имя из страха, что тот может оказаться колдуном, потому что считалось, что если колдун узнает имя человека, он сможет подчинить его себе. Требовалось тщательно хранить подобную информацию. А если кто-то встречал на своем пути человека, похожего на колдуна, он должен был отвести глаза и закрыть уши как можно быстрее, пока его не подчинили. Из тех времен вышли различные слова, например, *«заколдованный»*, и *«зачарованный»*, и *«завороженный»*, и *«пораженный»*, и *«плененный»*, и *«прельщенный»*.

Все это было необычным и удивительным, но когда в книге речь зашла о наших днях, оказалось, что ничего не изменилось. Люди, как и раньше, поддаются под влияние техник убеждения, особенно когда выдают о себе ту информацию — главным образом, настоящее имя, — которая позволяет определить их личностный тип. Вектор атаки для этих техник в первую очередь является аудиальным и визуальным, однако никто не воспринимает это как волшебство. Все это просто правильный выбор линии поведения, или умение отвлечь, или умный маркетинг. Даже слова остались теми же. Людей и сейчас можно *околдовать*, *очаровать* или *поразить*, они *пленяются* и *прельщаются*. Просто они не видят в этом никакого волшебства.

* * *

Когда занятия возобновились, ее начали обучать словам. Никто не объяснил зачем. Шарлотта просто раздала конверты.

— Учите это, когда остаетесь одни, — сказала она. — Этой информацией нельзя ни с кем делиться. Повторяйте их про себя перед зеркалом, каждое слово пять раз, каждый вечер.

— До каких пор? — спросила Сашона, но Шарлотта лишь удостоила ее фальшивой

улыбки, как будто вопрос был забавным.

Эмили взяла конверт, на котором было написано «ЭМИЛИ РАФФ», и отнесла к себе в комнату. В конверте были три бумажные карточки. ДЖАСТИТРАКТ. МЕГРАНС. ВАРТИКС. Эти слова прочитывались с большим трудом, мозг все время соскальзывал в другом направлении. Наверное, они слишком сильно походили на настоящие слова. Эмили учила их. Она встала перед зеркалом и принялась наблюдать за собой.

— *Варrrrrrrтттт*, — сказала она, подразумевая под этим *Вартикс*, но почему-то этому слову потребовалось много времени, чтобы прозвучать, время растянулось и стало зернистым, причем не только время, но и все остальное: стены, и зеркало, и воздух — все претерпело медленное измельчение, и она буквально смогла увидеть и почувствовать каждую молекулу. Ее охватил страх, потому что ей не хотелось видеть то, что было скрыто под миром. Звук ее голоса распался на куски, а тишина между ними замерзала. К ней вернулось сознание. Эмили поняла это уже потом, оглядываясь назад. В пальцах рук и ног появилось покалывание. Она закрыла рот. Подбородок был мокрым от слюны. Такое ощущение, будто мозг ее избит. Эмили прошла к кровати и села. Затем сложила слова обратно в конверт, потому что будь она проклята, если еще раз займется этим.

Однако спустя некоторое время Эмили вернулась к зеркалу. Ее сознание взбунтовалось; оно не хотело, чтобы его опять избивали. Но девушка послала его куда подальше.

— *Варrrrrrrтттт*, — сказала она.

* * *

— Мы получили слова, — сообщила она Джереми, когда они сидели на траве. Эмили не соблюдала осторожность в общении с ним, потому что он скоро оканчивал школу. А потом, кто ей мог запретить? — Мы должны проговаривать их самим себе.

— И как оно идет?

— Плохо.

Джереми улыбнулся:

— Слова внимания — самые плохие.

Эмили ухватила за это.

— Слова внимания? А есть разные типы? — Она догадалась, что он не ответит. — А какие другие? Для чего нужны слова внимания?

— Скоро ты все узнаешь.

— Я хочу знать сейчас.

Но она уже знала правду, только что вычислила ее. *Слова внимания*. Одного слова недостаточно. Даже для определенного сегмента. У мозга есть защита, выработанные за миллионы лет фильтры оберегают его от манипуляций. Первый — это перцепция, процесс сортировки океана сенсорных входных сигналов и формирование из них нескольких пакетов ключевых данных, достойных того, чтобы их изучением занялась кора головного мозга. После того как данные собраны фильтром перцепции, их встречает *внимание*. Теперь Эмили поняла, как все это работает. Наверняка есть слова, чтобы атаковать каждый фильтр. Слова внимания, а потом, возможно, слова желания, и слова логики, и слова крайней необходимости, и слова приказа. Именно этому ее и учат. Как дергать за веревочку из слов, чтобы по очереди вывести из строя фильтры, переключать все ментальные тумблеры до тех

пор, пока не распахнется последняя дверь.

* * *

В тот вечер Эмили отправилась чистить зубы и встретила в ванной Сашону, одетую в голубую атласную пижаму.

— Ты все еще этим занимаешься?

— Чем?

— Словами. Ну, ты знаешь.

— А. Да.

Сашона преувеличенно тяжело вздохнула.

— Это мерзко, правда?

— По большей части, — сказала Эмили.

— Хорошо бы, чтобы от этого была какая-то польза, — сказала Сашона, откидывая волосы. — Иначе я взбешусь.

Эмили кивнула. Ей казалось совершенно очевидным, что главная задача этого упражнения — выстроить оборону. В этом семестре она изучала драму, «накручивала» себя и орала на людей голосом, который поднимался откуда-то из кишок. Этот процесс учитель называл «убедительным воплощением». Объяснялось это тем, что люди — животные, скорее аналоговые, чем бинарные, и что все в природе происходит постепенно, а не сразу. Людей можно убедить частично. Их можно шокировать, чтобы они потеряли бдительность. Практиковаться в произнесении тех слов нужно было для того, чтобы иметь хоть какой-то шанс в том случае, если кто-то скажет их тебе.

— Я свои все никак не запомню, — сказала Сашона. — Они постоянно вываливаются из мозгов.

Она ушла. Эмили расчесала волосы. На пути к своей комнате услышала бормотание телевизора и увидела Сашону в комнате отдыха. Эмили колебалась, размышляя над тем, что сказала ее соседка. Насчет того, что она никак не может запомнить свои слова. Эмили подошла к комнате Сашоны, нажала на ручку двери, и та повернулась.

В комнате Сашоны царил идеальный порядок. Эмили подошла к книжной полке и, приподнявшись на цыпочках, взглянула на книги. «Сократические дебаты» выступали из ряда на дюйм, однако они еще не проходили эту тему. Эмили вытащила книгу, поставила ее на корешок и дала переплету упасть. Книга раскрылась. Эмили увидела три карточки. Три слова.

Она закрыла книгу и вернула ее на место. Ее трясло. Когда Эмили вышла в коридор, она почти не сомневалась, что кто-нибудь обязательно встретится ей по пути и спросит, а чем это она занимается. Что она на это скажет? Эмили не знала. Не имела ни малейшего представления. Ею двигало простое любопытство.

Но в коридоре никого не оказалось. Она закрыла дверь в комнату Сашоны и поспешила в свою комнату. А затем, забравшись в кровать, лежала и думала о словах Сашоны.

* * *

Со временем ей удалось найти еще пять комплектов слов. Эмили намеренно не искала их, но если кто-то оставлял свою комнату незапертой, когда уходил в ванную, она обязательно обращала на это внимание. А потом заходила в комнату этого человека и прикидывала, куда он мог бы спрятать слова. Она не собиралась использовать их. Однако они обладали силой, и они были в комнатах, поэтому Эмили искала их. Она была авантюристкой.

Странным было то, что многие оставляли слова в очевидных местах. Эмили понимала, что их нельзя уничтожить, так как они, сидя в сознании, отличались увертливостью; если она пыталась вспомнить одно из своих, ее мозг тут же предлагал более легкие варианты, например, «*файрмикс*», которое ничего не значило. Поэтому нужно было иметь их в написанном виде. Однако Эмили порвала свои карточки, пронумеровала кусочки на обратной стороне и спрятала код, по которому можно было собрать их в учебниках. Все остальные, судя по всему, просто рассовали карточки по книгам и ящикам, или сунули под матрасы, или, в случае с мальчиками, в карман брюк. Эмили не могла понять, как человек может столь небрежно относиться к тому, что может причинить ему вред.

* * *

— Я все знаю, — сказала она Джереми. — Я все вычислила. Итак, хорошая новость: мне больше не надо доносить тебя вопросами.

Джереми оглянулся на нее. Он играл в баскетбол. Или практиковался в баскетболе. В спортзале никого, кроме них, не было. Джереми бомбардировал корзины от штрафной линии, делая один бросок за другим. Эмили смотрела на его блестящие шорты.

— Жили-были чародеи, — сказала она. — Которые были обычными ребятами, но при этом чуть-чуть разбирались в технике убеждения. У некоторых из них дела шли хорошо: они правили королевствами, основывали религии и так далее, но изредка их сжигали на глазах у разгневанной толпы, или обезглавливали, или топили, проверяя на принадлежность к колдунам. Поэтому за последние века — наверное, за последние пятьдесят веков или что-то вроде этого — они решили создать свою Организацию. Чтобы решить проблему с казнями и прочим сжиганием. И... — Эмили взмахнула рукой. — Результат. Больше никаких отрубаний головы.

Джереми бросил мяч. Тот с шелестом влетел в корзину.

— За это время и слова здорово улучшились, — сказала она. — Я думаю, пятьсот лет назад ключевыми словами были такие, как «*благословить*». Племенные идентификаторы. Играли на нашем доверии к тем людям, кто думает, как мы. Это только начало, но явно не то, что делаешь ты. И не то, что делают Элиот или Бронте. В общем, Организации наверняка пришлось придумывать ключевые слова. Строить их, одно над другим. Как это делается в компьютерном коде. Сначала ты добиваешься доверия от сегмента со слабыми ключевыми словами. Доверия не много, но достаточно, чтобы научить их верить в более сильные ключевые слова. В общем, и так далее, «смыть и повторить», как в инструкции к шампуню. — Эмили откинулась назад и оперлась на локти. — Все просто. Я, честно говоря, не понимаю, почему ты решил, что мне нельзя рассказывать.

— Ты узнала об этом из лекции? — сказал Джереми. — Или это твои догадки?

— Ха, — сказала она. — Ты только что подтвердил их. Вот здесь.

— Ба, — сказал Джереми, бросая мяч.

— А кое-чему из этого меня научили.

Он вернулся, стуча мячом об пол:

— Что такое слово?

— То есть?

— Ты считаешь себя умной — ответь мне, что такое слово.

— Единица значения.

— А что такое значение?

— Гм... значение — это абстракция характеристик, общих для класса предметов, к которым она относится. Значения слова «мяч» — это набор характеристик, общих для мячей, то есть круглый, упругий и часто используется мальчиками в шортах.

Джереми ничего не сказал и вернулся к штрафной линии. Эмили решила, что дала неправильное определение или что в определении не все было правильно.

— Ты имеешь в виду, с точки зрения неврологии? Ладно. Слово — это рецепт. Рецепт для конкретной нейрохимической реакции. Когда я говорю «мяч», твой мозг преобразует слово в значение, и это физическое действие. Можно увидеть, как это происходит, на ЭЭГ [\[7\]](#). То, что мы делаем, вернее, я бы сказала, то, что ты делаешь, — ведь никто так и не научил меня хорошим словам — это раздача человеческим мозгам рецептов, направленных на то, чтобы вызвать нейрохимическую реакцию, которая «вышибет» фильтры. Связать их на достаточно долгий срок, чтобы инструкция проскочила внутрь. И ты делаешь это путем пронесения слов-веревочек, созданных для психографического сегмента личности. Вероятно, слов, которые были созданы много-много лет тому назад и которые здорово усилились с тех пор. И это действительно слова-веревочки, потому что у мозга есть уровни защиты, а инструкции, чтобы проникнуть внутрь, нужно одновременно блокировать их все.

— Откуда ты это узнала? — спросил Джереми.

— Думаешь, я умная?

— Я думаю, ты ужасная, — сказал он.

* * *

Пока Джереми принимал душ, Эмили ждала его, сидя на деревянной скамейке. Отсюда ей было видно не только футбольное поле, но и парковку, ту ее часть, что была зарезервирована за учителями. Она увидела, как на эту асфальтированную площадку один за другим въехали четыре черных седана. Из них вылезли люди в черных костюмах. Эмили вскочила и пошла к парковке, потому что ей стало любопытно, но один из мужчин повернулся и так посмотрел на нее, что ей стало холодно, и она остановилась.

Люди прошли в школу. Эмили вернулась на скамейку. Появился пахнущий мылом Джереми.

— Ты в порядке?

Она помотала головой.

— Я видела каких-то людей. Думаю, поэтов.

Он перевел взгляд на машины.

— Один из них пожилой дядька. С седыми волосами. И с загорелой кожей.

— А, — сказал Джереми, — ясно. Это Йитс.

— Учителя, они где-то там. Понимаешь? Они — каменные стены, и ты не можешь сказать, есть что-то за этой стеной или нет. У этого типа глаза акулы. В них ничего нет. Просто... глаза. — Эмили покачала головой. — Такие глаза у наркоманов, когда у них ломка. Меня немного шибануло.

— Иди в мою комнату, — сказал Джереми. — Расслабься.

— Ладно. — Она еще была не готова куда-то идти.

— Я серьезно, не дергайся из-за Йитса. Потому что ты никогда не заговоришь с ним.

— Почему?

— Он на миллионы миль выше нас, — сказал Джереми. — Он — глава Организации.

* * *

Близилась выпускные Джереми. Эмили знала, что этот день неизбежно наступит. Но когда он перешел в последний класс, она уже не могла делать вид, будто этот день где-то далеко, в необозримом будущем. Он стал отлынивать от походов за slashem. Больше не сидел на трибунах, когда она играла в футбол. Когда бы Эмили, предварительно постучавшись, ни заглядывала к нему в комнату, он всегда сидел над учебниками, вид у него был усталый, и она чувствовала себя глупой, что потревожила его.

— Просто провали, — сказала Эмили. — Остайся еще на один год. И тогда мы были бы примерно на одном уровне. И, возможно, могли бы учиться в одном классе.

— Эмили, я не имею права не сдать.

Она встала с кровати. Его ответ вызвал у нее раздражение, хотя она всего лишь пошутила. А может, и нет, но все равно. Эмили принялась рыться в его ящиках в поисках чего-нибудь интересного. Но там, естественно, ничего не было, потому что у Джереми Латтерна не имелось личного имущества. И, конечно, у него не имелось спрятанных слов. Пару раз она это проверяла. Так, ради интереса. Правда, так было не всегда. Эмили помнила маленького игрушечного робота с красными руками. Джереми избавился от него вскоре после их знакомства. Так поступали все, кто жил здесь. Они все сильнее съезживались, пока не оставалось ничего интересного.

Эмили подошла к нему и положила руки на плечи. Он напрягся.

— Успокойся. Это массаж. Терапевтический. — Она разминала ему мышцы, пока те не расслабились. Когда девушка принялась за спинные мышцы, Джереми опять напрягся. — Прекрати трястись от страха! Я хочу тебе помочь.

Парень успокоился. Эмили запустила пальцы ему в волосы и принялась массировать шею большими пальцами. Через некоторое время Джереми отложил ручку. Прошло немало времени, прежде чем он перелистнул страницу. Она легонько пробежалась пальцами по его спине.

— Сними рубашку, чтобы я могла помассировать спину.

Он никак не отреагировал. Эмили закусил губу. Все же так очевидно.

— Когда ты напряжен, тебе трудно сконцентрироваться. Не делай вид, будто ты скроен не так, как другие люди. — Она вдавила большие пальцы ему в плечи. — Если у тебя есть базовая потребность, удовлетвори ее. Это Маслоу. Ты не можешь перейти на более высокий уровень потребностей, если у тебя не удовлетворены базовые.

Джереми поднял голову и посмотрел на нее.

Эмили сказала:

— Я бы с удовольствием занялась с тобой сексом, если хочешь.

По его глазам она ничего не смогла прочесть.

— Ладно.

Эмили улыбнулась, но Джереми — нет, и она посерьезнела. Парень встал. Он выглядел так, будто решает задачу. Эмили расстегнула его рубашку. Ее пальцы дрожали, и он, наверное, заметил это. Она ощутила его руки на своей талии и раздвинула полы рубашки. Его безволосая грудь была гладкой и пахла им, и этот запах действовал на нее оглушающе. Эмили поцеловала его в грудь. Откинула голову, намереваясь дотянуться до его губ, но он отвернулся. Ага, значит, без поцелуев. Джереми снял пиджак. Она навзничь упала на кровать, и он повалился на нее. Его лицо не выдавало никаких чувств. Он просто дышал чуть чаще, чем обычно, вот и все. Эмили пыталась быть такой же, как он, не реагировать, когда его руки заскользили по ее животу, но из горла у нее непроизвольно вырвался звук. Его взгляд метнулся к ней.

— Все нормально. — Эмили притянула его к себе.

Она ощутила его эрекцию, и на мгновение ее охватила паника. Эмили не была девственницей, но прошло уже много времени, и сейчас все было по-другому. Ее тело наполнилось крохотными звездочками, и она вспомнила, как все бывает. Через брюки сжала его выпуклость, и Джереми хрюкнул. Ей понравился результат. Она сжала еще раз.

Его же рука искала вход ей под юбку. Эмили слегка приподнялась, расстегнула молнию и одним движением стянула вниз всю мешавшую ему одежду. Его пальцы проникли ей между ног, и она тихо вскрикнула. Джереми заколебался. Ей захотелось отодвинуть его руку и вогнать его в себя. Она высвободила его из брюк. Он зарылся лицом ей в плечо. Его пальцы нашли ее. Поза была неудобной, у нее получалось только сжимать и разжимать руку. Но то, что она чувствовала в руке, вызывало приятное удивление. По ее ногам прокатилась вибрация. Застучали зубы. Эмили почти смеялась, но знала, что смеяться нельзя, это к добру не приведет. Джереми застонал. Она проигнорировала это предупреждение, и он кончил ей в руку. Кончил молча. Эмили возликовала. Движение его пальцев убыстрилось, и она почувствовала, как ее поднимает волна торжества. Ее ноги дернулись только один раз.

Эмили лежала неподвижно. Джереми тяжело дышал ей в ухо. Она ощущала запах их пота. Через минуту он поднял голову. Эмили разглядела эндорфины в его зрачках. Он скатился с нее, лег на бок. Она вытерлась углом простыни и опять замерла рядом с ним. Он молчал. Она рассматривала потолок примерно двадцать минут или полчаса, пока его дыхание не стало ровным и мерным, как у спящего, и, после того как это стало безопасно, обняла его.

* * *

На следующий день Эмили пришла в класс, и никто ни о чем не догадался. Это было ее тайным сокровищем. Она села на задний ряд и подумала: «Я переспала с Джереми Латтерном».

Сейчас шли «Субвизуальные методы», предмет, который ей очень нравился, но Эмили витала в облаках. Иногда ей казалось, что она ощущает его запах. Возможно, часть его все еще оставалась на ней. Ей нравилась эта мысль.

Неожиданно Эмили подумала: «*Он тринадцатый*». Она захлопала глазами. Девушка не знала, откуда пришла эта мысль. Раньше она размышляла над тем, к какому сегменту принадлежит Джереми, и решила, что к девяносто четвертому. По поведению он соответствовал почти полностью, она внимательно за ним наблюдала. Но сейчас Эмили чувствовала, что все совсем не так. Девяносто четвертый был прикрытием. А Джереми принадлежал к тринадцатому.

* * *

После уроков Эмили решила принести ему слаш. Она знала: всю вторую половину дня Джереми будет корпеть над учебниками, и у него не останется времени для нее. Она не будет мешать ему и требовать от него внимания. А вот слаш она ему принесет.

По дороге к выходу Эмили заметила, что дверь кабинета Элиота открыта. Девушка заколебалась. Она не виделась с ним уже несколько месяцев и с нетерпением ожидала его очередного визита, но конкретно сейчас у нее не было желания общаться с ним. Потому что, вполне вероятно, Элиот может что-то почувствовать. Но тут он вышел из своего кабинета, и Эмили поняла, что отступать поздно.

— Ау! — сказала она. — Вы заняты? У вас деловой вид.

— Да. Уезжаю. Но можешь проводить меня.

— Ладно. — Эмили догнала его. Они шли в молчании. Она вдруг перестала дергаться, что Элиот обо всем догадается, и даже немного расстроилась, что он сразу не догадался. — Как жизнь?

— Как жизнь?

— Да.

— Жизнь прекрасна.

— Это прекрасно. — Впереди группой стояли мальчишки и о чем-то болтали; они намеренно делали вид, что не замечают Элиота, но когда тот подошел поближе, они выпрямились и подобрались. Элиота в школе уважали. Считалось, что он так редко ведет занятия, потому что его присутствие требуется в других местах, где творятся таинственные и крутые дела. — Я тут думала над своим именем. То есть над тем поэтическим именем, которое возьму себе, когда закончу школу. Я решила, что мне хочется быть Эмили Дикинсон.

— Ты не сможешь стать Дикинсон.

— Я могла бы сохранить свое имя. У нее потрясающие маленькие поэмы о смерти. Она в буквальном смысле единственный поэт, которого я не ненавижу.

— У нас уже есть Эмили Дикинсон.

— А...

— А еще выпускникам не присваиваются имена знаменитых поэтов, — сказал Элиот. — Ты будешь тем, о ком никогда не слышала.

— А есть список, из которого можно выбрать?

— Нет.

— С вами, ребята, так трудно. — Они вышли на крыльцо и спустились по ступенькам. — Ладно, до встречи.

Он остановился.

— Ты более радостная.

— Что?

— Ты выглядишь счастливой.

Эмили пожала плечами.

— Сегодня замечательный день, Элиот, что еще вы хотите от меня услышать? — Он промолчал. — Вы должны бы быть более догадливы, — сказала она и пошла прочь.

Он собирался окликнуть ее, Эмили это чувствовала. И тогда сразу обо всем догадался бы. Но он не окликнул, и напряжение отпустило ее. Подходя к воротам, Эмили уже мурлыкала себе под нос какую-то песенку.

* * *

Она купила два слаша и на обратном пути едва не попала под машину, когда переходила дорогу. Одной рукой прижав стаканы к груди, другой постучалась в дверь Джереми. Он выглянул в щелочку, но она бедром распахнула дверь настежь.

— Пора освежиться!

Он посмотрел на слаши. Его радость была не так велика, как она рассчитывала.

— Спасибо, Эмили, — сказала она.

— Спасибо.

Девушка поставила стаканы на стол и спиной привалилась к стене. Она собиралась отдать ему напиток и уйти, но сейчас уходить ей расхотелось.

— Как продвигается учеба?

— Медленно.

Эмили кивнула.

— Оставляю тебя с нею наедине.

— Спасибо.

— Если только у тебя нет желания сделать перерыв. — Она изогнула бровь.

— Это не должно повториться.

— Что не должно?

— Ты сама знаешь. — Его голос упал почти до шепота. — Зря мы это сделали. Вернее, мне не следовало это делать.

— Ладно, я прощаю тебя. — Хотя Эмили и пыталась перевести все в шутку, ее сердце ухнуло куда-то в желудок. Ведь она знала, что это неизбежно, не так ли? Она практически сама спровоцировала это. Но сейчас ей стало противно.

— Если они узнают, меня исключат.

— Нас обоих.

— Да, но... — Джереми постучал пальцем по стопке книг. — Это мой последний экзамен. Я не имею права провалить его.

Она пристально смотрела на него.

— Ты же понимаешь, да? Я обязан сдать его. Прости.

— И ты меня прости, — сказала Эмили.

— Ты очень хороший человек...

Она вылила на него свой слаш. Красный сок с ледяной крошкой водопадом обрушился Джереми на голову, брызги попали на учебники и тетради. Он замер, обтекая. Выйдя, Эмили

с грохотом захлопнула дверь.

* * *

Она играла в футбол, но настроения играть не было. Она стояла на площади ворот и не бегала за мячом. Сашона, игравшая в команде соперника, решила извлечь выгоду из ее апатии и сконцентрировала свои атаки на фланге Эмили. Один раз, пробежав мимо безучастной девушки и забив гол, она на обратном пути потрепала ту по голове.

В следующий раз Сашона запустила мяч прямо в нее, но промахнулась, и Эмили решила спустить соседку с заоблачных высот на землю. Она бросилась на перехват и по тому, как окаменело лицо Сашоны, поняла, что нужно ждать толчка плечом. У нее на языке вертелось одно слово, одно из слов внимания, которые она нашла в комнате Сашоны. *Кассонин*. Такое вот было слово. Его хватит на то, чтобы нанести Сашоне удар в мозг и затормозить ее на несколько мгновений, чтобы успеть сбить ее с ног, и она воспользуется им, потому что она не воспользовалась этим же словом с Джереми, хотя и могла бы, потому что он, как и Сашона, был тринадцатым. «*Кассонин, сука. — Ее обуяла жажда крови. — Сейчас получишь*».

Они сцепились. Когда Эмили поднялась с травы, Сашона уже бежала на свою половину поля, потрясая кулаками. Эмили бросилась вдогонку, но Сашона успела забить гол.

— Черт, — сказала Эмили, а Сашона расхохоталась.

* * *

Ей хотелось побыть одной, поэтому, вместо того чтобы идти в раздевалку, Эмили пошла к воротам. Уже подходя к ним, она услышала позади себя шаги. За ней бежал Джереми.

— Эм! Подожди! — Она не хотела ждать, но одна маленькая, глупенькая часть ее подумала: «*А вдруг он передумал?*» Джереми подбежал, тяжело дыша. Он успел помыться и надеть чистую рубашку. Его щеки были пунцовыми.

— Давай не будем заканчивать вот так...

— Как?

— Мы два года были друзьями. Я не...

— Ха, — сказала Эмили, как только услышала слово «друзьями», и пошла вперед.

Он затрусил рядом.

— Ты не должна никому рассказывать. — Она промолчала. — Тебя исключат. Они так уже делали. Они отправят тебя домой, черт побери.

— А ты попробуй меня заставить, — сказала Эмили. — Повлияй на меня своими словами.

Джереми остановился. Когда она дошла до ворот, он прокричал:

— *Как ты посмела?*

Эмили вздрогнула, потому что в его голосе звучала ярость, но продолжала идти дальше. Разве он не понимает, что она не собирается ни в чем обвинять его? Ей очень хотелось, чтобы он хоть что-нибудь почувствовал.

— *Вернись! Вернись!* — Движение было плотным, но ей удалось пробраться через

машины на другую сторону улицы. Кто-то загудел. Она обернулась и увидела, что Джереми вышел из ворот на улицу. — *Не смей никому говорить!*

— А ты заставь меня.

Он ступил на проезжую часть. Эмили вдруг вспомнился Бенни в Сан-Франциско, какой он был забавный и добрый, пока она не перегнула палку.

— Стой, — сказала она. Джереми знает ее. Он знает, какой у нее сегмент. Он заканчивает школу, и ему под силу заставить ее делать то, что ему нужно. — Прости! Я не скажу.

Джереми уже преодолел половину проезжей части и остановился на разделительной, багровый от гнева. Дождавшись, когда проедет машина, он бросил взгляд вправо и побежал к ней. Эмили закричала:

— *Кассонин!*

Его голова дернулась. Джереми замер. На мгновение он стал ребенком. Потом пришел в себя. Эмили увидела в его глазах и шок, и ярость, и страх. Ее ошеломило его лицо. И тут его сбила машина. Она завопила, но не слышала свой голос за визгом покрывшек.

* * *

Эмили хотела поехать в больницу, но ее непустили. Она была вынуждена сидеть в общей комнате, в той самой, где Шарлотта проводила с ней собеседование в день ее приезда в школу. И на том же самом стуле.

Наконец вошел Элиот, одетый в длинное пальто. Она открыла было рот, собираясь спросить о Джереми, но увидела ответ в его глазах. Она спрятала лицо в ладонях и зарыдала.

— Расскажи мне, что случилось.

Эмили помотала головой, отказываясь смотреть на него. Элиот приблизился к ней, взял ее за подбородок и заставил поднять на него взгляд.

— Нет, — сказала она и зажала уши.

Он отвел ее руки и заговорил, и ее сознание уплыло прочь. Когда Эмили пришла в себя, он сидел на стуле напротив, и вид у него был мрачным. Она закрыла рот и сглотнула. В горле саднило.

— Твое пребывание в школе окончено, — сказал Элиот.

— Пожалуйста, не прогоняйте меня. Умоляю.

Он встал. Эмили снова расплакалась, однако в его взгляде не промелькнуло ни капли жалости. Элиот вышел.

Погибший школьник «сам бросился под колеса»

Представители полиции утверждают, что ученик, которого в пятницу насмерть сбила машина на Монтбери-авеню, в час пик переходил проезжую часть в неполюженном месте, там, где нет светофоров и пешеходных переходов.

Как сообщают инспекторы дорожного движения, водитель, 39-летняя женщина из округа Орандж, ехала с разрешенной скоростью.

В связи с тем, что недавняя трагедия — не первая на этом участке улицы, жители

микрорайона наверняка вновь обратятся к властям с требованием установить на этом месте светофор или оборудовать пешеходный переход. В соответствии с Президентской программой по обеспечению безопасности населения Департамент транспорта включил работы по переустройству данного участка в свой план еще в прошлом году, однако местная оппозиция выразила несогласие с таким решением, и дело застопорилось.

Погибший мальчик был учеником выпускного класса в школе для особо одаренных детей Уильямсбурга.

Часть II

Слова

Одиссей, который сначала всячески избегал того, чтобы назвать себя, а потом назвался ложным, несуществующим именем, теперь открывает свое истинное имя: он Одиссей, разрушитель городов, сын Лаërта, проживает на Итаке. Упоминание Одиссеем своего истинного имени действует на слепого великана как вспышка молнии, и тот внезапно понимает суть давнего пророчества о том, что стало причиной его слепоты. Вооруженный этим знанием циклоп на этот раз отвечает не камнями, а силой слова. У Полифема получается подчинить язык своим нуждам, и он, вознося своему отцу Посейдону молитву наказать Одиссея, тщательно, слово в слово, повторяет имя Одиссея, его прозвище, родовое имя и название его родины.

Дебора Ливайн Гира «Взгляды древних греков на речь, язык и цивилизацию»

Отправлено: 22 минуты назад [Смотреть беседу](#)

Итак, две недели назад я отправился на собеседование по поводу работы, и они развернули лэптоп монитором ко мне и спросили: «Это ваше?» И там было все то, что я выкладывал в свой пост даже несколько лет назад, фотки, где я пьян в стельку, или просто поддатый, или с умным видом несу какую-то подростковую чушь; в общем, представляешь...

Понятно, что работу я не получил.

Перед ЭТИМ собеседованием я стер ВСЁ: стер «Фейсбук», стер «Твиттер», все, что смог найти. Вхожу в кабинет, и первое, что они спрашивают: есть ли у меня «Фейсбук». Я отвечаю: нет. Они спрашивают: а как насчет странички на сайте колледжа, в «ЛинкдИн» и все такое. Я отвечаю: нет. Они переглядываются и говорят, что, видите ли, их компания хочет «чувствовать себя спокойно» в отношении происхождения, связей и облика своих новых сотрудников, а у меня, по всей видимости, такой подноготной нет. Они не говорят, что я что-то делаю не так, но когда у кого-то нет «Фейсбука», сразу возникает подозрение, что человек что-то скрывает, и ты заранее в проигрыше.

Самолет круто шел вверх, и Уил ждал, когда вертолет обстреляет их, или врежется в них, или взорвется без всякой причины. Но минуты текли, и ничего не происходило, только мерно гудели двигатели да за бортом простиралась ночь.

— Проскочили? — спросил он у Тома, или у Т.С. Элиота — кто его знает, как его называть. Элиот не ответил, но Уил решил, что проскочили. На него навалилась дикая усталость: минуту назад он дрожал от страха за свою жизнь, и тут вдруг захотел спать. — Я сяду, ладно?

Он прошел в хвост самолета и устроился в одном из кресел. Надо бы пристегнуться. Но концы ремня где-то далеко.

Уил открыл глаза, когда снаружи было светло. Самолет трясло и мотало. Он вцепился в подлокотники, в голове метались остатки сна. Девушка с плохими словами. Кенгуру. Двигатели натужно выли. За круглым окном Уил увидел снег и деревянный забор, и казалось, что все это очень близко и проносится мимо слишком стремительно. Звук двигателей изменился, и скорость начала падать. Мир вокруг замедлился и остановился. Элиот вышел из кабины, откинул крышку на панели сбоку и стал открывать дверь.

— Где мы?

Элиот продолжал заниматься дверью. Дверь превратилась в лесенку, и он спустился по ней.

Уил вскочил. Он не был в восторге от того, что опять придется вязнуть в снегу, но все же спустился. Элиот стоял на обочине и писал. Уил огляделся. Асфальт тянулся в обе стороны, насколько хватало глаз. Вдоль шоссе висели провода. И больше ничего не было.

— Отличное приземление, — сказал Уил. В ответ Элиот продолжал выдавать упругую струю мочи. — Где мы?

Элиот застегнул молнию на брюках и прошел вперед по асфальту. Уил двинулся за ним. Он обратил внимание на то, что самолет очень современный, лоснящийся и чистый, что у него вздернутые крылья. Он был на удивление большим, хотя, возможно, производил такое впечатление, потому что стоял на шоссе, там, где не должен был бы стоять.

Уил остановился рядом с Элиотом и сунул руки в карманы. Из рта его вырывались клубочки пара.

— Что дальше?

— Поймаю попутку, попрошу подвезти. Потом позавтракаю. Очень бекона хочется. Много бекона.

Уил потопал, стряхивая снег с ботинок.

— Договорились.

— Я о себе. А ты можешь делать что хочешь.

Уил удивленно покосился на него:

— В каком смысле?

— С нами покончено. Вот в каком. Ты идешь своей дорогой, а я — своей.

— Что?

— Все кончено.

— Но поэты... Вульф... она же все еще хочет убить меня?

— О, да.

— Тогда мы должны спрятаться. Поехать к другим твоим друзьям.

— Больше никаких друзей нет.

Уил вперил в него ошеломленный взгляд:

— Нет?

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что вчера всех твоих соратников по... как бы... сопротивлению, или как его там назвать, — уничтожили? Всех до одного?

— Да.

— И у тебя нет резервной команды в другом городе или...

— Нет.

— Господи, — выдохнул Уил. — Тогда нам нужно держаться вместе.

— Гм, — не без удивления сказал Элиот.

— Она ведь и за тобой охотится, да? Вульф и тебя тоже хочет прикончить.

— Да.

— И что?

— А то, что, с твоей точки зрения, я тот, кто поможет тебе выжить. Но с моей точки зрения, ты бесполезный мешок дерьма. От тебя никакой помощи.

— Ты говорил, что я важен! Ты должен выяснить, почему я невосприимчив! К словам!

— Это было раньше, — сказал Элиот. — Обстоятельства изменились.

— Я еду с тобой, — сказал Уил. — Куда бы ты ни ехал. Я с тобой.

— Нет.

— Тебе меня не остановить. Твои вуду-слова на меня не действуют. Верно? И как же ты собираешься...

Элиот помахал пистолетом. Он его не доставал ниоткуда. Пистолет просто неожиданно появился у него в руке.

У Уила обожгло глаза.

— Видишь? — Элиот убрал пистолет. — Есть и другие методы убеждения. — Он снова устремил взгляд на горизонт.

Уил тяжело дышал.

— Ладно. Ладно. — В нем кипел гнев, и он не знал, что с ним делать. — Замечательно. Значит, вот так? — Уил пошел к самолету. Он плохо представлял, что будет делать. Но там хотя бы тепло. Что-нибудь да придумается... На полдороге он крикнул: — Что случилось в Брокен-Хилл? Вульф всех убила, да? — Элиот не шевельнулся. — Ага! Значит, ты намерен скрываться, пока она будет творить, что ей в голову взбредет, со всеми нами! Ну и скрывайся!

Уил поежился и затопал вверх по ступенькам.

* * *

Элиот стоял на шоссе, сканируя горизонт. Полы его пальто хлопали на ветру. По его оценкам, Уил должен был выкатиться из самолета минут через пять. Столько времени уйдет на то, чтобы страх быть брошенным пересилил желание согреться. Было бы здорово, если бы попутка появилась до окончания этого срока. Тогда Элиот смог бы *скомпрометировать* водителя и уехать, чтобы больше никогда не видеть Уила.

Холодный ветер щипал щеки. Элиот больше не мог удерживаться от сравнения с последним разом, когда стоял точно так же, ожидая и наблюдая за тем, что происходит на горизонте, держа пистолет и надеясь, что применять его не придется. А было это чуть больше года назад. И стоял он на окраине Брокен-Хилл.

* * *

Элиот включил кондиционер на полную мощность, но ничего не изменилось. Солнце слепило сквозь лобовое стекло, он изнывал от жары и обливался потом. Парнишка, которого он забрал в аэропорту, Кэмпбелл, ерзал и дергал свой галстук, затем, наконец, снял льняной пиджак и повесил его на спинку своего сиденья.

— Солнце кажется огромным, — сказал он. — А оно на самом деле больше, чем в других местах?

— Это озоновый слой, — сказал Элиот. — Там дыра.

— Вы привыкли к этому?

— Еще нет.

— Когда я уезжал, в округе Колумбия было двенадцать градусов, — сказал парнишка, закатывая рукава. — Двенадцать. — Он глянул на Элиота. — Вам хочется вернуться в округ Колумбия?

— Я часто там бываю.

— Да, но... — Парнишка повернулся к окну и устремил взгляд на проносящуюся мимо местность с искореженной землей. — Вы давно здесь? Три месяца?

— Семь.

— Ясно. — Парнишка кивнул. — Конечно. Что ж, после этого вы сможете поехать домой. — Он улыбнулся.

Элиот посмотрел на него.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один. А что?

— Ты хорошо знаком с тем, что собираешься делать?

— Я знаю об этом все. — Парнишка рассмеялся. — Элиот, я полностью проинструктирован. Я шесть недель провел на интенсивной подготовке. Меня выбрали за мои таланты. Я знаю, что делаю.

Элиот ничего не сказал.

— Четыре месяца назад Вирджиния Вульф высвобождает элементарное слово в Брокен-Хилл (Австралия, население три тысячи). Сейчас население — ноль. Официальная версия: взрыв на горно-обогатительном комбинате, вызвавший катастрофическую утечку токсичных веществ. Карантинная зона распространяется на пять миль вокруг города. Устрашающего вида предупредительные знаки гарантируют смерть всякому, кто пересечет границу зоны. Самое забавное, что знаки не врут. Мы отправляем туда людей, и они не возвращаются. Отсюда следует, что то слово еще там. — Он вытащил рубашку из брюк и принялся обмахиваться подолом. — Безумная идея, правда? Что слово все еще может действовать. Висеть в воздухе, как эхо.

— Не может.

— А что тогда? Ведь там и в самом деле что-то плохое, но это не утечка токсичных

веществ.

Элиот едва не промолчал.

— Может, Вульф?

— Гм, — сказал парнишка. — На самом деле, Элиот, никто не считает, что такое возможно. Мы все абсолютно уверены, что Вульф мертва. — Он постучал костяшками пальцев по боковому стеклу. — У нас спутник над городом. Мы снимали его сотнями различных способов. Никакого движения.

Элиот вел машину в молчании.

— Я был лучшим, — ошетилившись, сказал парнишка. — Честное слово, без хвастовства. Именно поэтому я здесь. Меня выбрали, потому что меня нельзя *скомпрометировать*. Сомневаюсь, что будут какие-то проблемы.

— Ты понимаешь, что ставишь на кон свою жизнь?

— Понимаю.

Элиот покосился на него. «*Двадцать один*», — подумал он.

— Кто тебя выбрал? Йитс?

— Да, я удостоился чести общаться с Йитсом.

— Ты не обязан это делать.

Парнишка внимательно посмотрел на него. «*Дай мне только знак, Кэмпбелл, — думал Элиот, — и мы проскочим мимо Брокен-Хилл, будем ехать до тех пор, пока не доберемся до какого-нибудь аэропорта. К закату мы окажемся далеко. Кэмпбелл, ты когда-нибудь подумывал о том, чтобы выйти из Организации? Просто взять и уйти? Когда ты услышал об элементарном слове, ты поинтересовался, для чего оно? Кэмпбелл, ты заметил, что с Йитсом не все в порядке? Как будто в нем что-то умерло? Ты заметил?»*

Парнишка отвернулся.

— Вы, Элиот, слишком долго прожили в пустыне.

Тот смотрел на бесконечную дорогу.

— Вот тут ты прав, — сказал он.

* * *

Элиот подъехал к сетчатому забору и выключил двигатель. Они сидели в молчании, глядя на предупреждения. **КАРАНТИН. ТОКСИЧНО. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ.** Черепки толстыми красными линиями. Жара давила, как ладонь.

— Ведь это же просто слова, правда? — сказал парнишка. — Слова страха. — Он отстегнул ремень. — Черт, мне надо вылезти из машины.

Снаружи было так же жарко, но с тем отличием, что ветер гонял пыль и песок. Шоссе было перегорожено витками колючей проволоки. Слева и справа тянулся сетчатый забор, на котором через каждые сто футов были развешаны предупреждения. Из красной почвы торчали редкие низкорослые кусты. Такой пейзаж продолжался насколько хватало глаз.

У Элиота в багажнике были кусачки для проволоки, так, на всякий случай. С последнего раза ничего не изменилось. «Колючка» перекрученными спиралью топорщилась на асфальте, но никем не охранялась. В этом не было надобности, парнишка прав — именно слова держат людей на расстоянии. Элиот оттащил проволоку с дороги.

Парнишка пытался сделать тюрбан из своего льняного пиджака.

— У меня есть кепка на заднем сиденье, — сказал Элиот. — Возьми ее.

— Всё в порядке.

— Возьми кепку. — Элиот открыл заднюю дверцу, достал кепку и бутылку воды.

— Отлично. Спасибо. — Парнишка надел кепку. На козырьке была надпись: «ГРОМОВЕРЖЕЦ ИЗ АВСТРАЛИИ»; Элиот купил ее у уличного торговца в Аделаиде. — Как я выгляжу?

— У тебя есть спутниковый телефон?

— Угу.

— Позвони мне.

— Он работает. Я проверял в аэропорту. Я позвоню вам, когда доберусь до города.

— Позвони мне сейчас.

Парнишка достал телефон и набрал номер. Зазвонил телефон Элиота.

— Всё в порядке? — сказал парнишка.

— У тебя есть запасной аккумулятор?

— Есть.

— А у основного заряд полный?

— С ним все в порядке.

— Полный или нет?

— Посмотрите. — Парнишка показал ему экран. — Видите маленькую батарейку? Я умею пользоваться телефоном.

— Позвони мне, как только мой силуэт начнет расплываться. И не сбрасывай звонок. А если связь оборвется, набирай мне, пока не соединишься.

— Есть.

— Какой твой сегмент?

— *Что?*

— Девяносто третий?

Лицо парнишки стало пустым. Вот так их выдрессировали. Парнишка думает о чем-то другом, о чем-то радостном, о чем-то грустном, о чем-то болезненном. Только он все понимает. Чтобы сделать его нечитаемым, добавляется посторонний шум к выражению на его лице.

— Ты девяносто третий.

— Черт, — сказал парнишка, — вы не должны так делать. Зачем вы это делаете?

— Ради твоей защиты.

— Это не имеет значения. Меня нельзя *скомпрометировать*. Хотите попробовать?

Вперед.

Элиот задумался. Он не сомневался, что парнишка одарен. Но раньше он выполнял большую часть работы в относительно контролируемой среде. А вот если Элиот набросится на него, сунет дуло пистолета ему в рот и выкрикнет слова, это будет уже другое дело.

— Не беспокойтесь за меня, — сказал парнишка. — У меня все получится.

— Не рискуй. Если что-то покажется тебе неправильным, не пытайся понять, что там. Просто отойди. Сегодня мы не обязаны выполнить всё.

Парнишка поправил кепку с «ГРОМОВЕРЖЦЕМ». Он, естественно, считает Элиот ненормальным.

— Ну, а я попробую.

Элиот кивнул.

— Удачи.

— Эх, — сказал парнишка. — Спасибо. — Он обошел колючую проволоку и зашагал вперед.

* * *

Чем дальше он уходил, тем ярче мерцала его фигура в раскаленном мареве, поднимавшемся от асфальта. Вскоре стало трудно различить его силуэт, он превратился в один из многих потоков горячего воздуха. Элиот ладонью прикрывал глаза от солнца и смотрел ему вслед.

Зазвонил его телефон.

— Спасибо за кепку, — сказал парнишка. — Она мне очень пригодилась.

— Пожалуйста.

— Признаться, я никогда не бывал на такой жаре.

— Ты видишь окрестности города?

— Пока нет.

— Он уже близко.

— Да, знаю. Я хорошо помню карту.

Они замолчали. Солнце обрушивало свой жар Элиоту на голову. Надо бы сесть в машину. Еще несколько минут... Он подождет, пока парнишка доберется до города.

— Вы когда-то преподавали у нее в Академии. У Вирджинии Вульф. До меня доходили такие слухи. Это правда? — Парнишка слегка задыхался. — Элиот, нам придется провести на телефоне почти час, мы могли бы беседовать. Господи, — он втянул в себя воздух, — дико жарко. — Элиот услышал, как парень отвинчивает крышку на бутылке с водой.

— Да, я обучал Вульф.

— Вы видели, что это в ней есть? Ну, хоть какие-то признаки? Вы чувствовали, что она может...

— Что может?

— Прийти в ярость, — сказал парнишка. — Убить целый город. Я не подвергаю сомнению ваше мастерство делать наблюдения, я знаю, что вы в этом спец, честное слово. Мне просто интересно, как вы могли пропустить такое. А знаете что? Не только вы. Все. Ведь считается, что мы знаем людей.

— Всегда есть риск, когда готовишь кого-то. В случае с Вульф мы думали, что ее потенциал стоит того. — Элиот пожал плечами, хотя никто не мог видеть этот жест. — Мы ошибались.

— Я никогда с нею не встречался. Она закончила, когда я только поступил. — Парень кашлянул. — То есть ее вышибли. Исключили. В общем, не знаю, что там было. Как же пыльно... Ветер... Кажется, я вижу комбинат.

— Будь внимателен.

Парнишка рассмеялся, что вызвало у него приступ кашля.

— Честное слово, вы вынуждаете меня нервничать без всякого повода. Здесь никого нет.

Элиот ничего не сказал.

— А вы знаете, чем я занимаюсь? В Организации? Я в Цифровых технологиях. Веб

сервисы. Знаете?

— Вообще-то нет.

— А должны бы. Именно там все и происходит. Давайте я вам расскажу. Введу в курс дела.

— Замечательно, — сказал Элиот.

— Вот только не надо мне поддакивать. Мне безразлично, интересно вам или нет. Я просто предлагаю изнутри взглянуть на то, что Йитс сам назвал — цитирую: «Величайший вектор атаки со времен книгопечатания». Конец цитаты.

— Замечательно.

— Организация меняется, Элиот. Это больше не газеты и телевидение. Все это — старая школа. Исчезающий вид. И вы, те, кто старше, если вы не будете начеку, вы тоже станете исчезающим видом. Вы ведь не хотите исчезнуть, правда?

— Не хотим.

— Не хотите. Тогда позвольте мне помочь вам выбраться из этой ситуации. — Парнишка помолчал, восстанавливая дыхание. — Ключ к Сети в том, что она интерактивна. В этом вся разница. Кто-то посещает ваш сайт, вы даже можете устроить небольшой опрос. Например: «Что вы думаете о сокращении налогов?» Люди будут кликать и сами сегментировать себя. В этом первое преимущество. Вы не просто вербуете приверженцев, обращаясь в пустоту, вы получаете данные. Но у сайта есть одна умная особенность. Он не статичен. Он динамичен. Вы знаете, что это такое?

— Нет.

— Это значит, что для разных посетителей сайт выглядит по-разному. Скажем, вы выбираете вариант ответа, где говорится, что вы за сокращение налогов. Теперь в вашей машине есть «печеньки», и когда вы снова видите сайт, там появляются статьи о том, как правительство растрчивает ваши деньги. Сайт динамически выбирает контент, базирующийся на том, что вы хотите. То есть не на том, что вы желаете, а на том, что вас раздражает. Что привлекает ваше внимание и укрепляет ваши убеждения, заставляет вас верить сайту. А если вы говорите, что вы против сокращения налогов, мы покажем вам статьи о том, как республиканцы блокируют социальные программы и все такое прочее. Все это работает именно так. Ваш сайт создан из зеркал, отражающих каждому его же собственные мысли. Здорово, правда?

— Здорово.

— А ведь мы даже близко не подошли к ключевым словам. Это только начало. Третье важное преимущество: люди, посещающие такой вот сайт, начинают от него зависеть, подсаживаются на него. Неожиданно все другие источники новостей, те, которые не выдают статьи, созвучные убеждениям пользователя, начинают сбивать с толку или выглядят чужеродными. Предубежденными, что, в общем-то, нелепо. И вот у вас появляется пользователь, который не только доверяет вам, но для которого вы становитесь главным источником информации и новостей о событиях в мире. Хлоп, и парень ваш. Можете рассказывать ему что душе угодно — никто вам не возразит. Он... — Парнишка тихо охнул. — Черт.

— Что там?

— Кажется, я вижу тело.

— Ты не знал, что там будут тела?

— Знал. Естественно, знал. Но знать и видеть — это... ох, бр-р-р... Это отвратительно.

— Они пролежали на солнце четыре месяца.

— Ага. Ясно.

— Это только скелет или?..

— В основном скелет, — сказал парнишка. — В этом самое отвратительное. — Некоторое время Элиот не слышал ничего, кроме тяжелого дыхания. — Надо же. Они повсюду.

— Ты рассказывал мне о своем Цифровом департаменте.

— Как, по-вашему, они умерли? — Его голос звучал сдавленно, как будто он говорил в рукав. — Элементарное слово взорвало их чертов мозг? Как аневризма? Потому что не похоже, чтобы они умерли от аневризмы.

— Почему не похоже?

— Они лежат кучами. Как будто сползлись в кучи. А потом умерли.

Элиот молчал.

— Значит... да, департамент. — Голос парнишки подрагивал. — Четвертое преимущество. Мы можем нашептывать. Проблема старых СМИ всегда в том, что мы не можем управлять теми, кто смотрит или слушает. Происходит самоотбор: люди не могут настроиться на передачи, которые отвечают их убеждениям, поэтому в вашей аудитории все равно присутствуют люди из неправильного сегмента. И они считают, что вы несете полнейшую чушь, и это естественно, потому что вы действительно несете полнейшую чушь, и иногда они делают из этого самую настоящую проблему, и это бьет по целевому сегменту. И основное послание не достигает адресата. А в Цифровом эта проблема исчезает. Вы можете говорить пользователю что угодно, и больше никто вас не услышит, потому что сайт динамично генерируется именно под этого пользователя. Для следующего пользователя он будет выглядеть по-другому. Конечный результат: вы берете людей из различных сегментов, и они не соглашаются ни в чем — в буквальном смысле ни в чем, — кроме одного: этот сайт — огромный и беспристрастный источник информации. — Он перевел дух. — Прохожу мимо домов. Плоских, уродливых домов.

— Ты в порядке?

— Да. В полном. Только жарко.

— Если нужно, передохни.

— Почему, как вы думаете, они лежат группами?

— Не знаю.

— Это могут быть семьи? Выглядит так, будто... они успели найти своих близких?

— Может быть.

— Думаю, нет. Судя по тому, как... Не знаю. Но я так не думаю. — Что-то царапнуло по телефону. — Я должен попить.

— Отдохни.

Парнишка стал громко заглатывать воду.

— Нет. Я хочу побыстрее закончить. — Молчание. — Значит... наш Цифровой. Здорово, правда?

— У меня возникает вопрос: а зачем тогда мы носимся со всем остальным?

— Э-эх. Да. В общем, у нас есть проблема с неидентифицированными пользователями. Некто посещает наш сайт в первый раз, и у нас нет представления, кто он такой. Мы не знаем, что ему показывать. Мы можем делать предположения, основываясь на его географическом местоположении и программном обеспечении, которое он использует. Но

все это субоптимально. Мы стараемся. Вы слышали о социальных сетях?

— Нет.

— Вы... вам надо вникнуть в тему, Элиот. Это будущее. Каждый создает свои странички. Представьте, как сотни миллионов людей кликают на один из ответов в опроснике, рассказывают о своих любимых телепрограммах, товарах, политических пристрастиях, и так день за днем. Это профиль с максимальным объемом данных. Причем он выдается добровольно. В этом самое забавное. Люди отказываются участвовать в переписи, но стоит дать им возможность создать страничку со своим профилем, и они целыми днями будут рассказывать, кто они такие. Что очевидно... очень полезно... для нас...

— Что там?

— Там... ох, все в порядке.

— Что там?

— Заправка. Выгорела. Повсюду машины. А одна... а одна перевернута вверх тормашками. Это же... гм... совсем не плохо, а, Элиот? То, что слово может переворачивать машины? — Парнишка засмеялся, неестественно визгливо. — Нейролингвистика производит чертовски глубокое впечатление, вы не согласны?

— Там есть тела?

— Естественно, есть! Я по колено в телах! Исходите из того, что тела повсюду, пока я не сообщу об обратном!

— Понятно.

Парень часто задышал.

— Я не по колено. Я...простите, я преувеличиваю. Но их очень много. Ужасно много. — Он несколько раз судорожно сглотнул. — Откуда их так много? Я в том смысле, что она сделала? Как она могла убить всех?

— Передохни.

— Проклятье!

— Кэмпбелл, тебе нужно успокоиться.

— Я вижу больницу. Она дальше по дороге. И дорога завалена телами.

— Ты можешь вернуться. Тебе не надо делать все за один день.

Парнишка вдохнул и медленно выдохнул, потом еще раз.

— Все, я иду, Элиот.

— Все это неважно. Забудь о Йитсе.

Послышалось фырканье. Элиот распознал в этом звуке смех.

— Вы точно оторвались от жизни. Не вопрос. «Забудь о Йитсе». Господи, черт бы все побрал. — Он втянул в себя воздух. — Здесь сильные разрушения. Машины на тротуарах. Я видел это на снимках со спутника, но вблизи это... реальнее, наверное. На компьютере они выглядели как плохо припаркованные. Как будто все очень спешили. Но... они все врезались. Они... оказались на своих местах не просто так. — Он сглотнул. — Почти доехали до больницы. Между прочим... она выглядит... мельче... чем я ожидал. Похожа на библиотеку. Вижу вход в отделение «Скорой». У входа «Скорая». То есть машина «Скорой помощи». На вершине подъездного пандуса. Вход в отделение стеклянный, но внутри я ничего не вижу. — Элиот услышал, как парнишка остановился. — Там темно. Или закопчено. Или это грязь. — Он заколебался. — Я пройду к главному входу, ладно?

— Ладно.

— Просто я думаю, что мне не надо пробираться через задние помещения, если есть другой вход.

— Согласен.

— Ладно. Я иду к главному входу. Черт. Даже не знаю, правильно это или нет.

— Рассказывай мне, что видишь.

— Тела. Высохшие тела, наваленные у стекла. Но зато я могу заглянуть внутрь. Я у дверей. Там...

— Что? — Элиот подождал. — Кэмпбелл?

— Там какой-то звук.

— Какого рода звук?

— Не знаю. Заткнитесь на секунду, дайте вслушаться. — Время шло. — Как гул.

— Голосов?

— Нет. Чего-то вроде двигателей. Чего-то электронного. Но этого не может быть. Там нет питания. Он не очень громкий. Я открываю двери. — Раздался скрип. Потом парнишка охнул. — Вот проклятье!

— Что там?

— Запах.

— Стой, где стоишь.

— Ладно-ладно. Я остановился.

— Оглядишься. Рассказывай мне все.

— Сиденья. Регистратура. Дерьмо на стенах.

— Дерьмо?

— Я имею в виду чушь собачью. Объявления. «Пройдите вакцинацию». Листовки. «Восемь из десяти женщин страдают от послеродовой депрессии. Когда вы в последний раз проходили обследование у уролога?».

— А что насчет звука?

— О. Так это мухи. Миллиарды мух.

— Постой там минуту.

Минута прошла.

— Ее здесь нет, Элиот. Я говорил вам. Если бы поблизости двигался кто-нибудь крупнее белки, мы бы обязательно увидели.

— Кролика. В Австралии нет белок.

— Нет... — Парнишка расхохотался. — Нет белок? Вы прикалываетесь?

— Нет.

— Может, хватит мне стоять на месте, а?! Мне уже начинает казаться, что я в раю!

— Держи себя в руках.

Дыхание парнишки стало хриплым и рваным.

— Вы правы. Вы правы. — Он немного успокоился. — Я вхожу. — Опять скрип. Фоновый шум изменился, стал глуше. — Я внутри.

— Рассказывай все.

— На полу линии. Цветные линии. Боже... думаю, я пойду по красной. К отделенику «Скорой». Так много тел... их трудно обойти. Господь всемогущий! Я никогда не отмоюсь от этой вони. — Шуршание. — Все двери нараспашку, тела не дают им закрыться. Я в коридоре. Здесь темно. Ах, да... электричества нет. Просто убедился в этом. Там...

— Что?

— Череп с торчащим в нем топором.

— Топором?

— Ага. Красный топор. Пожарный. Я вижу, откуда его сорвали. Кто-то разбил стекло пожарного щита, взял топор и воткнул его в башку этого типа. Эй? Элиот?

— Да?

— Я беру топор. Ладно? Я просто... мне с ним спокойнее. Я сейчас на минуту отложу телефон, чтобы взять топор.

— Ладно.

Кэмпбелл со стуком положил телефон. Элиот услышал, как парнишка что-то проворчал, затем издал пронзительный возглас.

— Ты здесь?

— Здесь.

— Он у меня. — Парнишка рассмеялся. — Я вытащил этот чертов топор из черепа. — Он выдохнул. — Мне лучше. Я чувствую себя крутым парнем. Эй, а у меня идея. Я сейчас сфотографирую все это дерьмо и перешлю вам.

— Телефоном?

— Ага.

— А ты можешь сделать это, не прерывая связь?

— Я не... гм... не уверен.

— Тогда не делай.

— Я отправлю вам и снова наберу.

— Не отключайся.

— Ладно. Господи. Ладно. Ладно. Я просто высказал идею. Впереди вижу дверь в отделение «Скорой». Дверь двойная. Много... ох, я только что понял, что это за черная дрянь на стенах.

— Кровь.

— Точно. Море крови. — Пауза. — Это?.. Да. Это они.

— Кто?

— Экстракционная команда. Я знаю этих ребят. То есть... я видел их на видео. Вы же понимаете, о ком я? Такие ребята в черных комбинезонах, их иногда использует Йитс. Солдаты в защитных шлемах. Считается, что они экранированы от любой *компрометации*.

— Да.

— Так это они. Во всяком случае, некоторые из них. И они без шлемов. Они... они как из мясорубки.

— То есть?

— Они перемешаны. Друг с другом. У них черные лица. Засохшая кровь. И у них нет глаз. Я не знаю... я не знаю, что это — разложение или... или что. — Его голос дрожал. — У них такой вид, будто их пропустили через шреддер. — Элиот понял, что парнишка плачет.

— Кэмпбелл...

— Но они не были поэтами. В этом-то разница. А я — король защиты.

— Возвращайся. Доложишь то, что уже знаешь. Завтра попытаешься снова.

— Нет. Нет.

— Йитс может подождать еще один...

Голос парнишки поднялся до крика:

— Элиот, вы, черт побери, хоть немного представляете, что требуется? Вы слишком

долго прожили в своей проклятой пустыне и ничего не знаете. Я не собираюсь рассказывать Йитсу, что зашел так далеко и вернулся. Я не могу этого допустить, и если бы вы хоть немного разбирались во всем этом, то не предложили бы такого.

— Не все из нас согласны с Йитсом.

Парнишка несколько мгновений молчал и тяжело дышал.

— Одно мое слово, Элиот, и мне принесли бы вашу голову. За то, что вы только что мне сказали, мне подали бы ее на блюдечке с голубой каемочкой.

— Я это знаю.

— Ага. Ага. — Секундное молчание. — Впереди дверь. Закрытая двустворчатая дверь. На ней надпись: «Отделение скорой помощи».

— Кэмпбелл, прошу тебя.

— Я хочу держать топор обеими руками. А телефон я прижму к плечу. — Послышалось шуршание. Парнишка буквально глотал воздух. — Эй, Элиот?

— Да.

— Я ценю это. То, что вы сказали насчет Йитса. Вы молодец.

— Кэмпбелл, прошу тебя, остановись. — В его сознании всплыли командные слова. По телефону они прозвучат слабо, поэтому, вероятно, будут бесполезны.

— Если что-то пойдет не так, я хочу, чтобы вы передали Йитсу, что я стойко выдержал давление, — сказал парнишка. — Я открываю... — Заскрипели петли.

— Что ты видишь?

Учащенное дыхание парнишки.

— Кэмпбелл? Что ты видишь? Говори со мной.

Телефон рявкнул ему в ухо. Элиот резко отстранился от него. Когда он снова приложил аппарат к уху, на том конце линии уже ничего не было, только неподвижный эфир. Наверное, телефон упал на пол, подумал Элиот, поэтому был такой звук. Парнишка уронил его.

Ему показалось, что он услышал слабый шорох. Ботинки парнишки?

— Кэмпбелл? — Элиот снова позвал парнишку, и снова, и снова, но ответом была пустота.

Элиот ждал, привалившись к машине, а позади него садилось солнце, и постепенно спадала жара. Он не рассчитывал, что парнишка вернется. Но хотел дать ему шанс.

«Что ты здесь делаешь, Элиот? Ты же видишь, куда идет Организация. Ты же знаешь, что грядет. И все равно стоишь тут».

Через час стемнеет. Вот тогда он сядет в машину, за четыре часа доедет до своей гостиницы и позвонит Йитсу. Он бесстрастным голосом скажет ему, что Кэмпбелл не вернулся, и Йитс, таким же тоном, выразит свое сожаление.

«Эмили, Эмили», — подумал Элиот.

Что-то замерцало на дороге. Он прищурился. Раскаленный воздух уже не поднимался над асфальтом, но глаза забивала поднятая ветром пыль. Наконец Элиот убедился: кто-то идет в его сторону. Он выпрямился. Поднял руку. Фигура не отреагировала. Было нечто странное в том, как она двигалась. Кривобоко, неровно. Не Кэмпбелл? Но это может быть только он. Вокруг больше никого нет.

Прошла минута. Фигура приняла облик Кэмпбелла. А его странная походка объяснялась тем, что он волочил за собой топор.

Элиот нырнул в машину, открыл перчаточный ящик и достал пистолет. Когда он подошел к забору, Кэмпбелл был уже в двухстах ярдах от него. Элиот смог разглядеть его лицо, сосредоточенно-пустое.

Он сунул пистолет за ремень брюк и рупором приставил руки ко рту.

— *Кэмпбелл! Стой!*

Парнишка продолжал идти. Его рубашка промокла от пота. Из-под кепки с «ГРОМОВЕРЖЦЕМ» торчали влажные, спутанные космы. На нем не было одного ботинка.

— Кэмпбелл, брось топор!

На какое-то мгновение ему показалось, что парнишка подчинится. Но нет: тот лишь забросил топор на плечо. Пятьдесят ярдов. Достаточно близко, чтобы ощутить запах.

— *Вестид форесаи райнтрае вало! Стой!*

Парнишка прошел через слова, как через воду. Элиот вытащил пистолет.

— *Стой! Кэмпбелл, стой! Вало! Стой! Вало!*

Парнишка оттянул губы в оскале. Жилы на его предплечьях вздулись. Топор поднялся. Элиот нажал на спусковой крючок. Парнишка глухо охнул. Выражение на его лице не изменилось. Элиот еще дважды нажал на спуск. Топор со звоном ударился об асфальт. Парнишка рухнул на колени. Он попытался подняться, снова застонал и ничком рухнул на дорогу.

Элиот сел на корточки. Солнце почти спряталось за горизонтом. Весь мир окрасился в оранжевый. Он встал и принялся грузить тело парнишки в машину.

* * *

Элиот похоронил парнишку в пустыне, а потом ехал всю ночь. Когда впереди показались огни города, он не выдержал, остановился на обочине и вылез из машины. Привалившись к дверце, набрал номер. Ночной воздух был вкусным. Мимо проносились автомобили.

— Да?

— Это Элиот.

— А. — Он услышал, как в стакане звякнули кубики льда. — Как идут дела?

— Кэмпбелл мертв.

Он услышал, как Йитс отпил из стакана.

— То есть он не вернулся?

— То есть я выстрелил ему в грудь. — Элиот закрыл глаза, но лучше ему не стало, и он открыл их. — То есть он вышел оттуда с топором, и я пристрелил его.

— Судя по голосу, ты в неустойчивом состоянии.

Элиот отодвинул телефон от уха. Затем, справившись с собой, снова приблизил его.

— Я в порядке.

— Ты говоришь, что Кэмпбелл вернулся безумным. Это правильно?

— Да. Безумным. *Скомпрометированным*. В общем, не таким.

— Ты знаешь, что там произошло?

— Он прошел в отделение скорой помощи. Мы разговаривали. Потом он остановился.

— Какой у него был голос в этот момент?

— Он стойко противостоял давлению.

Молчание.

— Очень интригующе, — сказал Йитс. — Я бы отдал все, чтобы узнать, что она там натворила.

Элиот ждал.

— Возвращайся домой, — сказал Йитс. — Прошло много времени.

— Я пока не нашел Вульф.

— Вульф мертва.

— Я в это не верю.

— Хватит верить в то, во что ты хочешь верить. Тебе это не к лицу. Ты не нашел никаких следов. Твоя миссия окончена. Возвращайся домой.

Элиот прижался головой к холодному металлу машины и закрыл глаза.

— Да, сэр.

На снежной равнине возникла точка. Машина? Он запахнул пальто и убедился, что обрез не виден.

Позади него Уил затопал по трапу самолета. *«Быстро он, — подумал Элиот. — Должно быть, что-то придумал».*

— Что случилось с «быть достойным»? — закричал Уил. — Разве не так ты мне сказал? Что я должен быть достойным тех людей, что умерли там?

Элиот не ответил.

— Там машина?

По шагам Элиот понял, что Уил направляется к нему. Он остановился рядом с ним и обхватил себя руками. Элиот покосился на него.

— Не бросай меня, ублюдок, — сказал Уил.

— Замечательно.

Уил захлопал глазами.

— Что? Значит... мир? Мы вместе?

— Да.

— Тогда что это было? Шутка?

Машина сбросила скорость. Элиот увидел, как люди из-за стекла таращатся на самолет.

— Будет проще, если ты успокоишься.

— Ты опять насилуешь мне мозги? Я пытаюсь наладить отношения с... колдунами, поэтами-убийцами, а ты трахаешь мне мозги?

— Я передумал, — сказал Элиот. — Ты привел веские доводы.

И он пошел к машине.

Города-призраки: № 8: Брокен-Хилл (Австралия)

После открытия самых богатых в мире залежей цинковой и свинцовой руды в 1883 году Брокен-Хилл превратился в один из крупнейших шахтерских городов. В годы расцвета его население составляло до тридцати тысяч человек, и большая часть жителей работала в ООС «Брокен-Хилл».

Закат города начался в 70-х, когда выработались две главные шахты. Хотя оставались шахты и поменьше, изоляция — ближайший город расположен в трехстах милях — и

суровые жизненные условия внесли свою лепту в то, что население города стало неуклонно уменьшаться.

В середине дня 14 августа 2011 года на горно-обогатительном комбинате, который располагался в самом сердце города, произошел сильнейший взрыв, а затем начался пожар. Огонь стремительно распространялся, пожирая все на своем пути. По сообщениям, по главной улице текла река смертельно опасного метилизокарбоната. В течение нескольких часов все три тысячи жителей умерли от токсичных испарений. Несколько команд спасателей, вошедших в город, постигла та же участь.

В настоящее время вокруг города, в радиусе пяти миль от его границ, установлена карантинная зона. Предполагается, что Брокен-Хилл будет оставаться непригодным для жизни еще двести лет.

From: <http://nationstates.org/pages/topic-39112000-post-8.html>

Re: заговор в брокен хилл???

чего люди не понимают про брокен хилл так это того что люди померли совсем не от испарений во всяком случае не напрямую. началась паника когда они поняли что происходит и не смогли выбраться мой дядя стоял в охране первого периметра и он рассказывал что люди там убивали друг друга

Она сидела в красном кожаном кресле и наблюдала за рыбой. Рыба плавала в высоких песочных часах, где вместо песка была вода. Каждые несколько секунд из верхней части в нижнюю с тихим «чпок» падала капля, и она слышала этот звук, потому что в комнате было тихо, как в мавзолее. Рыба то раздувалась, когда приближалась к изогнутым стенкам часов, то уменьшалась, когда отплывала на середину. Казалось, ее не волнует, что с каждой каплей ее мир сжимается. Возможно, она уже привыкла к этому. Когда уровень воды опускался слишком сильно, часы, по идее, переворачивались полной частью вверх, туда переплывала рыба, и вода капля за каплей начинала заполнять пустую часть. Своего рода искусство, решила она. Часы просто стояли в центре комнаты, и в этом была их единственная функция. Другого применения просто не было. Вероятно, они намекали на время или возрождение. Она не знала. И вообще, ей надо думать не о рыбе. У нее непростая ситуация.

Шарлотта привезла ее на машине, привела в эту комнату и куда-то уцокала. За все это время Шарлотта не произнесла ни единого слова, хотя Эмили всячески и провоцировала ее. В это утро Шарлотту отличала вызывающая беспокойство мягкость. Сочувствие, сквозившее в ее молчании. И это Эмили совсем не нравилось.

Она жалела, что Джереми нет рядом. Она жалела, что нет возможности закончить этот день в его комнате, рассказать ему обо всем. «*Ты не поверишь, у них там рыба в песочных часах*», — сказала бы она. И Джереми ничего бы не ответил, но она смогла бы определить, интересно ему или нет.

Ее время в школе закончилось. Так сказал Элиот. Но никто не потребовал, чтобы она уехала. Ее переселили в другую комнату, а на следующее утро на двери висела новая школьная форма. И тут еще Шарлотта, мягкая и молчаливая... Эмили не знала, как все это совместить.

Она всерьез подумывала о побеге. Она не сомневалась: с побегом множество проблем будет решено. Правда, Эмили точно не знала, как добраться до улицы, потому что в эту комнату ее привез лифт из подземного гаража. И все же стоит держать в голове этот вариант в качестве опции. Эмили устремила взгляд на часы. *Чпок. Чпок.* Переворотный механизм она разглядеть не смогла. Но скоро часы должны сдвинуться с места, потому что уровень воды опустился очень сильно.

Эмили услышала стук каблуков и узнала шаги Шарлотты. Это был последний шанс сбежать, и она его упустила. Шарлотта вошла и, не глядя на нее, пересекла комнату. Она открыла одну из дверей и замерла в ожидании.

Эмили встала.

— Мы уезжаем?

Шарлотта не ответила. Она посмотрела на Эмили, и под ее взглядом у Эмили возникло четкое ощущение, что она совершила ошибку, не сбежав. Но было уже поздно. Ну и пусть, она все равно выберется отсюда, так или иначе. Ей всегда удавалось.

— Ладно, — сказала Эмили и прошла в дверь.

Шарлотта повела ее к лестничной клетке, потом — к двери с надписью «КРЫША». Она открыла эту дверь, и Эмили вышла на солнечный свет.

Крыша была шириной ярдов сто в каждую сторону, с садами, бассейном и теннисным кортом. И напоминала плавающий курорт. Вокруг Эмили увидела другие плавающие крыши,

и все они находились на одной высоте, потому что это был Вашингтон. Она несколько мгновений любовалась зрелищем, и тут дверь позади нее с клацаньем закрылась. Она повернулась. Шарлотты не было.

— Гм, — сказала Эмили.

Она принялась исследовать сад. Откуда-то послышался короткий приглушенный свист. Пойдя на звук, она наткнулась на мужчину в светло-серых брюках, без пиджака. Он стоял широко расставив ноги на зеленом коврик, спиной к ней. Его колени были слегка согнуты. В руках он держал клюшку для гольфа. Она старалась не шевелиться, потому что догадалась, что это Йитс, тот самый человек, с которым, как уверял ее Джереми, ей никогда не доведется общаться, тот, с акульими глазами.

Мужчина взмахнул клюшкой. «Ш-шик», и мячик дугой взвился в воздух. Она наблюдала за ним и предположила, что он приземлится на одном из соседних зданий, однако они были дальше, чем казалось вначале. Мячик упал за низкую стенку крыши. Он превратится в опасное оружие, когда долетит до земли, думала Эмили. В своего рода пулю.

Йитс повернулся к ней. К ее величайшему облегчению, на нем были солнцезащитные очки. Он выглядел почти нормальным. Вернее, не нормальным, а политиком — конгрессменом или сенатором, в общем, кем-то из тех, кто рассказывает ей, что страну нужно привести в порядок. Йитс был скорее убедительным, чем нормальным. Он не улыбался, но и сердитым не выглядел. Он просто смотрел на нее.

— Здравствуйте, — сказала Эмили.

Йитс взял белую тряпочку и принялся чистить клюшку. Пока он этим занимался, ни на секунду не отвел от нее глаз.

Она переступила с ноги на ногу.

— Меня сюда привела Шарлотта, но...

— *Вартикс велкор манник вишик*. Замри.

Ее рот захлопнулся. Эмили не сразу сообразила, что произошло. Самое удивительное, что она восприняла это как собственное решение. Ей и в самом деле искренне захотелось замереть. Она знала: все дело в словах, в Йитсе, который *компрометировал* ее, однако она не ощутила на себе никакого воздействия. Ее мозг лихорадочно подкидывал логические обоснования, объяснения, почему ей сейчас нужно обязательно впасть в неподвижность, почему это действительно правильный поступок. И все это произносилось ее голосом. Она и не подозревала, что воздействие выглядит вот так.

Йитс достал из корзинки мячик и бросил его на зеленый коврик. Затем, приняв стойку, поднял клюшку. Он ударил по мячу и наблюдал, как тот летит. Когда мячик исчез из поля зрения, Йитс вернулся к корзинке и повторил всю последовательность действий. Эмили обратила внимание, что он не смотрит, куда падают мячики. Похоже, он не испытывал извращенной радости от того, что мячики для гольфа превращаются в пули. Судя по всему, его это вообще не заботило. Эмили просто неправильно оценила всю ситуацию. Она-то думала, что речь пойдет о ней. А те песочные часы в приемной — она сообразила, что они не переворачиваются. Это чья-то обязанность: приходиться дважды в день и пересаживать рыбу.

Йитс продолжал бить по мячикам, а Эмили пыталась пошевелиться, но у нее ничего не получалось. Она чувствовала себя оскверненной и злилась, а еще ей было стыдно, что она не может управлять собственным телом. Это было унижительно. Случившееся сподвигнуло ее на то, чтобы переоценить отношения с самой собой. «*Дыши чаще*, — сказала она себе,

потому что это нарушило бы полнейшую неподвижность. Эмили понимала: нужно вогнать клин и попытаться расшатать себя. — *Дыши*».

Голова Йитса повернулась к ней. Она не представляла, о чем он думает. Но у нее возникло чувство, что партия в гольф окончена. Он убрал клюшку в сумку, сел в кованое кресло и принялся развязывать шнурки на ботинках. Все это он делал с особой тщательностью, как будто в его ботинках прятались секреты. Покончив с этим, Йитс надел черные блестящие туфли. Деловые туфли. Туфли для бизнеса. Он крепко завязал шнурки, встал и направился к ней.

Эмили дышала. У нее получалось проталкивать сквозь зубы небольшое количество воздуха, и при этом она издавала едва слышное шипение. Вот и всё.

Йитс снял солнцезащитные очки и сунул их в карман рубашки. Глаза у него были серые и невыразительные, как камень, а лицо — плоским. Эмили даже решила бы, что он сделал подтяжку, если бы подобная идея — что поэт обнажил ментальную слабость ради тщеславия — не была безумной. Возможно, Йитс просто захотел стереть всяческое выражение. Или, возможно, он просто такой. Если никогда не улыбаешься, не смеешься, не хмуришься, лицо наверняка становится вот таким: гладким и пустым, как стоячий пруд.

Йитс расстегнул манжеты и стал закатывать рукава. Он стоял достаточно близко, чтобы Эмили могла оцарапать его, или укусить, или врезать ему по яйцам, однако все это, естественно, было ей не под силу. «*Он сейчас убьет тебя!*» — кричала она самой себе, но это ничего не меняло. Ее мозг вдруг обнаружил склонность к фатализму. Он знал, что она несет ответственность за то, что случилось с Джереми, и трудно было убедить его в том, что она не заслужила ничего из того, что на нее свалилось.

Йитс сложил руки на груди и закрыл глаза. Несколько долгих секунд он не двигался. Эмили подумала: «*Он молится?*» Потому что все выглядело именно так. Но Йитс не мог молиться, потому что идея о верующем поэте была еще более нелепой, чем о тщеславном. Вера в Бога — это ментальная слабость, обнажающая потребность в чувстве принадлежности к какому-либо сообществу и в более высоких целях. Предполагалось, что поэты должны подавлять подобные желания. Они были потенциальными направлениями атаки. Они раскрывали твой сегмент. Ее всему этому научили. Однако Йитс демонстрировал все признаки общения с высшими силами. Ее сердце глухо и болезненно забилося. Ситуация была ей абсолютно непонятна.

— С-с-с, — сказала она.

Его глаза открылись.

— Боже мой, — сказал он. Эмили подумала, что он насмехается над ней, но допускала, что, возможно, и нет. Йитс внимательно оглядел ее. Она почувствовала себя объектом исследования, как если бы ее изучали инженеры: бесстрастно, пристально, с применением приборов. — Мне сообщили, что у тебя плохо с дисциплиной, — сказал он. — Но это...

Прошли мгновения. Эмили видела, как раздуваются его ноздри. Она сказала:

— С-с-с.

— Предполагается, что ты одарена. Ты обладаешь способностью к атаке, достаточной, чтобы компенсировать недостаток защиты. Я хотел бы взглянуть на это. Потому что, моя дорогая, мне очень трудно представить, как такое может быть. Я дам тебе одну возможность заговорить со мной. Используй ее, чтобы убедить меня в том, что я должен оставить тебя. *Вартикс велкор манник вишик*. Можешь говорить.

Спазм, сжимавший горло, исчез. Эмили кашлянула, чтобы убедиться в этом, и сказала:

— Угу. — Ее порадовало то, что можно издавать звуки.

Йитс терпеливо ждал. Ей придется постараться, чтобы найти аргумент и хоть в чем-то убедить его, подумала Эмили. Она уже была в таких ситуациях, когда люди говорили: «Убеди меня», и каждый раз они не хотели ни в чем убеждаться. Она могла выдвигать идеальные аргументы, а они тут же придумывали очередной бред, чтобы обосновать, почему их ответ остается «нет». Она знала: когда люди говорят: «Убеди меня», это вовсе не означает, что они открыты к диалогу. Это означает, что они обладают властью и хотят пусть на минуточку, но попользоваться ею. Эмили не знала, так ли это в отношении Йитса. Однако она не чувствовала, что сможет словами найти выход из сложившейся ситуации. Ради чего Йитс должен оставить ее в школе? Будь она проклята, если понимает. Ведь от нее одни проблемы.

— *Феннелт!* — сказала Эмили. — *Расцен!* — Это были слова внимания, которые она подсмотрела у других учеников. Вероятность того, что они подействуют, была чрезвычайно мала, Эмили даже не знала, для какого они сегмента. Но даже если она бьет в цель, Йитс без труда отмахнется от всего того, чему их научили. — *Триленс! Маллинто!* — Он не реагировал. Даже глазом не моргнул. — Умри! — сказала Эмили. Это, конечно, было глупостью, но у нее просто не нашлось других слов. А ей очень хотелось, чтобы он умер. — Умри, мерзкий ублюдок!

— Хватит.

Ее рот закрылся. Слова застревали в горле, наталкиваясь друг на друга. На вкус они были едкими, как желчь.

Йитс некоторое время разглядывал ее. Эмили ничего не могла прочесть по его лицу. Она не знала, что ей предстоит: жить или умереть.

— У меня для тебя есть имя, — сказал он, — получишь его, когда придет срок. — И пошел прочь. Эмили слышала, как он приблизился к двери, но повернуть голову не могла. — Можешь двигаться, через некоторое время.

Текли минуты. На одну из клюшек села птичка, а потом радостно запрыгала вокруг зеленого коврика. Эмили дышала. Грудные мышцы освобождались по очереди, одна за другой при каждом вдохе. Таким вот образом она возвращала себе тело. Мышца за мышцей. Она каким-то образом выжила. Она все еще находилась здесь.

* * *

За ней пришла какая-то женщина; Эмили видела ее и раньше, когда та вылезала из черной машины вместе с Йитсом, приехавшим с визитом в школу. Женщина тогда не представилась, но Эмили уже знала, что ее зовут Плат. Она еще тогда поинтересовалась. Плат буквально состояла из скул и локтей, и у Эмили сложилось впечатление, что она столкнет ее под поезд ради того, чтобы заработать жалкий грош. У нее были жестокого вида туфли и телефон, а ее взгляд сразу напомнил Эмили один грустный день в Сан-Франциско, когда она шла по тротуару от пирса, а ей заступили дорогу.

— Двигаться можешь? — сказала Плат.

— Да.

Женщина поманила ее. Эмили последовала за нею. После многочисленных лестниц она оказалась на парковке. Там стояла машина, которую Эмили хорошо знала. Ее сердце

радостно забилося. В этот момент она впервые поверила, что выберется отсюда. Она посмотрела на Плат, та ничего не сказала, и Эмили пошла к машине. Двигатель был выключен. Она открыла пассажирскую дверцу. Внутри сидел Элиот.

— Привет, — сказала она. Ей хотелось расцеловать его.

Элиот промолчал. Но по его взгляду она поняла, что ей ничего не грозит. Он все еще, конечно, сердился на нее. Но сейчас он неопасен. Рядом с Элиотом Эмили могла расслабиться. Когда машина выехала из гаража на яркий солнечный свет, она закрыла глаза. А потом и заснула, пока они ехали по спутанной паутине улиц.

* * *

Эмили открыла глаза и обнаружила, что они выехали за пределы города.

— Где мы? — Она увидела указатель. — Мы едем в аэропорт? — Элиот включил «поворотник». Машина покатила к полосе, ведущей к «ВЫЛЕТУ». — Эй, — сказала она, — Элиот. Йитс сказал, что я все еще могу быть поэтом. Он устроил мне экзамен, и я прошла его. Я не обязана уезжать. — Это было все равно что говорить со стеной. — Элиот, я могу вернуться в школу.

Он остановился на обочине и достал что-то из кармана в сиденье.

— Это твой паспорт. Это твой код подтверждения. — Синяя книжица с белой визиткой, воткнутой внутрь. На визитке, над «ТОМ ЭЛИОТ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ-АНАЛИТИК» синими чернилами была выписана вереница букв и цифр. — Зарегистрируйся на терминале.

— Поговорите с Йитсом, Элиот. Позвоните Йитсу. Он вам скажет.

— Это его инструкция.

Эмили изумленно уставилось на него:

— Но я сдала...

— Это на время, — сказал Элиот. — Через несколько лет ты сможешь вернуться домой.

— Лет? — выдохнула она. — Лет?!

— Воспринимай это как лучший из возможных исходов.

— Нет. Элиот, пожалуйста. — Он отказывался смотреть на нее, поэтому Эмили схватила его за предплечье. Он ничего не сказал. И не шевельнулся. В конце концов она поняла, что это финал. — Ладно. Тогда пока.

— Твой рюкзак в багажнике.

— Спасибо. — Эмили открыла дверцу. Для этого ей потребовалось определенное усилие: казалось, все предметы отяжелели. Ее руки онемели. Она с трудом выбралась из машины.

Элиот сказал:

— Если будешь много практиковаться и приучишь себя к дисциплине, ты, вполне вероятно, сможешь вернуться...

На остальных словах Эмили захлопнула дверцу.

* * *

Сначала ночной перелет из округа Колумбия в Лос-Анджелес: шесть часов. Она

приземлилась на рассвете и полдня проболталась на отрезке в двести ярдов между залами внутренних и международных рейсов. Во время перелета Эмили не спала и решила вздремнуть сейчас. Она свернулась калачиком в одном из кресел, но вокруг не утихали высокочастотные визги детей и глухой хохот мужчин. Молодая пара по соседству обсуждала фильмы, которые показывают на борту. У обоих был какой-то очень явный тягучий говор. Она летит в Австралию. Об этом ей сообщил посадочный талон.

— Вот бы нам показали «Властелин колец», — сказал мужчина. «Влааастелин, — подумала Эмили. — Влаааастелин колееееец». Ведь в Австралию ссылали преступников, так? Это была колония для осужденных. Место ссылки.

Объявили посадку для пассажиров первого и бизнес-классов, и Эмили стала пробираться к выходу. Однако когда она протянула свой посадочный талон, представительница авиакомпании взяла его и с улыбкой вернула.

— Посадку для эконом-класса объявят через несколько минут.

Эмили молча уставилась на нее. А она-то думала... Она вернулась на свое место.

— Облом, — сказал мужчина рядом с ней, тот, который надеялся на «Властелина колец». Он выглядел дружелюбно, и она улыбнулась в ответ, и за всю жизнь у нее не было ничего более фальшивого, чем эта улыбка.

* * *

Эмили спала урывками — ее постоянно то будил грохот тележек с едой, то толкали люди на соседних местах. Как указывалось на ее мониторчике, длительность полета составляла четырнадцать часов, что, по ее мнению, было неправильно, так как, вероятно, включало разницу во времени. Вот если бы у нее было побольше знаний в таких вопросах, она бы точно знала, хватит у нее времени, чтобы нормально поспать, или нет...

Где-то над Тихим океаном к ней наклонилась бортпроводница.

— Прощу прощения. Это вам.

Эмили, которой снился гольф и Йитс, непонимающе уставилась на женщину. Была ночь, салон освещали только мониторы, встроенные в спинки кресел, и маленькие желтые светильники, врезанные в пол прохода. Бортпроводница протянула Эмили сложенный листок бумаги. Бумага была странной на ощупь, плотной, с логотипом какой-то авиационной администрации.

— Спасибо, — сказала Эмили.

Женщина ушла, а она развернула листок.

ЭМИЛИ ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ ЖИТЬ В БРОКЕН ХИЛЛ АВСТРАЛИЯ ОН СТА ТВОИМ ДОМОМ ПОКА ТЕБЯ НЕ ПРИЗОВУТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВЛЕНА НЕ БЫЛА ТЫ ДОЛЖНА ИСПОЛЬЗОВАТЬ СОБСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ У ТЕБЯ ПОЛУЧИТСЯ ЭЛИОТ

Эмили отложила листок, подтянула колени к груди и тихо заплакала. Если бы она была в школе, то не позволила бы себе такое. Она контролировала бы себя. Но здесь она дала себе поблажку. Позволила себе разрыдаться. Потом все будет очень сложно, и ей придется сосредоточиться, так что сейчас это последняя возможность.

Линия маршрута буквально загипнотизировала ее. Красная линия начиналась в Лос-Анджелесе, изгибалась дугой над океаном и заканчивалась мультяшным самолетиком, который, казалось, совсем не движется. На мониторе периодически появлялись статистические данные — например, показывалось, с какой скоростью они летят и какая температура за бортом, и это было самым захватывающим, потому что числа выглядели выдуманными. Трудно было поверить, что мультяшный самолетик, который совсем не движется, на самом деле летит со скоростью девятьсот двадцать восемь километров в час. Однако он летел. И полет длился четырнадцать часов.

Первой проблемой, как понимала Эмили, станет то, что она приземлится в Сиднее, не имея обратного билета и багажа и одетая лишь в школьную форму. Она не знала, что представляют собой иммиграционные службы Австралии, но можно было попытаться счастья в нескольких направлениях. Например, изобразить из себя этакую капризную дочку богатого папочки, расплачивающуюся папиной кредиткой. Ее спросят, зачем она сюда прилетела, и где собирается жить, и когда полетит обратно. Если им не понравятся ее ответы, они развернут ее на сто восемьдесят градусов и запихнут в самолет, летящий обратно. Идея, конечно, была великолепной, за исключением провала в той части, где ей предстояло ЖИТЬ В БРОКЕН-ХИЛЛ и ИСПОЛЬЗОВАТЬ СОБСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ. Элиот ска «Воспринимай это как лучший из возможных исходов», и она поверила ему. Ей нужно прорваться через иммиграционный контроль.

Эмили выбралась из тесного кресла эконом-класса и прошла к хвостовым туалетам. В зеркале она примерила на лицо несколько выражений. Затем умылась и отперла дверь. На обратном пути остановилась возле девушки, которую заметила заранее. Девушка — она была примерно ее возраста — спала. Эмили открыла багажное отделение у нее над головой и принялась шарить там. Вероятность, что кто-то из бодрствующих пассажиров насторожится и скажет: «*Прошу прощения, разве эти вещи ваши?*», существовала, но была невелика и не предполагала серьезных последствий. Однако все прошло гладко. Эмили нашла маленький чемоданчик и спортивную сумку и, встав на цыпочки, залезла в них. Внутри были кошелек, бумажник, цифровая камера, которую она взяла, потому что ее можно было продать, и книжка. А еще пальто, которым можно было бы прикрыть школьную форму, и Эмили сунула его себе под мышку. Она закрыла отделение. На нее были направлены две или три пары глаз, но все они были остекленевшими и безучастными; их владельцы критиковали ее стрижку или предавались фантазиям с участием школьниц, и это было замечательно. Все выглядело так, будто она просто берет свои вещи. Делая вид, будто разминает ноги, Эмили открыла книгу и стала читать ее, стоя над спящей девушкой, которую только что обокрала. Вскоре в проходе появился мужчина, и она смогла сесть на свое место так, чтобы это не показалось бегством с места преступления.

Перед началом снижения Эмили пересела на другое место, чтобы избежать ситуации с «*а где мое пальто?*». Она в первых рядах покинула самолет и быстро прошла к посту паспортного контроля. Подол нового пальто вился вокруг ее щиколоток. Очереди оказались недлинными, совсем не такими, как в Лос-Анджелесе, и у нее появилась возможность выбрать себе офицера-пограничника. Его звали Марк, он был из сто четырнадцатого или сто восемнадцатого, добродушный и более-менее умный, но смирившийся со своей работой,

которую считал важной, но скучной. Это Эмили определила с первого взгляда. Без очков, без бороды, прическа простая, но не строгая, без явного высокомерия или тщеславия. Без креста или других религиозных символов. Она станет его отражением. Она — Эмили Рафф скромная и открытая, прозябает в должности инспектора ДПС и обеспечивает связь с клиентами. Должность, конечно, невысокая, но все равно нужно стараться выполнять свою работу добросовестно, иначе можно навредить людям.

— Здравствуйте, — сказала она. — Хочу сразу предупредить: у меня нет обратного билета. Сожалею. Я знаю: это значит, что вам придется присвоить мне третью степень.

Два часа спустя ее выпустили из комнаты для собеседований. Они задавали множество вопросов, но ни разу Эмили не ощутила реальной опасности, ни разу с того момента, когда лицо Марка расслабилось после ее вступительного предложения. Она нагородила массу лжи, придумала историю о том, как у них в отделе случился скандал, как сильно он травмировал ее нежную душу, как ночью ей на глаза попала реклама турпоездки в Австралию и как она в стремлении сбежать от всех проблем собралась за одну минуту (*Марк, вы же понимаете меня, правда? Вам же знакома эта потребность сбежать?*). Она была очаровательна и откровенна и разбиралась в том, как мозг принимает решения, лучше, чем эти ребята — во всем остальном. От пальто она избавилась до того, как вышла в зал прилета, на тот случай, если его хозяйка болтается где-то поблизости и пишет заявление о пропаже. Она нашла обменный пункт, где ей удалось снять с кредитки целых пятьсот долларов. Она обнаружила, что австралийские доллары на вид очень забавные: яркие и блестящие, как игрушечные деньги. Они ей очень понравились. Она купила журнал и съела булочку. Затем пошла к стойке выдачи багажа и наблюдала, как плывут по кругу чемоданы, сумки и тюки, и ждала, когда появится что-нибудь дорогое, женственное и незабранное. Пограничник в серой форме привел бигля в пурпурном комбинезоне, и тот обнюхивал багаж. Когда он нашел банан в чьей-то ручной клади, то тут же сел, а офицер угостил его лакомством. В Лос-Анджелесе такую работу выполняли немецкие овчарки. Когда фиолетовый чемодан от Луи Виттона в третий раз проплыл мимо нее, Эмили стащила его с карусели, вытащила ручку, поставила на него свой рюкзак с Пикачу и направилась к выходу.

* * *

Солнце было ярче. Воздух пах солью и почему-то казался просторнее. Эмили нашла стоянку такси, и водитель укладывал ее ворованный чемодан в багажник, пока она усаживалась на заднее сиденье.

— И куда, дорогуша?

Водитель был белым — еще один аспект, к которому она не привыкла.

— В Брокен-Хилл, пожалуйста.

Водитель повернулся к ней:

— В Брокен-Хилл?

— Какие-то проблемы?

— Ну, не знаю. Почти тысяча километров — это проблема?

— Что за... — Эмили почувствовала себя полной дурой. — Сколько это в милях?

— Семьсот как пить дать.

Почему вдруг она решила, будто Брокен-Хилл находится рядом с Сиднеем?

— Прощу прощения. А в каком штате Брокен-Хилл?

— В Новом Южном Уэльсе.

— А я в каком?

— В Новом Южном Уэльсе. — Таксист улыбнулся ей. — У нас большие штаты, дорогуша.

— Как мне туда добраться? Какой ближайший крупный город? — Она надеялась, что он не скажет: «Сидней».

— Аделаида.

— Значит, я могу прилететь в Аделаиду, — сказала Эмили, — а оттуда доехать до Брокен-Хилла?

— Это точно, можете.

— Спасибо. Извините, что побеспокоила. — Она уже начала выбираться из машины.

— Только от Аделаиды до Брокен-Хилл триста миль. — Водитель усмехался во весь рот. — Добро пожаловать в Австралию, дорогуша.

— Спасибо, — сказала она.

* * *

На тот день рейсов уже не было, поэтому Эмили на такси доехала до центра и сняла номер в гостинице со средними ценами. Овеваемая нежным бризом с залива, который проникал в комнату через открытую балконную дверь, она принялась рыться в чемодане, изучая юбки и жакеты. Нашла роман, причем из тех, что не станешь читать в самолете, и ежедневник с деловыми и прочими встречами. Хотя это не было дневником с откровениями, Эмили все же открыла его. Хозяйка ежедневника довольно часто виделась с кем-то по имени Мэтт Р. Вполне возможно, подумала Эмили, они встречались в таких же гостиничных номерах, как этот. Она представила, как женщина после секса рассказывает Мэтту о своих надеждах, и проблемах, и мыслях. Она закрыла ежедневник.

Пора устраиваться. Пользоваться украденными карточками слишком опасно, с ними она до Аделаиды не доедет. Эмили повернулась к зеркалу и стала примерять блузку. Великовата, но можно подвернуть манжеты. Девушка сняла с телефона трубку и позвонила портье.

— Я хочу поиграть в покер, — сказала она. — Подыщите заведение попроще.

В конечном итоге портье прекратил рекомендовать ей различные казино и отправил ее на второй этаж ближайшего бара. Там Эмили встретила мужчин средних лет в дорогих костюмах; они были очень дружелюбны и снисходительны, пока она проигрывала свои первые двести долларов, улыбались ей, глядя поверх стаканов с сингл-молтом и выдвигали различные теории о креативных способах восполнить ее потери. Но у нее под левым бедром была дама, а под правым — король и восьмерка. Эмили уже три года не делала ничего подобного, и будь аудитория повнимательнее, ее обязательно поймали бы. В какой-то момент она попыталась спрятать в рукав валета, но промахнулась, и карта упала на стол. Эмили приготовилась «делать ноги», но все лишь рассмеялись, а один мужчина сказал: «Тебе уже достаточно выпивки». Мужчину отличали красные щеки, и он был разведен, хотя еще не знал об этом.

— Прощу прощения, — сказала Эмили и вернула карту в свой хэнд.

В финальной партии она выиграла у того мужчины две восемьсот. Его лицо стало еще

краснее, цвета газового баллона. Теперь уже никто не улыбался. К столу подошел оператор игрового зала, но Эмили и так все было ясно. Она собрала свой выигрыш, поблагодарила игроков и, выйдя на улицу, со всех ног бросилась в гостиницу. Вот так она добралась до Аделаиды.

* * *

Оттуда Эмили ехала на автобусе, и мир за окном постепенно терял зеленые краски, пока не стал цвета змеиной кожи. Кондиционер практически не работал, и она то и дело просыпалась от щекотки, когда по спине стекал пот. В автобусе был только еще один пассажир, женщина с лицом, похожим на коралл, которая стала клевать носом еще до того, как они выехали из Аделаиды, и всю дорогу спала как убитая. Эмили же ерзала на своем сиденье, ища спасения от жара собственного тела.

В конце концов она открыла глаза как раз в тот момент, когда на обочине появился указатель: «БРОКЕН-ХИЛЛ. НАС. 10 100». Один угол указателя был отломан, а остальная его часть — изрешечена пулевыми отверстиями. Он блестел в полуденном солнце и, словно едва стоящий на ногах пьяница, норовил припасть к пропеченной красной земле. Эмили выпрямилась и увидела заправку, брошенную, и какую-то жестяную конструкцию неизвестного назначения, без окон и тоже брошенную. Плоский покосившийся дом с грязным двором, заставленным распотрошенными машинами. Вдали показалось нечто высокое и металлическое, смутно напоминающее символику Советского Союза, но оно было по другую сторону автобуса, так что рассмотреть его она не смогла. В пыли возилась тощая собака. Еще одно приземистое здание, на этот раз с вывеской: «ДЕШЕВЫЕ ЗАПЧАСТИ» хотя для чего были эти запчасти, Эмили так и не поняла. По обеим сторонам здания все окна были ложными. Все в этом городе было разбросано на большом расстоянии друг от друга, центр представлял собой маленькую пустошь. А почему бы нет, сказала она себе, быстро сообразив, что этого добра тут было в избытке: земля, земля и земля. Ее взгляд упал на указатели «ул. СУЛЬФИДА» и «ул. ХЛОРИДА» — оказывается, здесь называли улицы в честь химических веществ. Автобус повернул на улицу ОКИСЛА и стал сбавлять скорость. Эмили увидела указатель «ЦЕНТР» и подумала: *«Ты наверняка пошутил»*. Когда она вылезла из автобуса, жар тут же проник в ноздри, а потом и в горло. Вероятно, здесь очень давно не обновляли тот указатель с числом жителей, лет двадцать, наверное, потому что десять тысяч мух здесь обитало, а вот людей — нет. Точно не людей. Эмили стояла на перекрестке, улицы представляли собой дороги с одной полосой движения и тянулись во все четыре стороны, такие же широкие, как и шоссе. Создавалось впечатление, что горстка зданий просто свалилась с неба. А небо было низким и давило, и казалось, что оно стремится сомкнуться с землей, чтобы смять в лепешку этот проклятый город. У Эмили возникло ощущение, словно ее распирает, словно внутренности пытаются выбраться из тела. Так бывает в космосе, когда человека ничто не удерживает.

— Вот я и дома, — сказала она.

По идее, все это должно было бы выглядеть забавным, но ей хотелось плакать, причем не просто плакать, а рыдать до самой смерти.

Событие, при котором общий для всех язык вдруг заменяется множеством различных. Считается мифическим; см. *источники и свидетельства*

Известные примеры:

1. **Вавилонская башня** · Иудейский миф

1. Строительство
2. Разделение языков

2. **Энки** * Шумерское божество

1. Разделяет языки
2. «Всемирный потоп»

3. **Большой водораздел** · Подлинный миф каска

4. **Гермес** * Греческое божество

1. Ссорится с Зевсом
2. Разделяет языки
3. Наказание

5. **Безумие говорливости** · Миф Ва-Санья

1. Голод

6. **Языки тысячи трупов** · Миф Каурна

1. Каннибализм

7. **Ватя** · Полинезийское божество

1. Строительство башни
2. Разделяет языки

8. **Солнце ветра** · Ацтекский миф

1. Строительству Цакуалли (башня)
2. Разделение языков
3. Перекрестная мифология: Майя, Науатль

Еще →

История имени Таджуры

Миф (смешение языков): исконно австралийский

Во Времена сновидений Земля была плоской. Не было ни ущелий, ни холмов, ни рек. Звери жили одной большой семьей и говорили на одном языке, поэтому они могли понимать

друг друга.

Однажды Таджура, Радужный змей, вырезал свое имя на коре дерева кулаба. Он сказал другим зверям: «Смотрите, что я сделал, я написал свое имя на этом дереве, поэтому вы должны делать то, что я скажу».

Звери послушались и стали делать так, как сказал Таджура. Они отдавали ему свою еду и построили для него большое убежище. Они принесли землю и насыпали ее под дерево кулаба, чтобы оно росло, чтобы можно было любоваться именем Таджуры, и так появился первый холм.

Но Бора, кенгуру, не подчинился. «Почему мы должны отдавать Таджуре нашу еду, нашу лучшую кору и работать на него?» — спрашивал он. Потом поднялся на холм и сорвал кору с дерева кулаба там, где было вырезано имя Таджуры, и закопал ее в землю.

Зверям стало стыдно, и они сказали: «Мы будем говорить на своем языке, чтобы на нас не действовали слова Таджуры». Они ушли — одни на север, другие на восток, третьи на запад, четвертые на юг, — и вот поэтому сегодня динго воют, лягушки квакают, какаду визгливо кричат, и никто не понимает друг друга.

Исконно австралийские языки

Во времена появления европейцев количество языков, на которых говорило коренное население Австралии, по оценкам специалистов, варьировалось от 250 до 400, что делало материк самым примечательным, с точки зрения языкового многообразия, местом на земле.

Почти все местные языки имеют общие фонологические черты (например, отсутствие фрикативных звуков), что позволяет предположить существование относительно малого количества прототипов или, возможно, даже одного общего языка. Почему от него отказались, несмотря на его исключительно утилитарные свойства в отношении межплеменного общения, остается неясным.

Официантка принесла еду и кофе и дала им четкое указание наслаждаться всем этим. Уил наблюдал, как Элиот расстелил на коленях салфетку, взял приборы и принялся резать яичницу. Затем положил кусок бекона в рот и принялся жевать.

— Давай, — сказал он с полным ртом, — ешь.

Уил взял нож и стал ковырять еду. У него не укладывалось в голове, как Элиот, который сначала убил кучу людей, а потом всю ночь просидел за штурвалом самолета, может завтракать со здоровым аппетитом. Это было неправильно. Потому что Элиот знал тех людей на ранчо, в том числе женщину, которую он застрелил, Шарлотту Бронте. После такого у человека должен пропасть аппетит. Сам собой напрашивался вывод, что Элиот — психопат; не сумасшедший, которого будто бы «голоса толкают на убийство», а настоящий, клинический психопат, лишенный способности что-либо чувствовать. Однако это заботило Уила меньше, чем то, как Элиот ел: его движения были быстрыми, целеустремленными, он взглядом делил тарелку на секции, чтобы опустошать каждую из них с максимальной эффективностью. И это тоже было неправильно, потому что Элиот не спал с того момента, когда Уил встретился с ним. Он должен быть вымотан до крайности.

— Не ожидал, что будет так вкусно, — сказал Элиот и указал ножом на тарелку Уила. — Тебе надо поесть.

Тот ел без энтузиазма. У его бекона отсутствовал вкус. Мясо напоминалодохлое зажаренное животное, а яйца — абортированных цыплят.

— Я так вкусно ел только на Среднем Западе, — сказал Элиот. — Вот там точно умеют готовить хорошие завтраки.

Уил наколол на вилку полоску бекона. В красноватом мясе он увидел того мужчину, которого застрелил на перевернутом пикапе. То, как тот сложился. Он опустил вилку.

— Ты в порядке? — Естественно, никакой обеспокоенности в голове Элиота не было. Он просто задал вопрос, чтобы получить факты.

Уил встал и прошел в заднюю часть кафе, нашел там грязный туалет, опустился на колени, и его вырвало. Когда тошнота прошла, он сел на пол, привалился к стенке и закрыл глаза. Он весь покрылся испариной. Он решил какое-то время побыть здесь. В туалете всегда безопасно. Эта клетушка четыре на шесть футов превращается в убежище и остается таковым столько, сколько человеку нужно.

Когда у него уже не осталось веры в надежность своего убежища, Уил умылся и вернулся в зал. Мужчина в бейсболке, с запавшими щеками и в очках серийного убийцы, оторвался от тарелки с картофельными оладьями и оглядел его. Уил четко прочитал по его лицу: он считает, что Уил накачивался там наркотиками. Официантка тоже с подозрением косилась на него. На диване у окна сидел краснощекий мужчина и смотрел в тихо бормочущий телевизор, подвешенный в углу под потолком. До его ухода мужчины в кафе не было. Уилу захотелось объясниться. *«Это не то, что вы думаете. У меня просто был очень трудный день»*. Но это было бы безумием. Он никого бы не убедил.

Он прошел на свое место. Элиот уже съел свой завтрак и поменялся тарелками с Уилом.

— Эй, — сказал он. — Закажи еще. Я плачу.

— Разве?

— Ну, нет, — сказал Элиот. — Но ты же понимаешь, что я имею в виду.

Уил сел.

— Тебе бы не помешал протеин, — сказал Элиот, жуя.

— Какой у тебя план?

— Гм?

— Эти люди, ведь они опять станут искать нас, да? Они уже сейчас ищут нас.

— Не сомневаюсь.

— Поэтому нам нужен план.

Элиот кивнул.

— Верно.

— У тебя есть план?

— Нет.

— Нет?

— У меня есть план на ближайшее время, — сказал Элиот. — Я планирую доесть твою яичницу. — Уил промолчал. — Питание важно. Я не шутил насчет протеина.

— Так есть у тебя план или нет?

— Нет.

— А разве тебе не следует... даже не знаю... побеспокоиться об этом?

— Я беспокоюсь.

— Что-то не похоже.

— Тебе стало бы лучше, если бы я обливался потом? Бегал бы в сортир метать харч? Так нельзя. Состояние паники только мешает принимать хорошие решения.

— Мне стало бы лучше, если бы мы сдвинулись с места, — сказал Уил. — Например, если бы ты поскорее расправился со своей яичницей.

— Ну, а я хотел бы знать, куда идти, прежде чем идти туда. Это ошибка — претворять план в жизнь прежде, чем ты его построил. По опыту знаю.

Уил вздохнул.

— Можешь позвонить им?

— Прощу прощения?

— Поговорить с каким-нибудь поэтом по телефону. Ведь ты был одним из них. Позвони им.

— И что сказать?

— Не знаю. Убедить их, что не надо гоняться за нами. Ведь ты именно этим занимаешься, верно?

— Да. Но и они тоже.

— Тогда предложи им что-нибудь. Заключи сделку. Дай им то, что они хотят.

— Но они хотят тебя.

— Еще что-нибудь.

Элиот положил вилку.

— Ты — ключ к объекту, обладающему библейской силой. Их не интересуют суррогаты. — Он потянулся. — И когда я говорю «библейской», то имею в виду буквальное значение, из Библии.

Элиот потер лицо. Когда он начинал говорить, Уил убеждался, что с каждым разом понимает все меньше.

— А ты не молчи, — сказал Элиот. — Твоя болтовня помогает мне, облегчает процесс оценки ситуации.

— Тогда нам надо спрятаться. Приедем куда-нибудь, ты займешься своими поэтическими штучками и заставишь людей спрятать нас. Это ведь возможно, так?

— До вчерашнего дня я ответил бы «да». Мы думали, что прячемся. В свете недавних событий оказалось, что на самом деле за нами постоянно наблюдали, пока мы не навели на тебя Вульф.

— Значит, мы не можем спрятаться.

— Можно попытаться. Но до настоящего времени все подобные попытки были безуспешными.

Подошла официантка и налила Элиоту кофе. Она была молоденькой и розовощекой. Судя по бирке, ее звали Сарой. Она, кажется, благоговела перед Элиотом, хотя Уил не понимал, с какой стати.

— Спасибо, Сара, — сказал Элиот, и та зарделась.

— Итак, спрятаться мы не можем, — сказал Уил, как только она ушла, — и вести переговоры не можем, и оставаться здесь тоже. К тому же ты не хочешь трогаться с места, пока мы не решим, куда трогаться. Все правильно?

— Да, — согласился Элиот. — Все правильно.

— Тогда что мы будем делать?

— Я считаю, что наш единственный выбор — конфронтация. В частности, такая конфронтация, после которой они будут мертвы, а мы — живы.

— Ладно, — сказал Уил. — Это уже звучит как план.

— Это не план. Это цель.

— Господи! Разговаривать с тобою — все равно что пасти кошек.

Элиот поднял чашку и подул на кофе.

— Проблема в том, что мы с Вульф на равных, только ее щедро снабжают деньгами и поддерживают опытные поэты, а у меня нет ничего и никого, кроме тебя, и ты абсолютно бесполезен. В моем комментарии нет ничего личного, это просто констатация факта. Так что мне трудно представить ситуацию, в которой мы бы противостояли Вульф и выжили. Это также означает, что наши враги будут и дальше без устали преследовать нас, так как мы представляем для них опасность. Это практически та же проблема, с которой сталкиваются те из нас, кто вышел из Организации. У наших врагов есть элементарное слово, а у нас — нет.

— Что у них есть?

— Слово, которое погубило Брокен-Хилл, — сказал Элиот. — Оно у них есть.

— И это элементарное слово?

— Да.

— Что за слово?

— Полезное. — Элиот пристально посмотрел на Уила. — Отсюда и наша попытка достать его из твоего мозга. План остается в силе, если оно еще там.

— Ты хотел его использовать? А я думал, тебе понадобилась моя невосприимчивость... Ты говорил, что хочешь все остановить.

— Мм, — сказал Элиот. — Ну, была кое-какая неправда, но только ради того, чтобы получить твое согласие. Я, если честно, немного беспокоился, что ты можешь использовать это слово против меня.

— Но я не помню его.

— Да.

— А если бы помнил...

— О, тогда все было бы по-другому.

— И Вульф не преследовала бы нас?

— Преследовала бы, — сказал Элиот, — но действовала бы осторожнее.

Уил посмотрел в окно, на снег и облака, похожие на куски гранита. Ему трудно было представить, как можно жить в грязи и пустыне.

— Я действительно не помню ничего, что связано с Брокен-Хилл.

— В общем, — сказал Элиот и допил кофе, — это прискорбно. — Официантка Сара снова наполнила их чашки. — Ну, ты и красotka, — сказал он.

— Вы с Восточного побережья? — Она покраснела. — Судя по акценту.

— Ты права, — сказал Элиот. — Я оттуда. А вот он из Австралии.

— Вот как, — сказала Сара и посмотрела на Уила другим взглядом. — Я бы с удовольствием попутешествовала.

— О, обязательно нужно куда-нибудь съездить, — сказал Элиот. — Мир гораздо ближе, чем тебе кажется.

Уил снова выглянул в окно. Его так и подмывало встать, швырнуть на стол салфетку и уйти. Просто идти по дороге, пока что-нибудь не случится, и чтобы вокруг был только сыплющийся с неба снег. Идти куда глаза глядят, не важно. Это будет хоть каким-то действием. Пусть и глупым, но действием.

— Какое у тебя красивое ожерелье, — сказал Элиот. — Сама сделала?

— Это моя бабушка, — сказала официантка. — Женский профиль, вырезанный на кусочке дерева. Рельеф... так он, кажется, называется? — Вид у женщины был суровый. — Я вырезала ее по фотографии.

— Ты, наверное, очень талантливая, — сказал Элиот. — Прошу прощения, Сара, но не могла бы ты на несколько минут оставить нас наедине? Я вспомнил, что нам с коллегой нужно обсудить одну вещь.

— Да, конечно, без проблем.

Она ушла. Уил посмотрел на Элиота.

— Чтоб я сдох, — сказал тот. — Проклятое ожерелье. — Уил ждал. Он решил, что впредь будет ждать, когда Элиот начнет говорить о чем-то, чего он, Уил, не понимает. — Мы едем в Брокен-Хилл.

— Зачем?

— Мы думали, она забрала его оттуда. Но она ничего не забирала. Просто сделала копию.

Уил ждал.

— Черт! — сказал Элиот. — Надо трогаться в путь. — И встал.

* * *

Вертолет висел над дорогой, взметая снег и раскачивая провода. Под ними стоял маленький самолетик. В самолете никого не было: она видела следы, ведущие прочь от него. В наушниках раздался голос пилота. Он сидел рядом с ней, но голос его звучал так, будто он звонит с Марса.

— Хотите приземлиться?

Она покачала головой. Пилот потянул на себя рукоятку управления. Мир под ними куда-то провалился. Они летели над снежными полями, которые напоминали миллионы бриллиантовых крестиков, и она отвела взгляд, потому что это причиняло боль звездочке в ее глазу. Ее сетчатку жгла маленькая суперновая. Вот такое было ощущение. Оно практически никогда полностью не проходило, но на свету становилось острее. Всегда, когда она видела солнце. Иногда ей казалось, что она видит ее: маленькую белую дырочку в мире.

— Две минуты, — сказал пилот. — У нас есть кафе. Центр города. Мы его окружили, но не приближались. Как вы планируете провести операцию?

— Безопасно, — сказала она. — Пусть они прочешут его.

Пилот кивнул. Она услышала, как он передает ее указание: «Прочесать город, мы зависнем». Город возник, как клякса на белой скатерти. У него было две дороги: одна на въезде, другая на выезде. С десятков, наверное, зданий. Когда они повисли в воздухе, она увидела, как со всех сторон выскочили черные машины, а потом из них посыпались крохотные фигурки. Они двигались от здания к зданию, жестикулируя и иногда останавливаясь, чтобы переговорить друг с другом. Вероятность, что они найдут здесь Элиота и того неподдающегося, составляет тысячу к одному. Но все равно нужно соблюдать осторожность. Нужно помнить, что никакая сила в мире не способна остановить пулю. Много лет назад в школе ее научили играть в шахматы, и идея, которую она вынесла оттуда, заключалась в том, что фигуры различаются только пределами применения своей атакующей силы. А вот убить их одинаково легко. Захватить. Это называлось «взять в плен». Задача состояла в том, чтобы с наибольшими предосторожностями разместить свои самые сильные фигуры, потому что достаточно было одной бессловесной пешки, чтобы свалить их.

Пилот получил сигнал и повел вертолет к улице. Она наблюдала в выгнутое лобовое стекло, как город наклонился к ней. «*Это твой шанс, Элиот. Я просто сижу тут*». Как она вычислила, Элиот — это слон, склонный к атакам дальнего действия и более мобильный, чем можно ожидать. Она никогда не любила эту шахматную фигуру.

— Касание, — сказал пилот.

Она отстегнула ремень. Молодой парень с длинными волосами, Розенберг, открыл дверцу и подал ей руку. Она сочла это своего рода оскорблением и на руку не оперлась. Вихрь, поднятый лопастями, вздыбил ей волосы. Она внимательно оглядела улицу, пытаясь учуять рассеянные элементы Элиота.

— Кафе чисто, — сказал Розенберг. — Думаю, они раздобыли машину, часа два назад. Внутри трое работяг, сегментированные и подготовленные. Мы еще не допрашивали их.

— Спасибо, — сказала она. — Я ими займусь.

Она пошла к приземистому зданию кафе. К ней направились несколько поэтов, и Розенберг взмахом дал им понять, чтобы они отошли. Внутри, позади барной стойки, стояла молодая напуганная официантка в зеленом переднике. На диване у окна сидел краснощекий мужчина, фермер, как она предположила. Тощий парень в огромных очках сидел за столом ближе к центру зала. Позади нее ухнула, закрываясь, дверь. Парень в очках неуверенно встал из-за стола.

— Я не сотрудничаю с правительством. Вы хотите...

— Сядь, заткнись. — Он упал на стул. Она указала на официантку. — А ты иди сюда.

Та резко шагнула вперед, прижимая к груди блокнот. Ее глаза были огромными.

— Двое мужчин. Один темнокожий, другой белый. Ты знаешь, о ком я говорю?

Ее голова дернулась в кивке.

— Расскажи мне все, что видела и слышала.

Официантка заговорила. Спустя минуту фермер принялся выуживать из кармана своих джинсов мобильный телефон. Он хотел сделать это тайком, но его широкая клетчатая рубашка сигнализировала о каждом движении. Ее это позабавило. Неужели он решил, что она слепая? Она не трогала его, пока он не достал телефон и осторожно, как коробочку с обручальным кольцом, не раскрыл его. Вот тогда она сказала:

— Сунь руку в рот.

— И я снова налила ему кофе, — сказала официантка. — Он был очень мил, мы немного поговорили, и я спросила, откуда он — из Лос-Анджелеса, или из Нью-Йорка, или из тех краев, и он сказал «да», сказал, что везде побывал, что видел пожар в Лондоне и восстания в Берлине, а еще сказал, что мне надо уехать. Он сказал, что мир ближе, чем я думаю. Это были его слова. — Фермер начал давиться. — А потом он захотел поговорить со своим другом, австралийцем, и потом спросил, можно ли одолжить машину. Я ответила «конечно» и дала ему ключи от своей машины, и мне было ужасно неудобно, потому что я не чистила ее почти год и потому что она такая непрезентабельная. Я подумала...

— Мне плевать, что ты подумала.

— Я спросила, куда они едут, и он спросил, куда я посоветую, и я сказала, что куда угодно, только бы подальше отсюда, и он улыбнулся на это. Потом мы поговорили о тех местах, где я была, и я сказала, что, когда я была маленькой девочкой, мама однажды возила меня в Эль-Пасо, мы ездили вдвоем, она и я, и...

— Ясно, — сказала она. — Стоп.

Она задумалась. Фермер издал звук вроде «бэ-э-э» и вырвал со вставленной в рот рукой. Он запихнул кисть в рот почти полностью. Она и не предполагала, что такое возможно. Она наблюдала, как он корчится и давится. Надо бы сказать ему, чтобы он вынул руку. От мертвого фермера никакой пользы.

— Ты слышала, чтобы они называли какие-нибудь города? Штаты? Аэропорты?

— Нет.

— Ты имеешь представление, куда он поехал?

— Куда захотел, туда и поехал, — сказала официантка. — Такой мужчина.

— Ага, — сказала она. — Ладно.

Ее люди снаружи запросто определяют, в каком направлении уехал Элиот, на восток или на запад. А потом они за несколько часов выяснят, где машина. Только в машине, естественно, никого не будет, он бросит ее на какой-нибудь заправке или в переулке. И тогда начнется новая погоня. Но Элиот не может убежать вечно. И он не может передвигаться быстрее, чем сеть, которую она набросит на него. «Ничего личного, Элиот», — подумала она. Ей хотелось пристрелить его. Причем сделать это своими руками. Желание было очень сильным. А еще, прежде чем убить его, ей хотелось несколько минут поговорить с ним. Наверное, эта мечта несбыточна. Трудно представить обстоятельства, при которых ей удалось бы захватить Элиота, не убивая его. Но если все же удастся, она бы сказала ему, что высоко ценит те ориентиры, что он дал ей когда-то вначале. Ей хотелось сказать: «Без тебя, Элиот, я не стала бы той, кто я есть», и сказать так, чтобы он услышал в этом комплимент.

Фермер дернулся. Его голова ударилась о стол. Блевотина закапала на пол.

— Вынь... — сказала она, но было поздно. Она собиралась сказать ему, чтобы он вынул

руку изо рта. Но забыла. В общем, как-то так. *«Эй, Эмили, а ты знаешь, что делают звезды? Они жрут. Они сжигают все вокруг дотла. А потом начинают пожирать свет. Ты ведь понимаешь, что именно этим и занимаешься, правда? Пожираешь все?»*

Она посмотрела на официантку. Самое разумное — это убить Сару. Девушка обменялась словами с Элиотом, потенциально в нее уже загружены инструкции. Вероятность обратного мала, но было бы неразумно рисковать.

«А ведь лучше не становится, не так ли? Ведь это уже давно очевидно, верно? Что звезда никуда не делась?»

— Забудь, что мы были здесь, — сказала она Саре. — Тот тип подавился завтраком, и ты не успела спасти его. — Она повернулась к выходу. — Но ты пыталась изо всех сил.

* * *

Они ехали до темноты, останавливаясь только для того, чтобы поесть и убедить людей поменяться машинами. Уил не хотел смотреть на это, но справиться с собой не мог. Сначала люди, на которых нацеливался Элиот, выглядели настороженными. Затем Элиот что-то говорил, и их лица расплывались в улыбке. Как будто они улыбались против своей воли. Поражала скорость превращения из чужака в близкого друга. Их лица становились совершенно иными. И спустя минуту выражение снова менялось, делалось интимным и успокоенным, и Уил отворачивался, потому что чувствовал, что неправильно смотреть на все это.

Втиснувшись в розовый «мини» с пластмассовой кошкой-болванчиком на приборной панели, он сказал:

— Значит, теперь у тебя есть план?

— Да. — Элиот проверил, как переключаются передачи. Пятая ему не понравилась. Уил уже предлагал Элиоту сменить его за рулем, но тот отказался, и он уже начал подумывать о том, что Элиот вообще никогда не спит.

— Мне дано право слышать подробности?

— Мы едем в Брокен-Хилл, забираем элементарное слово и с его помощью побеждаем наших врагов.

— Оно там? В Брокен-Хилл?

— Такова моя теория.

— Но ты не уверен?

— Нет.

— Что, никому не пришло в голову проверить? Ты так туда и не сунулся, чтобы посмотреть, там ли оно, это оружие библейской мощи?

— Все не так просто. После того, что натворила Вульф, все, кто туда совался, оттуда уже не высывались.

— Ну, а мы-то туда едем.

— Да. — Элиот посмотрел на него. — С тобою все будет в порядке.

— Когда ты говоришь «мы»...

— Я имею в виду тебя. У меня же нет иммунитета.

Они проехали мимо большого седана, в котором разместились целая семья. Уил увидел там счастливую собаку, которая проводила его взглядом. Ему стало завидно.

— А что, если ты ошибаешься и у меня нет иммунитета?

— Это было бы плохо. Но давай не будем цепляться за всякие мелочи, которые могут пойти не так. Я не утверждаю, что мой план надежный. Я просто говорю, что предпочтительнее действовать по какому-нибудь плану, чем бесцельно мчаться куда-то, пока удача не отвернется от нас.

— И что тогда? Я отдам тебе слово?

— Нет. Ты не должен произносить его в моем присутствии, показывать его мне или даже описывать. Я подчеркиваю это особо.

— Ты серьезно?

— Взгляни на меня, — сказал Элиот. — Если ты раздобудешь эту штуку и хотя бы намекнешь, на что она похожа, я скормлю тебе твои пальцы. Ты веришь мне?

— Да. — Они проехали через город, где висело объявление трехлетней давности о фестивале свекловодов. — И все же я не понимаю, как это может быть словом. Слова не убивают людей.

— Очень даже убивают. Слова убивают людей повсеместно. — Элиот переключил скорость. — Просто конкретно это слово более мощное.

— А что делает его таким особенным?

— Ну, это трудно объяснить, не углубляясь в последние достижения лингвистики и нейробиологии.

— А ты через аналогию попробуй.

— В парке есть дерево. Дерево, которое ты по каким-то причинам хочешь срубить. Звонишь в городскую администрацию и спрашиваешь, с каким департаментом тебе нужно связаться и какие формы заполнить. Твое заявление поступает в комитет, который решает, стоит рубить дерево или нет, и если стоит, они направляют рабочего, который и рубит дерево. Вот так же работает мозг; это процесс принятия решения. Я же — ты называешь это «слова-вуду» — подкупаю комитет. Процесс тот же. Но я нейтрализую те части, которые могут сказать «нет». Пока понятно?

— Да.

— Отлично. То, что осталось в Брокен-Хилл, — это элементарное слово. А элементарное слово, по аналогии, это когда я просто достаю цепную пилу и спиливаю дерево.

Уил ждал.

— Это другой путь к тому же исходу. Я не связываюсь с комитетом. Я перепрыгиваю через него. Разумно?

— Для деревьев — да.

— Никакой разницы. Твой мозг — это множество направлений действия. Ты видишь горячую плиту и осознанно решаешь держаться от нее подальше. Но если ты дотронешься до нее, ты без всякого осознанного вмешательства отдернешь руку.

— Значит, это разница между добровольным действием и рефлексом, — сказал Уил.

— Да.

— А почему бы это так и не назвать?

— Потому что это не аналогия. Все именно так и происходит. А ты спросил об аналогии.

— Ладно, — сказал Уил. — Хотя я все еще не понимаю, как слово может включить рефлекс.

— Слова — это не просто звуки или формы. Они имеют значение. Это и есть язык: протокол для передачи значения. Когда учишь английский, ты обучаешь свой мозг тем или иным образом реагировать на те или иные звуки. Так уж получается, что протокол можно взломать.

— Ты меня научишь?

— Чему?

— Тому, что ты делаешь. Этим словам-вуду.

— Нет.

— Почему?

— Потому что это очень сложно.

— Выглядит совсем не сложно.

— Ну, — сказал Элиот, — и все же сложно.

— Не понимаю, почему нельзя хоть немного научить меня.

— У нас нет времени, чтобы сделать из тебя компетентного поэта. А если бы и было, все равно ничего не получилось бы, потому что ты от природы неподдающийся. А если бы и поддавался принуждению, то я все равно не смог бы научить тебя, потому что у тебя мало базовых знаний, а мы недавно пришли к выводу, что давать слова, обладающие огромной силой, людям, у которых есть проблемы с самоконтролем, — это очень плохая идея.

— Я от природы неподдающийся?

Элиот бросил на него быстрый взгляд:

— Ну, в общем, да.

— Я поддающийся.

— Ты единственный известный нам человек, на которого не действует элементарное слово, то есть неподдающийся, — сказал Элиот. — На это я и рассчитываю.

Уил помолчал, потом спросил:

— Что делает меня невосприимчивым?

— Твой мозг обрабатывает язык не так, как у других людей. А почему так, я не имею представления.

— У меня выдающийся мозг?

— Гм, — сказал Элиот. — Я бы так губы не раскатывал.

— Я могу противостоять убеждению; для меня это звучит как усовершенствование.

— Когда-то у меня была кофе-машина, которая не добавляла молоко, как я ни жал на кнопки. Она не стала лучше. Она просто была сломана.

— Я не сломан. Кто ты такой, чтобы называть меня сломанным?

Элиот ничего не сказал.

— Это эволюция, — сказал Уил. — Вы, ребята, долго охотились на нас, и я развил в себе защиту.

— Как звали твою девушку?

— Что?

— Сесилия, верно? — Элиот посмотрел на приборную панель. — Ты уже сутки не упоминал о ней.

— На что ты намекаешь? Что я должен скорбеть о ней?

Элиот кивнул:

— Именно на это я и намекаю.

— Какого черта... Я пытался выжить! Меня хотел задавить скотовоз! Прости, что я не

рыдал у тебя на плече, оплакивая свою девушку!

— Веские причины, ты полностью оправдываешь себя.

— Ублюдок! Да что ты знаешь о любви! Что это, по-твоему? Мозговая активность?

Нейрохимия?

— Подозреваю, это своего рода убеждение.

— Значит, я невосприимчив к нему? В этом твоя теория?

— Фундаментальной характеристикой людей является желание. Оно их определяет.

Скажи мне, что человек хочет, хочет по-настоящему, и я скажу тебе, что он собой представляет и как его убедить. Тебя убедить нельзя. Ergo^[8], у тебя нет желаний.

— Чушь собачья! Я любил Сесилию!

— Ну, раз ты так считаешь...

— Надо же, робот читает мне лекцию о любви! Я сломан? Это ты сломан! Скажи мне что такое, по-твоему, любовь! Ответь, я действительно хочу знать!

— Ладно, — сказал Элиот. — Это определение себя через видение другого человека. Это познание другого человеческого существа на настолько интимном уровне, что ты перестаешь замечать хоть какую-то значимую разницу между вами и начинаешь считать, будто без нее ты неполный. И так происходит все двадцать четыре часа в сутки, пока она не направляет на тебя скотовоз, а ты не стреляешь в нее. Вот так.

Уил некоторое время смотрел на дорогу.

— Прости, что назвал тебя сломанным, — сказал Элиот.

— Забудь об этом.

— Мы все сломаны. Так или иначе.

* * *

Уил спал, а когда проснулся, увидел, что лобовое стекло превратилось в металлическую решетку. Мост, сообразил он, желтые уличные фонари с натриевыми лампами раскидали его стальные балки во все стороны. Элиот закинул одну руку на спинку соседнего сиденья и сдавал задним ходом. Проносившиеся мимо машины гудели. Протарахтел мотоцикл, водитель прокричал нечто непечатное. Они съехали куда-то за угол, и Элиот выключил двигатель.

— На мосту камера видеофиксации, — сказал Элиот. — Едва не попались.

Уил посмотрел в окно на кофейню, предлагавшую вафли. Улица была застроена высокими, причудливой архитектуры зданиями. Из-под присыпавшего их снега виднелись цвета пастельных тонов. Уличные фонари украшало кованое кружево. Людей в поле зрения не было. Час, судя по всему, был поздний.

— Где мы?

— В Гранд-Форкс.

— И что мы делаем?

— Ждем, — сказал Элиот. — Чуть-чуть подождем, а потом пешком перейдем через мост. Не вместе, по отдельности, я думаю, потому что мы и так могли вызвать подозрения. А на той стороне мы найдем машину и продолжим наш путь до Миннеаполиса. Там мы в какой-нибудь будке с плохоньким освещением сделаем фотографии на паспорт и посетим административное здание на Третьей авеню, которое является агентством по выдаче

паспортов, и подадим заявления на выдачу новых взамен украденных. Нас попросят предъявить документы, которые доказывают, что, во-первых, мы граждане США, а во-вторых — что мы те самые, кто указан в первых документах. Все это происходит в форме снисходительного, вялого собеседования, противоположного тому, что проводится в аэропорту, когда офицер так и будет тянуться к нашим бумагам, так что позволь мне повлиять на нашего чиновника и убедить его в том, чтобы он принял наши фотографии из экспресс-фото. Этот человек запустит процесс выдачи новых паспортов на фальшивые имена с нашими фотографиями.

— На это должны уйти недели, разве не так?

— Нет. Это займет четыре часа, если ты приплатишь за скорость. После этого мы окольными путями доберемся до Сиднея, балансируя между опасностью, что наши поддельные документы будут обнаружены, и необходимостью избегать аэропорты с системой распознавания лиц. Я подумываю сначала о Ванкувере, потом о Сеуле, потому что «Корейские авиалинии» очень подходят для наших целей. Никакого обмена данными. Я ответил на твой вопрос?

— Да.

Они ждали. Уил зевнул. Мимо прошла женщина, она напомнила Уилу кого-то — он так и не понял, кого именно. Наконец Элиот открыл дверцу.

— Выжди десять минут, потом иди напрямиком через мост. Не поднимай головы. Это важно. Не смотри вверх ни под каким видом. Ясно?

— Ясно, — сказал Уил.

Элиот вылез из машины. Дверца захлопнулась. Уил увидел, как бежевое пальто Элиота скрылось за углом кофейни.

Окно запотело. Машина наполнилась холодом. Уил думал о Сесилии. Они познакомились в зоомагазине. Он прошел мимо, потом сдал назад и сделал вид, будто заинтересовался щенком. Почти купил его. Только потому, что щенков продавала она. На втором свидании Уил выяснил, что она не очень любит животных. Что ей гораздо сильнее нравится организовывать их. Главным образом, сажать в клетки. И решать, что им есть. Когда Сесилия стала бросать намеки насчет жениться — это началось через три месяца, — столь необычная черта ее характера заставила его задуматься.

Уил вылез из машины. В легком тумане было видно всего на несколько сотен ярдов вперед. Он сунул руки в карманы и тронулся в путь. Опустив голову. Слева изредка проезжали машины, разбрызгивая шугу. Уил дошел до моста и начал подъем. Внизу скользила черная река. Мост оказался высоким. И длинным. Уил даже не представлял, что таким длинным. Какой-то пикап гуднул на необычной ноте, и он поднял голову, прежде чем вспомнил, что делать этого нельзя. Примерно на середине моста сзади подъехала машина и сбросила скорость. Уил продолжал идти. Покрышки машины подминали под себя нетронутый снег возле самого бордюра. Она двигалась вровень с ним. Уил не поворачивался. Он уже видел другой конец моста, но Элиота там не было.

Мир озарился красными и синими вспышками. Уличный шум разорвало рывканье.

— Сэр, остановитесь. — Это был мегафон.

Уил остановился. К нему подъехала патрульная машина. Дверца открылась, и оттуда вылез коп с темными усами.

— Будьте любезны, сэр, выньте руки из карманов.

Он показал им свои руки.

— Сэр, это вы владелец розового «мини», госномер джей-си-экс один-четыре-ночь?

— Нет.

— Вам известна эта машина?

— Нет, инспектор. — Ветер крепчал. Уил посмотрел в конец моста, но Элиота там не увидел.

— Куда вы направляетесь, сэр?

— Я перехожу мост.

— Я вижу. Куда вы направляетесь?

Он проверил, не появился ли у моста Элиот.

— Вы куда-то спешите?

— Нет, инспектор. Я просто замерз.

— Положите руки на капот, сэр.

Уил уперся ладонями о машину.

— Ноги на ширину плеч, пожалуйста.

— Я просто гуляю.

— Расставьте ноги.

Он подчинился.

— Я собираюсь обыскать вас. Вы понимаете, что это означает?

— Ладно, это я был в «мини». Если вам так нравится...

— Не оборачиваться!

— Я не оборачиваюсь, — сказал Уил.

Коп схватил его за шиворот и пригнул к обледеневшему капоту. Уил испугался, что его щека приклеится к этой глыбе льда. Коп обыскал его, похлопав по ногам и бедрам, залез в карманы. Когда брюки вдруг сели на нем свободнее, он сообразил, что коп достал из заднего кармана бумажник.

— Уил Парк? Это вы?

— Послушайте...

— Стоять! Не двигаться без моей команды! Ясно? Если еще раз шевельнешься, у тебя будут проблемы.

Ему пришлось прижаться щекой к капоту, и он увидел, как в снежном тумане к ним движется фигура. Элиот? Он не смог разглядеть.

— Диспетчер, четыре-один-три, — сказал коп.

Уила охватила тревога. Коп докладывал, что задержал Уила Парка, возможно, с фальшивыми документами. Продолжая опираться на капот, чтобы коп не бесился, он приподнялся, но в следующее мгновение горло ему пережала полицейская дубинка, его развернули и стали заваливать спиной на капот, а коп орал ему что-то в лицо.

— Подождите, — сказал Уил, но копа не интересовало ничего из того, что он хотел ему сказать.

Краем глаза Уил увидел знакомое пальто Элиота — тот приближался быстрым шагом. Хватка копа ослабла. Выражение на его лице изменилось. Как если бы этот парень смотрел телевизор, подумал Уил, и увидел бы что-то любопытное, но где-то в очень-очень далеком месте. Коп выхватил рацию.

— Диспетчер... — сказал он, прозвучали два глухих хлопка, и коп с поворотом повалился на землю. Элиот подошел к нему и выстрелил еще дважды.

— Черт! — сказал Уил каким-то неестественно визгливым голосом. — Зачем? Зачем?

— Спокойно.

Вокруг все замерцало: приближалась машина. Элиот вышел на проезжую часть.

Уил посмотрел на копа. У него были стеклянные глаза. Кровь, разливавшаяся вокруг его тела, смешивалась со снегом.

— А как же то самое слово-вуду? — Элиот не ответил. — Почему ты не убедил его?

На гребне моста появился пикап. Элиот замахал руками, пикап остановился, и водитель высунулся в окно. Молодой парень с песочного цвета волосами. Сейчас Элиот убьет его — водителя — и всех, кто есть в машине, а потом всех, кто проедет мимо. Уил бросился бежать, поскользнулся и ударился коленом об асфальт. К тому моменту, когда он добежал до машины, Элиот уже успел наставить свою пушку на водителя.

— Пятьдесят, — сказал парень. — Я не знаю, что вам надо...

Элиот спросил:

— Ты любишь свою семью?

— *Элиот!*

— Конечно, люблю, только не убивайте меня, у меня две дочки, и я очень люблю их...

— Я не убью тебя, если ты мне ответишь, — сказал Элиот. Он вдруг стал ярче, буквально засветился. Приближается еще одна машина, догадался Уил. — Зачем ты это сделал?

— Элиот. — Он попытался опустить руку Элиота. — Пожалуйста, не убивай этого парня.

— Вы о?.. — сказал водитель. — О, Господи, простите меня, я сделал это, потому что другого выбора не было. — Элиот опустил оружие. Водитель резко выдохнул. — Спасибо, спасибо...

— *Гитире машилик кротон авари,* — сказал Элиот. — Возьми это. Стреляй по машинам. Беги от копов.

Водитель взял протянутый ему обрез. Элиот открыл дверцу пикапа, и парень вылез на дорогу. Затем огляделся и пошел на Уила.

— Что... — сказал тот.

Парень поднял обрез. Уил успел только заткнуть уши. Водитель выстрелил, Уил обернулся и увидел позади себя машину, темный минивэн. Он взревел двигателем и стал сдавать задним ходом. Автомобиль двигался вихляя, и лучи от его фар метались из стороны в сторону. Парень побежал за ним.

Элиот схватил Уила за руку.

— Пошли.

Уил пошел.

— Зачем? — спросил он. — Зачем?

— Заткнись, — сказал Элиот.

Его голос прозвучал категорично. Уил заткнулся.

* * *

Они выехали из Гранд-Форкс, дорога была пуста. Примерно через полчаса им навстречу с воем сирен и включенными проблесковыми маячками пронеслись три полицейские машины. Уил ничего не сказал, промолчал и Элиот.

Уил смотрел, как светлеет небо.

— Ты нехороший, — сказал он наконец. — Ты говоришь, что хороший, но это не так.

— Что-то не припомню, чтобы я когда-либо называл себя хорошим.

— Ты мог бы справиться с тем копом своими словами.

— Он был *скомпрометирован*. Еще две секунды, и он сдал бы нас.

— Ты мог бы попытаться.

Мимо промелькнул указатель, сообщавший, что до Миннеаполиса осталось двести миль.

— Ты такой же плохой, как Вульф, — сказал Уил.

Элиот ударил по тормозам. Натянувшийся ремень врезался Уилу в грудь. Машина проскользила на задымившихся покрышках и остановилась.

— Я готов выслушивать от тебя любое дерьмо, — сказал Элиот, — но не допущу, чтобы меня сравнивали с Вульф.

— Она...

— Захлопни пасть. Худшее, что я сделал в жизни, — это позволил Вульф стать тем, что она есть. Я несу ответственность за все, что она творит, с того момента, как она погубила Брокен-Хилл, до той минуты, когда я зарюю ее в землю. Но мы — не одно и то же. Мы даже близко не стоим.

— Ты убиваешь людей.

— Да, я убиваю людей, когда альтернатива еще хуже. Таков наш мир. И именно поэтому мы с тобой еще здесь.

Уил отвел взгляд.

— Я поеду с тобой. И буду делать все, что ты скажешь. Но не потому, что ты прав.

Элиот тронул машину с места.

— Замечательно, — сказал он. — Меня это вполне устраивает.

* * *

В международном аэропорту Миннеаполиса их никто не задержал и никто не заинтересовался их паспортами. Они поднялись на борт E-175 компании «Дельта», когда самолет уже ревел двигателями. Элиот туго скатал свое пальто и запихнул его в щель между спинкой кресла и стеной.

— Я намерен поспать.

Уил посмотрел на него.

— Серьезно? — Они летели до Виннипега. Полет должен был продлиться сорок минут.

— Серьезно, — сказал Элиот и закрыл глаза.

Черты его лица расслабились, губы приоткрылись. Уил было решил, что он не дышит. Когда они взлетели, самолет ухнул в яму, и женщина, сидевшая по другую сторону прохода, вскрикнула, а голова Элиота скатилась на плечо Уила.

— Элиот? — Тот поднес руку к ноздрям Элиота, но ничего не почувствовал. Он облизнул палец и снова проверил. Ощутил слабый поток воздуха. Очень слабый. Попытался успокоиться.

Посадка была жесткой, но и на этот раз Элиот не отреагировал. Уил пихнул его локтем в ребра.

— Элиот. — Он потряс его за плечо. — Том. — Потряс сильнее. Потом большим и указательным пальцами ущипнул его за предплечье.

Глаза Элиота открылись. Они напоминали кусочки стекла. Его лицо вытянулось и стало пепельно-серым. Он выглядел мертвым.

— Мы сели.

Взгляд глаз Элиота переместился на нечто за пределами фюзеляжа.

— Мы прилетели, Элиот. Просыпайся. Элиот...

Взгляд стал осмысленным.

— Что?

— Ты выглядишь ужасно.

— Я отлично себя чувствую, — сказал Элиот и неожиданно стал выглядеть выпавшимся и бодрым. Он вытащил из щели свое пальто и сунул под мышку. — Пошли.

* * *

В Виннипеге они сели на самолет до Ванкувера, и Элиот опять заснул, как только они поднялись на борт, и опять при приземлении побудка напоминала реанимирование трупа. В Ванкувере они перешли в терминал международных рейсов и благополучно преодолели все проверки. Бортпроводники «Корейских авиалиний» носили синие бумажные шляпы. Элиот устроился в кресле у окна, точно так же пристроил свое пальто между спинкой и стеной и закрыл глаза.

— Разбуди меня, если вдруг начнем резко снижаться.

— Ох, — сказал Уил. Но Элиот, кажется, уже спал. — Ладно, разбужу.

Он достал из кармашка на спинке переднего сиденья журнал, потом убрал его обратно. Он сомневался, что сможет заснуть.

From: <http://discuss.isthatjustme.com/forum/topic—11053—r.html?v=1>

В общем, я не хочу влезать в теории заговора, но ты читал о том стрелке из Гранд-Форкс? Они заявили, что он поссорился со своей девчонкой, поэтому мы все подумали: «О, так вот почему он слетел с катушек». Но, отметь, никто напрямую не сказал, что есть связь. Они просто позволили нам так думать, а иначе зачем бы они стали об этом упоминать?

Я не говорю, что конкретно в этом инциденте что-то есть, но я сталкиваюсь с таким ПОСТОЯННО. Когда смотришь по телевизору новости, каждый раз история выглядит так: «Случился пожар, у владельца были финансовые проблемы». Они не утверждают, что он сам сжег свой дом. Но они больше ничего нам не говорят.

Это беспокоит меня, потому что мы считаем себя умными, складывая вместе кусочки мозаики, но на самом деле это система. Нам дают только те кусочки, которые подходят друг к другу только одним образом, но если вдруг оказывается, что из них складывается неправильная картинка, они никогда не говорят, что она верная.

А вот если это на самом деле крупное событие, например, национального масштаба, все репортажи поступают от одного репортера, который записывает все, что ему говорят копы. Репортаж пускают по AP, а потом его повторяют другие новостные службы. И создается впечатление, будто все они провели собственное расследование и нашли одинаковые факты; в действительности же все они цитировали один источник.

Короче, парень из Гранд-Форкс, наверное, действительно поцапался со своей девчонкой. Но я думаю, ссора яйца выеденного не стоила, потому что никто в буквальном смысле не утверждал, что стрелять он начал из-за ссоры. Если бы было сказано, что причина стрельбы осталась тайной, в людях пробудилось бы любопытство, и они начали бы задавать вопросы. А так получается, что достаточно одного неясного намека — и мы довольны, потому что считаем, что всё вычислили.

Она стала неразборчивой. Не потому, что так надо было. Просто ей больше ничего не оставалось. Она считала себя «неразборчивой», а не «легкомысленной», потому что во всех ситуациях главной была она. Если в магазин одежды, в котором она работала, заходил какой-нибудь юноша и если его взгляд означал, что он уже слышал о ней, она держалась молчаливо и продавала ему пару штанов цвета хаки. Но если — а это случалось не часто, всего лишь изредка — появлялся юноша с вьющимися волосами и темными глазами и если он искренне желал что-то купить, ее душа тут же отзывалась. Она подходила к нему и предлагала свою помощь, и если вокруг юноши крутилась какая-нибудь блондинка с плохим перманентом — а так бывало практически всегда, — она рекомендовала ему рубашки и разглядывала его, пока девица щупала юбки. И он тоже смотрел на нее, и между ними что-то происходило. А когда девица удалялась в примерочную, Эмили решительно подходила к нему и жадно, как хищник, целовала. И он целовал ее в ответ, каждый раз, а если она опускала руку вниз, он оказывался твердым, как камень. «Как дела?» — обращалась она к примерочной, не спуская глаз с юноши, и девица отвечала что-то насчет того, что вещь не так сидит и не подходит по цвету, и интересовалась, есть ли у них такое же, но с «перламутровыми пуговицами». Эмили не всегда удавалось пойти дальше: дважды девица выходила слишком рано, и юноша покидал магазин на ватных ногах, оглядываясь на нее. Но дважды она успела. В последний раз юношу сопровождала черноглазая девица, которая даже не удосужилась ответить, когда Эмили вышла к ним навстречу и поздоровалась. Ей понравился взгляд юноши, он был дружелюбен, немногословен и играл в футбол, так что она не только залезла ему в штаны, пока девица была в примерочной, но и продолжила, когда девица вышла. Она наблюдала за лицом юноши, пока девица бродила по магазину, и восхищалась, потому что тот выглядел ужасно испуганным, но не останавливал ее. Девица рассматривала платья и язвительно бросила, что одно из них — точно старье из бабушкиного сундука, а юноша что-то прохрипел и задержался в своих джинсах. Эмили зашла за прилавок. Он смотрел на нее так, будто не верил, что она бросает его. Будто считал, что она поможет ему выкрутиться из сложного положения или что-то вроде этого. Но ей было плевать. Самое интересное закончилось, в том, что касалось ее. Юноша еще несколько секунд стоял как пригвожденный к месту, потом выпалил череду несвязных слов, ошметки от двух или трех столкнувшихся мыслей. Девица даже не повернулась. «Прикольненько», — сказала она, поворачивая к себе пушистую куртку с капюшоном.

Это было, вероятно, совсем не то, что имел в виду Элиот, когда говорил ей, что нужно *«много практиковаться и приучить себя к дисциплине»*. Но Эмили находилась в миллионе миль от остального мира и мастерски выполняла задачу — правда, противоположную той, что поставил перед ней Элиот, — по сокрытию того факта, что она является самым опытным практикующим специалистом по убеждению из всех, кто когда-либо почтил своим присутствием этот район пыльных бурь. Ей же надо было что-то делать. Она не могла иметь мышцы и не играть ими.

Тогда Эмили две ночи провела на автовокзале, прежде чем поняла, что в городе полно пустых домов. Достаточно зайти в один из них — и можно устраиваться. Она нашла работу в «Запутанном клубке», самом популярном в Брокен-Хилл магазине одежды для молодых, и старых, и всех тех, кого в модных тенденциях интересуют не только джинсы и майки. Здесь

платили наличными, а это означало, что Эмили сможет снять жилье с электричеством. Все оказалось проще, чем она представляла. Даже купила старую, разбитую машину. Это был немного рискованный шаг, потому что Эмили не отважилась получить водительские права, но в городе было всего два копа, и оба из сегментов, которые она отлично понимала, а от автобуса ее уже тошнило.

Эмили была «американской девочкой». По ее истории, она приехала, чтобы «найти связь с землей» — нелепая идея, в которой любой распознал бы фальшивку, если бы понаблюдал, как она отворачивается от солнца, ежится от ветра, кривится от пыли. Но если серьезно, какую еще причину можно было придумать? «И надолго вы к нам?» — спрашивали люди, облакачиваясь на прилавок и дивясь на нее, на человека, который уехал из Америки, чтобы оказаться здесь, именно здесь, когда любой из местной молодежи, даже последний недоумок, слинял бы отсюда при первой же возможности. Представители старшего поколения, те, кто утратил способность мечтать о жизни в другом месте или, возможно, никогда об этом не мечтал, воспринимали ее как первую из многих, словно Эмили была предвестником модного веяния, охватившего мир, когда молодые люди в больших городах работают в поте лица, копят деньги — и спят и видят, как в один прекрасный день они отправятся в путешествие, чтобы «соединиться» с Брокен-Хилл и дать городу новое будущее. Она отвечала: «*Может, на год, я думаю*», потому что не хотела давать ложные надежды и потому что ей претила мысль, что срок может оказаться длиннее.

Но прошел год, потом другой, и Эмили отпраздновала свой двадцать первый день рождения, глядя в телевизор, где шло тупое австралийское шоу, в доме с четырьмя спальнями, правда, почти без мебели. Изредка она задавалась вопросом, а существует ли Организация. Не выдумала ли она ее. Иногда, когда в «Запутанном клубке» звякал входной колокольчик, ей казалось, что это Элиот приехал сообщить, что все в порядке, все закончилось и она может вернуться домой. Но такого не случалось. Ее жизнь превратилась в каждодневное ожидание. Так что она могла позволить себе время от времени брать под свой контроль какого-нибудь привлекательного юношу. Могла.

* * *

Однажды вечером после закрытия магазина Эмили вышла на парковку позади здания и обнаружила, что ее ждет стайка девиц в коротких юбках и подбитых мехом курточках. При ее приближении одна из них, блондинка с грязными волосами, подружка того самого футболиста, спрыгнула с капота машины, и Эмили поняла, что это проблема. Она повернулась, собираясь укрыться в магазине, но еще две девицы преградили ей путь. Эмили подняла вверх руки.

— У меня нет денег.

— Нас не интересуют твои деньги, сука, — сказала девица, и что-то выпало из ее сжатого кулака. Металлическая цепь. Эмили охватило отчаяние, но источником этого чувства была не она сама, а девица и Брокен-Хилл с Австралией, потому что цепь была нелепостью. Если бы кто-нибудь вытащил такую штуковину в Сан-Франциско, его тут же пристрелили бы. — Ты знаешь, кто я?

— Кажется, ты однажды заходила в магазин. — Девицы окружили ее. Числом их было пять. Другого оружия у них не наблюдалось, так что возможность бегства оставалась. —

Если хочешь что-то вернуть, мы открываемся в девять.

— Ничего я не хочу возвращать, шлюха поганая.

— И это не магазин, — сказала другая девица, тощая, как высохшее дерево. — Это бутик.

— Ладно, — сказала Эмили. — Это ваша петиция? Давайте ее обсудим. — Она произнесла слово «петиция» так, чтобы оно прозвучало как «полиция», дабы напомнить всем, что за такое можно угодить за решетку. — О, я знаю тебя. Я знакома с твоей мамой. — Это было неправдой, но размеры городка позволяли в это поверить. Смысл заключался в том, чтобы в сознании девиц всплыли «мамы» и присоединились к «полиции».

— Ты запала на моего парня, — сказала девица.

В этом Эмили признала *«гипотетическое утверждение»*, которое они в школе называли *«шарами-зондами»*. Когда люди делают гипотетическое утверждение, они надеются, что оно будет опровергнуто. Сейчас это означало, что девица не собирается бить ее цепью. Если бы она сказала: *«Ты сейчас заплатишься за то, что сделала с моим парнем»*, вот тогда у Эмили точно были бы проблемы. Но девица просто стояла и ждала, когда Эмили ответит и объяснит, что все было просто чудовищным недопониманием. Ее почти охватило разочарование — ведь на минуту ей показалось, что предстоит ответить на интересный ментальный вызов.

— Между прочим, он сам полез ко мне, — сказала Эмили. Она очень хочет, чтобы ей причинили боль, и это единственное объяснение. Девица таращилась на нее, пытаясь поверить своим ушам, а тем временем другая сказала:

— Ну, погоди, сука.

И Эмили побежала.

Ей почти удалось прорваться мимо прыщавой девицы с испуганными глазами, но кто-то схватил ее за воротник и повалил на землю. Охваченная дикой яростью, девица с цепью приблизилась к ней, и Эмили, хотя и осознавала, что сейчас на нее обрушится боль, испытала огромное наслаждение от мысли, что ей удалось вытолкнуть девицу за пределы прекортексного контроля. А ведь это нелегкое дело. Чтобы этого добиться, нужно нанести удар в самую сердцевину того, во что человек верит. Она закрыла руками голову и приняла позу эмбриона.

По спине разлилась боль. Эмили перекатилась на спину, но это оказалось ошибкой, потому что цепь хлестнула ее по лицу. Ее рот исчез. Она кое-как встала на четвереньки и попыталась отползти. В грязи лежало что-то светлое и замазанное кровью. Зуб. Она почувствовала себя полной дурой, ей стало грустно и захотелось повернуть время вспять и не быть такой идиоткой.

Замелькали огни. Эмили не видела, откуда льется свет, но, очевидно, он имел определенное отношение к ситуации, потому что девицы бросились врассыпную. По бетону застучали шаги. Больше ударов не последовало. И одно это уже было хорошо.

Кто-то взял ее за плечи. Эмили вздрогнула. Он сказал:

— Все в порядке, успокойся. Я помогу.

— Му фу, — сказала она, что должно было означать *«мой зуб»*.

Пальцы мужчины впились ей в ребра. Он отошел, и она почувствовала себя покинутой. Он вернулся и надел что-то ей на шею. Эмили попыталась встать, но мужчина сказал «нет-нет» и придержал ее одной рукой. Она смогла разглядеть только его волосы, которые были длинными и песочного цвета. Он подкатил к ней какую-то штуку, которая оказалась

низенькой тележкой.

— Мо фуп, — сказала Эмили.

Мужчина уложил ее на тележку и повез через парковку к белому минивэну, который, как ей было известно, выполнял в городе функцию машины «Скорой помощи». Окинул ее быстрым, профессиональным взглядом, прежде чем закрыть дверцу.

Когда машина остановилась и чьи-то руки стали выгружать ее, Эмили уже не знала, где находится.

— Драка в пабе? — спросил кто-то, и мужчина ответил:

— Девчонки подрались. За «Запутанным клубком».

Над ней склонилась женщина:

— Ей выбили зуб.

— Он у меня во рту, — сказал ее спаситель.

Это показалось Эмили забавным, и она улыбнулась, а потом уже ничего не помнила. Вероятно, прошло немало времени, потому что в следующий раз она уже сидела на больничной койке в открытой палате, а в окна струился утренний свет. На ней была тоненькая сорочка, шею обхватывал корсет. Казалось, что спина набита мячиками для гольфа. Во рту на месте зуба было пустое место, и Эмили ощупала его языком, а затем подумала, что делать этого не следовало бы. Если не считать ощущения, будто голова стеклянная, она чувствовала себя вполне нормально.

Проходившая мимо медсестра остановилась. Эмили иногда видела ее в местном супермаркете, когда та покупала соевое молоко.

— Доброе утро, дорогуша. Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказала та.

Медсестра обхватила ладонями лицо Эмили:

— Открой рот. Хорошо. У тебя нет только одного зуба?

— Да.

Она выпустила лицо Эмили.

— Что произошло?

«Я потеряла контроль над собой. Я доказала, что мое место здесь».

— Ничего.

— Гэри хочет поговорить с тобой.

— Что за Гэри?

— Сержант полиции.

Эмили попыталась помотать головой. Она не хотела выдвигать обвинения. У нее не было удостоверения личности.

— Сколько еще мне это носить?

— Шесть недель. Считай, что тебе повезло.

Она так и считала. Все могло быть значительно хуже.

— Кто подобрал меня?

— Фельд.

Эмили не знала, что это означает.

— Мужчина со «Скорой». Фельдшер. Это Гарри.

— Могу я его поблагодарить?

— Он уже закончил смену, — сказала медсестра. — Но я уверена, что ты обязательно увидишь его. Городок-то маленький.

— Да, — сказала Эмили.

* * *

Она уже видела этот минивэн. Белый с желтыми и оранжевыми полосами. После своего приезда в город Эмили видела его, наверное, дважды в неделю. Но сейчас, после того как ее выписали из больницы, он как будто канул в Лету. Иногда в поле зрения мелькало что-то белое, и она поворачивалась, чтобы узнать, не он ли это, но шею пронзала острая боль, поэтому она каждый раз опаздывала и думала: *«Это точно был он»*.

Эмили чувствовала себя старшеклассницей, запавшей на водителя «Скорой». Надо же, влюбиться в мужчину, который спас ее... Однако мысленно она то и дело возвращалась к вопросу, как это он принес ее зуб во рту. А еще вспоминала его волосы, подсвеченные светом фар. Эмили чувствовала себя возбужденной и беспокойной и ходила на долгие прогулки, надеясь встретить белый минивэн с желтыми и оранжевыми полосами.

Она решила купить ему цветы. Она просто купит цветы и вложит в них карточку, и если его не окажется в больнице, когда она занесет их, это будет здорово. Она просто оставит их. Эмили мучительно придумывала, что же написать, остановилась на «БЛАГОДАРЮ О ДУШИ МОЕГО ЗУБА», в ужасе уставилась на написанное и отправилась в магазин за новой карточкой. Следующая попытка закончилась возвышенным посланием. «БЛАГОДАРЮ, ЧТО СПАСЛИ МЕНЯ. ЭМИЛИ РАФФ». Наверное, записка получилась не совсем возвышенной. Потому что она не удержалась и написала «спасли меня». А еще подписалась полным именем. Однако она не добавила к этому свой телефонный номер. Смогла сдержать себя.

Эмили поехала в больницу. Цветы она положила на пассажирское сиденье и направила на них поток прохладного воздуха, чтобы те не завяли от жары. Женщина в регистратуре решила, что она пришла на прием, что, как догадалась Эмили, было вполне логичным, ведь ее шею все еще поддерживал корсет, но потом, когда все прояснилось, сказала:

— Вы хотите увидеться с ним лично или просто оставить это?

Эмили запаниковала и сказала:

— Просто оставить.

Она дошла до дверей.

— А он на месте?

Судя по взгляду, которым женщина окинула Эмили, она уже миллион раз видела подобные сцены.

— Сейчас узнаю. — Она подняла телефонную трубку. Эмили ждала и старалась не чувствовать себя четырнадцатилетней девчонкой. Женщина положила трубку. — Сожалею.

— О, Господи, — сказала Эмили, потому что ей было противно.

* * *

У нее, как у собаки Павлова, выработался рефлекс на звяканье входного колокольчика. Каждый раз, когда кто-то открывал дверь «Запутанного клубка», Эмили вскидывалась, но оказывалось, что это не он, и через несколько дней она поняла, что Гарри никогда не придет. Он увидел в цветах именно то, чем они и были: неловкую, эксцентричную попытку

завязать роман. Эмили разозлилась на себя, да и на него тоже за то, что он вынудил ее так поступить. Потому что, если по справедливости, он застиг ее на пике эмоционального шока. Она была сама не своя. Кто он такой, чтобы судить?.. Он — никто, один из обитателей невзрачного, затерянного в пустыне городишки, у него даже нет нормальной машины. И цвет волос у него старомодный. Не будь она одна, то даже и не посмотрела бы на него. Ей безумно хотелось, чтобы в магазин вошел какой-нибудь юноша, кто-нибудь молодой, забавный и глупый. Эмили томилась за прилавком и разбирала одежду на вешалках, пока не успокоилась.

В середине дня она отправилась в закусочную, где готовили бургеры, и встала в очередь за рабочими с шахты — не мускулистыми парнями, как можно было ожидать, в борцовских майках, с кирками и пятнами сажи, придающими им сексуальности, а за толстым водителем грузовика и крановщиками, от которых воняло мазутом. Сейчас мало кто спускался в шахты. Это процесс был автоматизирован. Да и шахт как таковых не было: добыча велась открытым способом в карьерах, которые напоминали метеоритные кратеры. Город как раз и стоял вокруг такого, и от кратера его отделяли похожие на горы отвалы пустой породы, которая, когда ее вытаскивали из земли, не годилась ни на что, кроме того, чтобы ее куда-то сбросили. Никто, кажется, не видел ничего странного в том, чтобы жить на пончике, дырка которого по краям медленно заполняется всяким дерьмом. Ей хотелось спросить, почему они не сдвинули город на пять миль к северу, или к югу, или к востоку, или к западу — в общем, в любом направлении. Но она сама могла предсказать ответ. Они бы заявили: «Потому что он стоит там, где стоит». Австралийцы оказались очень практичными, как обнаружила Эмили. Они делали все быстро и решительно, и в соответствии с минимальными требованиями. Это был свежий и открытый подход, но иногда он приводил к ситуациям вроде той, когда город построили вокруг дырки. Изначально Эмили решила, что название Брокен-Хилл, то есть «разрушенная гора», — это шутка, образец извращенного юмора, побудившего называть рыжеволосых «Синеватыми». Потому что, если не считать отвалы, земля здесь была плоской, как зеркало. Очевидно, когда-то здесь была гора. И ее срыли.

Эмили вдыхала запах пота и сигарет, пока не подошла ее очередь, потом села на террасе и стала есть бургер, глядя на проезжую часть. Все машины, что проезжали мимо, она видела раньше. Эмили повертела головой, проверяя, как работает шея, и вдруг заметила, что на противоположной стороне паркуется машина «Скорой».

Ее охватила паника. С ним же покончено, ты забыла? Она на секунду действительно забыла об этом. И успокоилась. И стала высматривать его, так, от нечего делать. Она надеялась, что, увидев его, тут же поймет, насколько он прост и скучен в обычной обстановке, когда не несет во рту ее зуб. Эмили доела бургер. И тут увидела его. Кажется, это был он. Он шел по тротуару и разговаривал с женщиной. Покачал головой, и Эмили убедилась, что это он. Он был привлекателен. Может, у нее и была травма головы, но вкус она не потеряла. Широкоплечий. С потрясающими руками. На нем не было борцовской майки. Когда он подошел поближе, она на глаз прикинула, что ему двадцать пять. Его спутница была миловидной брюнеткой, Эмили видела ее фотографию в газете в разделе объявлений о недвижимости. Брюнетка рассмеялась в ответ на какие-то слова Гарри и взъерошила свои волосы, и Эмили стало тепло на душе. Она пожелала мисс Недвижимость всяческой удачи с красивым австралийским фельдшером.

Она почти позволила им пройти мимо. Но в последний момент спросила себя: а какого

черта? Ведь в этом ничего нет, не так ли?

— Здравствуйте.

Он остановился. Его глаза — она уже и забыла, какие они.

— Вы...

— Беззубая.

— Верно. — Эмили увидела, что он вспомнил о цветах. Значит, ему точно стало неловко.

— Просто хотела поблагодарить, — сказала она. — Не буду вас задерживать.

Женщина от неживимости улыбнулась и сунула свою руку в ладонь Гарри. Он, кажется, испытал облегчение от того, что она не взбеленилась.

— Ничего страшного. — Женщина от неживимости потащила его прочь. Неожиданно он вернулся к ее столику и протянул руку.

— Меня зовут Гарри.

Удивленная, Эмили пожала ему руку, он весело улыбнулся и пошел к женщине от неживимости. Все это разбередило ей душу. Она смотрела ему вслед. Что это было? Он что, просто попытался подцепить ее? Это возмутительно. Она взяла со стола банку «Кока-колы» и снова посмотрела ему вслед. Ее сердце едва не выпрыгивало из груди. «А, черт», — подумала она.

* * *

Эмили решила переспать с ним и на этом покончить со всей историей. Это был единственный способ. Он превратился в докучливую занозу, которая мешала ей принимать душ, или работать, или спать. Она даже не целовалась с ним по-настоящему. Поэтому можно было спокойно двигаться дальше. И прекратить фантазировать. Недопустимо, чтобы она теряла себя из-за какой-то занозы. Это ослабляет ее способность функционировать. А вот когда она превратит его в игрушку, как тех мальчишек в «Запутанном клубке», все встанет на свои места. Она вернет себе контроль над самой собой.

Эмили купила платье в «Запутанном клубке», маленькое и черное. Она отговорила от него трех потенциальных покупательниц на тот случай, если оно ей вдруг понадобится. Затем уложила волосы, стремясь увеличить объем, — стиль, который нравится не девушкам, а молодым людям. Накрасила ресницы, и они стали длинными и пушистыми. В пятницу вечером Эмили вошла в прокуренную и пропахшую потом пивную, в *паб*, и оглядела зал в поисках Гарри. Заведение было забито ясноглазыми подростками и битыми жизнью шахтерами; эти две демографические группы, обычно противостоящие друг другу, здесь объединяла страсть к пиву и яростным гитарам. Какой-то мальчишка проорал ей в самое ухо: «Винс!» Все это было теми самыми причинами, по которым Эмили обычно не ходила в это заведение. Она взяла у бармена порцию крепкого алкоголя, выпила ее и ощутила, что храбрость начала куда-то улетучиваться. А потом заметила его возле бара в обществе молодых мужчин в костюмных рубашках. Она подошла к ним и крикнула:

— Привет!

Гарри улыбнулся ей.

— Купи мне что-нибудь выпить, — сказала Эмили.

Четыре часа спустя у нее в голове гудело, и она сидела на пассажирском сиденье машины «Скорой». Ее везли домой. Не к ней. К нему. Эмили расстегнула ремень безопасности и, привалившись к нему, стала целовать его в шею, прищипывать губами мочку его уха. Если бы она задумалась, то поняла бы, что все эти ласки — прямой путь к аварии. Но думала она только о том, чтобы остаться с ним наедине и заняться жуткими вещами. Он ехал и ехал, и наконец остановился. На нее стала прыгать собака, Эмили завопила, и он подхватил ее на руки. Ей это понравилось. Это напомнило ей, как они встретились. В его доме было темно, но там имелась кровать, а за окном светила луна. Эмили попыталась расстегнуть его брюки, но он сказал «нет», а она сказала «да», причем с нажимом, почти командным тоном, но это не сработало. В кровати он прикоснулся губами к ее шее, и она поняла, что этого-то ей и не хватало. Она сообразила: ее хищнический подход не предполагал взаимности. А взаимность играла огромную роль. За последние годы Эмили успела забыть об этом. Она снова набросилась на него, и на этот раз он сжал оба ее запястья и закинул ее руки ей за голову.

— Я хочу тебя, — сказала она. — Дай мне прикоснуться к тебе.

— Нет, — сказал он, и по какой-то причине это еще сильнее возбудило ее. Ей всегда нравилось, когда ей бросали вызов. Но его руки скользили по ее телу, и у нее пропало желание спорить.

— Да, — сказала она, — да, да.

Эмили увидела блеск глаз в темноте снаружи — это его собака наблюдала за ними, но ей на это было плевать. Страсть быстро уносила ее вдаль. Его прикосновения были нежными, а она прежде не знала, каково это, когда с тобой нежны. То была ночь новшеств. Он обнимал ее, и его пальцы проникали внутрь нее, и оргазм пронзил ее, как удар грома, как чистая природная сила. Это было то, чем Эмили не могла управлять, и она еще некоторое время лежала неподвижно, пока вновь не обрела себя. Гарри выпустил ее запястья. Он все еще был в брюках. Ей нужно было срочно принять меры в связи с этим.

— Сейчас, — сказала Эмили, и он наконец-то кивнул, и она сказала: — Сейчас. — И в буквальном смысле набросилась на него.

Утром она проснулась, но рядом его не оказалось. Эмили села. В спальне не было штор. За окном виднелась плоская земля до самого горизонта. Спальня напоминала место преступления: сбитые простыни, разбросанная одежда. Кроме кровати, другой мебели не было. И картин тоже. И фотографий.

На столе в кухне она нашла записку:

Уехал кататься. Завтракай сама.

«Кататься», — подумала Эмили. Он уехал кататься. Он уехал на каком-то виде транспорта в неизвестном направлении по неизвестной причине на неопределенный срок.

Она поразовалась тому, что он все так четко объяснил. Затем обследовала комнату. На телевизоре стояла фотография собаки. Это была единственная личная вещь, что смогла найти Эмили. Поэтому она взяла ее. Большая собака. Собака настоящего мужчины. Эмили поставила снимок на место. Ее желание проникнуть в жизнь Гарри было не настолько велико, чтобы анализировать его собаку.

Она прошла на кухню и открыла холодильник. Съела овсянку. Приняла душ. Гольшом прошла в спальню и порылась в его гардеробе. Эмили не увидела ни одной книги. Она не знала, чем он занимается на досуге. Она принялась мыть посуду, и когда надраивала кастрюльку, вдруг сделала страшное открытие: он ждет, когда она уйдет. Именно об этом и говорится в записке. Эмили отшвырнула щетку и отправилась за своей одеждой.

* * *

Существовал один анекдот — или загадка, это как посмотреть. Женщина встречает мужчину на похоронах своей матери. Между ними сразу возникает симпатия, но они расстаются. Женщина не знает его имени и не может найти его. Несколько дней спустя она убивает свою сестру. Вам предлагается ответить, зачем. Если вы отвечаете, значит, вы психопат, потому что она сделала это, чтобы снова встретиться с тем мужчиной. В течение следующих дней Эмили не раз вспоминала эту загадку, когда поймала себя на мысли о том, чтобы инсценировать ситуацию, требующую выезда «Скорой».

В конечном итоге она поехала к Гарри. Было темно, и она заблудилась на пыльных дорогах и раз десять почти возвращалась домой. Потому что одно дело было спать с ним. И совсем другое — самой приезжать к нему. Эмили чувствовала, что совершает нечто рискованное. Как если бы она соскальзывала с края мира.

И, наконец, Эмили покатила по подъездной аллее. Свет в доме горел, однако она не стала выключать двигатель, потому что все еще не была уверена, что ей следовало приезжать сюда. Вернее, она знала, что не следовало, но хотела, чтобы было по-другому. Входная дверь распахнулась. Он вышел на крыльцо, приставил руку козырьком ко лбу, прикрывая глаза от света фар. Разглядев ее, улыбнулся. И это решило все. Эмили вылезла из машины.

— Я не вовремя? — Она держалась вежливо.

— Нет, — сказал он.

— Я тут подумала, а почему бы не навестить тебя.

— Я рад, что ты приехала.

Эмили замерла возле машины.

— Заходи, — сказал он, и она зашла.

* * *

Три месяца спустя Эмили переехала к нему. Хотя она уже и так фактически жила у него. Она предложила переехать, когда в телевизоре появился список актеров, игравших в одной австралийской комедии, которая ему очень нравилась и которую Эмили все меньше ненавидела.

— Мне пора переехать, — сказала она.

Возможно, это не было предложением. Но подразумевала Эмили именно предложение. Она иногда применяла к Гарри техники убеждения, но не делала ничего такого, что он не мог бы разрушить. Ей так нравилось: пытаться манипулировать им и терпеть в этом неудачи. Вот если бы у нее имелись его слова, тогда все было бы по-другому. Тогда даже и вызова не было бы.

Эмили готовила для него. По сути, она просто разбивала яйца и жарила их, а потом относила ему на подносе. Лежа у него на руке, она чувствовала себя в безопасности. Гарри брал ее кататься. У него были кроссовые мотоциклы, полный гараж, и они вдвоем отправлялись колесить по окрестностям. Он учил ее держать ружье так, чтобы оно не отдавало ей в плечо, объяснял, как делать поправку на гравитацию, чтобы пуля пролетела нужное расстояние. В ясные вечера, пока солнце растворялось в земле, они сидели на задней террасе, выпивали и занимались любовью. До этого небо всегда казалось Эмили враждебным. А он заставил ее увидеть его чистую красоту, ощутить силу развороченной земли и похожих на скелеты деревьев. Теперь во всем был смысл. Даже змей, которых Эмили боялась до дрожи в коленках — они всегда оказывались там, где меньше всего ожидаешь, вися, как веревки, — она стала воспринимать иначе, увидела в их поведении не воинствующую агрессию, а агрессивную защиту, как у нее самой. Она прожила в Брокен-Хилл два года и даже не поняла этого.

Когда Гарри в первый раз подстрелил кенгуру, Эмили плакала. Она знала, что он охотится на них, что они считаются вредными животными, но вида запыленной коричневой шерсти, губ, до ужаса похожих на человеческие и обнажавших мелкие зубы, она выдержать не смогла.

— Они вредители, — сказал Гарри. — Они жрут все, что растет.

— Все равно, — сказала Эмили.

Он облокотил ружье на мотоцикл.

— Ты знаешь историю о кенгуру?

— Какую историю?

— Легенду чернокожих. — Гарри имел в виду аборигенов. — Жила-была девушка Миннавара. Она была очень умной и хорошо владела копьем. Ее взгляд был таким острым, что она могла за километр увидеть кукабарру^[9]. Однажды она украла пращу. Считалось, что праща принадлежит всему племени, но Миннавара спрятала ее в сумку. Когда племя обнаружило, что праща пропала, все страшно рассердились, и старейшина спросил у Миннавара, не она ли взяла пращу. Та ответила, что нет. Тогда старейшина заколдовал землю, и земля стала нагреваться. Старейшина сказал: «Твоим ногам жарко, Миннавара?» Это было волшебство — только тот, кто солгал, чувствовал жар. Миннавара ответила, что нет, что с ее ногами все в порядке. Но вскоре она уже не могла терпеть и начала переступать с ноги на ногу. А потом запрыгала. Старейшина спросил: «Зачем ты прыгаешь, Миннавара?», и она ответила: «Мне нравится прыгать. Я всегда буду прыгать». Так и случилось: она прыгала до конца своих дней, потому что оказалась слишком упрямой, чтобы отдать пращу. Ее стопы удлинились и огрубели, и она стала первой кенгуру.

— От этого еще хуже, — сказала Эмили. — Теперь это не так обезличено. — Она посмотрела на бедную «Миннавара».

— Но она воровка, — сказал Гарри.

Он не разговаривал. То есть не разговаривал без надобности. Это нервировало Эмили.

Это заставляло ее гадать, о чем же он не говорит. Сначала она безжалостно пыталась его, расспрашивая о политике, высказывая всяческие неправдоподобные предположения насчет их отношений. Однажды ночью, когда Гарри уже стал погружаться в сон, она сказала:

— Как ты думаешь, кто умнее: ты или я?

Эмили была из тех людей, кому надо все знать. Она не хотела гадать, *что* у него в голове. Она хотела слышать это из его уст, чтобы он сам рассказывал ей. Таким способом она старалась уберечься от сюрпризов. Однажды, когда Гарри чинил забор, поправлял покосившийся столб, Эмили нашла у него в сарае странную штуковину, состоящую из спутанных размахившихся веревок и окаменевших кусочков дерева, и тут же отправилась к нему.

— Что это?

Он бросил быстрый взгляд на штуковину:

— Мобиль.

— Что это значит? — Эмили потрясла им. Пыль слетела. Судя по виду, мобиле было не меньше миллиона лет. На каждом кусочке дерева была темная отметина, и некоторые из отметин выглядели странно.

— Это мобиль, — сказал Гарри. — Для малышей.

Она села на землю.

— Неужели трудно сказать больше? «Это мобиль» для меня мало. Понимаешь? — «Нет», — увидела она. — Зачем тебе мобиль? Откуда он у тебя? Что это за значки? Что ты о нем думаешь?

Гарри выпрямился и сел на пятки.

— Я не привыкла к людям, которые не разговаривают, — сказала Эмили. — Честное слово, это бесит меня.

Гарри притянул ее к себе, хотя она сопротивлялась, чуть-чуть. Его руки, обнимающие ее, запах его пота мешали ей судить здраво. Он сказал:

— Ты считаешь, что я должен что-то сказать, чтобы он стал реальным?

— Да. Именно так я и считаю.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Мой отец был шахтером. Еще в те времена, когда шахты были большими. Когда он находил что-нибудь интересное, то приносил это домой. Отец сделал этот мобиль для меня, когда меня еще на свете не было. Я нашел его, когда перебирал вещи после его смерти. И решил сохранить на тот случай, если он мне когда-нибудь понадобится. Мне кажется, это хороший мобиль.

— Ладно, — сказала Эмили. — Спасибо, это мне и надо было. Ведь это нетрудно, правда?

Гарри принялся целовать ее. Все вокруг потеряло очертания. Но позже она задумалась над его словами. О том, что не надо что-то говорить, чтобы что-то стало реальным. Все это противоречило тому, чему ее учили. Мозг использует язык, чтобы формулировать понятия; он использует слова, чтобы идентифицировать и организовывать свой собственный химический суп. Речь человека даже определяет образ его мышления, правда, лишь в некоторой степени, благодаря тонким логическим связям, которые создаются между понятиями, выраженными похожими внешне или одинаково звучащими словами. Тогда — да, слова действительно делают вещи реальными, хотя бы в одном, но очень важном аспекте. И в то же время они остаются просто символами. Слова — этикетки, а не те вещи, на

которые наклеены этикетки. Для того чтобы чувствовать, слова не нужны. Во всяком случае, те, которые можно произнести. Эмили решила, что точка зрения Гарри вполне обоснована. Только вот сама точка зрения казалась ужасно странной.

Он, конечно, был богатой добычей. Женщины останавливали Эмили на улице и поздравляли. Они оживленно восторгались и желали ей всего наилучшего. Она вошла в фольклор Брокен-Хилл как «девушка, приручившая Гарри». Очевидно, у всего этого была своя предыстория. И чередой «девушек, не приручивших Гарри». Но Эмили не интересовалась подробностями. Не стала она интересоваться даже после того, как столкнулась с женщиной от недвижимости, с той, которая раньше была с Гарри. Они одновременно с разных концов завернули в один проход в гастрономе и стали сходитьсь, как рыцари на турнире. Все время, пока они беседовали и эта женщина рассказывала Эмили о преимуществах свежевыжатого апельсинового сока по отношению к концентрированному, та думала: «*Что же случилось?*» Ведь совсем недавно Гарри был с этой женщиной, а потом они расстались. И как же это произошло? Как Гарри разорвал их связь? Как он повел себя? Жестоко? Холодно? Индифферентно? Возникло множество вопросов, на которые ей хотелось получить ответы. Но Эмили их не задавала. Она знала: незачем выяснять, каков был конец, если она не хочет, чтобы и в их отношениях наступил конец. Сейчас она понимала, что до переезда в Брокен-Хилл никогда не была счастлива.

БНП создает базу данных избирателей

Как выяснилось в пятницу, Британская национальная партия собрала личные данные на десять тысяч избирателей.

База данных, получившая название «Электрак», используется для персонализированной доставки информационных материалов и проведения телефонных кампаний.

Марк Митчел, 38 лет, утверждает, что он восемь месяцев работал над этим проектом для БНП, собирая информацию из различных источников, в том числе из обзоров, писем в редакцию и интернет-постов, а также из списков участников многочисленных мероприятий, на которых присутствовал лично.

Он заявил, что собранные сведения позволили разделить избирателей на различные группы, каждая из которых в период подготовки к всеобщим выборам получает разработанные специально под нее материалы.

Представитель БНП признал, что его партия использует «Электрак», но при этом отметил, что подобная практика широко распространена среди политических организаций и что при этом не нарушаются никакие законы об охране частной жизни и личных данных граждан.

Выписка из IRC

From: endgame.org 201112260118 irc client

<maslop> угу

<maslop> я просто не вижу проблемы

<vikktor> ок

<vikktor> дело вот в чем

<vikktor> я агитирую на улице

<vikktor> хожу по квартирам

<vikktor> прежде чем постучать, я смотрю в бумажку где написано: «Маслоп, 21, муж., основная забота — иметь работу в следующем году»

<vikktor> итак я стучу и говорю: «Здравствуйте мистер Маслоп, я выставляю свою кандидатуру, и мой главный приоритет — создание рабочих мест»

<maslop> так

<vikktor> и ты думаешь «ого, этот парень то что надо, мой голос у него в кармане».

<vikktor> потом я иду в соседнюю квартиру и говорю: «Здравствуйте мисс КиттиПендрагон, я баллотируюсь на пост, и мой главный приоритет — борьба с изменением климата»

<КиттиПендрагон> ура =^ _ ^=

<vikktor> потому что в моей бумажке говорится что именно это сильнее всего заботит КиттиПендрагон

<maslop> но это же хорошо

<maslop> они должны знать о чем думают люди

<maslop> и чего хотят

<vikktor> ну, скажем меня избрали

<vikktor> каков мой главный приоритет?

<vikktor> тебе ясно?

<maslop> да но людей хотя бы кто-то выслушал

<vikktor> это подрывает основы демократии

<vikktor> в той части где кандидат обязан декларировать свою позицию

<vikktor> ты все не видишь проблемы?

<maslop> вообще-то нет

ПОЛИТИКА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

13. «ТруКорп» придает большое значение частной жизни своих клиентов. Ваши личные данные тщательно охраняются и не могут быть обнародованы без вашего разрешения^[10]. Мы применяем новейшие методы шифрования и системы ограничения физического доступа к хранилищу данных.

Уил уже в сотый раз поправил козырек, пытаясь отгородиться от низко висевшего солнца, и сердито фыркнул.

— Как же жарко.

Он посмотрел на Элиота. Тому было плевать на жару. Элиот молчал с самого Миннеаполиса, когда Уил обвинил его в том, что он такой же, как Вульф. Уил решил, что Элиот все же изнемогает от жары, хотя, естественно, сказать наверняка он не мог, потому что лицо Элиота поддавалось прочтению с тем же успехом, что и кирпич.

Машину подбросило на рытвине. Они окольными путями ехали в Брокен-Хилл, сидя в нелепом «валианте» пурпурного цвета, широком, шумном и древнем — машине было лет тридцать, не меньше. И без кондиционера, естественно. Много лет назад пластик приборной панели лопнул, не выдержав жара, и оттуда вылезла желтая пена. Спидометр показывал скорость в милях. То, что в машине имелись ремни безопасности, было самым настоящим чудом. Машина «ела» девять с половиной литров на сотню. Уил смотрел, как мимо мелькают голые деревья. За те восемь часов, что он жарился в духовке из стекла и металла, жара успела проникнуть во все поры его тела. Ему очень хотелось выбраться из машины. А еще ему хотелось, чтобы Элиот заговорил.

— Ты уже бывал здесь раньше?

Никакого ответа. Уил опять устремил взгляд на пропеченную землю, тянущуюся до самого горизонта, плоскую, как доска. Он, Уил, уже бывал здесь. Он жил в Брокен-Хилл. Вероятно. Он не помнил. Трудно было поверить, что он мог забыть эту испепеляющую жару.

— Да, — сказал Элиот.

Уил на секунду задумался, вспоминая вопрос.

— До или после? — Элиот не ответил. — Ты же знаешь. До или после? — Опять ничего. — Или и до, и после? — Он вздохнул и принялся возиться с воздушными дефлекторами.

— Прекрати. Лучше не получится.

Уил посмотрел на него:

— Я просто...

— Оставь их в покое.

Уил откинулся на спинку. Элиот чем-то раздражен. Мимо промелькнул указатель, предупреждавший о повороте на Менинди.

— Нам нужно заправиться. — Перекресток приближался. — Элиот? Всего тридцать километров. До Менинди. Элиот? Ты знаешь, сколько ехать до следующей заправки? Я серьезно, если у нас кончится горючка, мы тут умрем. Такое случается.

Перекресток промелькнул мимо. Уил сник. Он понял, что Элиот не хочет останавливаться. В аэропорту возникли проблемы. Они прошли через паспортный контроль, и тут из ниоткуда появился маленький темнокожий офицер и вежливо попросил их пройти за линию. Уила отвели в крохотную комнатку без окон, и он просидел там двадцать минут, глядя в камеру системы видеонаблюдения. С каждым мгновением Уил все сильнее убеждался в том, что их узнали, но не знал, как вести себя в связи с этим. Поэтому он просто ждал. В конце концов дверь открылась. Это был Элиот. Из коридора слышалась громкая австралийская речь, люди о чем-то спорили.

«Все в порядке?» — спросил Уил. Элиот ничего не сказал, но было ясно, что ответ «нет». Они нашли такси. Уил слышал усиливающийся вой полицейских сирен. А потом не было ничего, кроме дороги, и больше никаких событий.

У него уже слипались глаза, когда неожиданно раздался глухой хлопок и машина накренилась.

— Что это? — вскинулся он, думая о погоне и смерти. Элиот свернул на обочину. Поднялась пыль.

— Покрышка, — сказал Элиот и резким толчком открыл дверцу.

Уил несколько мгновений сидел на месте, но тут сообразил, что у него есть шанс вдохнуть свежего воздуха, и быстро вылез наружу. Затекшие ноги пронзила боль. Воздух был раскаленным, как в печке, но он хотя бы двигался. Уил обошел машину, на ходу размахивая руками, чтобы размять плечи.

— М-да, — сказал он. Было приятно делать хоть что-то.

Элиот вытащил из багажника закуску. Приставив руку козырьком, Уил оглядывал окрестности. Вокруг не было ничего. Только безбрежное море воздуха. Даже глазу не за что было зацепиться.

Он услышал недовольное ворчание Элиота.

— Помощь нужна?

Тот искоса посмотрел на него, лицо у него было красным.

— Приржавели.

— Гайки?

— Неважно. Можно ехать и так. — Элиот встал.

— Ты достаточно сильно нажимал?

— Да, — сказал Элиот. — Я сильно нажимал.

— Дай попробовать.

Элиот покотил колесо к багажнику.

— Забудь об этом.

— Черт побери, я не безрукий.

— Это одна из тех игр, когда очередь выпадает всем. Садись в машину.

— Это же дело двух минут!

— Садись в машину.

— Нет.

Элиот посмотрел на него без всякого выражения.

— Замечательно. — Он бросил Уилу гаечный ключ.

Тот снял майку и опустился на колени перед колесом на поддомкращенной машине. На диске действительно было много ржавчины. Он накинул ключ на верхнюю гайку и надавил.

— Ну? — сказал Элиот.

Уил рукой вытер лоб.

— Это так, разминка.

— У нас проблемы со временем.

— Господи, ты считаешь, что мне даже не под силу поменять колесо. — Уил с усилием нажал на ключ. — У меня все получится.

Прошло некоторое время.

— Ладно, — сказал Элиот, — хватит.

— Я почти открыл.

— Ничего подобного. Ты зря тратишь время.

Уил навалился на ключ. Что-то хрустнуло.

— Ты сейчас сорвешь ее.

Гайка со скрежетом провернулась. Уил с усилием сделал еще один оборот, а потом гайка пошла легко. Он скрутил ее и бросил на землю. Ему ужасно хотелось взглянуть на Элиота, и он не удержался.

— Мои поздравления, — сказал Элиот. — К сожалению, остались еще три.

Уил поставил ногу на колесо.

— Это ты хочешь, чтобы я был бесполезен. Тебе нравится держать все под контролем и считать, будто я, как слепой щенок, тыкаюсь везде носом, плохо представляя, что делаю.

— Нет, я хочу совсем противоположное. Я хочу как можно быстрее добраться до Брокен-Хилл, и чтобы ты внес в это весомую лепту.

Уил принялся изучать следующую гайку. Судя по виду, она проржавела очень сильно. Он постучал по ней ключом.

— Все это превращается в фарс, — сказал Элиот. — Садись в машину.

От гайки в разные стороны полетели куски ржавчины. Уил накинул на нее ключ и провернул его.

— Еще одна.

— Здорово, — сказал Элиот.

— Тебе нужно расслабиться, — сказал Уил. — Тебе, черт побери, нужно вдохнуть полной грудью и вспомнить о том, что ты не единственный, кто умеет все на свете.

— Ты предлагаешь мне расслабиться?

Уил накинул ключ на третью гайку.

— Тебе это кажется забавным?

— Когда у меня возникает примитивная физиологическая потребность в еде, воде, сне и сексе, я следую протоколам, чтобы удовлетворить их, не испытывая при этом желания. Да, это забавно.

— Что ты делаешь?

— Это нужно для поддержания защиты от *компрометации*. Желание — это слабость. Уверен, я все тебе объяснил.

— Звучит сногшибательно. Знаешь, Элиот, ты ведешь очень интересную жизнь. — Гайка прокрутилась. — Еще одна! — сказал Уил.

— Хочешь взглянуть, что бывает, когда желание одолевает дисциплину? Садись в машину. Мы будем там через два часа.

— И ты все это не остановил. — Последняя гайка так проржавела, что Уил с трудом накинул на нее ключ. — Ты и твои протоколы не смогли спасти город. — Ключ сел на место, и он резко надавил на него. — Смотри, как я свинчиваю эту гайку, несмотря на полное отсутствие у меня дисциплины. — Его мышцы горели, по спине струился пот.

— Прекрати. Ты сейчас сорвешь машину с домкрата.

— А как насчет Бронте? За двадцать лет ты не сделал ни единого шага, ведь так? Готов спорить, что ты даже не держал ее за руку.

— Садись в машину.

Уил крикнул, но гайка не сдвинулась. Он, тяжело дыша, выпустил ключ.

— Ты знаешь, что я прав.

— Ты не прав, — сказал Элиот. — Ты ошибался насчет всего с того момента, как стал

высказывать свое мнение, в том числе и насчет твоей веры в то, что ты сможешь поменять колесо. Садись в машину.

Уил пошире расставил ноги и взялся за ключ.

— Я... отвинчу... эту... гайку! — Он нажал на ключ изо всех сил. Все тело задрожало. Он издал вопль. Гайка со скрежетом провернулась, и Уил шлепнулся в пыль. Затем подполз к колесу. — Видишь! — Он помахал гайкой. — Я был прав! Я действительно был прав!

Элиот обошел машину и сел на водительское сиденье.

— Ха, — сказал Уил.

Он ухватился за колесо, и оно легко соскочило со шпилек. Уил поставил запаску, поднял с земли свою майку и вернулся на пассажирское место. Элиот завел двигатель. Он ничего не сказал. Ничего не сказал и Уил, потому что на этот раз молчать было приятно.

* * *

— Не нравится мне этот вертолет, — сказал Элиот. Дело было час спустя. А может, и два. Определить было трудно, потому что ничего не изменилось. Лента дороги тянулась далеко вперед, полоса колышущегося в мареве асфальта казалась бесконечной.

Уил наклонился к лобовому стеклу и взгляделся в даль. В небе впереди и справа зависла черная точка.

— Это опыливатель. Здесь для этого используют вертолеты.

— А что опылять?

Резонно. Черная точка росла.

— Не знаю.

— Там, на заднем сиденье, сумка. Возьми ее.

Уил повернулся, взялся за ручки черно-зеленой спортивной сумки и перетащил ее к себе на колени. Внутри что-то звякнуло.

— Это то, что я думаю?

— Да.

— Когда ты успел раздобыть пушку? — Но он и так знал: тогда же, когда Элиот раздобыл машину. Уил тогда вышел из туалета и увидел бородатого парня, который показывал Элиоту нечто, лежавшее в багажнике. Они обменялись рукопожатием. Вот тогда-то у них и появился «валиант».

— Достань оружие.

— Я не собираюсь стрелять в фермера, опыляющего посевы.

— Я и не прошу тебя ни в кого стрелять. Я прошу тебя подготовиться.

— Видишь те шести, торчащие по обе стороны? Они для орошения. Орошения посевов. — Вертолет подлетел к дороге и завис над ней. Дверца распахнулась. Металл блеснул в лучах солнца. — А может, он охотится на кенгуру, — сказал Уил.

Элиот нажал на газ. По крыше что-то щелкнуло. Поток горячего воздуха вздыбил волосы Уила, и он, подняв голову, увидел в потолке аккуратную голубую дырочку. Голубой она была из-за неба. Он обернулся и обнаружил еще одну дырку, в заднем сиденье.

— Господи!

Двигатель взревел. Уил увидел, как стрелка спидометра подползла к отметке девяносто миль в час. Дорога была разбитой, в рытвинах, запыленной песком. Одно неверное

движение — и они вылетят с дороги. Запросто взвываются в воздух. Вертолет пронесся над головой, и Уил успел заметить седого мужчину в акубре^[11] и с ружьем. Когда он посмотрел в заднее стекло, вертолет уже поднимался и разворачивался, чтобы лететь за ними.

— Итак, — сказал Элиот. — Вот теперь я хочу, чтобы ты выстрелил кое в кого.

Уил достал из сумки двустволку с прикладом из коричневой пластмассы, такую, которую приходилось переламывать после каждого выстрела.

— Боезапас.

— Сейчас.

Пошарив в сумке, Уил достал коробки с патронами и разорвал одну из них. Колесо попало в яму, и машину тряхнуло. Патроны рассыпались по коврику. Машина выровнялась, Уил переломил ружье и вогнал по патрону в каждый ствол. Затем опустил стекло. Ему в лицо ударил яростный ветер. Он высунулся и увидел, что вертолет парит низко над дорогой позади них. В прозрачном фонаре кабины Уил разглядел пилота, руки которого лежали на рычагах, и ему показалось странным, как он может одновременно стрелять и управлять вертолетом. Он втянул голову в машину.

— Этот парень — поэт?

— Хороший вопрос.

— Я думаю, это обычный парень. — Машину подбросило. — Они контролируют его!

— Похоже на то.

— И что мне делать?

— Стрелять в него.

— Что? Нет!

— Да. — Элиот кивнул, не отрывая взгляда от дороги. — Прямо сейчас.

— Я не буду стрелять! Он просто преследует нас!

— И все же. Стреляй.

— Элиот, он же не может стрелять и одновременно лететь?

— Понимаю! Стреляй!

— Если он не может стрелять и он не поэт, зачем мне убивать его?

— Потому что он собирается врезаться в нас своим чертовым вертолетом!

— Ой, — сказал Уил. — Ой!

Он высунулся в окно. Вертолет стремительно мчался на них, лопасти бешено колотили по воздуху. Уил вскинул ружье, но было уже поздно, и он быстро втянулся назад в салон. Элиот ударил по тормозам. «Валиант» юзом вылетел на обочину. Вверх взвились облака пыли. Мир потемнел. Мимо пронеслась лопасть, Уил нутром почуял, какая она огромная и мощная. Вокруг были только пыль и оглушающий грохот. А потом наступила тишина.

— Сиди на месте, — через какое-то время сказал Элиот.

Уил повернулся к нему. Элиот отстегивал ремень.

— Что?

— Не вылезай. — Он взял ружье из рук Уила, открыл дверцу и исчез.

Уил оперся локтями на колени. Время шло. Прозвучал резкий хлопок, а потом еще один, более громкий и низкий, — это выстрелило ружье. Уил встрепенулся и тут же замер.

Дверца открылась. В салон прикладом вперед просунули ружье. Уил сообразил, что от него требуется взять его. Затем Элиот сел на водительское место и повернул ключ зажигания.

Уил откинулся на спинку сиденья.

— Ты как?

Элиот вывел «валиант» на дорогу и объехал вертолет, который выглядел уже не как воздушное судно, а как нечто, собранное из металлолома. Пилота видно не было. Машина разогналась до шестидесяти пяти миль, потом до девяноста, потом до ста десяти. На этой скорости окна взвыли, как волки, а каждая рытвина ощущалась, как подрыв на mine. От биения неотбалансированных колес по кузову шла предательская вибрация. Уил не хотел ничего говорить, но когда он в четвертый раз почувствовал себя на краю гибели, не сдержался.

— Что ты делаешь?

— Спешу. — Голос Элиота прозвучал странно.

— В чем проблема?

— Теперь очень многое зависит от тебя. — Элиот покачал головой. — Черт.

— Что?

— В будущем, когда тебе понадобится стрелять в кого-то, стреляй.

— Ладно. Ладно.

Элиот покачал головой:

— Это была дурацкая идея. Чертовски глупая.

В водительское боковое окно Уил увидел столб пыли.

— Эй, а там еще одна машина.

— Ты думаешь, мне нравится убивать людей? Не нравится. Я убиваю, потому что приходится. Понимаешь?

— Да.

— Ты догадываешься, что случится, если мы потерпим неудачу? Если не останется никого, кто мог бы остановить их?

— Нет. Ты мне не рассказывал.

— Господи, — сказал Элиот. — Это же нелепо.

Уил снова посмотрел в водительское окно.

— А они быстро едут. Очень быстро.

— Они хотят перехватить нас.

— Да?

— Для тебя это сюрприз? Ты не предполагал, что их может быть больше?

— Почему ты злишься на меня? — Уил уставился на рубашку Элиота. На ней было пятно. Темное. — Тебя ранили? — Нет ответа. — Элиот! Тебя подстрелили?

— Да.

— Мы должны... доставить тебя...

— Если ты произнесешь еще одну глупость, я выстрелю прямо в твой поганый рот.

— Элиот, — сказал Уил. — Элиот.

— Я же велел тебе пристрелить того типа.

— Прости. Прости. — В окне Элиота столб пыли превратился в полицейскую машину. — Что я могу сделать?

— В следующий раз, когда тебе придется выбирать между фермером Джо и судьбой мира, постарайся всадить пулю в фермера Джо. Вот что ты можешь сделать.

— Ладно.

— А еще ты можешь убить Вульф. Ты сможешь это сделать?

— Да.

— Ага, — сказал Элиот. — Как же, сможешь.

Полицейская машина заняла все боковое окно. Указатель впереди предупреждал, что впереди выезд на «БАРЬЕРНОЕ ШОССЕ», и знак «СТОП» требовал остановиться. Уил увидел, что они сейчас протаранят полицейскую машину.

— Сбавь скорость, — сказал он, но Элиот не сбавил. Вместо этого он дернул ручник, и «валиант» заскользил боком. Затем он пересек шоссе перед носом полицейской машины, побуксовал в пыли на обочине и понесся по асфальту. Позади них взвыла полицейская сирена.

— Выясни, не является ли этот коп пролом, — сказал Элиот.

— Кем?

— Прозелитом. *Скомпрометированным*. Выясни, что он хочет — арестовать нас или убить.

— Как мне это выяснить?

— Как-как? Ружьем!

Уил покрутил ручку, опуская стекло. Полицейская машина неслась практически рядом справа, воя и влаивая, как животное в разгар гона. Он решил стрелять по колесам. Но в тот момент, когда Уил высунул ствол ружья в окно, звук двигателя полицейской машины изменился, и между ними образовалось расстояние. Уил убрал оружие из окна.

— Он не хочет, чтобы в него стреляли.

— Не *скомпрометирован*, — сказал Элиот. — Это хорошо.

Впереди Уил увидел указатель «БРОКЕН-ХИЛЛ, 8» и щиты «ПРОЕЗД ЗАКРЫТ», «КАРАНТИН», и «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Дальше, почти у горизонта, — две пары мерцающих огоньков, похожих на ранние звезды.

— Не дай ему обогнать нас.

— Насколько тяжело ты ранен?

— Тяжело. — Элиот бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Черт побери, Уил, чтоб тебя!..

Он резко повернулся. Полицейская машина переместилась в другой ряд и стала догонять «валиант» с водительской стороны. Уил перебрался на заднее сиденье. Когда он выпрямился, полицейская машина уже вплотную приблизилась к ним и чиркнула по ним своим боком. «Валиант» заскользил, как на льду. Мир завертелся. Уил выронил оружие. «Валиант» сделал один полный оборот вокруг своей оси, прежде чем Элиот надавил на газ. Машина рванула вперед.

Уил схватил ружье. Полицейская машина собиралась повторить свой маневр и еще раз закрутить «валиант», и времени опускать стекло не было, поэтому Уил уперся ногами в дверцу, прицелился и нажал на спусковой крючок. Стекло взорвалось. Звук от двигателя полицейской машины взлетел на полдесятка октав, она дернулась и исчезла из виду. Уил высунулся в разбитое окно; ему в лицо ударил тугой, раскаленный, как в топке, воздух. В полицейской машине были двое копов с обеспокоенными лицами. Он прицелился в радиатор и нажал на спусковой крючок. Капот распахнулся. Полицейская машина пошла юзом, на дымящихся крышках, и слетела с шоссе. Уил спрятался в салон.

Когда он перебрался на свое место, огоньки впереди превратились в две сияющие на солнце полицейские машины, бок о бок несущиеся на них.

— Они, что... камикадзе?

Элиот не ответил. Уил попытался нашарить свой ремень безопасности, но так и не

нашел его. Элиот наверняка отвернет с дороги. Машины стремительно увеличивались, заполняя все лобовое стекло, низкие и мощные.

— Элиот! Элиот!!

Одна из машин перестроилась и встала позади другой. Они промчались мимо окна Элиота, от воя их сирен у Уила перехватило дыхание.

— Заряди ружье, — сказал Элиот.

Уил наклонился, достал с коврика коробку с патронами и переломил стволы.

— Они разворачиваются. Не пускай их вперед.

— Знаю.

— Не обсуждай. Делай.

— Я делаю! Разве ты не заметил, что я только что стрелял в полицейскую машину?

— В следующий раз стреляй в водителя.

— Проклятье! — сказал Уил. — Какая разница?

— Если ты стреляешь в водителя, ни один коп не приблизится к нам на пятьсот футов, вот какая! А если в машину...

— Ладно! Ладно!

Уил опять высунулся в окно и пристроился так, чтобы удобно было стрелять. Ветер буквально раздирал его в клочья. Далеко позади над подстреленной машиной поднимался столб белого пара, казавшийся твердым на фоне голубого неба. Ближе к ним две полицейские машины стремительно пожирали расстояние. Уил прицелился. Когда-то он охотился — очищал участок от кроликов и кенгуру... Когда это было? Вспомнить он не смог. Но это ощущение — приставленная к плечу и нацеленная винтовка, бескрайняя, абсолютно плоская земля перед ним — было ему знакомо. Уил ждал. Копы наверняка увидели его и будут держаться подальше. У него не было желания кого-либо убивать.

«Валиант» кашлянул. Машина дернулась, клюнула носом. Уил схватился за стойку, чтобы не выпасть, и едва не выронил винтовку.

— Эй! — заорал он. — Какого черта?

— Бензин! С ним проблемы!

— Зачем ты дергаешь машину?

— Чтобы достать бензин из бака!

— Я едва не вывалился!

Элиот что-то сказал, но из-за рева ветра Уил не расслышал. Он нырнул внутрь.

— Что?

— Я сказал: нельзя останавливаться.

— Да знаю я! Дай мне пять секунд, веди машину прямо!

Уил снова высунулся в окно. Полицейские машины оказались ближе, чем ему хотелось бы. На этом расстоянии ему придется стрелять в лобовое стекло. Они же видят его, ведь так? Они же видят, что у него винтовка. Уил ждал, чтобы они отстали.

— Стреляй! — заорал Элиот.

Уил прицелился в левую машину и нажал на спуск. Заряд пронесся по капоту. Лобовое стекло треснуло. Обе машины, резко затормозив, едва не тюкнулись носами в асфальт. От покрышек поднимался дым. Уил наблюдал за ними, пока они не удалились на добрых двести ярдов. Тогда он скользнул внутрь.

— Они отстали.

— Хорошо.

Элиот не спросил, почему он стрелял в капот. Возможно, не понял, что Уил сделал это намеренно, и решил, что тот просто промахнулся. Он же не знает, что Уил охотник. То есть что он вспомнил, что Уил охотник.

— Тебе срочно нужно в больницу.

— А как ты себе это представляешь? — сказал Элиот. — Как конкретно ты собираешься доставлять меня в больницу, в этой-то ситуации?

— Не знаю. Но ты же можешь умереть, черт побери! Никому не станет лучше, если ты умрешь.

— Держись, — сказал Элиот.

Уил увидел, как на них ринулся съезд с шоссе. Под колесами захрустел гравий грунтовок, по обе стороны охраняемой красно-черно-желтыми щитами, сулившими «ВЪЕЗД ЗАПРЕЩЕН», «ДОРОГА ЗАКРЫТА» и «КАРАНТИН». Они проехали еще немного, машина надсадно закашляла, в ее движущей силе появилась непривычная мягкость. Двигатель издал булькающий звук. «Валиант» дернулся и сердито заворчал.

— Плохой симптом.

— Да.

Уил оглянулся. Полицейские машины превратились в единое целое. Они следовали за ними на значительном расстоянии и без каких-либо проблем повернули на грунтовку.

— Они будут тут сидеть и ждать, когда у нас кончится бензин.

— Не будут.

— Позволь мне внести кое-какие изменения, — сказал Уил. — Мы останавливаемся, они нас арестовывают, тебе оказывается медицинская помощь. — Элиот ничего не сказал. — После этого ты вытаскиваешь нас. С помощью своего слова-вуду. — Он наклонился вперед и оглядел небо в поисках вертолета. — Тебе не кажется, что нашим приоритетом должно быть твое состояние?

— Наш приоритет — элементарное слово.

— Ах, да. Слово. — Уил посмотрел вперед. — Там на дороге что-то есть. — По обе стороны от дороги тянулся забор, а то, что было посередине, расплывалось в дрожащем раскаленном воздухе. — Там ворота?

— Колючая проволока.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Ты действительно уверен? — переспросил Уил, но к тому моменту, когда он произнес последнее слово, ответ стал ясен сам собой. Это был барьер из красных и желтых блоков. «Валиант» врезался в них, и Уилу в лицо полетел желтый блок, который с легким чмоком от ricochetил от лобового стекла.

Уил поглядел в заднее стекло. Разноцветные блоки медленно катились по дороге.

— Пластмасса, — сказал Элиот.

— Ты же говорил, что проволока.

— В последний раз была проволока.

Полицейские машины уменьшались.

— Эй, а они остановились.

— Это потому, что они верят в то, что им наговорили про Брокен-Хилл. Они не хотят умирать.

— Значит, сюда никто за нами не погонится? Мы в безопасности?

— Обычные люди — нет. А пролы — да.

— Ах, да, — сказал Уил, озадаченный. — Пролы.

— А еще ИВПы, — сказал Элиот. — Ты этих еще не видел. Когда они объявятся, нам не обойтись без слова. — Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. — Я сейчас остановлюсь. Поведи немного.

Машина остановилась. Уил обежал ее, пригибаясь на тот случай, если у копов есть оптические прицелы или вдруг появится вертолет, в общем, на всякий случай. Предугадать он не мог, случиться могло что угодно. Двигатель зачихал, и Уил подумал: «*Прошу тебя, дружище, не умирай*». Он открыл водительскую дверцу. Элиот уже сидел на пассажирском месте и напоминал мешок, который бросили на сиденье. Одна его рука лежала на животе. Лицо, казалось, было из бумаги. Водительское кресло было мокрым от крови.

— Проклятье, — сказал Уил.

— Садись.

Он сел на пятно. Остро пахло землей, как в огороде после дождя.

— Плохи твои дела, Элиот. — Уил закрыл дверцу и тронул машину с места, пока в ней еще оставались силы. — В Брокен-Хилл есть больница? Или клиника? — Он бросил на Элиота быстрый взгляд, испугавшись, что тот умер за прошедшие пять секунд. Но Элиот был жив. — Может, здесь мы сможем что-нибудь сделать для тебя. — Может, у Элиота есть познания в медицине. Может, у него получится вытащить пулю из своего тела и подобрать себе правильную дозу лекарств десятилетней давности. Он же втыкал иглу в глаз Уилу — так что наверняка разбирается в каких-то вопросах. Двигатель кашлянул трижды. Впереди показалось какое-то сооружение, нечто старое и промышленного назначения. — Ты слушаешь?

— Да. Хороший план.

— Разве? — По выражению на лице Элиота Уил понял, что все наоборот. — Черт! Тогда что?

— Мы найдем слово.

— И? — Элиот ничего не ответил. — Что... — начал Уил и приказал себе прекратить засыпать Элиота вопросами. Пусть тот сосредоточится на сдерживании своего темперамента.

Справа появился дом, заброшенный, с выгоревшей на солнце краской. В Портленде Уил видал развалины и похуже. Кстати, дом не выглядел нежилым. А, все дело в окнах, сообразил он. В них стекла целы. И вокруг нет ни сорняков, ни буйных зарослей. Все выжгло солнце. Уил заметил тут и там серо-белые кучи и подумал: «Муравейники?» Одна была на дороге, он ее разглядел и выкрутил руль.

— Черт!

Элиот хмыкнул.

— Скелеты, — сказал он.

Конечно, это были скелеты. И все же... Скелеты. На дороге. В поле зрения появилась длинная заправка. Из сгоревшего микроавтобуса свисал еще один скелет. Уил покосился на Элиота, проверяя, видит ли тот это и испугался ли хоть капельку, но глаза раненого были закрыты.

— Элиот.

Его глаза открылись. Он принялся усаживаться прямо, и двигался он так, будто укладывал на сиденье нечто тяжелое.

— Не давай. Мне. Закрывать глаза.

— Вот поэтому я и говорю. — Указатели сияли, отполированные ветром. «УЛИЦА СУЛЬФИДА». «ШАХТА ОТКРЫТОЙ РАЗРАБОТКИ № 3». Складывалось впечатление будто жителям изначально хотелось стать местом химической катастрофы. Только катастрофа не произошла. Это была просто легенда. Что-то щелкнуло у него в мозгу. Какое-то воспоминание.

— Где твое слово?

— Больница, — сказал Элиот.

Уил удивленно посмотрел на него.

— Ты наконец-то захотел в больницу?

— Слово. В больнице. В отделении «Скорой».

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю, — сказал Элиот.

Уил сбавил скорость, потому что теперь дорогу усеивали кости. Иногда у него просто не было выбора и приходилось ехать по серым грудам, при этом звук был как от ломающихся веток, и он морщился. Увидел библиотеку, чьи ступени за полтора года подгоняемый ветром песок превратил в пандус. С трудом верилось, что скелеты — это люди. Уил знал, что это так, но не верил в это. Он взгляделся вперед, выискивая указатель на больницу. Справа из магазина торчала задняя половина пожарной машины, передняя была внутри. Что бы тут ни случилось, происходило это не быстро. У людей было время убежать. Или хотя бы попытаться. Уил вел машину по горам скелетов. На некоторых были какие-то вещи. Он не хотел замечать этого, но избежать не мог. Плоть сгнила, а вещи сохранились. Он видел отблески солнца на кольцах, сохранившихся на костях пальцев, на ременных пряжках, на золотых серьгах, браслетах, кулонах. На тротуаре Уил увидел скелет, очень маленький. Его охватило дикое желание убраться отсюда. Оно возникло неожиданно, поднялось откуда-то из самых примитивных глубин.

Уил увидел кафе и агентство недвижимости, и оба показались ему знакомыми, только воспоминание было слишком далеким, путаным и затянутым дымкой. Он убедил себя, что не надо избегать улицы Окисла, и направил «валиант» на самую толстую кость, бедренную. А что, если она расщепится и острым концом проткнет крышу? Ну и пусть. Машина и так на последнем издыхании. Как и Элиот. Как и он сам. В настоящий момент они все близки к смерти. Она тут повсюду.

Уил увидел голубую вывеску с белым крестом.

— Элиот! Я нашел ее. Оставайся со мной.

Он лавировал между машинами, загромаждавшими улицу. Здесь разрушения были сильнее, все стекла выбиты, а кости покрывали землю, как снег. Все здания, стоявшие напротив больницы, представляли собой руины, и так было по всей улице. Сгорела, возможно, половина делового района города.

— Говоришь, твое слово в отделении «Скорой», да? — Уил это помнил. Ему не надо было, чтобы Элиот еще раз повторял это. Он просто старался не молчать.

Уил увидел вывеску «НЕОТЛОЖНАЯ ПОМОЩЬ» и направил «валиант» туда, протискиваясь между двумя сгоревшими пикапами. На пандусе стоял белый минивэн «Скорой». За ним Уил разглядел широкую двойную стеклянную дверь и красную надпись и рванул ручник. Он не успел заглушить двигатель, потому что тот булькнул и умер сам.

— Элиот. Приехали.

Голова раненого дернулась:

— Хорошо.

— Помочь тебе внутри? — Тот покачал головой. — Забыл. Тебе придется остаться здесь. А я пойду искать слово.

— Не...

— Не рассказывать тебе о нем ничего. Понял. — Элиот кивнул. Он был вынужден последовать совету Уила: расслабиться. Он ослабил контроль. Элиот больше не был главным.

— Скоро вернусь. — Уил вылез из машины.

* * *

Он оказался не готов к тишине. Захлопнул дверцу машины — и звук испарился. Под ногами скрипел песок. Тишина сомкнулась на нем, как кулак.

Уил обошел минивэн. Стеклопанельная дверь в отделение была странного черного цвета. Но не из-за краски. Она была запачкана. Уил, сам не понимая почему, замедлил шаг. Нет. Все он понимал. Просто ему не хотелось оказаться лицом к лицу с тем, что превратило три тысячи человеческих жизней в ременные пряжки и кости. Задняя дверь минивэна была открыта. Уил заглянул внутрь. Носилки, матерчатые ремни, приборы, маленькие бутылочки — все, что он и ожидал увидеть. Но от увиденного в мозгу опять что-то дернулось. Опять появилось знакомое ощущение узнавания. Он заколебался, размышляя. Кое-что из содержимого «Скорой» может пригодиться Элиоту. Можно воспользоваться водой. Уил забрался в машину, собрал все, что напоминало лекарственные средства, и вернулся в «валиант». Глаза Элиота были закрыты.

— Элиот! — Глаза открылись. — Не спи! — Уил ссыпал свой груз раненому на колени. — Вот, принес тебе. — Элиот опустил взгляд. — Кое-какие лекарства. И вода. Тебе нужно много воды.

— Что...

— А знаешь, думаю, ты прав. Я действительно жил здесь. Я все острее чувствую, что это место мне знакомо.

— Черт, — сказал Элиот. — Слово.

— Я его еще не раздобыл. Я решил, что сначала нужно заняться тобой. — Глаза Элиота расширились. — Ладно! Ухожу! Господи!

Уил вернулся к двери в отделение. Он подошел достаточно близко, чтобы разглядеть силуэты за темным стеклом. И понять, что это такое. Два или три десятка трупов, прижатых к стеклу. И это было только то, что он смог увидеть. А ведь помещение может оказаться герметичным, подумал Уил. Тогда воздух будет токсичным. И убьет его. Он потрусил к «валианту».

— Черт! — сказал Элиот.

— Подожди секунду, — сказал Уил. — Я хочу спросить кое о чем. Ты уверен, что нам надо открывать этот ящик? Ведь то, что внутри, убило много людей. Речь идет о чем-то невероятно опасном. Мне кажется, это большая глупость — входить внутрь и пытаться забрать его. Это же огромный риск. Ты это понимаешь? Ты говоришь, что я невосприимчив, но ты уверен в этом? А что, если в тот раз я просто как-то уберегся от него? Пролежал в

канаве, а оно пролетело надо мной? Я хочу сказать, Элиот, что помещение отделения «Скорой» забито трупами, от стены до стены. Понимаешь, от стены до стены. А в этом помещении, полном трупов, есть нечто, что заставляет меня задуматься о том, хочу ли я туда зайти. Не смотри на меня так. Дай мне минутку. Дай мне одну... Я знаю, что тебе больно. Иду. Но отнесись серьезно к тому, что я делаю. Больше мне от тебя ничего не нужно. Я только хочу, чтобы ты признал... на секунду... простой факт: мне грозит смерть. Ясно? Возможно, мне суждено умереть. Я иду с радостью. Я ухожу. Всё в порядке. Я только хочу...

Уил отвернулся и пошел прочь. Стекло было очень темным. Он с трудом переставлял ноги. А вот и дверь. Уил провел пальцем по стеклу. Оно было теплым. Как будто внутри билось сердце. Хотя никакого сердца там не было. Дверь нагрело солнце. Здесь все вокруг было теплым. Уил оглянулся на «валиант», но не увидел его за минивэном «Скорой».

— Элиот, если я не вернусь, — крикнул он, — будь ты проклят! — Его голос дрогнул. Он распахнул дверь.

Часть III

Брокен-Хилл

И заблудилась я в пути В потерях, в одинокости.

Шарлотта Бронте «Отречение»

From: <http://mediawatch.corporateoppression.com/community/tags/fox>

Никак не могу взять в толк, что не так с «Фокс ньюс», или с MSNBC, или с другими СМИ. Я сталкиваюсь с этим на каждом шагу: я кому-то говорю что смотрю «Фокс», и не меня тарачатся так, будто я убил младенца. Они спрашивают, как я могу это смотреть, это же пропаганда и т. д. и т. п. И они знают это не потому, что проводят целые дни с этими каналами, а потому что их любимые каналы, напр. какой-нибудь конкурент «Фокс», иногда дает клип из «Фокса», и от такой подачи «Фокс» выглядит глупо.

Между прочим, знаешь ли, «Фокс» и сам делает так же. Если бы я смотрел только его, я бы наверняка решил, что у тебя нет мозгов, если ты смотришь ту передачу, которую «Фокс» иногда показывает мне в клипах.

Но я смотрю не только «Фокс», потому что, чтобы дискредитировать пристрастный репортаж, не нужно искать менее пристрастный и всей душой верить ему. Во-первых, они все пристрастны, от языка, который они используют, до выбора историй, которые подают в репортажах. Разница между наиболее и наименее пристрастными новостями невелика, тут все продумано.

Важно другое: полагаясь на один источник информации, ты не можешь критически оценить его. Это все равно как если бы тебя заперли в комнате и я каждый день приходил бы и рассказывал бы, что происходит снаружи. Я смог бы запросто заставить тебя поверить во что угодно. Даже если бы не врал, я бы просто излагал тебе факты, которые поддерживают мою точку зрения, а те, которые против нее, опускал бы.

Вот это и происходит, если получаешь новости из одного источника. Именно это и случается, если ты прекращаешь слушать, едва слышишь слово или фразу, которая, как тебя научили, принадлежит врагу, напр. «окружающая среда» или «создание рабочих мест». Возможно, ты и умный человек, но как только ты позволяешь кому-то фильтровать за тебя мир, у тебя не остается доступа к критическому анализу того, что ты слышишь. В лучшем случае, в самом лучшем случае, ты заметишь, если они вдруг будут явно противоречить самим себе. Но если они тщательно следят за тем, чтобы сохранить внутреннюю логическую последовательность, — а они всегда тщательно следят за этим, — ты ничего не заметишь. Ведь ты уже делегировал им свою способность принимать собственные решения.

Она пыталась поймать Гарри в неподходящий момент. Когда он заходил под душ, или как только закрывал глаза по ночам, или когда спешил к двери, опаздывая на работу.

— Ты любишь меня? — спрашивала Эмили. Она улыбалась, чтобы он понимал, что она дразнит его.

— Может быть, — отвечал Гарри. Или ничего не отвечал. Брошенный им взгляд иногда как бы говорил: *«Конечно, зачем спрашивать?»*, а в других случаях выражал недовольство: *«Прекрати, я опаздываю»*.

Он действительно любил ее. Она была в этом уверена. Все свидетельства указывали на «да». Тогда почему бы не сказать об этом прямо? Именно это и выводило ее из себя. Ах, да, в мире Гарри нет надобности говорить о чем-то, чтобы сделать это реальным. Как же, как же...

Она так и сказала. И повторяла это много раз, начав три недели назад и увеличив частоту высказываний, за исключением четырехдневного перерыва неделей раньше. Все четыре дня она держалась с ним сухо, надеясь, что это подстегнет его к чему-то, но не подстегнуло. И это сводило ее с ума, потому что она не могла заставить его. У нее не было большого количества слов, зато у нее были уловки, и она вычислила его сегмент, и в ее сознании не было сомнения в том, что она вынудит Гарри Уилсона сказать то, что ей так хочется услышать. Но если она вынудит его, это уже не будет реальностью. Это уже будут не его слова. А ее, сказанные ею самой его устами. Это страшно раздражало.

* * *

— Вон та машина изъездила весь город, — сказала женщина, которая готовила сэндвич для Эмили. Та повернулась. У противоположной стороны улицы стоял темный седан с тонированными стеклами и с включенным двигателем, благодаря которому в салоне работал кондиционер. Слой пыли на нижней части свидетельствовал о том, что машина много колесила по окрестностям. — Видишь ее?

— Да, — сказала Эмили.

— Она не отсюда.

— Да. — Она посмотрела на сэндвич, который готовила эта женщина, Черил. Эмили приходила в этот магазин все четыре года по будням в обеденный перерыв. Она практически сроднилась с сэндвичами Черил.

— Ездила к шахтам. — Черил взмахнула ножом. — Взгляни на колеса.

Эмили взглянула. На крышке налипла красная земля.

— Думаю, это кто-то из района. Администрация. — Черил взяла булку. — Тебе как — соль, перец?

— Нет, спасибо.

— Я все надеюсь, что ты передумаешь. — Черил надрезала булку. — Не могу представить, как ты ешь без всего.

— Я люблю без всего, — сказала Эмили и забрала сэндвич, хотя желание есть у нее пропало.

Периферийным зрением она видела машину, но намеренно не смотрела на нее. Когда машина тронулась с места, Эмили быстро зашла в торговый центр, где ее невозможно было отследить, прошла через него и окольными путями добралась до «Запутанного клубка». Заперла дверь и села по ту сторону прилавка. Она не знала, что ей чувствовать. Два года назад, а может, даже год назад она бы бросилась за машиной. Она бы стала стучать кулаками в стекло и умолять остановиться. Но сейчас все было по-другому.

У двери появился молодой мужчина в изящном сером костюме. Он нажал на ручку, дернул дверь, затем прижал ладони к стеклу и заглянул внутрь. Увидев ее, указал на ручку и одними губами произнес: «Открыто?».

Эмили отперла дверь. Он был молод, практически мальчишка. По его коже она поняла, что он приехал издалека, а не из окрестных мест.

— Спасибо, — сказал мужчина и вошел внутрь. Отбросил волосы — она впервые видела такую стрижку, когда пряди свисают на глаза. — Ох. Жарко.

— Чем могу вам помочь? — сказала Эмили.

Он улыбнулся, как бы показывая, что высоко ценит ее притворство.

— Хорошая новость. Можешь ехать домой.

Она ничего не сказала.

Мужчина посмотрел в окно:

— Дорога оказалась ужасно длинной. Меня предупреждали, что она длинная, но чтобы настолько... Это нечто. Или ничто. — Он перевел взгляд на нее. — Ничего и ничего на многие мили. Ты смогла привыкнуть к этому? — Эмили не ответила. — Мне кажется, привыкнуть к такому трудно.

— Можно привыкнуть ко всему.

— Конечно, — сказал он. — Мы можем ехать прямо сейчас.

— Сегодня?

— А есть проблема? — Его глаза были серые, как костюм.

Эмили покачала головой. Она не хотела никаких проблем.

— Дай мне свой телефон. Я перезвоню тебе через пару часов.

— Я не стал бы тратить время на сборы. Здесь нет ничего, что тебе может понадобиться.

— Если я не предупрежу людей, что уезжаю, меня будут искать. Меня объявят в розыск. Возникнут неприятности.

Мужчина молчал. Он собирался сказать ей, что Организация умеет улаживать вопросы, когда кого-то объявляют в розыск. Однако в итоге просто пожал плечами.

— Как хочешь. — Он порылся в карманах. Этот парнишка тоже учился в школе? Вполне возможно, что он один из младшекласников, какой-нибудь тощий постреленок, который в те времена еще не дорос до того, чтобы она обратила на него внимание. Правда, Эмили не была в этом уверена. Казалось, что школа в далеком-далеком прошлом. — А ведь ты действительно стала частью этого места, а?

— Городок маленький, — сказала она. — Другого выхода не было.

Он улыбнулся так, будто не поверил ей, и протянул ей карточку.

— Я буду в машине.

Эмили позвонила Мэри, хозяйке «Запутанного клубка», и сказала, что ей нужно срочно уехать, что у нее якобы умирает мать. Голос Мэри наполнился сочувствием, и она сказала, что все в порядке и что Эмили может задержаться на столько, на сколько ей нужно. Она сказала:

— А я и не знала, что ты все еще поддерживаешь связь со своей семьей.

— Я не поддерживала, — сказала Эмили. — Просто до меня дошла весть.

Затем она поехала в больницу и осталась там ждать. Эмили никогда не знала, где может оказаться Гарри, поэтому лучше всего было ждать его в отделении «Скорой». Иногда она ожидала, читая журнал, в обществе фермеров с руками, обмотанными черными полотенцами, и мамаш с малолетними детьми. В отделение вела двойная стеклянная дверь, и когда на пандус въезжала «Скорая», ее белый капот начинал разбрасывать во все стороны отблески света. Ощущение было потрясающим, как будто ты выиграл приз.

Однако когда Эмили увидела его, она тут же разрыдалась. Случившееся с ней было неожиданным и шокирующим, если тот парнишка из Организации находится поблизости и видит ее, кто знает, что еще может произойти? Гарри, встревоженный, подошел к ней, и Эмили услышала, как из ее рта полилась ложь насчет матери и рака. Она обняла его и вдыхала его запах, пока была такая возможность.

— Хочешь, я поеду с тобой?

— Нет, — сказала она с благодарностью. — Тебе нельзя.

— Ты надолго? — Гарри покачал головой. — Все ясно: ты не знаешь. Ничего страшного. Не спеши обратно. — Он поцеловал ее в макушку. — Но обязательно возвращайся.

— Я вернусь, — сказала Эмили, и едва эти слова сорвались с ее губ, она удивилась их правдивости. — Я вернусь, обещаю.

В конце концов она отстранилась. Вокруг были люди, и чем дальше тянулось прощание, тем тяжелее становилось у нее на душе, поэтому, когда Гарри предложил отвезти ее домой, Эмили отказалась. Она понимала, что должна расстаться с ним, пока у нее есть на это силы.

— Я люблю тебя, — сказала она, и он грустно улыбнулся.

Если оглянуться назад, становится совершенно очевидно, что расставание было неизбежно. Эмили должна была бы предвидеть, чем все закончится. Но от любви люди глупеют, а она была влюблена по уши. Двери отделения разъехались перед ней, и она вышла наружу, и единственное, что помогло ей вынести расставание, была уверенность, что она вернется.

* * *

Через час Эмили уже сидела в черном седане и в боковое зеркало смотрела, как Брокен-Хилл исчезает в клубах пыли. Парнишка, разогнав машину до девяноста миль, одной рукой держал руль, а другой шарил в телефоне.

— Поспи, если хочешь, — сказал он ей. — В ближайшие восемь часов вокруг не на что будет смотреть.

Это было правдой. Но Эмили не могла не смотреть. Парнишка то и дело косился на нее, и в конечном итоге она свернулась клубочком на сиденье, спиной к нему. Некоторое время спустя в противоположном направлении пронеслась машина. Верхняя часть белого кузова

сияла в лучах солнца, нижняя была покрыта толстым слоем пыли. Эмили посмотрела в зеркало, провожая ее взглядом. Через минуту пронеслась еще одна, потом еще.

— Тут таких много?

— Гм? — сказал он.

— Машин, — сказала Эмили.

Он пожал плечами.

— Наверное, местные.

Она опять положила голову на спинку. Впереди на дороге появился грузовик, черная восемнадцатиколесная фура без опознавательных знаков, которая везла странный металлический контейнер, Эмили никогда такой не видела. На этот раз она ничего не сказала.

* * *

Путешествие длилось тридцать четыре часа — достаточно долго, чтобы успеть разжечь в себе ненависть к парнишке из Организации и всему, что он олицетворяет. Эмили порадовалась тому, что кресла в первом классе напоминают капсулы — это давало ей пространство, чтобы спрятать свои страдания. Она не знала, что послужило толчком к появлению парнишки — то ли прошло достаточно времени и Организация решила, что она наказана в полной мере, то ли они наблюдали за ней, то ли случилось нечто еще. Но что бы это ни было, от нее ждуг, что она будет контролировать свои эмоции.

Дезориентированная, с острой болью в самой сердцевине своего тела, Эмили покинула самолет, приземлившийся в округе Колумбия, и вышла в солнечную зиму. Лимузин доставил ее в роскошную гостиницу, где парнишка и распрощался с ней. Она проспала четырнадцать часов и, проснувшись, увидела, что телефонный аппарат на прикроватной тумбочке мигает красным. Эмили нажала кнопку, решив, что голосовое сообщение оставил Элиот, что было бы ужасно, или Йитс, что было бы еще ужаснее, но оказалось, что это не тот и не другой. Незнакомая ей девушка сообщила, что через тридцать минут ее ожидают в таком-то модном магазине. Сообщение закончилось без прощальных слов девушки, как будто ее оборвали на полуслове, однако Эмили знала, что никто ничего не обрывал.

Она на такси доехала до центра и принялась примерять юбки и легкие блузки. В зеркале она выглядела пугающе загорелой.

— Понадобится нечто большее, чем жакет, — сказал мужчина, который представился как персональный стилист. — Вы, дорогая, напоминаете пещерного человека, одевшегося в костюм.

Он проводил ее в салон, где лысый мужчина расчесал ей волосы и с сокрушенным видом оглядел то, что было у нее на голове. Сейчас, оказавшись в обществе других женщин, Эмили увидела свою проблему. Светлые волосы стали неправильного цвета, такого, какой бывает, когда они выгорают на солнце. Кожа на лице огрубела. Эмили впитала в себя Брокен-Хилл. Она усвоила его и превратилась в дикарку.

— Не беспокойтесь, — сказал парикмахер. — Мы справлялись с ситуациями и похуже.

Позже, когда пол превратился в кладбище обрезанных волос, она увидела свое отражение со стрижкой боб и длинной челкой, напоминающей стальную дверь. Казалось, они попытались спрятать ее лицо. Ей было странно видеть себя такой.

— Вы носите очки? — спросил парикмахер. — Подумайте об этом.

Эмили вернулась в магазин одежды, где ее новый облик был встречен бурными восторгами. Она почувствовала себя лучше, и тогда персональный стилист сказал:

— В общем, как бы то ни было, это прогресс. — Эмили и забыла уже, как здесь уклончиво выражаются. А она уже привыкла воспринимать слова людей буквально.

Через несколько часов, нагруженная пакетами с покупками, она подъехала к высокому стеклянному офисному зданию без каких-либо вывесок и, чувствуя себя в костюме из серой шерсти и строгих черных туфлях как бы созданной заново, вошла в скромный вестибюль. В вестибюле никого не было. Красный диван, несколько картин — такой антураж мог быть где угодно. Эмили подождала возле стойки администратора, и вскоре из кабинета за стойкой появился молодой человек с невидимыми бровками.

— Я Эмили Рафф, — сказала она.

— Один момент. — Он вернулся с пластмассовой карточкой и положил ее на стойку. На карточке было напечатано: «НЛ-Э5М4». Она посмотрела на него.

— Это означает этаж пятый, рабочее место четвертое.

— А, — сказала Эмили. — Спасибо.

Она подхватила свои пакеты. Оглядевшись, определила, где находятся лифты. Ей пришлось вставить карточку в щель, прежде чем кнопки согласились отреагировать на нажатие. Дверцы закрылись, и лифт повез ее к тому, что ждало ее наверху.

* * *

Оказалось, что пятый этаж — это всего лишь офисное помещение с десятком или около того выгородок, или кабинок, какой-то безымянной фирмы. Почти все кабинки были пусты. Стояла почти полная тишина. Шорох от ее пакетов казался оглушающим, и Эмили пожалела, что не оставила их внизу. Она прошла мимо молодой женщины, говорившей по телефону, и юноши с длинными волосами и в очках, который оторвался от своего компьютерного монитора, но никак не отреагировал на ее появление, поэтому она не остановилась и пошла дальше.

Эмили заметила на столах тех, кто уже присутствовал на рабочем месте, таблички с номерами, и принялась вычислять, где находится место М4. Оно оказалось в углу, возле окна, из которого открывался изумительный вид на округ Колумбия. Кроме стола, в кабинке было кресло, телефон и компьютер, больше ничего. Эмили сунула свои пакеты под стол и села в кресло. И стала ждать. Телефон обязательно зазвонит, догадалась она. Рано или поздно.

Через минуту появился юноша в очках. Его сопровождала девушка, чьи светлые волосы имели правильный цвет. Она показалась знакомой, хотя Эмили никак не могла вспомнить, откуда может знать ее. Она была очень молоденькой.

— Ура. Добро пожаловать.

— Привет, — сказала Эмили. — Спасибо.

— Исаак Розенберг, — сказал юноша. — Рад познакомиться.

— А я Райн, — сказала девушка. — Кэтлин Райн.

— Привет, — снова сказала Эмили. Наступило неловкое молчание. — Сожалею, но я не знаю, зачем оказалась здесь.

— Типично, — сказал юноша Розенберг. — Нам только пару дней назад сообщили, что ты приедешь. Ты в НЛ.

— В нейролингвистике?

Он кивнул.

— Тестирование и оценка. Ты когда-нибудь занималась НЛ?

Эмили покачала головой.

— Наверное, это хорошо для обучения теории. Как бы то ни было, мы введем тебя в курс. Научим тебя системе. Согласна?

— Согласна, — сказала она. Девушка Райн продолжала странно смотреть на нее, поэтому Эмили сказала: — А мы раньше не встречались?

На лице девушки быстрой чередой промелькнуло несколько выражений, причем одно из них ответило «да», а другое заявило, что о таком спрашивать не следует.

— Нет, — сказала девушка, но Эмили уже вспомнила: они встречались в школе. А забыла Эмили потому, что они познакомились в первую неделю, а потом эта девочка провалила экзамен, и ее не приняли. Она тогда была едва ли не самой младшей. Эмили старалась подбодрить ее и посоветовала попытать счастья на следующий год. Ее звали Гerti.

— Послушай, я извиняюсь, если лезу не в свое дело, — сказал Розенберг, — но нам почти ничего не рассказали, а мы не хотели бы наступать тебе на больную мозоль, и я вот тут спрашиваю... действительно ли ты хочешь заниматься НЛ, или будет лучше, если мы оставим тебя в покое?

— Думаю, я оказалась здесь именно для того, чтобы заниматься НЛ. Я такая же выпускница.

Розенберг и Райн рассмеялись, потом замолчали.

— Прости, — сказал Розенберг. — Я думал, ты шутишь.

— С какой стати мне шутить?

— Прошу прощения. Я ничего не имел в виду.

— Не сомневаюсь. И все же, пожалуйста, расскажите, что вам известно обо мне.

— Ну, ничего. Только твое имя.

Юноша указал на стенку кабинки. Там висел серый пластмассовый прямоугольник. Табличка с именем и фамилией, которую Эмили заметила только сейчас. Первой ее мыслью было, что она заняла чужой стол. Но потом сообразила, что ничего не перепутала. Благодаря Йитсу. Четыре года назад он сказал: *«У меня есть для тебя имя; получишь его, когда придет время»*. На табличке значилось «ВИРДЖИНИЯ ВУЛЬФ».

* * *

Молодая женщина, которая говорила по телефону, когда Эмили проходила мимо, оказалась Сашоной. В последний раз они виделись на спортплощадке в школе.

— Чтоб мне провалиться, — сказала Сашона. — Ты Вульф? — Она стояла, уперев руки в боки, и внимательно разглядывала Эмили. Сашона повзрослела. Она стала женщиной. — Мы думали, что ты умерла.

— Не умерла.

— Святые угодники. Где же ты была? — Она покачала головой прежде, чем Эмили

успела открыть рот. — Не отвечай. Глупый вопрос. Ого. Взгляни на себя. Ты совсем другая. — Эмили смущенно улыбнулась. Она не была уверена, что это хорошо. — Чем, чтоб мне пусто было, ты заработала это имя?

— Не знаю.

По выражению на лице Сашоны Эмили поняла, что та ей не поверила.

— Ты шикарно выглядишь.

— Ты тоже.

— Пэтти Смит, — сказала Сашона. — Вот так меня теперь зовут. Смит.

— А что, Смит — это замечательно, — сказала Эмили.

— К чертям собачьим, — сказала Сашона, улыбаясь.

На секунду возникло ощущение, будто они снова в школе.

* * *

Ей пришлось вспомнить, как сильно она ненавидела нейролингвистику. А она забыла об этом за то время, что прошло после школы. Сначала было интересно: все эти амазонские племена, которые использовали узнаваемые латинские слова и которые, говоря «*гах*», могли заставить человека испытать голод. Потом пошли синтаксис и нарушения семантики. Все это требовало механического запоминания — за прошедшие четыре года Эмили утратила эти навыки — и умения мысленно жонглировать символами. В школе ученики редко обсуждали свое отношение к тем или иным предметам, но когда она рассказала Джереми Латтерну, что изучает нейролингвистику, он посочувствовал ей. Сейчас Эмили ощущала себя, как на тех уроках, только сейчас считалось, что она должна знать все.

Розенберг и Райн учили ее пользоваться компьютером. Там была система заявок: когда кто-то хотел, чтобы она что-то сделала, ей присылали заявку. А когда она заканчивала, то вставляла свою работу в заявку и закрывала ее. В большинстве своем те, кто от нее что-то хотел, были люди из Лаборатории, которая, как догадалась Эмили, находилась в другой части здания, хотя было очевидно, что заявки читают и другие люди, потому что иногда они запрашивали пояснения. Эти люди, думала она, «большие шишки». Высшее звено Организации, вроде Элиота. В системе заявок не было имен, только номера. Иногда Эмили прочитывала заявку снова и снова, прикидывая, нет ли в тексте речевых оборотов, характерных для Элиота, но определить наверняка не могла. Через некоторое время она прекратила рассчитывать на встречу с Элиотом. Очевидно, ей предстоит работать самостоятельно и заниматься чем-то, а вот чем именно, она не знала. Возможно, они и в самом деле хотят, чтобы она заново обучилась НЛ. Возможно, они тайком наблюдают за ней. Но если и так, то, что они видят, не представляет особого интереса.

Ей выделили квартиру, на ее имя завели банковский счет, выдали мобильный телефон. Все было организовано. Окна в квартире смотрели на район, где располагались комбинаты по производству мороженого мяса, и иногда Эмили выходила на балкон с бутылкой вина, укутанная в куртку, которая ни капельки не грела, и наблюдала за тем, как дышит город.

Каждые несколько дней она совершала глупость. Бодрствовала допоздна или ставила будильник на более ранний час и уходила из квартиры в морозную темень. Она шла неопределенное время в неопределенном направлении, находила таксофон и бросала в него монетки. Пока в трубке звучал гудок, она напоминала себе, что нужно изменить голос и

избегать фраз, по которым ее можно опознать, и заканчивать разговор как можно быстрее. Она говорила себе: «*Это в последний раз как минимум на неделю*». Потому что была уверена: если ее поймают, последствия будут ужасными. Но когда на том конце раздавался голос Гарри, она забывала обо всем.

* * *

Ей пришлось посетить Лабораторию, которая оказалась в самой сердцевине здания, под землей. Она была ярко освещена, в ней работало множество технических специалистов в белых халатах; от всех, кто по рангу был выше девушки-рецепционистки, Эмили отделяли две пластиковые двери с кодовыми замками. Она знала, что здесь проводятся собеседования с людьми, что здесь их подключают к датчикам аппарата ЯМР и записывают то, что происходит с ними, когда они слышат слова. Потом эти данные отсылались вверх для НЛ-анализа. Откуда появлялись испытуемые, Эмили не знала. Хотя однажды, разыскивая таксофон в районе Университета имени Джорджа Вашингтона, она увидела объявление, наклеенное на фонарный столб. В объявлении всем добровольцам предлагалось пятьдесят долларов за участие в психологическом эксперименте. Возможно, люди приходили вот по таким объявлениям. Иногда в поступавших снизу заявках, в графе «ВИДИМОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ», стояло «*психотическое нарушение*», или «*утрата функций*», или «*кома*». Эмили старалась не задумываться над этим. Но было совершенно очевидно, что там, внизу, людям наносят вред.

* * *

Сашона — Смит, хотя у Эмили плохо получалось называть ее этим именем, — сильно изменилась. Она смеялась, чего никогда не делала в школе, и все у нее было «потрясающим». Эмили считала такое поведение неестественным и видела в нем стремление Сашоны не раскрывать свою личность, дабы избежать сегментирования. Она решила, что это притворство — своего рода поведенческая дымовая завеса. На более высоких уровнях так не делали: Эмили много общалась с Элиотом, но даже не представляла, какой у него сегмент, потому что он не проявлял никаких эмоций. Однако для новообращенного поэта такое было вполне разумным. Она спрашивала себя, не стоило ли и ей поступать так же, не опасается ли Сашона, что Эмили пытается определить ее сегмент и не пытается ли Сашона определить ее.

Однажды они с Сашоной сидели в кафе. Когда высокий красивый бариста принес им кофе, Сашона открыла рот и резким голосом произнесла несколько непонятных слов.

— Люби меня, — сказала она.

Бариста пролил кофе, ушел и вернулся, чтобы спросить у Сашоны номер ее телефона. Вот так Эмили обнаружила, что пока она четыре года торговала в пустыне блузками, Сашона выучила слова. Эмили что-то пробормотала, выражая свое восхищение, но на самом деле она была шокирована. Она даже не догадывалась, насколько сильно отстала. Как же ей наверстать упущенное? Ей не у кого было спросить, кроме Сашоны, однако она опасалась обнаружить свое невежество, несмотря на то что они были подругами.

Она решила, что нужно надеяться на то, что в один прекрасный день кто-нибудь всему ее научит. А пока Эмили читала данные и пыталась раздробить их на тщательно продуманные выводы. Организация была заинтересована в совершенствовании своей психографической модели, в поисках наилучших способов для более точного разделения людей по меньшему количеству сегментов. Эмили искала ответы в графиках, в крохотных пиках на голубых линиях и писала доклады о возможном психографическом наложении, о размывании границ сегментов и о возможных новых подходах к сегментированию. У нее был доступ к обширным базам данных по покупательским привычкам, по моделям пользования Интернетом, по автомобильным потокам и по многому другому. Если у нее возникала надобность, она могла выходить прямо на конкретные личности и выяснять, куда они ходили в прошлый вторник, почему купили это и сделали то. Однако от этого не было большой пользы. Конкретные личности никого не интересовали. Эмили должна была искать связь между ними, неврологические общности, которые позволили бы объединить их в одну группу, управляемую общим словом. Опирались ли кто-то на результаты ее работы и вообще читал ли ее доклады, она не знала. Но продолжала работать.

С каждым разом становилось все труднее найти таксофон, с которого Эмили не звонила бы Гарри. Каждый вечер, гуляя по улицам, она была отчасти готова к тому, что из темноты ей навстречу вдруг появится либо Элиот, либо Йитс, либо тот парнишка в легком костюме. И тогда все будет кончено. Но так как ничего не происходило, она продолжала искать таксофон.

* * *

Однажды Эмили получила заявку с поврежденными данными, взяла телефонную трубку и набрала номер Лаборатории. Хотя делать такое от нее не требовалось. Вернее, предполагалось, что она будет делать такое как можно реже. Технические специалисты были изолированы от аналитиков ради безопасности, так как техники не были поэтами и, следовательно, легко поддавались воздействию. С чего вдруг аналитикам могло взбрести в голову *скомпрометировать* техников, Эмили не знала. И все эти меры казались ей бессмысленными. Однако таково было правило. Правда, оно выглядело малоэффективным, так как, хотя и считалось, что заявка на анализ анонимна, техники выдавали себя стилем: один слишком часто использовал «очевидно», другой в жизни не слышал об апострофах, и так далее. Так что Эмили не испытывала особого почтения перед этим правилом.

— Здравствуйте, — сказала она, когда в Лаборатории сняли трубку. — Это аналитик три-один-девять. Пожалуйста, мне нужна проверка кое-каких данных.

— Верните заявку, — сказал мужской голос. Женщин в Лаборатории Эмили не встречала.

— Я уже возвращала ее, и она вернулась в прежнем виде. Я хочу, чтобы данные еще раз проверили.

— Какой номер заявки? — Эмили назвала номер. Повисла пауза. — Данные были перекомпилированы.

— Я знаю, что их перекомпилировали. Но я хочу, чтобы их перекомпилировали еще раз, потому что они неправильные.

— Данные точные.

— Послушайте, — сказала Эмили, — я прямо сейчас смотрю на них. Там, где должен быть р-график, пусто. Не знаю, в чем у вас ошибка — в форматировании, потере данных или в чем-то еще, — но там не может быть пусто.

— Там не пусто.

Эмили собралась возразить, потому что подобное утверждение было бессмысленным. Она повидала тысячи р-графиков и знала, что они должны выглядеть как горный хребет. Иногда в них было много вершин, иногда всего одна, но главное, что они были зубчатыми. Линии поднимались вверх и опускались вниз. Еще раз взглядевшись в монитор, Эмили поняла, что в Лаборатории правы. Там действительно была линия. Она не заметила ее, потому что та шла по верхней границе сетки и была абсолютно прямой.

— Вопрос решен? — сказали в Лаборатории.

— Да, — сказала Эмили. — Спасибо.

Она положила трубку. И еще долго смотрела на график.

* * *

Эмили подошла к столу Сашоны.

— Эй, — сказала она. — Что такое синапс?

— В каком контексте?

— Это из новой заявки. В поле «реакция субъекта» вместо оценки стоит «синапс».

— Ну, «синапс» — это просто *компрометация*, — сказала Сашона. — Но им не следовало бы использовать этот термин. Это безграмотно.

— Почему?

— Потому что это идеальная ситуация. Теоретическое состояние совершенной *компрометации*. В жизни не существует.

— А, — сказала Эмили. — Поняла.

— Попроси их объяснить, что они имеют в виду, — сказала Сашона, возвращаясь к своей работе. — Наверное, там у них появился новенький.

— Ладно, — сказала Эмили.

* * *

Она приложила все силы к тому, чтобы написать содержательный отчет о странном плоском графике, и, как того требовал долг, вставила его в заявку. Ее ждала новая заявка, но Эмили снедало какое-то внутреннее беспокойство, и она смотрела в окно, на проплывающие мимо облака. У нее было ощущение, что вот-вот что-то произойдет.

Шесть минут спустя вырубилось электричество. Эмили на кресле отъехала от погасшего монитора. Над стенками кабинок появились головы.

— Я думала, у нас есть резервный генератор, — сказала Сашона. Ее голос прозвучал громко. До этого момента Эмили не замечала гул от работающей системы кондиционирования.

Забренчал сигнал тревоги. Люди возбужденно заговорили. Розенберг предположил, что в Лаборатории случился пожар, что станет большой проблемой, так как многие из дверей

там имеют замок с часовым механизмом. Все устремились к лестничной клетке, но Эмили за ними не последовала. Сашона задержалась у двери.

— Вульф?

Эмили покачала головой. Она чувствовала себя глупо. Она ждала слишком долго. Ей следовало бы покинуть это здание шесть минут назад. Это следовало бы сделать в тот момент, когда она увидела график.

— Вульф? Тут без вариантов. Пора идти.

Эмили мысленно пробежалась по поэтажным планам. В здании не было пожарного выхода. Раньше она не осознавала этого. Не было стеклянных окошечек с надписью «В ЭКСТРЕННЫХ СЛУЧАЯХ». Никто ни разу не собирал их в конференц-зале и не объяснял куда идти стройными рядами в случае, если им понадобится эвакуироваться.

Сашона отстала от нее и исчезла. Эмили могла пойти наверх или вниз. Других вариантов не было. Она вышла на лестничную клетку и стала подниматься наверх. До нее доносились бестелесные голоса, как будто вокруг витали духи усопших. Хлопнула дверь, и наступила тишина, нарушаемая только ее дыханием. Эмили не слышала, чтобы кто-то еще спускался вниз. Значит, на других этажах никого нет, сообразила она. Остановилась, чтобы снять туфли. Эмили шла и шла вверх, пока не увидела дневной свет. Последние несколько ступенек она преодолела едва ли не бегом, но оказалась перед исцарапанной стальной дверью, запертой на цепь с висячим замком. Однако она все равно ее подергала. Затем села на бетонный пол и стала прикидывать, как быть дальше.

Где-то далеко внизу с клацаньем открылась и закрылась дверь. Это повторилось восемь или девять раз. Эмили прислушалась, но больше ничего не услышала.

— Черт, — сказала она.

Эмили злилась на себя. Она слишком долго прожила в Брокен-Хилл, где не надо было искать пути эвакуации. Она сжала кулаки. «*Думай*». Там есть световой люк. Он прочный, но насколько? Эмили встала, оперлась одной ногой на цепь и подтянулась вверх. Балансируя, подняла руку, но оказалось, что люк слишком высоко. Она услышала шипящий звук. Откуда конкретно доносилось это чертово шипение, Эмили не знала, но звук доносился снизу и приближался. Ей удалось подняться повыше и опереться на косяк двери. Когда она переставила ногу, цепь зазвенела, как колокол. Можно подумать, будто она намеренно привлекает к себе внимание. Ей удалось дотянуться до люка, но максимум, что у нее получилось, это коснуться его кончиками пальцев. А вот если отпустить дверь и ухватиться за края люка, то, падая, можно вырвать его из потолка. Хотя шанс очень мал. Эмили услышала шаги. Тяжелый стук сапог по бетону. И шипение воздуха через равные интервалы, как будто кто-то дышал, только на дыхание это похоже не было. Зря она не учила слова. Зря она не дождалась, когда кто-нибудь ее научит. Надо было самой раздобыть их. Эмили ухватилась за раму люка, и ее пальцы скользнули по пластику. Она упала на пол и больно ударилась коленкой.

— Вот гадство, — сказала она.

На лестничной площадке появился человек. Странный человек. Он был с ног до головы одет в черное, его глаза закрывал щиток с встроенными в него огромными черными очками, напоминавшими прибор ночного видения в шлеме пилота истребителя, а уши — выпуклые пластмассовые полусферы. Шипение издавал дыхательный клапан шлема.

— *Шакаф вееха манних даное!* — сказала Эмили. Это была смесь слов внимания для случайных сегментов. Шанс, что они как-то подействуют, был тысяча к одному. — Лежать!

Он вытянул руку в перчатке.

— Иди за мной. — Голос был плоский, синтезированный компьютером и шел через какой-то фильтр.

Эмили не шевельнулась. Если он приблизится, она прыгнет на него. Она не видела оружия. Она вцепится в очки. Если ей удастся содрать их, ему будет трудно преследовать ее.

— Поторопись. — Человек указал на лестницу. — Там пожар.

— Нет там никакого пожара, — сказала Эмили. — Ведь нет.

Он не ответил. Она наконец-то сообразила, что он не слышит ее. И стала спускаться по лестнице.

* * *

Вестибюль уже успели переоборудовать во временный госпиталь с кучей занавесок из белой ткани. Окна затемнили белыми пластмассовыми экранами. По помещению передвигались люди в черных скафандрах, шипели дыхательные клапаны. Эмили не увидела ни одного незнакомого лица, все были с пятого этажа. Она заметила Сашону на каталке, но потом потеряла ее из виду, так как кто-то задернул штору. Ей было сказано оставаться на месте. Никто не заговаривал с ней — или друг с другом — во всяком случае, голосов она не слышала. Час спустя один из «космонавтов» отдернул штору. Теперь он был без шлема, и Эмили с удивлением обнаружила, что он молод. У него были усы, жиденькие и пушистые. Интересно, спросила она себя, а не тот ли это тип, что пришел за ней наверх? Если тот, ей следовало бы произнести «*нарратак*».

— Можешь идти. — Он принялся разбирать перегородки.

— А из-за чего весь сыр-бор?

На самом деле Эмили не рассчитывала на ответ. Выйдя на улицу, она увидела остальных. Уже опустились сумерки, подходил к концу час пик.

— Учения, — сказала Сашона. — Но вот какие?

— Нет смысла гадать, — сказала Райн. — Мы никогда не узнаем.

— Это точно, — сказала Сашона. Ей было ужасно интересно, почему Эмили не спустилась вниз вместе со всеми. А в более широком смысле — *что* Эмили знала такого, чего не знала она сама.

Эмили больше не могла болтаться возле здания и пошла прочь. Ее трясло, когда она подходила к метро. Она не будет совершать опрометчивых поступков. Утром придет на работу, сядет за свой стол и примется за свою работу, как обычно. Но это для нее урок. Напоминание. К следующему разу, когда случится нечто подобное, сказала себе Эмили, она заранее подготовит пути для эвакуации.

* * *

Эмили завела блокнот и стала записывать слоги, которые, как она заметила, один из психографистов употреблял чаще, чем другой. В поезде она слушала отступления от среднестатистического произношения. Разбирала знакомые ей слова в поисках моделей. И с удивлением обнаружила, как все очевидно. Либералы слишком часто использовали «е» и

«и», передние гласные. Речь приверженцев авторитаризма изобиловала фрикативными звуками. Эмили анализировала газеты, телевидение и веб-сайты, находила в барах, или на церковных собраниях, или в гастрономах характерных представителей и внимательно слушала их, как взломщик сейфов — щелчки барабана. *С-с. Стук. Стук* Эмили облекала догадки в предложения, и обычно люди не обращали на них внимания. Они не пропускали их через перцепционный фильтр, игнорировали как вербальные помехи. В худших случаях они думали, что она заикается. Ее догадки обычно были неправильными. Но иногда Эмили видела отзвуки. Едва заметную дрожь лицевых мышц. И это был долгожданный щелчок барабана.

То был трудный способ изучения слов. Можно было заниматься этим не поднимая головы — и все равно через год работы знать меньше Сашоны. Однако этот способ был очень основательным. Он заставил ее понять основные принципы. Она вывела преференцию для аллитерации в одном из сегментов, опираясь на знания о сегментах, окружавших данный, а оттуда перескочила к *лалито*, командному слову, и это привело ее в восторг сильнее, чем все, чему ее научили. Потому что она нашла его сама.

Однажды, когда они с Сашоной сидели в баре за углом, коллега призналась, что у нее проблемы с сегментом сто девяносто один.

— Я добираюсь до *кавакифа*, — сказала она, подавшись вперед и держа свой стакан под опасным углом — Эмили так и подмывало поправить его. — Я даже добираюсь до *федориант*. Но потом теряюсь! — Сашона возбужденно взмахнула рукой. — Никак не могу запомнить.

Все это имело отношение к истории с лихачеством на 48-й федеральной трассе, с полицейским инспектором на мотоцикле и с квитанцией о штрафе, от которой Сашоне так и не удалось отвертеться. Но Эмили была поражена. Очевидно, Сашона не смогла уразуметь, что слова для сегмента сто девяносто один связаны вместе. Она бы поняла, если бы Сашона забыла всю последовательность. Но если помнишь одно слово, нетрудно вспомнить и остальные. Сашона, кажется, не ухватила этот момент. Она запоминала слова по отдельности, как будто те не были связаны. Они были для нее россыпью деталей детской мозаики.

* * *

С одним Эмили так и не смогла справиться: с ощущением, что за ней наблюдают. Она не знала, как именно, но наблюдали точно. Она пыталась изменить маршрут, которым добиралась до работы, в отражениях витрин проверяла, нет ли за ней слежки, резко разворачивалась и шла в обратном направлении, но так никого и не заметила. Дома она запиралась на все замки, но в безопасности себя не чувствовала. Ее не покидала уверенность, что Йитс находится в квартире. Таково было ее ощущение. Однажды ей приснилось, что он, как черный ветер, ворвался к ней в спальню, навис над кроватью и наблюдает за ней без каких-либо эмоций, как будто она — вещь под стеклом.

* * *

В первый вторник шестого месяца пребывания в Вашингтоне Эмили вышла из квартиры и поспешила к станции. На эскалаторе спустилась на платформу и ждала, когда подойдет поезд, курсирующий по красной линии. Было тепло, она мечтала поскорее добраться до своего рабочего места и снять туфли. В конце платформы какой-то дядька, отбивая ритм на гитаре, пел песню, которую она люто ненавидела по личным причинам: «Lucy in the Sky with Diamonds»^[12]. Появился поезд. В мелькавших перед ней окнах Эмили заметила Элиота.

На мгновение она засомневалась, где увидела его: внутри поезда или в отражении, когда он стоял позади нее. Затем поезд остановился, двери открылись, и сзади раздался голос:

— Пусть едет.

Эмили наблюдала, как поезд набирает ход. Она снова была шестнадцатилетней девочкой. Но потом она повернулась, и Элиот оказался не таким уж страшным. Он постарел, и это было особенно видно по морщинам вокруг глаз. Как-никак он был обычным человеком.

— Ты влюблена? — сказал Элиот.

Эмили не ответила.

— Не лги мне.

— Да.

Он отвел взгляд.

— Сожалею, — сказала Эмили. — Я удержусь.

— Еще одна ошибка — и тебе конец. Это максимум, что я могу сделать, чтобы защитить тебя. Ты должна по достоинству оценить это.

— Я все прекращаю. Обещаю.

Он внимательно оглядел ее.

— Больше никаких звонков. Ни одного.

— С этим покончено. Покончено, Элиот. — В тот момент Эмили говорила искренне.

Он ушел. Она осталась одна на пустой платформе.

* * *

В тот вечер она не позвонила Гарри. И на следующий день тоже. Хотя и раньше бывало так, что Эмили подолгу не слышала его голос, сейчас она чувствовала себя совершенно по-другому, потому что это был конец. Она чувствовала себя больной. Она перестала ощущать вкус. Как ни дико, но она перестала ощущать вкус еды. На работе она открывала заявки и писала отчеты, но не знала, есть ли в написанном ею какой-то смысл. Когда становилось невмоготу, Эмили шла в ванную и утыкалась лицом в колени. Она заставляла себя повторять: «*Не звони ему*». Ей казалось, что ею овладевает некая жестокая, бессердечная Эмили, которая не умеет любить.

Сдалась она на третий день. Это было страшным предательством по отношению к Элиоту, это Эмили отлично понимала. Он рисковал ради нее — хотя она не представляла, каким именно образом, — и Эмили дала слово все прекратить. Но оказалось, что ей это не под силу. Она пыталась, но не смогла. Шел уже шестой месяц, а ее дом находился на другом краю света.

Ей нельзя звонить Гарри. Элиот узнает, а что еще хуже — узнают и другие. Вариантов у нее нет. Она не может оставаться здесь и продолжать звонить ему. Она может только уйти.

Много лет назад в Сан-Франциско Эмили с подружкой шли по парковке у «Макдоналдса», и вдруг их окружила стая едва достигших половой зрелости мальчишек с дергаными улыбочками. У одного из них был пистолет, он его то прятал, то снова вынимал, то перебрасывал из руки в руку. Мальчишки спросили у Эмили и ее подружки, знают ли девочки, что они — охочие сучки, и только и ждут, когда их трахнут. Ситуация была опасной, даже если не считать пистолет, но Эмили была юной и глупой, поэтому она подошла к парню с пистолетом и просто выхватила его у него. У нее уже тогда были ловкие пальчики благодаря карточным трюкам. Она не разбиралась в оружии, знала только, за какой конец держать пистолет, но этого было достаточно. Мальчишки стояли и испуганно глазели, как Эмили и ее подружка, забросав их глупыми угрозами, пятаются прочь.

Урок состоял в том, что не надо ходить по парковкам в плохих районах. А также в том, что когда перед тобой более сильный противник, да еще и с пистолетом, можно взять ситуацию под контроль, просто раздобыв оружие.

Эмили оказалась перед более сильным противником. У нее не было оружия. Но она подозревала, что оно где-то в подвале.

Помогите!

Я пытаюсь связаться со всеми членами церковной группы, чтобы организовать встречу на Рождество! Мы действительно хотим пригласить ВСЕХ, кто был вместе с нами в течение года.

Хочется думать, что я мастер по поиску людей, но есть один человек, которого я никак не могу найти: Вирджиния Вульф! Кто-то может подумать, что найти человека с таким именем и фамилией просто. К сожалению, получается наоборот — пользоваться для этого Интернетом НЕВОЗМОЖНО, потому что все сайты — о знаменитой писательнице! Жутко раздражает! Как бы то ни было, я надеюсь, что кто-то знает, КАК разыскать ее, потому что мне всегда казалось, что ее заботит и интересуется то, о чем мы говорили!

С наилучшими пожеланиями,

Белинда Ф.

Под ее столом стояла спортивная сумка. На самом верху в сумке лежала одежда, которую Эмили надевала в спортзал, а под нею — вещи, которые она заготовила специально для сегодняшнего дня. Она вышла из системы заявок, встала и перебросила ремешок сумки через плечо. Проходя мимо Сашоны, которая говорила по телефону, бросила: «Я в зал», и Сашона кивнула. Эмили ощутила болезненный укол совести, потому что за последнее время они стали довольно близки, хотя и никогда не были подругами. Она знала, что больше никогда не увидит ее.

Эмили прошла два квартала до маленького кафе, где иногда обедала. В туалете она достала то, что лежало в сумке, — майку, пару потертых джинсов и старую джинсовую куртку — и переоделась. Стерев с лица косметику, провела пальцем по плиткам на полу и намазала грязью, собравшейся на подушечке пальца, под глазами и по линии волос. Офисную одежду и сумку Эмили затолкала за унитаз. Она не рассчитывала еще раз брать в руки все это.

Обойдя квартал, Эмили подошла к своему зданию с другой стороны. Возле незаметной двери висела табличка: «ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОБЕРТ ЛОУЭЛЛА». С этой стороны здание напоминало обреченный бизнес-центр, пытающийся выжить с помощью сдачи в аренду офисов. Однако таковым оно не было. Таковым было публичное лицо Лаборатории. Эмили нажала кнопку переговорного устройства и стала ждать.

— Слушаю вас?

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Джессика Хендри, я, эта, пару недель назад была у вас на тестах, и вы сказали, что я могу прийти опять, если захочу!

Дверь зажужжала. Эмили открыла ее и поднялась по узким ступенькам. Наверху была маленькая приемная с пустыми стульями и работающим телевизором. За сдвижной дверцей сидела женщина с высокой прической.

— Присядьте, — сказала она.

Эмили села и принялась листать «Пипл». Она бывала здесь. В первый раз — на следующий день после того, как приняла решение действовать по плану. Эмили разыскала этот вход, но внутрь не зашла. Она нашла «Институт Роберта Лоуэлла» в телефонном справочнике, позвонила туда — с телефона-автомата — и выяснила, что да, они заинтересованы в добровольцах, готовых на тестирование, и что тех, кто приходит по предварительной записи, принимают с одиннадцати до часа. Они предложили ей записаться на завтра, но Эмили отказалась, потому что еще не знала, за кого сможет себя выдать. Ей потребовалась неделя, чтобы найти Джессику Хендри, свою сверстницу, не имеющую постоянного адреса проживания, проявляющую мало интереса к миру и живущую одной мыслью: где бы раздобыть следующую дозу. Джессика незамедлительно откликнулась на просьбу Эмили, вероятно, почувствовав в ней человека со схожей судьбой, а также возможность разжиться деньгами, и тут же выложила ей даже больше информации о себе, чем требовалось. В обмен Эмили сунула ей в руку стодолларовую купюру и сказала: «Спрячь ее», а потом, когда Джессика отвернулась, украла ее, потому что, если честно, эти деньги никому не принесли бы пользы.

В институте ее попросили заполнить анкету. Эмили выполнила задание тщательно,

честно отвечая на психографические вопросы, которые, естественно, полностью раскрывали ее личность любому, кто считал ее Джессикой Хендри. Она относилась к двести двадцатому сегменту, Эмили это уже знала. Что было очень хорошо, потому что Лаборатория всегда испытывала недостаток в двести двадцатых.

После анкеты ее провели в маленькую, светлую комнатку с лесом видеокамер. Закрепили на ее голове датчики и показали ей телерекламу. Все это было забавно, потому что реклама была ненастоящей, вернее, в этих роликах не рекламировали реальные товары. Они были прикрытием для передачи слов. После сорока или пятидесяти Эмили выключилась, а когда пришла в себя, все сделали вид, будто она просто заснула. Эмили не знала, что с ней делали, пока к ней не пришла заявка. Когда она увидела «СЕГМЕНТ СУБЪЕКТА: 220», она встревожилась и быстро пробежала глазами текст, но никаких упоминаний о необратимом вреде не обнаружила. Раньше Эмили была абсолютно уверена, что в Лаборатории не станут проводить деструктивные тесты на людях, пришедших по записи, и сейчас ей очень не хотелось обнаружить, что она ошибалась.

Несколько дней спустя мобильный телефон с предоплаченным тарифным планом, который она купила, чтобы отвечать от имени Джессики Эмили, зазвонил, и какой-то мужчина спросил у нее, нет ли у нее желания прийти еще раз. Она ответила «да», если ей за это заплатят, и он спросил, почему она не указала домашний адрес, а она объяснила ему, что сейчас у нее трудные времена, что все не клеится, и вообще, какая разница, где она живет, пусть они четко скажут, будут ей платить или нет. Когда Эмили заявила, что ни одна живая душа даже не заметит, жива Джессика Хендри или нет, мужчина предложил ей приходить в любое время, ее будут рады видеть. И вот она пришла.

— Джессика Хендри, — сказала женщина за стеклом. Эмили подняла голову. — Проходите.

Дверь зажужжала.

* * *

Эмили шла по коридорам, освещенным лампами в металлических решетках, вслед за одетым в белый халат мужчиной без подбородка.

— Значит, я получу за это сотню, — сказала она. — Так?

— Так, — сказал он.

— В прошлый раз я заснула. — Она пыталась разговорить его, понять, не принадлежит ли он к тем, кого она знала по системе заявок. — Надеюсь, на этот раз реклама будет поинтересней.

Они подошли к площадке с двумя лифтами.

— Сегодня мы не будем показывать тебе рекламу.

— Не будете? А что тогда?

Прибыл лифт. Мужчина жестом предложил ей войти.

— Товар.

Двери закрылись, и у нее против ее воли сжалось сердце. Лифт был маленьким. А она ощущала себя так, будто он крохотный.

— Что за товар?

Он бросил взгляд в свой бювар.

— Боюсь, если я расскажу тебе, то загрязню твою реакцию.

— «Загрязню твою реакцию»... Чудные вы тут, ребята. — На табло мелькали цифры. —

Так что это, флакон шампуня или машина, а?

— Для наших тестов имеет решающее значение, чтобы у тебя заранее не сформировывалось никаких ожиданий.

— Эх, ладно. Без проблем. — *«Имеет решающее значение»*. Странная фраза. Эмили однажды видела ее в системе заявок.

Двери разъехались. Стены коридора были бледно-голубыми. Успокаивающего цвета. Техник пошел вперед, и она последовала за ним. У пластмассовых дверей он приложил к считывающему устройству свою карточку и набрал код на цифровой панели. Еще через пятьдесят ярдов повторилось то же самое. Во время этих процедур Эмили разглядывала закрепленные на потолке видеокамеры. Потом они ехали на еще одном лифте; он привез их в помещение с голыми бетонными стенами, без какого-либо намека на психологический голубой. Ей это не понравилось. Коридор заканчивался идеально круглой стальной дверью высотой в два ее роста. Как в банковском хранилище. Дверь медленно открылась и замерла, и за ней Эмили увидела маленькую комнату с бетонными стенами и единственным стулом из оранжевой пластмассы. К круглой двери подошли еще один мужчина в белом халате и тип в серой униформе, наверное, кто-то из службы безопасности.

Ее техник, тот, что был без подбородка, сказал:

— Удостоверяю: у меня прототип девять, два нуля, одиннадцать, восемь, шесть.

Другой мужчина сказал:

— Подтверждаю: прототип девять, ноль, ноль, один, один, восемь, шесть.

— Удостоверяю субъект: Хендри Джессика, идентификационный номер три, один, один, семь, ноль.

— Подтверждаю субъект, время восемь пятьдесят восемь, замок с часовым механизмом запущен, камера открыта.

— А зачем все это? — Эмили попыталась усмехнуться.

— Для безопасности, — сказал ее техник, не глядя на нее. — Товар очень ценный. — Он вошел в бетонную комнату, для чего ему пришлось перешагнуть через толстую металлическую раму. — Пожалуйста, следуй за мной.

Она последовала. Воздух был ледяным. Бесцветные бетонные стены освещались шесть выпуклыми светильниками, забранными металлическим решетками. Четыре установленных на штативах видеокамеры были нацелены на оранжевый стул. В центре комнаты стоял огромный ящик. Огромный, металлический, похожий на гроб ящик.

— Пожалуйста, садись.

— Мм, — сказала она. — Мм, мм.

— Все в порядке, Джессика. Все будет, как в прошлый раз. Только сейчас мы покажем тебе товар вместо рекламы. Я надену на тебя шлем, чтобы мы могли замерять активность твоего мозга, договорились?

— Ага, — сказала Эмили, хотя внутри у нее все кричало: *«Нет, нет, нет»*. Она села. Даже пластмасса была ледяной. У металлического ящика не было крышки. Во всяком случае, она ее нигде не видела. По бокам от ящика вертикально торчали толстые стержни. Поршни? Эмили не могла отвести взгляд, потому что не могла представить, какое отношение ко всему этому имеет ящик.

Техник дотронулся до ее головы. Она вздрогнула.

— Успокойся. — Он принялся надевать шлем.

— Эй, а это еще зачем? Что за?..

— Просто товар.

— Да, но, между прочим, все это выглядит слишком фантастично для товара. Что за товар-то?

Он не ответил. «Подчини его», — подумала Эмили. «Имеет решающее значение». Она прочитала сотню заявок от этого типа, он принадлежит к пятьдесят пятому сегменту, тут без вопросов, и она уже вывела слова для этого сегмента. Она может *скомпрометировать* его за две секунды и заставить вывести ее отсюда. Но она не знает, что будет дальше. Правда, никакого дальше у этого сценария нет. Во всяком случае, такое, какое ей по силам вынести. И зачем тут ящик? Зачем, черт побери, им понадобился проклятый ящик?

— Я почти закончил, Джессика.

Эмили не ожидала, что здесь будет ящик. Она думала, что будет, может, какой-нибудь конверт. И мужчина напротив, чтобы прочитать ей слово. И прежде чем он успел бы это сделать, она забрала бы у него конверт, потому что он был бы не готов иметь дело с поэтом. Ведь эти ребята, эти изолированные техники — вряд ли они знают, кто такие поэты. Они просто делают то, что им приказывают. А сейчас весь план летит к черту, потому что штука из этого ящика — чем бы она ни была, — превратившая р-график какого-то человека в абсолютно прямую линию и вызвавшая синапс, была гораздо значительнее конверта. А она почему-то вообразила примитивный конверт. Это надо же быть такой душой!

— Тут есть маленькая иголочка.

Эмили почувствовала, как кусочек холода вошел ей в череп. Но она почти не обратила на это внимания, потому что вдруг кое-что поняла. Форма этого ящика, черная матовая сталь — она уже видела нечто подобное. Она сидела на пассажирском сиденье черного седана, который вел присланный Организацией парнишка в сером костюме, и им навстречу, направляясь в Брокен-Хилл, пронесся грузовик с контейнером. Тот контейнер был больше этого ящика, значительно больше, почти как морской контейнер, но у нее вдруг пропали всякие сомнения в том, что оба как-то связаны.

— Все готово. — Техник перешел к видеокамерам и стал разворачивать их. Теперь все красные огоньки были направлены на нее. — Итак, очисти свое сознание и посмотри на товар.

— Какой товар?

— Тот товар, который появится из ящика после того, как я уйду.

— В каком смысле? Он вылезет из ящика?

— Если я скажу тебе, то...

— Загрязните мою реакцию. Знаю. Но зачем тут ящик? Что внутри?

— Не обращай на него внимания.

— Просто скажите, зачем тут...

— Я не знаю, что в ящике, — сказал техник. — Ясно?

Эмили видела, что это правда. А приглядевшись, заметила, что видеокамеры направлены только на нее. Не на ящик. Это было сделано для того, чтобы потом, когда тест закончится и ящик закроется, никто из техников не попал в запись. А почему это ее техник так старается избегать зрительного контакта? Ведь она знает, что это означает, не так ли?

Он установил на полу черный прибор.

— Это динамик. Я не смогу слышать тебя, но во время процесса я буду говорить с

тобой.

— Я передумала, — сказала Эмили. — Я больше не хочу.

Техник оглянулся. Мужчина в серой униформе топтался по ту сторону металлической сейфовой двери. «*Волтин*, — подумала она. — *Карлотт сишиден нокс, спаси меня от того охранника*». А ведь может сработать. Расстояние небольшое, техник успеет прежде, чем тот выхватит оружие.

Охранник спросил:

— У нас проблемы?

— Нет, — сказала Эмили. — Нет, все в порядке.

— Время, — сказал охранник. — Тридцать секунд.

— Просто успокойся, — сказал ей техник и вышел.

Сразу после этого сейфовая дверь стала закрываться. Эмили ожидала услышать клацанье, но дверь захлопнулась с тихим шелестом. Зато засовы встали на места с грохотом, как от выстрела. От неожиданности она подпрыгнула. Эхо стояло целую вечность, а потом наступила тишина, и единственным звуком было ее дыхание. «*Гарри*, — подумала она. — *Гарри. Наверное, я все испортила*».

Черный динамик, оставленный техником на полу, выпустил сноп помех. Эмили не сразу сообразила, что это речь.

— Джжессссика. — Создавалось впечатление, будто передача идет с луны. — Мы дадим тебе несколько минут, чтобы ты успокоилась. — Пропитанное помехами, последнее слово прозвучало как «уссспокоиласссссь». — Прошу тебя, дыши нормально и веди себя естественно, не нервничай.

Эмили принялась стягивать шлем с головы. Но что-то мешало. Когда она наконец сняла его, то увидела иглу длиной в четыре дюйма, вымазанную какой-то прозрачной жидкостью. Она положила шлем на пол и попыталась забыть о нем. От шлема шел пучок тонких проводков, и, проследив по ним, Эмили обнаружила крохотный серый контейнер, закрепленный под сиденьем ее стула. Внутри не было ничего, кроме чипа и батарейки. Все в этой комнате имеет независимые источники питания, догадалась она. Лампы в клетках, видеокамеры, динамик. Они так стараются ничего не выпустить наружу и ничего не впустить извне, что даже не сделали проводку в комнате. Если в ближайшие несколько часов дверь не откроется, она задохнется.

— Джжессссика, у меня хорошие новости. Мы можем заплатить тебе чуть больше. Тыссссячу долларов за потраченное время. Что скажжжешь?

Значит, ящик работает по таймеру. И эти техники, вероятно, не могут им управлять; они, вероятно, просто знают, когда программа должна открыть его. А это означает, что в целях безопасности предусмотрен резерв времени. Крохотный промежуток, чтобы все успели разойтись по своим местам. И она может использовать его.

— Джжессссика, подумай, что ты будешь делать с этой тысячью. Готов поссспорить, купишшшь на них что-нибудь потрясающщщее.

Эмили подошла к видеокамерам, но не нашла там ничего необычного. Она одну за другой перенесла их в угол и сложила красными огоньками к бетонной стене. Что бы здесь ни случилось, она не станет участвовать в шоу. Она не допустит, чтобы ее изучали и за ней наблюдали, чтобы потом усовершенствовать процедуру. Эмили вернулась к стулу и обошла его со всех сторон. Но он оказался простым стулом.

— Джжессссика, потерпи еще минуту. Все почти на мессссте.

— Дотроньссся до левого локтя.

Не открывая глаза, Эмили осторожно поползла по бетонному полу. Добравшись до ящика, ощупала его бок. Над щелью больше не было металла. Она ощупала край и почувствовала под ладонью нечто холодное и жесткое. Возможно, пластмассу. Эмили надавила на это. Оно прогнулось, слегка. Она села на пятки и задумалась.

— Теперь, Джессика, до правого, пожалуйста.

Она поползла дальше, добралась до стены и, держась за нее, добралась до видеокамер. Прихватив одну, поползла обратно. Нашупав ящик, пластмассовый купол, который, вероятно, скрывал то, что было внутри, она поднялась на ноги и перехватила камеру за штатив.

— Сссними ботинки.

Эмили замахнулась камерой. «Как в гольфе», — подумала она. И ударила ею. Во все стороны брызнуло стекло. Эмили поняла, что до пластмассового кожуха она не дотянулась. Перехватив штатив ближе к опорам, предприняла еще одну попытку. На этот раз, судя по звуку, удар попал в цель. Она отложила камеру и стала ощупывать пластмассу в поисках повреждений.

— Ссссядь.

Царапина. Небольшая деформация. Ничего такого, над чем можно было бы поработать. Но все же хоть что-то. Доказательство, что идея верна. Эмили выпрямилась и взялась за штатив.

— Засунь ступню в рот как можно глубже.

Эмили била по кожуху до тех пор, пока у нее не заболели руки. Лицо заливал пот. Она отшвырнула штатив, уверенная, что не найдет ничего, кроме искромсанной пластмассы. Однако урон оказался не таким сокрушительным, как она рассчитывала. Эмили принялась рвать острые, как лезвия, края образовавшейся дыры, расширяя ее и пытаясь просунуть в нее руку.

— Хочешь еще раз прогнать протоколы? — проговорил динамик. Потом: — Ладно. Я закончил.

Ее средний палец коснулся чего-то холодного, но ухватить это она не смогла. Эмили протиснула палец еще глубже и ощутила боль.

— Ой, — сказала она. — Ой-ой. — Эта штука была острой. И более толстой, чем она ожидала. Странной формы. Ей на ум пришло слово «бумага», возможно, «картон», в общем, материал, на котором можно написать слово. Но это не было ни тем, ни другим. Она подцепила это и стала вытаскивать между острыми краями дырки.

— Джжесссика, подойди к рации. Туда, откуда доносится мой голос.

Штука застряла, и Эмили стала поворачивать ее то так, то этак. Пока еще она не поняла, что это такое. Однако на ощупь оно было очень знакомо. Эмили потянула изо всех сил и услышала треск. Она очень надеялась, что сломалась пластмасса, а не важная часть того, что она вытаскивала. Наконец она вытащила эту штуку. И крепко сжала ее.

— В нижней части динамика есть полость. Открой ее. Внутри четыре красных таблетки. Это таблетки цианида. Если ты их съешь, то умрешь. Важно, чтобы ты понимала это. Если ты понимаешь — то, что умрешь, если съешь таблетки, — кивни.

Эмили сдернула с себя джинсовую куртку и тщательно обернула ею штурковину. Вероятно, было бы разумно отметить, какой стороной та была обращена к ней, ну, вдруг у нее есть плохая и хорошая сторона — она опять думала о словах, написанных на бумаге, —

но было поздно. Когда Эмили убедилась, что из свертка ничего не торчит, она открыла глаза. И удивилась тому, насколько мала комнатка. В ее воображении она была огромной.

— Проглоти таблетки.

Позади нее был ящик. Эмили надеялась, что в нем уже нет ничего, что могло бы лишить ее разума и оставить беззащитной перед чудовищными указаниями динамика. Однако она не собиралась проверять это. Просто перевела взгляд на сверток. Для этого ей пришлось сделать над собой определенное усилие. Штуковина напоминала по очертаниям книгу, но была неправильной формы и тяжелой. Она сунула руку в сверток и ощупала штуковину. Ледяная. Как металл. Эмили нащупала какой-то протуберанец с хищными краями и поняла, что укололась о его острую вершину. Ну что ж, теперь ясно, где верх у этой штуковины.

Клацанье замков прозвучало, как выстрел. Время вышло. Эмили провела пальцами по канавкам, глубоким выемкам на гладкой поверхности, и когда ее сознание попыталось сложить все это в узор, штуковина вдруг уплотнилась, и она, охнув, отдернула руку. На нее навалилась тошнота. Эмили почувствовала, что теряет сознание, но боролась, понимая: если она упадет в обморок, ей конец. «*Я здесь, — говорила она себе. — Я стою здесь*».

Комнату залил свет. Появилась тень и заслонила ей свет.

— О, Господи, — сказал кто-то. Техник. Эмили услышала шаги.

Она принялась разворачивать сверток. Много лет назад, в школе, в секретной библиотеке, она читала сказки о том, как одномоментно поработались целые народы. О башнях и разделении языков. Мифы, думала она тогда. Все, чему ее учили, говорило о том, что не существует способа *скомпрометировать* всех одновременно. Слова Организации давали ключи к определенным психографическим сегментам, именно так они и работали. Правда, они никогда не превращали р-график в прямую линию. И не приводили к синапсу. То слово, которое могло это делать, не было обычным. Оно было из сказок. Если ради чего-то и стоило наводнять здание людьми в черных скафандрах и хоронить ее заживо в бетонном склепе за толстенной, с часовым замком дверью, так только ради этого слова, решила она.

В комнату влетел охранник в серой форме. У руке у него был пистолет. Техник стоял неподвижно, ошеломленный увиденным. Ее куртка упала на пол. Дерево. Теперь Эмили узнала это ощущение под пальцами. Эта штуковина оказалась окаменевшим деревом. Нарочно не глядя на штуковину, она прижала ее к груди. Сейчас выяснится, ошибается она или нет. Вот будет весело, если ошибается. Если эта штуковина — не то, что она думает, ей конец.

— Не двигаться, — скомандовала Эмили.

Охранник остановился. Стояла полнейшая тишина. И она, вслушиваясь в эту тишину, начала верить.

— Дотроньтесь до носа. Оба.

Их руки метнулись вверх. У Эмили по спине пробежали мурашки. Одно дело — понимать идею. И совсем другое — видеть, как эта идея воплощается. Она сделала глубокий вдох и выдохнула. Итак, первая часть выполнена. Пора переходить к следующей. Эмили сказала:

— Объясните, как мне выбраться отсюда.

Сегодня вечером во многих районах Вашингтона, О. К., был введен локдаун^[13] в результате происшествия, которые власти называют серьезным террористическим актом.

Оперативные подразделения полиции и вооруженных сил, а также команды МЧС по предотвращению биологической опасности заняли свои позиции в центре города и проводят разыскные мероприятия в связи с имеющимися данными о том, что на свободе остаются один или более террористов.

Окружной департамент полиции рекомендует всем жителям О. К. оставаться на своих местах и без крайней необходимости никуда не выезжать и не выходить на улицы города. «Сегодня город полностью изолирован. Люди все равно не смогут никуда добраться, — некоторое время назад сообщила нам глава полиции Роберта Мартинес. — Я прошу жителей отнестись к ситуации с пониманием и оказывать нам всемерную помощь».

Власти пока еще не подтвердили, что была предпринята атака террористов, они утверждают, что всего лишь реагируют на «инцидент». Однако, по данным из неофициальных источников, есть предположения, что было применено химическое или биологическое оружие.

По рассказам очевидцев, в городе начался самый настоящий хаос, когда на улицах появились оперативные отряды и бронетехника.

«Они выгоняли всех из зданий, эти типы в черных шлемах; люди кричали, — рассказывает Джулия Трель, 24 лет, менеджер из «iMax». — Они напоминали космонавтов».

По оценкам специалистов, на территории О. К. уже сейчас находится военный контингент в количестве почти пяти тысяч человек, а в связи с интенсификацией поиска преступников ожидается прибытие подкрепления.

СЛЕДИТЕ ЗА НОВОСТЯМИ

Власти О. К. отказываются компенсировать ущерб от локдауна

Фрэнк Вилетти, мэр О. К., впервые отказался компенсировать населению ущерб в результате двухдневного локдауна, случившегося в прошлом месяце.

«Мы искренне сочувствуем всем, кому были причинены неудобства, в том числе жителям и представителям деловых кругов, и делаем все, что в наших силах, чтобы помочь им как можно быстрее вернуться к нормальному ритму жизни, — заявил он на сегодняшней пресс-конференции. — Однако, понимая, что подобные события сказываются на всех нас, мы остро ощущаем потребность жителей округа сплотиться и смириться с тем, что нам неизбежно придется вместе нести это бремя».

Эти слова, по всей видимости, можно считать сигналом к тому, что борьбу за выплаты придется вести в судебных инстанциях. Мы не смогли получить комментарии у юридической фирмы «Виньотти энд Буш», которая обеспечивает сопровождение группового иска.

На пресс-конференции мэр Вилетти снова опроверг сообщения о том, что локдаун был введен в ответ на применение химического или биологического оружия. «Никакого применения не было. Мы получили предупреждение об атаке и предприняли меры, чтобы предотвратить ее».

К сожалению, он не стал вдаваться в детали, сославшись на то, что все вопросы следует адресовать Белому дому. Вчера Гэри Филдинг, представитель Белого дома, сообщил, что

несколько человек все же были арестованы во время операции, однако более подробной информации нам получить не удалось.

«Я могу сказать одно: у нас в прошлом месяце возникла чрезвычайная ситуация, и наши люди сработали блестяще. Нам следует гордиться тем, с каким мастерством была проведена операция в О. К.».

From: <http://nationstates.org/pages/liberty-versus-security-4011.html>

...Такой же локдаун был в О. К. в прошлом году. В 2003-м военные тоже ходили по улицам и стреляли в людей из снайперских винтовок военного образца. А в 2006-м была сибирская язва в письмах. Целую неделю все орало «нам нужны дополнительные меры безопасности», «нам нужны сканеры», «нам нужно фотографировать людей, когда они заходят в правительственные учреждения». Через месяц все успокоились, а мы продолжаем жить с навязанными нам процедурами и технологиями, которые все равно не предотвратили бы инцидент, побудивший ввести их. И этот инцидент был не случайным; такое происходит потому, что тех, кто наверху, дико пугает количество людей внизу. И они хотят наблюдать за нами. Им нужно контролировать наши мысли. Это единственное, что отделяет их от гильотины. Каждый раз, когда происходит что-то в этом роде, когда охваченные страхом смерти люди начинают требовать действий, они видят в этом свой шанс.

В Брокен-Хилл была одна кофейня, из окон которой не открывался вид на карьер. После трех месяцев обследований Элиот выяснил: в этом городе кофе подают в пяти различных заведениях, и в четырех из окон виден карьер. Поэтому он стал ходить в пятое. Не то чтобы карьер выглядел уродливо — хотя он и был уродлив, окончательно и бесповоротно, — просто он был везде. Широкие улицы, приземистые здания, плоская земля до самого горизонта — все это мешало забыть о высоченных, до сорока футов, отвалах развороченной земли и дробленого камня, которые напоминали грудную клетку. Элиот воспринимал эти отвалы как волну, огромный гребень извергнутой земли, стремящийся поглотить город. По сути, так и было на самом деле: ветер, эрозия и новые порции пустой породы увеличивали отвалы и с каждым годом придвигали их ближе к жилым кварталам. Пройдет какое-то время, и они действительно поглотят все. И это станет важным событием, причем исключительно полезным. В этом Элиот тоже убедился, сидя здесь в ожидании, а вдруг появится Вульф.

Он неторопливо пил кофе и листал «Бэрриер уикли трюс», 18-е еженедельную газету. Этот номер начинался со статьи «Пятьдесят лет счастья», истории о пожилой семейной паре. Элиот прочел ее дважды, отыскивая ту часть, которая обычно опускалась в подобного рода статьях, а именно, как им это удалось. Он искренне сомневался в существовании таких идиллических союзов и считал, что люди просто притворяются, потому что имеющаяся у них альтернатива неприглядна. Каждый раз, когда ему казалось, что он разглядел эту альтернативу, ему на глаза попадалось нечто вроде таких вот «Пятидесяти лет счастья», и его снова охватывало изумление.

Но это, конечно, отвлеченные размышления.

Зазвонил его телефон. Он сложил газету.

— Да?

— Она здесь. Едет по Барьерному шоссе. Белый седан. Одна.

— Ты уверен?

— У меня тут, Элиот, куча всяких технических придамбасов.

— Да. Конечно. Спасибо. Сколько еще?

— Полчаса.

— Спасибо. Я займусь ею.

Элиот бросил на стол купюры, вышел из кофейни и сел в машину. Затем включил двигатель, чтобы заработал кондиционер, и сделал несколько коротких звонков. Просто чтобы убедиться, что все на местах. Прошло три месяца с тех пор, как Вульф сбежала из Вашингтона с украденным словом; за это время все необходимое уже давно находилось там, где и должно быть. И все же... Закончив со звонками, Элиот переключил скорость и поехал в сторону отвалов.

* * *

Он отъехал от города примерно на милю и заблокировал дорогу, поставив машину поперек. Это был всего лишь символ: Вульф сможет запросто объехать его. Идея состояла в

том, чтобы, увидев его, она осознала тщетность своих усилий.

Элиот вылез из машины и стал ждать. На календаре была зима. Над головой пролетела стая птиц, разрывая тишину резкими криками. Какаду. Дико слышать эти звуки на рассвете. Создается впечатление, будто мир рвется на куски. Элиот снял номер в мотеле и однажды ночью, проснувшись, обнаружил на подушке насекомое величиною с ладонь. Он не знал, что это такое. Он в жизни не видел ничего подобного.

У него вдруг возникло настоятельное желание позвонить Бронте. В последнее время он все чаще думает о ней. Наверное, дело в задании: слишком много свободного времени, слишком много приходится ждать. Все из-за Вульф. Он наблюдает за тем, как она сносит стены, и ему в голову приходят мысли о том, что стены снести можно. «*Позвони Бронте, — подумал он. — Прямо сейчас. Спроси, как у нее дела. Без всякого повода. Просто поболтай*».

Они вместе учились почти двадцать лет назад, вместе сидели на уроках в той самой школе, которой она сейчас руководит. Он все еще помнит, как блестели ее волосы, когда она впервые вошла в класс, как она прижимала учебники к груди. Он влюбился в нее практически сразу. Ну, не совсем, это предполагает бинарное состояние, переход от нелюбви к любви с последующим проскакиванием искры. А то, что у них было с Бронте, можно назвать полетом, скорость которого увеличивалась по мере их сближения; они напоминали планеты, притягивающиеся друг к другу силой гравитации. В некотором роде обреченные, теперь это ясно.

Они держались довольно долго. Несколько лет? Ощущение такое, что да. А может, и нет. Они же были старшеклассниками, почти выпускниками. Он уверен в этом, потому что Бронте отдала ему свои слова. Желтоватый конверт, потертый, с завернувшимися уголками, а внутри — десятки бумажных карточек, и на каждой слово.

«Используй их, — сказала она. Свет был потушен, чтобы они могли сразу заметить, если чья-то тень появится в яркой полосе под ее дверью. Однако он все равно отчетливо видел ее лицо. — Я хочу, чтобы ты меня *скомпрометировал*».

Элиот не помнил, что ответил на это. Вполне возможно, что попытался отговорить ее. А может, и нет. Он тогда думал о многом, и сейчас, когда прошло столько времени, ему трудно отличить свой реальный выбор от вымышленного. Потому что вся его память заполнена ею: тем, как она лежала на своей кровати и как ее обнаженные плечи ярко выделались в полумраке. Он помнил ее лицо в тот момент, когда зашептал слова. Он был неуклюж, в тот первый раз. Он не сразу нашел тот промежуток между полным пониманием и *компрометацией*, то полусознанное состояние, когда здравый смысл утрачивает часть своей власти и тело открывается навстречу. Если он загонял ее глубоко, ее лицо застывало, если он возвращал ее к поверхности, ее взгляд становился сосредоточенным. Он прикоснулся к ее груди и ощутил ладонью, как затвердели ее соски. Выгнувшись, она прижалась к нему бедрами.

«Трахни меня, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты трахнул меня».

Она выла и рычала, как зверь. Элиот испугался, что их услышат, и сказал: «Потише, Шарлотта». И она зашипела — он никогда не думал, что человек способен издавать такой звук. Ее тело покрылось гусиной кожей. От каждого его прикосновения по ней прокатывалась волна. Ее бедра поднимались и опускались, и когда он дотронулся до нее там, она издала высокий, но едва слышный стон, легкий, как дыхание. Он решил, что как-то повредил ей, и остановился. Ее лицо исказило отчаяние, и она взмолилась, чтобы он не останавливался. Он снова стал ласкать ее, и она удовлетворенно вздохнула. Этот долгий

вздох послужил ему сигналом, и он смел с пути преграды из ее застенчивости и почти добрался до ее самой сердцевины. Он сунул руку ей между ног, туда, где было жарко и влажно.

«Войди в меня», — сказала она. Слова превратились в песнь, все звучащую и звучащую у него в ушах. Ее ногти впились ему в спину, и он уже не мог сдерживать себя. Он быстро расстегнул брюки. Он вошел в нее, и ее тело тут же превратилось в металл, в раскаленную сталь. Он кончил в несколько мгновений.

Они долго лежали рядом. Элиот знал, что надо уйти до рассвета, чтобы никто не увидел, как он выскальзывает из ее комнаты, но у него не хватало сил оторваться от нее. Он нежно обнимал ее, пока она возвращалась к ясному сознанию. Они целовались. Когда в небе появились первые проблески зари и оттягивать расставание стало опасно, он встал с кровати. Она проводила его до двери — он никогда не забудет, как ее тело заливал лунный свет, — и сказала:

«В следующий раз я — тебя».

На дереве заорал какаду. Элиот резко втянул в себя воздух, выдохнул. Сейчас не время для воспоминаний. Он не будет звонить Бронте. Все это — древняя история. И закончилась она плохо. Хотя, возможно, и не плохо, но и не хорошо. Они сдали выпускные экзамены и поступили на работу в разные подразделения Организации. На этом все и закончилось. Он даже не знает, вспоминала ли она о том разе, а если и вспоминала, то что чувствовала — стыд или сожаление. И выяснить это невозможно. Невозможно спросить, не ставя себя под удар.

«Однажды я снова поцелую ее. — Уголки его губ приподнялись. — Еще один поцелуй». Ну и мысли у него. Абсурд. И все же. От фантазии никакого вреда. Если осознавать, что это фантазия. И вот эту он сохранит, решил он. Она слишком приятна, чтобы ее отбрасывать.

* * *

Два часа спустя Элиот услышал шорох покрышек по грунту. Из-за поворота осторожно выехал белый седан. Он двигался очень медленно и остановился, как только увидел его. Лобовое стекло превратилось в сплошной солнечный блик. Двигатель замер. Дверца открылась. Появилась Вульф. Эмили. Она похудела.

Элиот сказал:

— Я признателен, что ты остановилась.

Она ладонью прикрыла глаза от солнца и повернулась вокруг своей оси, сканируя окрестности. На ней была грязная майка и джинсы. Наверное, слово было засунуто за пояс, хотя вряд ли. Кажется, под майкой ничего не было. Неужели она оставила его в машине? А может, уже осознала, что все кончено?

— Как ты перебралась через Тихий океан? — сказал он. — Я спрашиваю, потому что мы все силы подключили.

— На контейнеровозе.

— Мы почти все обыскали.

— И мой тоже.

Элиот кивнул.

— Бессмысленное дело, когда людям нельзя доверять, когда нет гарантии, что доложат,

если найдут тебя. Вот поэтому ты и стала террористкой.

Эмили внимательно посмотрела на него. Выражение на ее лице было четко выверенным, она тщательно контролировала его. Если бы она не утратила навыков, это было бы не так заметно.

— И что нам делать, Элиот?

— Сожалею.

Она изогнула брови.

— О? Ты собрался убить меня?

Он ничего не сказал.

— Что ж, жаль. Исключительно жаль, потому что это ты.

— Я думал, ты оценишь, что это я.

— А знаешь что? Не оценю. Ни капельки. — Эмили покачала головой. — Элиот, что ты скажешь на то, чтобы притвориться, будто ты не видел меня? Я поеду к Гарри. Мы с ним исчезнем. Конец истории. — Она наблюдала за его лицом. — Нет? Не пойдешь на это?

— Ты должна понимать, что у меня нет выбора.

— Я люблю его. Это-то ты понимаешь?

— Да.

— А если понимаешь, то знаешь, что у меня тоже нет выбора.

Элиот сказал:

— Могу дать тебе один час. Ты проведешь его с ним. Потом попрощаешься и вернешься на шоссе. Лучшего предложения я сделать не могу.

— А я отказываюсь от твоего дерьмового предложения. Я целых три месяца добиралась сюда, Элиот. Три месяца. Это было нелегкое время. Я прошла через все это не ради какого-то жалкого часа. — Эмили покачала головой. — Думаю, нам нужно прояснить один факт: тебе меня не остановить, я все равно сделаю то, что захочу.

— Где оно? В машине?

— Ага, — сказала она. — Ты знаешь, что это такое.

— Элементарное слово.

Ее голова дернулась:

— Так вот как оно называется? Гм. Я знаю только то, что читала в старых книгах. Они его никак не называли. Вернее, называли по-разному. У этих историй было общим только одно: каждый раз, когда появлялось слово вроде этого, люди массово впадали в рабскую покорность. И гибли. А еще были башни.

— Ты говоришь о библейских событиях.

— Это слово подчиняет всех, — сказала Эмили. — Всех до одного.

— Да.

— Поэтому позволь мне спросить тебя кое о чем, Элиот. Ты действительно думаешь, что Йитс доверяет тебе и рассчитывает, что ты вернешь его? Я встречалась с ним только один раз, но этого мне хватило, чтобы понять: доверять — не его стиль. Я серьезно, не его. Все закончится тем, что на полпути к Аделаиде кто-нибудь столкнет тебя с дороги. Кто-нибудь в черном комбинезоне и шлеме.

— Я отвезу его к Йитсу, — сказал он, — и Йитс знает это.

Эмили поморщилась:

— Какой же ты бесхребетный, Элиот. Я только сейчас это поняла. Строишь из себя крутого, а слаб, как поникший член... Это из местного лексикона, если тебе интересно.

Боже мой... Ты и в самом деле собираешься отвезти эту штуку Йитсу и отдать его. Дивлюсь я на тебя.

Он никак не отреагировал.

— К черту Йитса. Пошли его к чертям собачим. Его здесь нет. Хотя бы раз в жизни соверши нечто неожиданное. Мы с тобой, вместе, у нас есть власть. Столько власти, что о большем и мечтать нечего.

— Меня не интересует власть.

Эмили вздохнула:

— Разочаровал меня наш разговор, Элиот. Я не стану лгать. У меня такое чувство, что я уже далеко отсюда. — Она пошла к своей машине.

— Стой.

— Или что?

Элиот поспешил за ней и придержал рукой дверцу ее машины, прежде чем она успела открыть ее. Он не собирался заходить так далеко, но хотел дать ей последний шанс.

— Тут везде снайперы. По моему сигналу они пристрелят тебя. Если попытаешься достать что-нибудь, что ты прячешь на себе, или залезешь обратно в машину, или ударишь меня, они пристрелят тебя. Они пристрелят тебя, если ты попытаешься уехать из Брокен-Хилл. Все решено. Это та самая реальность, которую ты и создала. Максимум, что я могу сделать для тебя в этой реальности, — это дать тебе час перед смертью. Прошу тебя, возьми его.

Эмили вгляделась в его глаза:

— Ты так ничего и не уразумел. У тебя нет даже общих представлений о любви. О ценности того, что ты чувствуешь. Ты так и не пришел к пониманию всего этого. — Она покачала головой. — Отпусти меня, Элиот.

Это был конец. Он отступил на шаг, потом еще на один, и еще на один, открывая ее снайперам.

— Эх, — сказала Эмили. — Вот мы и приехали.

Она задрала подол майки. Он закрыл глаза и, разведя в стороны руки, дал сигнал снайперам.

Ничего не произошло. Никто не выстрелил. Не было вообще никаких звуков. Он открыл глаза и увидел ее на том же месте. Она спокойно стояла и смотрела на него. В руках у нее ничего не было.

— Я восемь дней вела наблюдение за городом, — сказала она. — Ты и твои люди, вы тут как на ладони. Вы засветились.

— *Варт...* — произнес он, начиная последовательность, которая должна была бы скомпрометировать ее, и ее руки вдруг задвигались. Элиот не понял, что она делает, а Эмили выбросила одну руку к лобовому стеклу. Это был ловкий трюк, чтобы заставить человека отвести взгляд. Он догадался об этом, но его взгляд уже переместился на лобовое стекло, которое уже не блестело на солнце и стало прозрачным. На приборной панели лежал предмет, и по его поверхности извивалось что-то черное. Именно это черное нанесло ему удар в самый мозг, и все вокруг застыло. Его существо взбунтовалось, но этот бунт был глубоко-глубоко.

— Лежать, — сказала она.

Он лег на землю. Перед ним полз муравей.

— Ты мог бы помочь мне, Элиот. У тебя был выбор. — Перед его глазами появились ее

ботинки. — Но ты предпочел Йитса.

Слова пролетели мимо него. Не вызвали в нем никакого отклика. Элиот терпеливо ждал, когда прозвучат слова, которые подскажут ему, что делать.

— Лежи тихо, не разговаривай и не двигайся до восхода послезавтра. А после можешь делать что угодно, мне плевать. — Ее ботинки направились к машине. — Между нами все кончено, Элиот. В следующий раз я не оставлю тебя в живых.

Хлопнула дверца. Заработал двигатель. Машина уехала.

Муравей дополз до его носа и принялся осторожно взбираться вверх. Элиот лежал неподвижно. Он дышал. Он не разговаривал. Он не двигался.

* * *

Эмили доехала до дома и заглушила двигатель. Металл, остывая, пощелкивал. Она видела минивэн Гарри, сад, который здорово зарос с тех пор, как она была здесь в последний раз. В окно гостиной она видела спинку дивана, лампу в форме собаки, угол стола — мелкие подтверждения ее прежней жизни. Эмили некоторое время смотрела на них, потому что за прошедшие три месяца не раз задавалась вопросом, а существует ли все это.

Она взяла свою сумку и вылезла под палящее солнце, чувствуя себя на удивление хрупкой. Прозрачной. Затем поднялась на крыльцо и постучала. Если Гарри не обрадуется ее приезду, Эмили окажется в трудном положении. Ведь она практически стала изгоем. Но он обрадуется. Она точно знает. И вообще, у нее нет желания думать о плохом, потому что последствия могут быть ужасающими. Эмили переступила с ноги на ногу. И снова постучала. Гарри где-то здесь, она заранее это проверила. Она ждала.

Эмили спустилась с крыльца и обошла дом. На заднем дворе было пусто, но она не заметила на земле следов от шин, что указывало бы на то, что он уехал на мотоцикле. Через окно она заглянула в кухню, но увидела только тарелки и чашки. Повернула ручку двери, и ручка повернулась. Это ничего не означало: дом никогда не запирался. Эмили вошла внутрь.

— Гарри? — Для большей уверенности она прижала сумку к груди. Искушение достать слово было велико — на тот случай, если поэты вдруг выскочат из-за угла или из-за дивана. Бред. В Брокен-Хилл других людей из Организации нет. Она целую неделю наблюдала за городом. И все же... Гарри?

Гостиная выглядела так, будто Эмили уехала только вчера. Подушки на диване были примяты: на одной осталась вмятина от головы Гарри, и ей даже показалось, что и на другой есть тоже вмятина, поменьше, от ее головы. Она же жила здесь. Она же влияла на вещи. Эмили потеряла лоб, потому что стала плохо соображать. Надо же, она все распланировала, а его здесь нет. Надо было заранее решить, что с этим делать. Но он должен быть здесь. У нее в голове появилась странная мысль: он знает, что она здесь, и поэтому она не может его найти. Он не хочет видеть ее.

— Гарри, — сказала Эмили. Ей хотелось объясниться. Она прошла через такие трудности. Она не разговаривала с ним три месяца, потому что только так могла сохранить ему жизнь.

Снаружи через дорогу проскакали три кенгуру, один за другим. В мире чувствовалась некая неопределенность. Эмили испугалась. Плохи дела, очень плохи. Ведь у нее земля буквально горит под ногами, и может случиться, что после всех затраченных усилий ей так и

не доведется увидеться с Гарри.

Эмили услышала звук двигателя. Она метнулась на кухню. Он ехал к дому на кроссовом мотоцикле. Он проехал мимо окна, но головы не повернул, а она не выбежала навстречу, потому что ее ноги приросли к полу. Гарри остановился, опустил опору и поднялся на крыльцо. Их взгляды встретились.

Эмили открыла рот, собираясь поприветствовать его, и он вдруг исчез. Она изумленно заморгала. Задняя дверь распахнулась от удара ноги, и он налетел на нее, как электричка. Она раскрыла объятия, и он смял ее. Ее окутал запах земли и моторного масла.

— Черт побери! — сказал он. — Неужели это ты?

— Я.

— Эм! — Гарри стиснул ее так, что она едва не задохнулась. — Господи, Эм!

— Отпусти меня.

— Не отпущу.

Эмили прижалась к нему.

— Где ты был?

— Я? Где я был? Это где ты была? — Она сообразила, что он снимает с нее майку.

— Подожди. Подожди.

— Я и так долго ждал, — сказал Гарри.

И она сдалась, потому что он был прав, она же тоже долго ждала. Гарри через голову стянул с нее майку и отшвырнул в угол. Затем притянул ее к себе за ремень джинсов и стал жадно целовать. Его рука уже лезла ей в трусы. Эмили знала, что его нужно остановить, потому что им грозит опасность и нужно побыстрее бежать отсюда, но его пальцы уже нашли ее, и она сразу обо все забыла.

— Как же я по тебе скучала, — сказала она.

* * *

Эмили лежала в его объятиях, потная и сытая. И играла с его волосами. Через какое-то время она пихнула его.

— Гарри. — Поскребла пальцами по его груди. Она была бы счастлива, если бы могла делать так вечно. Но она знала, что это невозможно. — Гарри.

Он открыл глаза. Его губы растянулись в улыбке.

— А я думал, ты мне приснилась.

— Я должна кое-что рассказать тебе, такое, из-за чего ты сочтешь меня сумасшедшей. А потом мы должны срочно уехать.

Он сел, продолжая улыбаться.

— Что?

— Это трудно объяснить. — Эмили поняла, что ей нужно накинуть на себя что-нибудь из одежды. Ее сумка валялась где-то на полу. Она смутно помнила, как бросила ее рядом с трусиками. — Меня ищут кое-какие люди. Я у них кое-что украла.

— И что же ты украла?

— Это... — сказала она. — Это слово.

— Слово?

— Да. Но не обычное слово. Это... — Эмили колебалась. — Есть слова, которые

убеждают людей. Это же убеждает сильнее всех. Те люди ищут меня, они хотят его вернуть. Они убьют меня за него. Убьют нас обоих. — Выражение на его лице не изменилось. — Никто не думал, что я вернусь сюда. Все считали, что я больше никогда не увижу тебя. Но я должна была тебя увидеть. Вот поэтому я и украла слово. Мне стоило огромного труда добраться сюда, но я добралась. Я понимаю, что все это звучит дико, но ты должен поверить мне. Нам нужно уезжать.

— Ты обкурилась?

— Нет. Нет.

— Ты украла волшебное слово?

— Не... совсем волшебное, — сказала Эмили. — То есть да, волшебное в классическом смысле, но оно действует не так, как ты думаешь.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Просто поверь мне. Ты мне доверяешь?

— И уехать?

— Да.

— Куда?

— Не важно.

— У меня сегодня смена с полудня.

— И это тоже не важно.

— Да нет, важно, — сказал он. — Я же врач.

— Гарри, — сказала Эмили, — то, что я украла, — возможно, самая ценная вещь в мире. Ты это понимаешь?

— Ты бредишь, Эм.

— Я могу доказать. Только езжай со мной. Когда мы будем в безопасности, я покажу тебе, как оно работает.

— Послушай, мы никуда не едем, ясно? Я счастлив, что ты дома. Тебе надо успокоиться.

Эмили отпрянула от него.

— Гарри...

— Мы с тобой не виделись почти год. И от тебя не было никаких вестей три месяца.

— Я уехала домой.

— Я не знал об этом!

— Если ты любишь меня, — сказала она, — поверь мне.

Гарри откинул простыню.

— Я еду на работу.

Она не хотела *компрометировать* его. У нее никогда не было такого желания — добраться до его сущности и изменить ее. Но она предполагала, что сделать это придется, и тщательно продумала свои действия.

— *Вентрис хасфал коллимзин маннинг*. Одевайся и собирай вещи.

Гарри наморщил лоб:

— Что?

Эмили захлопала глазами. Неужели она неправильно определила сегмент? Не может быть. Ведь она знает его от и до.

— *Вентрис хасфал коллимзин маннинг*. Одевайся.

— Что за чушь ты несешь?

Разнервничавшись, Эмили сползла с кровати. Гарри всегда был необычной личностью. На границе своего сегмента. Но она точно не могла ошибиться. Она же не новичок в этом деле. И его знает давно... Эмили пробежала по коридору и нашла свою сумку. Затем вытащила элементарное слово и выставила его перед собой на уровне талии. Повернувшись, его взгляд переместился на слово, и Гарри поморщился. И это еще сильнее ошеломило ее, потому что она никогда не сталкивалась с такой реакцией.

— Делай, что я говорю. — Она не сказала «всегда», потому что любила его.

Гарри внимательно посмотрел на нее. Выражение на его лице было неправильным. Он не был *скомпрометирован*. Он выглядел так, будто впервые видит ее.

— Эм, — сказал он. — У меня скоро смена. Ты охладись немного, пока я буду собираться.

Ведь элементарное слово направлено туда, куда надо, верно? Эмили с трудом сдержалась, чтобы не посмотреть вниз. Неужели оно сломалось? Или чем-то закрыто? Она провела пальцами по канавкам, и у нее в мозгу тут же началась тошнота. Со словом все было в порядке.

— Гарри, — сказала она. — Гарри.

Он поднял с полу свои брюки.

— Эм, прошу тебя, отойди в сторону.

— Посмотри вот на это. Делай, что я тебе говорю.

Он отодвинул ее в сторону и прошел вперед.

— Гарри!

Он взял из гостиной свой медицинский чемоданчик и направился к парадной двери, на ходу застегивая рубашку. Эмили преградила ему путь и выставила перед ним слово. Его взгляд скользнул по нему и вернулся к ней.

— Эм, прошу тебя. Отойди в сторону.

Она опустила слово. Она не верила, что все происходит на самом деле. Ведь она все обдумала, все просчитала. У него иммунитет? И все же в глубине души Эмили не была удивлена. *«Ты же знала, что он может противостоять убеждению. Это-то тебе в нем и нравится».*

— Эм, я серьезно.

— Ты же меня любишь, да?

— Эм.

— Гарри? Ты же меня любишь? Если любишь, езжай со мной. Поверь мне и езжай.

Он отвел глаза. У нее в голове забилась мысль, подводя ее к осознанию ситуации: он не любит ее. Во всяком случае, не так, как она его.

— Я еду на работу, — сказал Гарри.

Эмили подняла слово.

— Люби меня! — Она знала, что это бесполезно, но хваталась за соломинку. — Люби меня!

Гарри оттолкнул ее. Эмили ударилась спиной о стену, и у нее перехватило дыхание. Он спустился с крыльца и уже садился в машину, когда она вылетела из дома. Она бежала к нему — он тем временем сдавал назад — и думала: что делать? Броситься под колеса? Но Гарри уже успел включить переднюю скорость и, взрывая покрывками землю, помчался вперед, оставив ее, голую, в клубках пыли, с глупым, бессильным словом в руках.

Эмили собрала свою одежду, при этом рубашку нашла под кроватью, а трусики — в скомканной простыне. Прошла в ванную, села на унитаз и стала одеваться. Эмили не знала, что делать. Но оставаться она не могла.

Она вышла из дома и села в свою машину. Поставила сумку со словом на пассажирское сиденье. Положила руки на руль. Ей казалось, что часть ее мозга зачарована, находится в том состоянии, которое описано французским словом «*charmer*», используемым для обозначения колдовства и магии. Она как будто действовала отстраненно от себя самой.

Эмили повернула ключ зажигания, включила передачу. Она не смотрела в зеркало заднего вида, поэтому не видела, как исчезает дом. Доехав до развилки — в одну сторону город, в другую все остальное, — повернула прочь от Брокен-Хилл. Мимо промелькнул зеленый указатель «АДЕЛАИДА 508». Ее трясло, и она сбавила скорость, чтобы не вылететь с дороги. Вкус утраты был настолько горек, что ее подташнивало. Ей не верилось, что она уезжает прочь.

Эмили посмотрела в зеркало заднего вида и увидела Йитса. Вскрикнув, она ударила по тормозам. Машину занесло, и та, проехав юзом по обочине, подняла столб пыли. Сзади никого не было. Просто она на секунду вообразила Йитса. Эмили, вся дрожа, поехала дальше, но продолжала посматривать в зеркало, и ее не покидало ощущение, что она что-то забывает. Или, скорее, вспоминает. Ей в голову пришла мысль, что она оставляет Брокен-Хилл в страшной опасности, да и Гарри тоже, и все из-за Йитса. Потому что Йитс что-то задумал.

Машина развернулась с визгом покрышек, выровнялась и понеслась к городу. На душе у Эмили полегчало. Чем ближе она подъезжала к городу, тем крепче становилась уверенность, что она поступает правильно. Эмили чувствовала присутствие Йитса. Он был повсюду. Она даже ощущала его запах в машине. Вокруг нее приходили в движение узлы ужасающего механизма, который собирался уничтожить Брокен-Хилл. Эмили прибавила газу, и машина полетела вперед, как стрела.

Еще не поздно. Она найдет Гарри и предупредит его. Убедит. Не ясно, как именно, но убедит. Из-за отвалов появились первые здания, и Эмили увидела занесенный над ними молот, мощную и страшную силу, которая обрушивалась на них. Йитс, пьющий чай. Этот образ возник у нее в сознании из ниоткуда. Йитс с чашкой чая, смотрит на нее. Эмили похолодела от страха. Она не знала, откуда это взялось.

Эмили пронеслась через город, оставила машину на пандусе и вбежала в отделение «Скорой». Минивэна Гарри на месте не было, но она все равно побежала туда. Отделение выглядело как обычно, и Эмили немного успокоилась. Чтобы подбодрить себя, она дотронулась до сумки. Затем прошла к регистратуре. За стойкой сидел пожилой мужчина с редкими волосами и в очках. Он работал здесь целую вечность, и всегда, когда бы она его ни видела, он был раздражен. Каким-то образом ему всегда удавалось вызвать в ней чувство вины за то, что она беспокоит его. Эмили сказала:

— Мне нужно срочно найти Гарри.

Он окинул ее пренебрежительным взглядом. Вид у нее наверняка был безумный. Она наверняка выглядела как женщина, которая несколько месяцев моталась по контейнеровозам, ночевала в пустыне, ввела человека в ступор и оставила его прямо на

дороге, переспала с любимым и рассталась с ним, а потом испугалась невидимого молота.

— Он в отъезде.

— Где?

Мужчина продолжал с презрением разглядывать ее.

— В отъезде. — Он неопределенно взмахнул рукой.

— Далеко отсюда, — сказала медсестра, выходя из коридора. — Мы все еще ищем второй дефибрилятор.

Регистратор повернулся. Эмили перегнулась через стойку и схватила его за рубашку.

— Прошу прощения, — сказала она. — Это очень важно, мне нужно срочно выяснить, где Гарри.

По его взгляду она поняла, что такое поведение для него не в новинку, когда девушка приходит в регистратуру и заявляет: *«Где Гарри? Мне нужно срочно увидеть его»*. И вряд ли она будет последней.

— Пожалуйста, Эмили, отпусти меня.

— Нет, — сказала Эмили. Она спиной чувствовала, что Йитс приближается. — Скажите, где он.

— Охрана, — сказала медсестра.

Эмили сунула руку в сумку и, как только ее пальцы коснулись холодной поверхности дерева, вдруг вспомнила, где видела Йитса пьющим чай. В ее квартире, в округе Колумбия. Это было через некоторое время после приезда, примерно через несколько месяцев. Он пришел к ней. Вот поэтому Эмили всегда ощущала чье-то присутствие. Потому что он был рядом. Он сидел напротив нее, пил чай и рассказывал всякие истории. А в конце, перед уходом, сказал: *«Вспомнишь все это, только когда в следующий раз уедешь из Брокен-Хилл»*.

Позади нее появился высокий юноша. Охранник. Он не стал хватать ее, потому что они отлично знали друг друга. Эмили часто болтала с ним, пока ждала Гарри. Он играл в футбол. Но сейчас она не могла сосредоточиться на нем, потому что ее сознание заполнили ужасные воспоминания, они плавали по поверхности, как утопленники. *«Я хочу точно знать, что мы нашли, — сказал ей тогда Йитс. — Есть определенные методы тестирования, которые можно осуществить исключительно, скажем так, вживую»*.

Регистратор положил на стойку ручку и лист бумаги.

— Оставь ему записку. — В нем появился хоть какой-то намек на сочувствие. — Я позабочусь, чтобы он ее получил.

— Вам нужно уходить отсюда, — сказала Эмили. — Вам всем нужно уходить. — Она могла бы воспользоваться словом — без него они все равно ей не поверили бы. Она могла бы выгнать весь чертов город в пустыню. Только вот вопрос: удастся ли ей спасти их, прежде чем упадет молот Йитса.

Эмили взяла ручку. Это удивило ее, потому что она не собиралась ничего писать. Любые записки были бессмысленны. Однако она все же начала писать. *«И ты, моя дорогая, и проведешь это тестирование»*, — сказал тогда Йитс. Эмили вывела первую букву — это оказалась «У» — и вдруг поняла, что происходит. Она хотела отдернуть руку, но потом решила этого не делать. Все в порядке, она сначала напишет инструкцию. Йитс не придет. Он уже здесь, внутри нее. Эмили принялась писать, цепляясь за ту часть сознания, которая не принадлежала ей, однако ее рука все равно вывела: «УБИТЬ ВСЕХ». Она достала и сумки элементарное слово. Ей удалось закрыть глаза — хоть это у нее получилось. Левая рука нащупала протуберанец, то острие, о которое она укололась, когда была в округе

Колумбия, и правой рукой насадила на него листок.

Послышалось бормотание. Потом шлепок.

— Уберите его... — сказала какая-то женщина и вдруг стала задыхаться.

Шаги. Эмили положила элементарное слово на стойку, листок так и болтался на острие. Она хотела было сорвать его, скомкать, каким-нибудь образом спрятать надпись, но сознание заявило ей, что это плохая идея, а переубедить его она не смогла.

Кто-то ударил ее. Она упала на пол. Открыла глаза и увидела яркое пятно собственной крови. Губы онемели. Чуть дальше пожилой мужчина с тросточкой встал с дивана. В его глазах отражалась озабоченность. Но тут его взгляд переместился на то, что осталось лежать на стойке, и его лицо переменялось. Он резко повернулся к женщине, стоявшей рядом с ним, — Эмили знала ее, ее звали Морин, она иногда заходила в «Запутанный клубок» и покупала одежду для племянницы, — и ударил ее тростью с такой силой, что сам едва устоял на ногах.

Эмили поднялась на ноги. Регистратор душил медсестру. Эмили шагнула к ним, но в этот момент охранник выстрелил сначала в регистратора, потом в медсестру. Эмили поскользнулась и упала. Затем встала на четвереньки и поползла к диванам, спасая свою жизнь. Кто-то завопил: «На помощь! Сюда, в «Скорую»!» Код — черный, код — черный!» Эмили знала: в течение двух минут сюда сбегутся все мужчины, находящиеся в здании, за исключением только тех, кто не может ходить. Вот так это здесь работало. Ей хотелось крикнуть им, чтобы все уходило, чтобы никто сюда не заходил, но у нее не было слов.

Ей удалось спастись. Она проползла под диванами, и этот путь превратился в самую настоящую пытку. Когда Эмили добралась до двери, в помещении стоял сплошной вой. Люди выли, как волки.

* * *

Она вспомнила о слове, но решила, что оно утратило свою важность на фоне того, что творилось. Однако позже она поняла, что ошибается. В тот момент, когда Эмили выскочила на улицу, на пандус взлетел белый минивэн Гарри. Тот увидел ее через ветровое стекло. Затем его взгляд переместился на помещение позади нее. Его лицо стало жестким, выражение — целеустремленным. Он распахнул дверцу. Эмили вскочила на ноги и попятилась с поднятыми руками, решив, что он хочет убить ее, что он, несмотря на события утра, все же подпал под действие слова. Но Гарри пробежал мимо нее, и она поняла: цель, которая вела его, была его собственной. Он спешил на помощь.

Эмили пошла прочь. В двух кварталах от больницы у нее так сильно скрутило желудок, что она согнулась пополам. Ее начало тошнить, но наружу ничего не изверглось. Мимо с сиреной и мигалкой к больнице пронеслась полицейская машина. Вскоре там соберутся все: полицейские, добровольцы, раненые. Этот кошмар будет бесконечным. Пошатываясь, с трудом передвигая ноги, Эмили побрела-побежала вперед.

Один глаз горел, как будто его жгла маленькая искорка. Дело было в том, что, когда дверца минивэна распахнулась, в стекле отразилось помещение «Скорой». Это длилось мгновение, как вспышка. Но Эмили не покидало жуткое ощущение, что ей что-то попало в глаз.

Подфорум 14 / Тема 21 / Пост № 43

В ответ на: Пост № 39

>мы ничему не учимся у Господа, разрушающего Вавилонскую башню

Господь не разрушал Вавилонскую башню! Это широко распространенное заблуждение.

Книга Бытия 11:5-8

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: *вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;*

Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]

Все это часто толкуется так, будто человек хотел построить башню до Небес, а Господь разрушил ее, чтобы преподать урок смиренности. Но отметьте:

а) нет никакого разрушения

б) господь вообще не упоминает башню

Господа к действию побуждает общий язык. По поводу «зачем» много спорят: одни говорят, что Он боялся, что человек бросит вызов Его могуществу, другие — что Им двигало желание спасти человека от самого себя. Как бы то ни было, история про Вавилонскую башню не имеет никакого отношения к заносчивости. Она о языке.

Вертолет летел через мрак, и Йитс смотрел вниз через иллюминатор из плексигласа. Издали Брокен-Хилл напоминал горстку ярких огоньков и вызывал ассоциацию с океанским лайнером на темной водной глади. Время от времени огоньки начинали мерцать, но это означало только то, что там что-то происходит.

— Не могу вызвать никого из них, — сказал голос в наушниках. Голос принадлежал Плат, сидевшей напротив. — Ни Элиота, ни наземную команду, никого.

Она поменяла наушники и принялась резко говорить в прилепленный к ним микрофон, а Йитс опять сосредоточил свое внимание на ландшафте. Теперь огоньки превратились в кольцо вокруг бездонной черной дыры, в которой Йитс узнал главный карьер. Он раньше никогда его не видел, и тот оказался больше, чем он ожидал. Еще несколько десятилетий назад, когда Йитс, руководствуясь намеками на то, что там закопано нечто древнее и очень важное, впервые проявил интерес к этому месту, можно было разглядеть очертания горы, давшей название городу. Сейчас же ее не было; она не просто исчезла, а перевернулась и превратилась в огромную яму. Йитс считал это важным для демонстрации силы, которую эта яма олицетворяла. Цивилизации процветали и умирали; но память о них сохранялась в веках не благодаря их вкладу в науки или культуру или размерам их империй, а благодаря тому объему усилий, которые они вложили в переделку ландшафтов. Именно это и позволило им выжить. Сотни миллионов жизней кануло в Лету с тех пор, как египтяне воздвигли свои пирамиды и тем самым изменили мир, причем не в фигуральном, а в буквальном смысле. Это восхищало Йитса. Дыра в Брокен-Хилл, конечно же, ничто, но она переживет всех обитателей планеты.

— Ну вот, — сказала Плат. — Теперь у нас горит здание.

Йитс пригляделся. Внизу действительно мерцало.

— Я считаю, что мы действуем при высокой степени вероятности, что Вульф запустила слово. — Плат посмотрела на него так, будто ожидала от него какого-то отклика, если не «О, Господи!», то хотя бы «Вы уверены?», в общем, реакции, которой она смогла бы подкрепить свою уверенность в том, что развитие событий приняло шокирующие масштабы и что ситуация, вероятно, хуже, чем она предполагала.

— Ужасно, — сказал он.

— Я в том смысле, что мы видим тела на улицах, в частности, вокруг больницы. — Плат с надеждой посмотрела в иллюминатор. — Наверное, она сгорит дотла.

Йитс задумался над ее предположением. Крайне важно, чтобы элементарное слово не сгорело. Если это случится, у них будут крупные неприятности. С другой стороны, было бы интересно взглянуть, как дальше будет развиваться сценарий, чтобы собрать максимум информации.

— Нельзя допустить, чтобы больница сгорела.

— Я буду держать ее под контролем. Между прочим, мы уже сейчас могли бы направить туда своих людей. Остановить все, пока не стало хуже.

— Нет.

— Просто... там три тысячи человек.

— Если Элиоту не удалось, то это уже никто не остановит.

Плат кивнула, хотя он ее и не убедил.

— Это страшная трагедия, — сказал Йитс. Он иногда забывал об этом: что нужно изображать сочувствие.

Они сделали круг над городом. Он наблюдал, как игрушечные машинки давят крохотные фигурки, врезаются в похожие на спичечные коробки здания. Иногда наступало временное затишье, а потом к больнице устремлялись новые фигурки или машинки, и все начиналось сначала.

— Кажется, мы нашли Элиота, — сказала Плат. Она что-то проговорила в микрофон других наушников. — На шоссе, в миле от города. Он не двигается. Каковы ваши указания?

— Доставьте меня туда, пожалуйста.

— Я могу послать команду.

Плат недавно так и сделала, предположив, что Йитс, возможно, не понимает, чего хочет. Это слегка беспокоило его, так как означало, что она считает, будто он не отдает себе отчет в своих действиях, а ему нужно было, чтобы она хотя бы еще некоторое время думала, что все его решения рациональны.

— Спасибо, но нет.

Вертолет наклонился и стал садиться. Прежде чем поле зрения ограничила гора пустой породы и дробленого камня, обозначавшая границу карьера, Йитс увидел, как внизу разыгрывается с десятков крохотных трагедий. Он заколебался, потому что на нем были туфли от Феррагамо из высококлассной кожи, которая уже никогда не станет прежней после контакта с почвой внизу. Но другой обуви у него не было. Он ступил на землю.

Плат что-то говорила, придерживая волосы, но Йитс ничего не слышал за грохотом лопастей. Он пошел вперед, осторожно ступая по вероломному песчаному грунту. Искушение отказаться от всей этой затеи было велико. Он злился на себя за то, что позабыл о своих туфлях. Однако выбора у него не было. Он не мог изменить свое решение без риска раскрыть себя.

Плат поравнялась с ним. На ней была очаровательнейшая пара от Лабутена, но она шла так, будто это были галоши. Очевидно, Плат не боялась погубить туфли. Такая информация о ней была для него внове. И это многое меняло.

Они дошли до шоссе. Вертолет уже поднялся в воздух и направил свой прожектор туда, куда нужно. Йитс, тщательно выбирая место, чтобы поставить ногу, двинулся в том направлении. Плат повозилась с головным телефоном и сказала:

— Никаких признаков Вульф. Полагаю, она все еще продолжает убивать?

— О, да, — сказал Йитс. — И я рассчитываю, что нам удастся быстро с ней покончить, так как у нее больше нет слова.

— Если у нее его нет. Насколько нам известно, она все еще может быть в больнице. — Плат остановилась и наклонилась. Йитс пошел дальше. Плат догнала его, «шпильки» были у нее в руке и болтались на ремешках.

— Зря я надела эти туфли.

— О, да, — сказал он.

— Готова поспорить, что она там, — сказала Плат. — *Компрометирует* всех входящих.

— Прошу вас, не надо делать такие допущения, — сказал Йитс, потому что ему как раз нужно было, чтобы Вульф ускользнула из находящейся под наблюдением больницы. Он был уверен, что ее вообще нет поблизости, потому что дал ей именно такие инструкции. Она выложила слово и исчезла, чтобы потом, когда все закончится, он мог забрать его.

— Неужели это?.. — сказала Плат и замолчала, когда луч прожектора сдвинулся и

сделал все вопросы бессмысленными. Поперек проезжей части стояла машина, перед ней лежал Элиот. Йитс не смог определить, жив он или мертв. — Господи, да она убила его. Вульф убила Элиота.

Йитс приблизился на несколько футов. Поток воздуха от лопастей рвал куртку Элиота. Йитс взгляделся в его лицо. Спустя мгновение Элиот моргнул.

— Нет, — сказал Йитс. — Полагаю, только *скомпрометировала*.

Он почувствовал, как по спине побежали мурашки. Эмоциональная реакция. Странно. Но вид обездвиженного Элиота лишил его спокойствия. Если бы Йитсу пришлось из всех поэтов выбирать того, кого труднее *скомпрометировать* на полевой работе, он выбрал бы Элиота. Он и выбрал его.

— Нам тут срочно нужны люди, — сказала Плат в рацию. — Элиот в ступоре.

В отдалении взвыла сирена. Она показалась Йитсу песней, как будто слово звало его. Оно ждало. Ему оставалось только забрать его. Он стоял неподвижно, изучая собственную реакцию, потому что точно знал: он истово желает его.

— Йитс? — сказала Плат.

У него вдруг пересохло во рту. В ладонях появился слабый зуд. Он рассматривал множество вариантов окончания этого дня, но ни разу не допускал возможности того, что в нем проснутся эмоции.

— Нам нужно уходить отсюда. Мы вызвали «Скорые», две уже едут сюда.

— Момент, — сказал Йитс и закрыл глаза. Теперь он чувствовал опасность, пропасть, которая уже поглотила тех, кто пришел раньше него. И он видел, что нужно делать. Йитс открыл глаза и повернулся к Плат. К его удивлению, она увлеченно отламывала каблук у туфли.

С ним не все ладно — она что-то увидела в его лице.

— Сломался, — пояснила Плат и отшвырнула каблук в ночь. Йитс услышал, как тот упал. Плат принялась надевать изуродованные «лабутены». — Возмутительно.

Когда они уедут отсюда, решил Йитс, и целыми и невредимыми вернуться в гостиницу, он навестит Плат. Войдет в ее номер, и нежно разбудит ее, и заставит ее оттрахать собственные туфли. Вот эти «лабутены». Этим он убьет двух зайцев: проверит свою способность не возбуждаться и научит Плат уважать хорошую обувь.

— Не понимаю, что заставило Вульф пойти на все это, — сказала Плат. Из мрака появились люди в черных комбинезонах и принялись поднимать Элиота.

— Вполне возможно, что мы этого никогда не узнаем, — сказал Йитс.

* * *

Гарри бежал по главной улице, прочь от больницы, от отделения «Скорой», от множества людей, которые нуждались в медицинской помощи. Он пытался помочь. Он достаточно долго был в отделении и за это время успел наложить повязку на яремную вену Мод Клавис, которая так и норовила выщарапать ему глаза, пока он работал. Гарри видел, как Айан Чу из хирургии, методично переходя от одного человека к другому, скальпелем перерезал яремные вены еще у троих. Гарри видел, как Джим Фаулс, двадцатилетний полицейский, принес ребенка с кровоточащей раной на голове, вытащил свой револьвер и казнил ребенка прямо на полу.

И вот тогда Гарри решил уйти. То, что он делает — спасает людям жизнь, — им не поможет. Это только отсрочит их конец. Он встал, и Фаулс повернулся к нему. Взгляд полицейского был строгим и спокойным, и Гарри не погиб тогда только потому, что как раз в этот момент сзади к копу подошел Чу и изящным движением, слева направо, чиркнул скальпелем тому по горлу. Фаулс забился в конвульсиях, а Чу длинными пальцами хирурга выхватил у него револьвер и подбросил на руке, прикидывая вес.

Вот тогда Гарри и ушел. Убежал, потому что ему было страшно думать, что все это дело рук Эмили. Снаружи царил полнейший хаос, но он прорвался сквозь него. Он нашел ее. Она стояла на мосту, перегнувшись через парапет, и ее тошнило. Он схватил ее за руку и развернул к себе. Ее лицо было пепельно-серым, зрачки расширены, как у наркомана. Он сначала даже не узнал ее.

— Прости, — сказала она. — Это я сделала. Это я. — Обхватила руками голову и застонала.

— Нам надо выбираться отсюда. — Гарри стал думать о транспортном средстве. Хорошо бы найти внедорожник. Если он доедет до дома, они возьмут мотоциклы. — Люди сходят с ума.

— Это все слово! — закричала Эмили, сделала пару шагов в сторону больницы, резко развернулась, схватилась за голову. — Прости. Прости.

— Эм, — сказал Гарри. Он догадался, о чем она говорит. О той забавной деревяшке с черным символом, которой она махала перед ним там, в доме, как будто это был волшебный амулет. Как будто эта штука могла заставить его подчиниться ей. Он видел ее и в отделении «Скорой», на нее была наколота бумажка со словами «УБИТЬ ВСЕХ». Но тогда это показалось ему не самым странным явлением в отделении. — Твое слово? Оно работает?

— Я не могу это остановить, — сказала Эмили. — Он мне не дает.

Гарри побежал обратно к больнице. Он был в сотне футов от здания, когда увидел, как из дверей вырвался людской поток и хлынул на две припаркованные полицейские машины. Воздух наполнился криками и воплями. Гарри намеревался пробраться внутрь и забрать эту деревяшку, разрубить ее на миллионы мелких кусочков, но сейчас ему было ясно, что делать это опасно. Он остановился на перекрестке. Позади него загудела машина, его мозг зарегистрировал этот гудок как сигнал опасности, и он отскочил в сторону. Машина пронеслась так близко, что ее боковое зеркало едва не сорвало с него одежду. Она сбила одного человека, потом другого и врезалась в одну из полицейских машин. Ее двигатель взвыл. Гарри увидел, что водитель дергает ручку коробки передач, пытаясь включить заднюю скорость. Из отделения выскочил коп, подбежал к водителю и выстрелил в него прямо через окно.

Краем глаза Гарри заметил, как со стороны больницы к нему движется фигура с мясницким ножом. Приглядевшись, он увидел, что это санитар. А мясницкий нож оказался не ножом, а пилой для костей.

— Джек? — сказал Гарри, гадая, по каким признакам можно определить, для чего человек прихватил пилу: для самообороны или чтобы распилить кого-нибудь.

В этот момент санитар ринулся на него, и Гарри получил ответ на свой вопрос. Он собрался было бежать, но потом выждал, когда санитар приблизится, и со всей силы врезал ему. И забрал пилу. Его выбор обуславливался тем, что санитар был тощим юношей, сдвинутым на видеоиграх, а он сам — нет. Гарри перевел взгляд на пилу. Ему трудно было понять, как этот мальчишка собирался использовать ее. Тем временем санитар начал

подниматься, поэтому Гарри еще раз врезал ему в челюсть, чтобы тот вырубился полностью. После этого он побежал, потому что из служебного выхода больницы стали появляться сотрудники, в том числе медсестры, с которыми Гарри часто пил кофе, а с одной из них даже переспал. Сейчас у него не было желания столкнуться с ними лицом к лицу.

Когда он вернулся на мост, Эмили там уже не было. Чертыхаясь, Гарри огляделся по сторонам. Он не знал, что делать. Улица впереди была вроде бы пуста. Слева в его сторону брела группа в несколько человек, один из них хромал. Справа, недалеко от него, в канаве без движения лежала женщина, кажется, с желтыми волосами. Это было единственное во всей картине, что вызвало у него непонимание, поэтому он подошел к ней, опустился на колени и проверил пульс. Бет Маккартни, городская библиотекаря. Ее волосы были липкими от какой-то темной жидкости. Пальцы Гарри нащупали вмятину величиной с теннисный мячик на ее черепе. Он сел на пятки и тяжело вздохнул.

Группа приблизилась. Гарри узнал местного учителя математики, его двух дочек и хозяйку бакалейного магазинчика. Хромого, широкоплечего парня, Дерека Нокхауса, поддерживали два подростка. За последние полгода Гарри дважды проводил аспирацию желудка Дерека, и оба раза тот выглядел лучше, чем сейчас. И сейчас Гарри не надо было проводить обследование, чтобы определить: у Дерека раздроблены кости таза.

— Слава богу, — сказал школьный учитель. — Гарри, ты должен помочь нам.

— Что случилось? — спросила хозяйка бакалейки, судорожно сжимая в ладони крестик, висевший у нее на шее. — Боже мой, неужели это Бет?

— Нужно срочно доставить Дерека в больницу.

— Машина вынырнула из ниоткуда, — сказал один из подростков. — Прицелилась, чтоб ей пусто было. А потом задом наехала на него.

— Мм-м, — сказал Дерек.

— Гарри, ему нужно срочно в больницу.

— Нельзя ему в больницу, — сказал тот. — Там опасно.

— А тогда куда? Что нам делать? — Одна из дочек учителя убрала с лица Дерека прядь волос. Дерек закашлялся и смачно сплюнул.

— Найдите место, где можно его уложить, и забаррикадируйтесь, пока все не закончится.

— Что не закончится? — сказала девочка. Гарри видел, что она ищет повод, чтобы дать волю истерике, и его слова как нельзя лучше отвечали ее запросам. — Что там?

— Он играет в футбол, — сказал один из приятелей Дерека.

Гарри сначала не понял, с чего это вдруг парень заговорил о футболе, потом сообразил, что тот имел в виду трагедию. Раньше Дерек играл в футбол, а теперь ему не суждено играть. Сейчас это была худшая перспектива, которую мог вообразить парнишка.

— Думаю, у него внутреннее кровотечение, — сказал учитель. — А твое мнение, Гарри?

— Неужели это Бет?

— Да, — сказал Гарри. — Она мертва. Я очень сожалею, Дерек, но сейчас к больнице лучше не приближаться. Там убивают людей.

Они принялись спорить с ним. А он думал об Эмили. И все сильнее нервничал из-за того, что не знал, где ее искать.

— Полиция! — сказала девочка. Она побежала по улице, размахивая руками. Рукава ее платья хлопали на ветру. Полицейская машина медленно ползла к ним с потушенными

фарами, ее кузов был покрыт вмятинами. — Сюда! На помощь!

Гарри окликнул ее, но тут раздался громкий хлопок, и девочка упала на асфальт и замерла. Машина поехала дальше.

— Что это? — сказал подросток.

— Уходите, — сказал Гарри. — Быстрее. Бегите.

Отец девочки, школьный учитель, таращился на нее с открытым ртом. Даже в свете уличных фонарей было видно, как встопорщились короткие волосы вокруг его лица. Гарри однажды уже доводилось наблюдать такую реакцию, когда они вместе с коллегой по бригаде «Скорой» вскрывали разбитую в аварии машину, и женщина обнаружила внутри своего мужа. Гарри пришлось завернуть ее в спасательное одеяло, потому что она замерзла. В буквальном смысле. Словно обратилась в лед. Тогда это потрясло его до глубины души.

— Джесс? — сказал подросток. Он не звал ее. Это был вопрос, обращенный ко всем. Полицейская машина приближалась.

— Бегите, — сказал Гарри и подтолкнул учителя. Другую девочку, темноволосую, он схватил за руку и потянул за собой.

Раздался еще один хлопок. Гарри не обернулся, чтобы понять, кто на этот раз: отец девочек или, возможно, Дерек Нокхаус. Кто бы ни оказался, ничего не менялось. Девочка закричала и стала вырываться, и вот тогда он обернулся и увидел, что коп одной рукой держит руль, а другой — свой табельный револьвер и целится, переводя взгляд то на дорогу, то на людей, которых он отстреливал.

Хозяйка бакалеи издала трель, похожую на птичью, и тяжело осела. Отец уже был на земле, лежа с аккуратно сложенными на груди руками. Один из подростков успел сбежать, другой же, тот, который говорил про футбол, тащил Дерек, и Гарри крикнул ему, чтобы тот бежал прочь, но парень, естественно, никуда не побежал. Гарри споткнулся о бордюр — это послужило хорошим напоминанием о том, что надо смотреть, куда бежишь, — ослабил хватку, и темноволосая девочка вырвалась и, просительно вытянув вперед руки, пошла назад, к полицейской машине. Гарри чертыхнулся и поспешил за ней. И тут он увидел Эмили.

Она шла посередине проезжей части. Ее лицо было в тени, так как свет от фонаря падал позади нее. В ее осанке была какая-то мольба, и он сначала решил, что эта мольба обращена к нему, но потом понял, что ошибся: Эмили направлялась к полицейской машине.

Темноволосая девочка вдруг развернулась вполоборота. Гарри пробежал мимо ее оседающего тела, запрыгнул на капот полицейской машины, перекатился через него и спрыгнул на асфальт. Подбежав к Эмили, он закинул ее себе на плечо. У него за спиной с тихим воем опустилось вниз стекло в полицейской машине. Ближайшим укрытием была булочная. Гарри изо всех сил ударил ногой по боку машины, чтобы создать копам лишние трудности.

— Опустите меня, — сказала Эмили.

В десяти футах от двери булочной пуля оцарапала ему ухо. Стекло двери магазина разлетелась вдребезги. Гарри прошел сквозь нее, и под ногами захрустели осколки стекла. Поскользнувшись на них, он начал падать и почувствовал, что теряет Эмили. Вокруг свистели пули. Внутри магазина единственным источником света был холодильник для напитков.

— Эм. — Он пополз к ней. — Эмили. — Нашел ее руку, поднялся на ноги и потянул ее вверх.

— Я хочу умереть.

— Нет, — сказал Гарри.

Он оттащил ее в подсобку. Случайно задел бедром какой-то стол, и на пол с грохотом посыпались противни. Гарри нашел заднюю дверь и обнаружил, что та заперта на несколько замков, к некоторым из которых требовались ключи. Он выпустил Эмили и подергал дверь.

— Черт, — сказал он и занялся другой дверью, поменьше, металлической, с горизонтальной ручкой, как у холодильного шкафа.

Его щиколотки тут же обдало холодом. Он втащил туда Эмили, закрыл дверь и стал в темноте искать замок. Но замка, естественно, не нашлось. Кому бы пришлось в голову запирается внутри холодильной камеры? Дверь вообще открывалась наружу, так что Гарри даже не мог забаррикадироваться. Чертыхаясь, он вцепился в ручку и уперся ногами в пол. Может, повезет, и копы не станут преследовать их. Ведь у них масса других целей. Он прислушался. Дверь была слишком толстой, поэтому Гарри допускал, что копы уже в магазине. Он перестал тянуть дверь на себя, чтобы дать отдых мышцам и не перетруждать их до поры до времени. Послышались всхлипы. Эмили плакала.

— Эм, — сказал он. — Потише.

— Прости.

— Тише.

Она все плакала.

— Я действительно совершила нечто ужасное.

— Знаю. Заткнись. — Ему показалось, что по ту сторону двери появились звуки. Звуки могли исходить от чего угодно. Здесь было невероятно холодно. Слишком холодно для долгосрочного убежища.

— Я должна была остановить все это.

Ручка задержалась в его руках. Он удержал ее. Через мгновение давление на ручку прекратилось. Гарри ждал. Что-то ударило в дверь, что-то твердое и быстрое. Пуля. Потом еще две. Он взялся за ручку одной рукой, а другой стал размахивать в темноте, чтобы нащупать Эмили и заставить ее пригнуться. Через три отверстия в камеру ворвались запахи магазина и проник свет. Гарри не предполагал, что металлическая дверь холодильной камеры окажется пуленепробиваемой, но то, что он не получил опровержение своим предположениям, разочаровало его. Ему под руку попались волосы Эмили, и он, схватив прядь, дернул ее к себе. Она ойкнула, но ему все же удалось одной рукой обхватить ее за шею. Другой же он придерживал дверь, очень надеясь, что копы не отстрелят ему кисть. Некоторое время единственным звуком было их дыхание. Потом Гарри услышал, как копы ходят по ту сторону двери,

— Оно выработалось? — спросил он. — Слово?

— Нет.

— Вот проклятье.

— Зачем ты меня спасаешь? — Гарри проигнорировал ее вопрос как глупый. Снаружи что-то чиркнуло. — Я думала, ты меня не любишь.

— Тихо. — Он увидел отблески, едва видимые сквозь пулевые отверстия, но вполне узнаваемые: копы поджигали булочную.

— Я все испортила. — Эмили разрыдалась.

Мысленно Гарри видел все: коп пятится, упирается спиной во входную дверь, его «пушка» нацелена на холодильную камеру. Едва Гарри откроет дверь, он выстрелит. Возможно, огонь и не разгорится. Возможно, коп сдастся и уйдет. А возможно, и нет.

Потому что там было не «УБИТЬ КУЧКУ ЛЮДЕЙ», ведь так? И там было не «УБИТЬ КА МОЖНО БОЛЬШЕ».

— У меня что-то в глаз попало, — сказала Эмили.

Гарри услышал треск. В холодильной камере стало светлее.

— Эм, мне нужно открыть дверь. — Она сжимала голову руками. — Эмили. Выслушай меня. Жди здесь, пока я тебя не позову. Поняла? Не двигайся, пока я не окликну тебя по имени.

Есть ли снаружи что-нибудь, что можно использовать как щит? Или что можно бросить? Да. Да, он бросит в копа противнем. Тот отобьет пули, а отразившийся в его полированной поверхности огонь на мгновение ослепит копа. У Гарри будет несколько мгновений, чтобы выбежать из камеры и разоружить негодяя — он запросто одолеет его, подготовки в секции рукопашного боя будет достаточно.

— Черт побери, ты слушаешь меня? — Он с трудом удержался, чтобы не схватить ее за плечи и хорошенько не встряхнуть.

— Прощу тебя, Гарри, брось меня.

Он уже чувствовал жар сквозь стену. Наверное, коп уже перебрался к выходу, а может, даже вышел на улицу. Сейчас самая главная опасность — это слишком долго выждать, и тогда пути из этого ада не будет. Гарри выпустил ручку и оторвал руки Эмили от ее лица. На мгновение ему показалось, что он и в самом деле увидел нечто в ее глазу, но это оказался лишь отблеск огня.

— Эм. Ты достала меня. Но я все равно не брошу тебя. Никогда. Поэтому хватит болтать. Надо выбираться отсюда. — Он сплел свои пальцы с ее. — Готова? — Эмили внимательно посмотрела на него. — Готова.

Гарри рывком поднял ее на руки. Она обхватила его за шею. Он сделал глубокий вдох, перевел взгляд на дверь, за которой бушевало пламя. А потом поцеловал ее, потому что, черт побери, ему, вероятнее всего, предстояло погибнуть. Затем ударом ноги распахнул дверь и ринулся в огонь, который ревел, как самый настоящий зверь.

* * *

Она проснулась в кровати. Нет. Не так. На каталке. На чем-то переносном и складном. Она была в комнате, забитой каталками, и здесь плохо пахло. Чем-то горелым. Постойте-ка. Это пахнет ею. Ее опалило. Она дотронулась до головы и поняла, что с волосами что-то не так.

В комнате было очень светло. За широкими окнами солнечный свет отражался в хромированных деталях десятка мощных машин, вездеходов, пикапов и джипов. А за машинами простиралась бескрайняя плоская равнина. На стенах висели цветастые плакаты с буквами, цифрами, школьниками, динозаврами и слонами, а также постеры, рассказывающие о Бразилии и глобальном потеплении. Под окнами стояли парты, они были сдвинуты вместе. Все ясно, это классная комната. Итак, она обгорела и лежит на каталке в каком-то классе.

— Ой, — сказала женщина, — вы проснулись.

Эмили не знала эту женщину. Что было довольно странно, потому что она знала практически всех в Брокен-Хилл. А еще женщина была в форме, как у солдат. Он подошла

поближе и проверила трубки, тянувшиеся к Эмили. Трубки тянулись от внутренней поверхности ее локтей к пластмассовым мешкам на стойке рядом с каталкой.

— Как вы себя чувствуете? — Прежде чем Эмили успела остановить ее, женщина большим пальцем приподняла ее веко. — Вы в Менинди. Это городок недалеко от Брокен-Хилл. — Нашивка на ее форме сообщала: «НЕЙЛАНД, Дж.». — Мы разместили госпиталь школе. Вы испытываете боль?

Бинты на руках напоминали толстые митенки. В комнате стояли еще три каталки, оборудованные под койки, но на них никого не было. Эмили попыталась сесть. Она вспомнила огонь, дым. Как Гарри нес ее через все это. А она тогда выключилась. Потом неслась вперед на кроссовом мотоцикле Гарри, подпрыгивая на каждой кочке. И видела, как кенгуру бегут от огня.

— Где Гарри?

— Тот мужчина, который доставил вас?

— Да, — сказала Эмили. — Да, да.

— Он там, в другом классе. Над ним работают врачи.

— Что с ним?

— Успокойтесь, — сказала Нейланд.

Эмили едва не спросила: «Кого вы предпочитаете, кошек или собак?» Потому что ей очень хотелось выяснить, говорит Нейланд правду или лжет.

— Кто еще?

— Что значит «кто еще»?

— Выбрался, — сказала она. — Оттуда. — Пустые койки слегка пугали ее.

Нейланд не ответила. Эмили ощутила холод в сердце, тоненькую, как стилет, льдинку. Она спрятала лицо в забинтованные руки. Глаз болел.

— Я передам им, что вы пришли в сознание, — сказала Нейланд. — А пока отдыхайте.

Когда Нейланд ушла, Эмили сползла с каталки. Трубки ей пришлось выдирать зубами, потому что от забинтованных рук не было никакой пользы. На ней была зеленая пижама с брюками до щиколоток и широченной курткой. Эмили подозревала, что под пижамой есть только трусы и бинты. Она чувствовала себя раздувшейся. Выглянула в окошко, прорезанное в двери, никого не увидела в коридоре и открыла дверь. Проходивший мимо военный указал на нее и сказал: «Вернитесь обратно», даже не замедлив шаг. Она сказала: «Хорошо», закрыла дверь и выждала некоторое время. В коридоре пол был теплым. Все соседние классы были пусты. Дальше по коридору, в классе с окном, почти полностью заклеенным постерами, Эмили увидела длинный стол на колесах и солдат в масках вокруг него. На столе лежал какой-то человек, обложенный странными серыми пакетами и перебинтованный. Лицо лежащего она разглядеть не смогла, зато увидела его руку, почерневшую и покрытую волдырями, и поняла, что это Гарри. Она зажала рот ладонью.

Когда солдаты в масках заметили ее и замахали руками, Нейланд тоже обернулась и нахмурилась. Эмили подошла к двери и попыталась открыть ее локтем. Но дверь распахнула Нейланд.

— Быстро в койку, — сказала она тихим и деловым тоном, почти как поэт, отчего Эмили даже слегка вздрогнула. — Проклятье, вы вытащили катетер?

— Дайте мне увидеть его, — сказала Эмили, но без убежденности, и Нейланд взяла ее за руку и повела по коридору. — Прошу вас, — сказала Эмили. Нейланд даже ухом не повела. Она привела Эмили в класс и усадила на койку. — Я хочу посидеть с ним.

— С ним все будет в порядке, — сказала Нейланд. — Хватит волноваться.

Почему-то эти слова оказали на Эмили обратный эффект: ее затрясло. Она даже не смогла выговорить «спасибо».

— Вы любите его?

— Да, — сказала Эмили. — Да, да.

— Он был полумертвый, когда добрался до периметра. Трудно было поверить, что он еще в состоянии передвигаться. Ему очень хотелось спасти вас. — Нейланд ласково надавила ей на плечи, побуждая лечь. — Отдыхайте. Если ситуация изменится, я дам вам знать.

Эмили предпочла подчиниться принуждению.

— Ладно.

— Все будет хорошо, — сказала Нейланд, и комнату осветили солнечные блики от машины снаружи. Это был черный седан, совсем не такой, как остальные машины, с затонированными стеклами. Он встал рядом с пикапом.

Эмили села.

— Сколько я здесь?

— Примерно четыре часа.

— Мне нужно увидеть Гарри. — Дверца седана открылась, и оттуда вылезла женщина в костюме. Она характерным жестом откинула волосы. Эмили уже видела эту женщину, много лет назад. Ее звали Плат. — Кого вы предпочитаете: кошек или собак?

— Прошу прощения?

— Кошек или собак? Кого вы больше любите?

— Собак. — Нейланд встала. — А теперь поспите.

— Какой ваш любимый цвет?

— Розовато-лиловый, — сказала Нейланд, берясь за ручку двери. Времени на дальнейшие расспросы не оставалось. Ее можно было бы отнести к двадцати с хвостиком сегментам, и за то огромное время — целых пять минут, — что Эмили провела в ее обществе, она, соединяя воедино основные принципы и психографику, пришла к выводу, что это пятьдесят девятый.

— *Векто бриллья мазог ват*, — сказала она. — Вернись.

Нейланд развернулась.

— Спасибо, — сказала Эмили. — Большое спасибо. А теперь отведи меня к Гарри.

* * *

Она прошла вслед за Нейланд в дальний класс и приблизилась к столу, а Нейланд тем временем придумала удобоваримый предлог для того, чтобы врачи или медицинский персонал — в общем, те люди в масках — вышли. Она сказала, что с Гарри все будет хорошо, однако в это верилось с трудом — он был забинтован с ног до головы, а те части тела, что оставались открытыми, были опухшими и красными. Его глаза были прикрыты белыми ватными кружками, и Эмили захотелось убрать их прочь.

— Разбуди его, — сказала она Нейланд. — Но, прошу тебя, будь осторожна.

Она потянулась к его пальцам, забыв, что ее руки забинтованы.

— Гарри, ты слышишь меня? Нам надо выбираться отсюда.

Нейланд впрыснула какую-то жидкость в капельницу Гарри, и Эмили принялась разбинтовывать свои руки. Они, как оказалось, выглядели хуже, чем она ожидала: кожа на пальцах потрескалась и почернела, из трещин сочилось нечто розовое. Эмили взяла Гарри за руку. Движение причинило ей боль, но от прикосновения ей стало лучше.

— Когда он проснется, помоги мне перенести его в машину. Нужно сделать так, чтобы нас никто не увидел. Ты выведешь нас отсюда и позаботишься о том, чтобы никто нам не помешал. Поняла?

— Да, — сказала Нейланд.

Гарри издал звук. Она убрала ватные диски сначала с одного глаза, потом с другого. Его глаза двигались под веками.

— Гарри, проснись.

Дверь открылась. Эмили обернулась. В дверном проеме стоял солдат, которого она раньше не видела, молодой парень с очень короткой стрижкой. Взгляд у него был сосредоточенным и напряженным.

— О, черт, — сказала Эмили. — *Векто бриллья мазог ват*, не подпускай к нам этого типа.

Солдат бросился к ним, и Нейланд рванула ему наперерез. Они молча обменялись резкими ударами, упали на пол, и Нейланд сначала перебросила его через спину захватом руки и шеи, а потом принялась наматывать ему на шею хирургические шланги. Ожесточенность Нейланд удивила Эмили и произвела на нее впечатление. Она переключилась на Гарри. Тот плавал где-то за пределами сознания, как за стеклом.

— Гарри, пожалуйста, проснись. Мне без твоей помощи не справиться.

Нейланд и солдат врезались в тележку, с которой посыпались хирургические инструменты. Солдат вырвался из цепкой хватки Нейланд, и его взгляд упал на Эмили. Она сразу поняла, что с ним ее план побега не сработает: этот парень собирался вырубить Нейланд, а потом придушить ее и Гарри. Но хуже было другое: сейчас на шум сбегутся люди, солдаты и Плат, и ей не справиться с таким количеством. Эмили ощутила, как внутри поднимается паника.

— Убей его! — сказала она, предположив, что Нейланд действует не в полную силу. Ситуация изменилась, потому что Нейланд мгновенно мобилизовалась и одним ударом по горлу свалила солдата. — Убей всех, кто попытается остановить нас.

Тут в ее сознании что-то щелкнуло, и только сейчас Эмили поняла, что именно произнесла. Она почувствовала, что разрушает себя. Почувствовала, как осознание этого проникает в нее — осознание, что она наконец-то совершила это, нашла способ испортить себя настолько сильно, что обратного пути нет. Ей в глаз попала звездочка. Йитс заранее вложил в ее голову инструкции, и она их все выполнила. В глубине души Эмили не верила в то, что ее вины в случившемся нет. Она уже убила людей, и сейчас звездочка в ее глазу требовала, чтобы она продолжала убивать.

— Прости, — сказала она Гарри и зарыдала, оплакивая отчасти себя, а отчасти Гарри, который так старался все исправить. Нейланд и солдат продолжали бороться, пыхтя и охая. Эмили наклонилась и поцеловала Гарри сначала в один глаз, потом в другой. — Я люблю тебя.

Его глаза задвигались быстро-быстро, как при быстром сне. Эмили заколебалась.

— Гарри, — сказала она и увидела отклик, крохотную нейроэлектрическую искорку. Это напомнило ей, как там, в округе Колумбия, она искала представителей

психографических сегментов и проверяла на них слова. Тогда она подвергала реверсивному инжинирингу целые слова.

У Гарри иммунитет. Но вдруг у него иммунитет только на знакомые ей слова? Вдруг он просто слегка измененная машина, психографический сегмент, который Организации не удалось вычлениить только потому, что о нем не знали?

— *Ко*, — сказала она. И стала наблюдать за его веками. — *Ка Тох*. — Она очень хорошо его знает. Она сразу распознает нужное движение. — *Кик*. — Мышца над его верхней губой дернулась. Эмили едва удержалась от взгласа. Ее мозг тут же принялся перебирать вероятности, отсортировывать связки. — *Кик*, — сказала она, чтобы убедиться.

Солдат издал булькающий звук. Эмили перевела взгляд и увидела, что он посинел. Нейланд душила его. Эмили снова сосредоточилась на Гарри и велела себе игнорировать все, кроме мышц вокруг глаз, которых насчитывалось сорок восемь. Она опробовала на нем различные звуки. Она выстраивала путь к слову внимания. Начало получилось хорошим, но этого было мало. Эмили не знала, сколько времени прошло. Она была полностью сконцентрирована на словах.

Только эти слова не спасут ее. Она это точно знает. Для нее уже поздно, для нее обратный отсчет начался в тот момент, когда в распахнувшейся двери минивэна отразилось слово. А вот для Гарри еще не поздно.

Закончив, Эмили дотронулась до его лица.

— Гарри, — прошептала она. — *Киккаф фкаткх фкиксу зткку*.

Гарри изменился. Она сотню раз видела, как люди подпадают под *компрометацию*, но никогда не видела, как это происходит с ним. Частичка ее медленно умирала, пока она смотрела, как мышцы на его лице расслабляются, как его сознание открывается и терпеливо ждет инструкций, как его душа превращается в механизм. Она могла бы сказать ему «беги со мной», и «делай, что я тебе скажу», и «люби меня вечно», и он бы все это выполнил. Однако тогда ее любила бы машина, а не человек, машина, созданная ею.

— Забудь все это, — сказала она ему. — Выбирайся отсюда, забудь меня, забудь, что ты жил в Брокен-Хилл. Стань другим. *Киккаф фкаткх фкиксу зткку*, забудь меня.

Спотыкаясь, Эмили пошла прочь от стола. Ей было невыносимо смотреть на Гарри. Нейланд стояла как статуя, что крайне удивило ее. Солдат с короткой стрижкой лежал на полу и не шевелился.

— Нейланд, — сказала Эмили. — Спасибо.

Та ждала.

— Унеси его отсюда, — сказала она. — Береги его.

* * *

Нейланд перенесла Гарри в джип и унеслась прочь в облаке пыли, а Эмили вернулась в тот класс, где она проснулась, и стала искать маркер. В классах всегда должны быть маркеры. Эмили нашла их в ящике стола, множество, разных цветов, взяла целый пучок и отправилась на поиски туалета. Вокруг бегали и кричали люди, но они были в основном снаружи — их привлек странный отъезд Нейланд. Эмили не видела Плат, и это беспокоило ее, потому что, если та найдет ее, это будет худшим из всего, что могло бы случиться.

Она отыскала туалет для девочек. Там был длинный прилавок с низкими, для детей,

раковинами. Эмили выбрала из пучка синий маркер и, как малыш-егоза, принялась писать на зеркале. Первое слово было «*вартикс*». Оно когда-то заставило ее стоять с открытым ртом в комнате, но она хорошо училась, тщательно выполняла домашние задания и давно вышла из юношеского возраста, так что сейчас ей удалось написать его без всяких проблем; правда, после каждой буквы она останавливалась и поднимала глаза к потолку, чтобы прочистить сознание. Закончив с «*вартикс*», Эмили всячески старалась не смотреть на него, пока писала второе, потом третье и четвертое. После этого ее стошнило в раковину, но она справилась. Снова взяв маркер, опустила голову и не глядя дописала: «УМРИ».

Эмили закрыла глаза. Отступила на два шага. Глубоко вдохнула и выдохнула. Все это сработает, если только она ослабит свою оборону. «*Меня любят*, — сказала себе Эмили. — *Я в безопасности*». Она ощутила, что мышцы расслабляются. Сплотнула. «*Открой глаза. Открой глаза*». Эмили начала открывать глаза и тут же зажмурилась. «*Открывай*, — сказала она, — *открывай, сука. Ты же знаешь: если они найдут тебя, то заставят тебя рассказать про Гарри! Открывай! Ты это заслужила!*» И она заплакала.

Эмили вернулась к прилавку и нащупала маркер. Не глядя на командные слова, определила, где находится слово «УМРИ», зачиркала его маркером и чуть ниже написала «УМЕР». А перед ним написала «ГАРРИ». Не давая себе времени передумать, она отошла на достаточно большое расстояние и только тогда оглянулась.

* * *

Эмили сидела на кафельном полу. В туалете. Ощущение было такое, будто ее сознание измочалили. Как будто ее только что *скомпрометировали*.

Менинди. Ну конечно. Гарри привез ее сюда. Он вывез ее из Брокен-Хилл и спас ей жизнь. Но потом...

— О, нет, — сказала она.

Гарри умер. Его так и не спасли. Эмили видела, как он умирает на операционном столе. Из ее горла вырвался вой, но она быстро подавила его из опасения, что Плат может быть рядом. Ее, наверное, ищет вся Организация. Эмили собрала свою скорбь в кулак, крепко сжала ее и превратила в гнев. Время на скорбь еще будет, но это потом. Главное в другом: Гарри хотел, чтобы она жила. Поэтому она должна выжить. Она сбежит, спрячется, потому что это получается у нее мастерски. А потом придумает, как вернуться к Йитсу и как ему отомстить.

Но сначала... Она поднялась на ноги и стала размышлять над тем, как ей, черт побери, выбраться отсюда.

Служебная записка

8 Батальон тылового обеспечения

Медицинский корпус Королевских Сил обороны Австралии

ГРИФ: НЕГРИФОВАНО

МЕСТО БОЕСТОЛКНОВЕНИЯ: БРОКЕН-ХИЛЛ, НОВЫЙ ЮЖНЫЙ УЭЛЬС

ДИСЛОЦИРОВАНИЕ +28 час.

По запросу подтверждаю отсутствие военного медика первого класса НЕЙЛАНД ДЖЕННИФЕР С. В последний раз была замечена на станции E04, Менинди, НЮУ (32.400105, 142.411669) в 0600 13/3, не отмечалась при уходе, нет контакта в течение 12 часов.

Не уверен в необходимости подавать ее в розыск, так как Нейланд всегда была образцовым солдатом, не проявляла признаков инакомыслия и недовольства, и т. д. Не обнаружена среди погибших или раненых, но я, откровенно говоря, склоняюсь к тому, что она самовольно оставила свой пост.

Учитывая нынешнее положение дел в районе Брокен-Хилл в общем и на станции E04 в частности, рекомендую отложить любые действия до получения более подробного отчета о сложившейся ситуации. Ставлю под большое сомнение целесообразность приказов о полном выводе личного состава из Брокен-Хилл и достоверность докладов о массовых потерях на территории города, о возможности токсического заражения, о нарушении связи в результате полного уничтожения оперативного подразделения.

Высоко ценю интерес к ситуации, но рекомендую не предпринимать никаких действий до получения отчета

*УОРРЕНТ-ОФИЦЕР ПЕРВОГО КЛАССА Ф. Д. БАРНС
8 БТО, МККСОА*

Часть IV

Вавилон

С тобой я не живу,
Но жизнь — то быть с тобою.
И жизнь есть только там,
За прочною стеной.

Эмили Дикинсон

Уил плечом толкнул дверь и вышел из отделения «Скорой». После темноты солнечный свет показался яркой вспышкой. Он жадно глотнул воздуха. Затем прошел к белому минивэну и привалился к нему. В одной руке он держал ту самую штуку. Хотя внутри было темно, Уил сразу заметил ее. Кусок дерева размером с книгу, с листком пожелтевшей бумаги на нем. Листок он брать не стал. Дерево оказалось более тяжелым, чем обычно, и холодным на ощупь. Создавалось ощущение, будто оно хочет высосать тепло из его тела. На поверхности этой штуки был символ, Уил видел его впервые, и чем дольше он смотрел на него, тем тяжелее становился ком, образовавшийся у него в желудке. У него даже начали слезиться глаза, и он отвел взгляд. Однако в нем самом ничего не изменилось. Все было правдой. Он обладал иммунитетом.

Уил пошел обратно к «валианту». Но остановился, потому что не мог показать эту штуку Элиоту. Тот дал ему абсолютно четкие указания на этот счет. Уил огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь, чем можно было бы обернуть эту штуку. Дверцы минивэна были открыты. Он заглянул внутрь, нашел небольшое полотенце и стряхнул с него песок.

Подойдя к машине, Уил увидел, что Элиот сидит с закрытыми глазами. Он распахнул дверцу. Грудная клетка Элиота поднялась и опустилась, его глаза приоткрылись.

— У меня получилось, — сказал Уил. — Я нашел слово.

Элиот заморгал.

— Вот оно, — сказал Уил, поднимая сверток, но Элиот уже успел зажмуриться. — Все в порядке! Я его закрыл. Это что-то вроде символа на... — Голова Элиота дернулась сначала вправо, потом влево. — Я не собираюсь в подробностях описывать его тебе! Я говорю в общем!

— Ш-ш-ш, — сказал Элиот.

— Я знаю, что здесь произошло. Почему все погибли. К слову было прикреплено нечто, что...

— Ш-ш-ш!

— Ладно! Я просто хочу сказать, что ты не умрешь, если согласишься на эту штуку. Она уже не несет смертельной опасности. — Это никак не изменило мнения Элиота. — Ну и жуткий у тебя вид. Ты попил? — Уил увидел бутылку со свинченной крышкой у ноги Элиота. Коврик был мокрым. — Господи, не пил. — Он перегнулся через Элиота в поисках других бутылок. Запах в машине стоял мерзкий. — Пей. — Он отвинтил крышку и поднес бутылку к губам Элиота. В горле раненого что-то щелкнуло. Его кадык дернулся. Когда вода полилась у него по подбородку, Уил убрал бутылку, чтобы Элиот не захлебнулся и смог проглотить все, что налилось ему в рот. Потом он сказал: — Еще, — и снова поднес бутылку к его губам.

— Фр-р, — сказал Элиот.

— У меня идея. Мы поедем в больницу. В больницу, где есть живые люди. Потом я с помощью этой штуки заставлю их помочь тебе. Договорились? Просто подействую на них словом. Мы скажем, чтобы они помогли тебе, но никому не рассказывали, что мы были у них. — Элиот опять стал захлебываться, и Уил убрал бутылку. — Хороший план?

Голова Элиота повернулась влево, потом вправо.

— Эх, — сказал Уил. — Ну, а у тебя какой план? Вот мне, например, совершенно

очевидно, что ты помираешь. И мы оба знаем, что у меня нет шансов одному одолеть тех, кто нас преследует, даже с этим волшебным словом. Так что вариантов два: либо больница, либо я оперирую тебя тем, что сумею найти. Правда, я дилетант в хирургии. Хочешь, чтобы я тебя оперировал? — Элиот ничего не сказал. — Я и не буду. Я отвезу тебя в больницу. — Уил закрыл дверцу, обошел машину и сел на водительское место. — Продолжай пить.

Он сунул штуку, завернутую в полотенце, между сиденьями и повернул ключ зажигания. Раздался одинокий щелчок. Уил захлопал глазами. И вспомнил, что у них нет бензина. Он повернулся к Элиоту и увидел, что тот абсолютно без удивления смотрит на него.

— Заткнись, — сказал Уил. Он перевел взгляд на дорогу, усыпанную костями и ржавым металлом. — Я найду бензин. Вернусь через пять минут. Постарайся не умереть за эти пять минут.

Элиот свесил голову.

— Не ври мне. Если понадобится, я вскрыю тебя.

— Нрм, — сказал Элиот. — Я. В. Норме.

Уил оглядел его. Он знал, что не прочтает в лице Элиота ничего, кроме того, что тот захочет довести до его сведения.

— Я вижу, — сказал он. — Ты в норме. — И он вылез из машины.

* * *

Уил нашел покрытый толстым слоем пыли джип с ключом в замке зажигания и бензином в баке. Этот вариант был лучше, чем пытаться оживить полуразвалившийся кусок дерьма, каким был «валиант», поэтому он сел за руль и поехал, объезжая разбитые машины. Внутри стоял странный запах, но Уил старался не думать, откуда он. Подъехав к «валианту», переключил скорость на нейтральную и выпрыгнул. Состояние Элиота, судя по всему, сильно ухудшилось. Его кожа стала похожей на бумагу, взгляд расфокусировался.

— Эй! — сказал Уил. — Я нашел машину получше. — Он открыл дверцу Элиота. — Закинь руку мне на шею.

— Нет.

— Да.

— Ты. Езжай. Я. Останусь.

— Нет, так не пойдет. Ты поедешь со мной. Таков наш план. Мы отвезем тебя в больницу.

— Плохой. План, — сказал Элиот. — Тебя. Убьют.

— У тебя есть альтернатива?

— На север. Две мили. Грунтовка. Потом. Напрямую. Сорок миль. До шоссе. Город. Кикару. Потом. Куда угодно. Куда захочешь.

— А в Кикару есть больница?.. Нет. Так что мы туда не едем.

— Должна. Быть.

— Вот что я тебе скажу. Посмотри мне в глаза и честно ответь: веришь ли ты, что я справлюсь без тебя? Если да, я оставлю тебя здесь.

Элиот посмотрел на него.

— Неубедительно, — сказал Уил. — Хватай меня за шею.

— Нет.

— Вылезай из машины, черт побери!

— Нет.

Уил нырнул внутрь и подсунул руки под Элиота. Голова раненого дернулась и ударила его по носу. Не сильно, но очень больно, у него даже в глазах потемнело.

— Ублюдох! — Уил отпрянул. — Козел! — Перегнулся через Элиота и схватил сверток. — Я заставлю тебя, чтоб тебе пусто было! — Он принялся разворачивать полотенце.

— Нет.

Напряженный тон Элиота заставил его замереть.

— Тогда...

— Никогда. — На мгновение Уилу показалось, что Элиот собрался вылезти из машины. Но тот всего лишь наклонился вперед. — Никогда. На меня.

— Ладно, — сказал Уил, испугавшись. — Договорились. — Но когда Элиот снова откинулся на спинку и стал менее устрашающим и более беспомощным, он передумал. — А знаешь что? Я им воспользуюсь.

Он полностью развернул полотенце и стал убирать его. Полотенце зацепилось за острие и порвалось. Элиот издал какой-то звук, нечто среднее между рыком и стоном, и его голова повернулась в противоположную сторону. Уилу пришлось развернуть его лицом к слову, однако глаза Элиота так и остались закрытыми.

— Черт побери! — Одной рукой держа слово, он попытался большим пальцем другой руки поднять Элиоту веки. — Открой глаза! — Ему удалось открыть один глаз. Зрачок расширился, и Элиот перестал сопротивляться. — Вот и хорошо, — сказал Уил. — Вылезай из машины.

Элиот поднял руку и ухватился за боковую стойку. Уил отступил на шаг. В проеме появилась другая рука Элиота и задергалась в разные стороны, как паук, ищущий жертву. По телу раненого прошла волна дрожи.

— Эй, ты как? Что с тобой? — сказал Уил.

— Хрррр, — сказал Элиот. Его лицо стало очень сосредоточенным.

Он пытается вытащить свое тело из машины, догадался Уил. Напрягается, а сил не хватает. Уил наклонился, чтобы помочь ему, и обнаружил, что все тело Элиота вибрирует, что его мышцы окаменели и напоминают жгуты проволоки.

— Ну вот, — сказал Уил. Элиот выпрямился и дерганым движением выбросил вперед ногу, делая шаг. Уил отпустил его. Элиот упал. — Черт! Прости. — Элиот заскреб руками по бетону. — Господи! Элиот! Дай я помогу тебе.

— Гиии.

Уил обхватил Элиота за торс.

— Пошли. Сюда. — Элиот сделал четыре шага, и его стошнило. Глаза были расширены, взгляд устремлен в одну точку, зрачки затянуты белой пленкой. Он напоминал мертвеца. — Элиот, прости. Но надо идти. — Нога раненого повисла в воздухе, и Уил переместил его тело так, чтобы ступня опустилась на бетон. — Вот так. — Элиот издал звук, который можно было бы с натяжкой принять за кашель. — Прошу тебя, Элиот. — Тот не справлялся с задачей. Он уже был мертв, а Уил заставлял его идти к джипу. — Прости меня. Но я не могу дать тебе умереть.

— Хррр.

— Не умирай! Не умирай! — Уил помахал словом перед лицом Элиота, хотя не знал,

видит его тот или нет. — Не умирай!

Тело Элиота забилося в конвульсиях, изо рта брызнула слюна.

— Черт! — сказал он.

Они дюйм за дюймом продвигались к минивэну «Скорой», и Уил подумал, что там могут быть седативные препараты, что-нибудь, уже набранное в шприц. Он бы вырубил Элиота, и тот перестал бы напоминать реанимированный труп.

— Давай сюда!

Он привалил Элиота к минивэну, и раненый стек вниз. Но Уил все равно забрался внутрь и принялся обыскивать ящики. У него снова возникло ощущение, что он бывал тут, и на этот раз оно было гораздо сильнее. Он чувствовал, как воспоминания толкуются в глубинах памяти, вне досягаемости. Однако у него не было времени, чтобы разбираться с ними. Элиот лежит на земле, и ему нужно каким-то образом перетащить его в джип. Надо закинуть его на плечи пожарным захватом. И чего он все это время водил Элиота за руку? Глупость какая-то. Если надо перенести кого-то, достаточно закинуть его на плечо. Это все знают. Все, кто работает в «неотложке», сотни раз делали это на тренировках. Уил оглядел внутренности минивэна. Машина не просто была знакома. Он знал ее как свои пять пальцев.

Уил пробрался мимо носилок к кабине, к водительскому сиденью. Положил руки на руль. А Элиот тем временем истекал кровью. Но машина звала его. Он ощутил твердую уверенность в том, что когда-то был врачом «Скорой».

Уил открыл отделение между сиденьями и порылся в нем. Среди мелочи и прочего хлама он нашел пожелтевший информационный бюллетень. Быстро глянул на него и уже собрался выбросить, но в последний момент сообразил, что на фотографии, напечатанной на первой странице, он сам. На снимке он выглядел совершенно иначе. Стоял с группой каких-то людей перед дверью в отделение «Скорой помощи». У него были длинные волосы. Кожа была смуглой от загара. Плечи были гораздо шире. И вообще, вид у него был расслабленный; Уил не помнил, чтобы когда-либо ощущал такое спокойствие и умиротворение, как на снимке. Он прочитал подпись и, для надежности, отсчитал фигуры слева направо. «ГАРРИ УИЛСОН». Это был он. Раньше его звали Гарри.

Позади него кашлянул Элиот. Уил подумал: *«Этот парень потерял много крови»*. Он ошеломленно хлопнул глазами. По какой-то причине Уил не стал обрабатывать огнестрельную рану Элиота. Очевидно, чтобы тот истек кровью. Это озадачило его. И почему он так долго тянул?

Уил перебрался назад и перенес Элиота на носилки. Тот застонал. Это был хороший знак. Ну, просто знак. Уил обшарил полки в поисках скальпеля, хирургических перчаток, перевязочного материала и соляного раствора; все оказалось на своих местах. Затем он уложил Элиота на бок, зажал скальпель между зубами, подтянул к груди одно его колено и переложил его руку так, чтобы она не закрывала бок. Затем разрезал на нем рубашку и увидел входное отверстие, огромное, с ладонь, розовое, рваное, сочащееся кровью. Он ужаснулся самому себе. Вовремя оказанная помощь спасла бы жизнь этому парню. А теперь единственное, что он может сделать, — это остановить кровотечение, наложив повязку.

Уил сунул палец Элиоту в анальное отверстие и слегка потянул вверх. Раздался чавкающий звук, и ему на руку вытекло маленькое озерцо. Это было плохо, наверное, худшее, что он мог предположить, потому что означало, что внутри Элиота есть дырки. Чтобы определить источник, ему пришлось засунуть в него четыре пальца, и Элиот издал жуткий звук. Уил делал то, что мог. Немного, но вполне достаточно. Затем он принялся

накладывать повязку на рану.

И как только Уил углубился в работу, из дальних уголков сознания стали выпрыгивать воспоминания, как жарящийся попкорн. Крохотные, не связанные между собой. Лицо какой-то девушки. Запах земли поутру. Они все выпрыгивали и выпрыгивали. Прорываясь через все барьеры, возведенные в его сознании. Тут его осенила одна настолько важная мысль, что он замер.

Элиот учащенно дышал. Он был без сознания. Кожа на его лице была серой. Проблема состояла в том, что слишком много от Элиота осталось в двух машинах, а еще на его рубашке и пальто. Он был на волосок от гиповолемического шока, и Уил ничего не мог с этим поделать. Он выглянул из минивэна и посмотрел на двери больницы. До отделения «Скорой помощи» всего двадцать футов, и там полно упаковок с элементами крови, только они все черные и твердые, как камень.

Уил наклонился над носилками.

— Элиот. — Он выкрутил Элиоту ухо. Это очень больно, если делать правильно. — Эй, Элиот, ты, ублюдок...

Тот застонал.

— Элиот. — Уил заговорил в самое ухо раненого. — Элиот.

— Мм, — сказал Элиот.

— Какая у тебя группа крови?

* * *

Элиот открыл глаза. Наверху был потолок, выложенный квадратами. Фальшпотолок, такой, под которым тянутся трубы и змеятся провода. Он не знал, где находится и сколько времени прошло.

Затем Элиот услышал треск. Он насторожился. В животе болело. В его теле вообще было много боли. Он попытался поднять голову, и перед глазами все поплыло. Элиот увидел бледно-голубые стены и потолок с трещинами. Проводной телефон, висящий на одной стене. Стулья, прикроватную тумбочку. Кровать, ту самую, на которой он лежал. В воздухе пахло пылью.

«О, боже, — подумал Элиот. — Я в Брокен-Хилл».

Он принялся изучать окружающую обстановку на ощупь. Что-то мешало ему двигать одной рукой, и он обнаружил трубку. Он был подсоединен к чему-то. Дюйм за дюймом передвигая голову по подушке, Элиот увидел вешалку, с которой свисали три мешка и от которой тянулись трубки. В одном мешке была прозрачная жидкость, в другом темная, в третьем — тоже темная, но раньше, потому что сейчас он был почти пуст. Увиденное озадачило его, потому что ничего такого он не помнил.

Еще один треск. На этот раз Элиот определил его как выстрел. Из ружья. Его мысли стали приходить в порядок. Он приехал в Брокен-Хилл с тем неподдающимся, с Уилом. Его подстрелили, какой-то фермер. Когда он понял, что ранение смертельное, то велел Уилу бросить его. Но тот отказался. Ситуация страшно разозлила Элиота, потому что ему надо было убедить Уила, но у него ничего не получалось, так как парень был неподдающимся. А еще до тупости упрямым. Элиот отключился до того, как вопрос был решен. По всей видимости, Уил спас ему жизнь.

Элиот услышал шаги. Он прислушивался, пока не убедился, что они приближаются, и стал шарить рядом с собой в поисках оружия. В представлении Элиота имелось два вероятных сценария. По одному, Уил уехал со словом, как и инструктировал его Элиот, и тогда шаги принадлежат кому-то из Организации, присланному убить его. По другому, шаги принадлежат Уилу, который оказался слишком большим трусом, чтобы уехать, и теперь только и ждет, когда Элиот проснется и скажет ему, что делать дальше. Какой бы сценарий сейчас ни разыгрывался, он ощущал настоящее желание пристрелить кого-нибудь.

Самым смертоносным объектом в поле его зрения была вешалка, которая могла бы послужить в качестве дубинки. Элиот потянул на себя одеяло, чтобы освободить ноги. Но продвинулся в этом процессе недалеко, так как в дверном проеме появился человек с ружьем на плече. В первое мгновение Элиот его не узнал.

— Лежи, — сказал Уил. Он прошел через комнату и выглянул в окно.

Элиот опустил голову на подушку, сломленный непосильной тяжестью собственного горького разочарования. Зря он ожидал чего-то другого. Уил не сделал ничего из того, о чем Элиот просил его с того момента, как они встретились. Какой же он дурак, если надеялся, что Уил станет другим только потому, что все зависит от него... Элиот откинул одеяло.

— Надо... ехать. Сейчас.

Уил проигнорировал его. Он смотрел на что-то снаружи. Элиот не знал, на что именно.

— Послушай, ты... вот черт, — сказал он. — Вульф... уже близко.

Элиот попытался продолжить, но речь превратилась в кашель. Когда он открыл глаза, Уил держал перед ним чашку с водой. Элиот взял ее. В манерах Уила что-то изменилось. Видимо, поэтому он его сначала и не узнал — Уил стал в чем-то другим. Элиоту в голову пришла странная, сбивающая с толку мысль: «*Это не Уил Парк*».

Похожий на Уила человек без всякого выражения на лице наблюдал, как он пьет. Когда Элиот допил воду, человек сказал:

— Ложись.

— Надо...

— Ты вот-вот опять отключишься, — сказал Уил-чужой. — Ложись.

Элиот чувствовал, что это правда, но все равно сопротивлялся.

— Вульф.

— Ты имеешь в виду Эмили. Эмили Рафф.

«*О, Господи*», — подумал Элиот.

— Не бойся, ты не называл ее настоящее имя. Ты много говорил о Вульф. Но ни разу не упоминал, что я знаю ее. Что мы были с ней близко знакомы, как выясняется.

— Я... могу... объяснить.

— Ага, — сказал Уил. — Обязательно объяснишь. Но сначала поспи. — Он снял с плеча ружье. — А мне надо пристрелить парочку типов.

«*Каких типов?*» — попытался сказать Элиот, но не успел: он впал в бессознательное состояние.

* * *

Элиот погрузился в сон, но не глубокий. Он вспомнил, как в темноте звонил телефон. Не сейчас, а давно. Он тогда тоже лежал и ощущал вокруг себя Брокен-Хилл. Он тогда

открыл глаза и увидел шторы. И часы рядом с кроватью. «Гостиница, — вспомнил он. — Я в кровати, в гостинице, в Сиднее». Телефон звонил и звонил, но Элиот не двигался, опасаясь, что телефон исчезнет, и он опять окажется на дороге, неподвижный, лицом в асфальт.

Он взял трубку.

— Вы просили разбудить вас, мистер Элиот. Время половина пятого.

— Спасибо.

Он осторожно опустил трубку на аппарат, и тот не исчез. Элиот встал и раздвинул шторы. За окном был город; знаменитый сиднейский Дом оперы купался в огнях, а за ним виднелся стальной мост. В заливе было несколько лодок, на воде качались отсветы фонарей. Все это — вода, металл — умиротворяло его, потому что подтверждало, что сейчас — не три недели назад, когда вокруг него погиб Брокен-Хилл.

Элиот побрился и оделся. В коридоре под дверью номера лежала свежая газета, и он перешагнул через нее. Внизу его ждал лимузин, и коридорный уже спешил открыть ему дверцу. Мимо проносились извилистые улицы города, потом они по мосту пересекли залив и направились к зоопарку. По узкой дорожке, рядом с которой темные волны бились о камни. Наконец, лимузин затормозил возле какой-то лестницы, и водитель указал рукой на крутые ступеньки, тем самым давая понять Элиоту, что ему следует подняться вверх.

Наверху стоял дом в колониальном стиле. Открытая площадка, выложенная терракотовой плиткой, была освещена десятком тщательно спрятанных садовых светильников. На одном из стульев за маленьким изящным столиком сидел Йитс.

— Прежде чем ты приблизишься, — сказал он, — взгляни на воду.

Элиот повернулся. Залив напоминал черное зеркало, и он плохо представлял, что должен увидеть. Затем перевел взгляд на Йитса.

— Рад видеть тебя. — Пока Элиот смотрел на залив, тот успел бесшумно подняться и сейчас шел к нему с вытянутой вперед рукой. Элиот пожал ее. Как всегда, лицо Йитса было таким же бесстрастным, как деревянный забор. Сотрудники Организации гадали, не сделал ли он пластическую операцию, чтобы парализовать мышцы лица. Элиот был склонен считать, что да, так как знал, что у Йитса есть персональный хирург. Однако временами он замечал дергающуюся процерус^[14] или оксипитофронталис^[15] и начинал сомневаться. — Как ты?

— Три недели назад меня ненадолго парализовало, — сказал Элиот. — Ну а с тех пор нормально.

Йитс жестом пригласил его сесть.

— И никаких последствий?

— Никаких с рассвета второго дня.

— Как она и сказала. Забавно. Если честно, я все еще не могу прийти в себя от того, что поэт твоего калибра не устоял перед этим.

— Этим, — сказал Элиот. — Давай назовем это так, как оно называется. Элементарным словом.

— Очевидно, да.

— Прошу меня простить, — сказал Элиот, — но у меня ощущение, будто меня обвели вокруг пальца.

— То есть?

— Ты отправил меня в Брокен-Хилл, не рассказав, с чем мне предстоит иметь дело.

— Кажется, я сказал тебе, что это концентрированное элементарное слово.

— Концентрированное, — сказал Элиот, — еще какое концентрированное.

Повисла тишина.

— Ну, — сказал Йитс, — очевидно, его действенность застала нас врасплох.

Вошла женщина и принялась готовить чай и кофе. Элиот ждал. Когда она ушла, он сказал:

— Так мы поговорим откровенно?

Йитс развел руки.

— Ты прибыл в Брокен-Хилл практически сразу. Ясно, что ты был рядом. Ясно, что информацию от меня скрыли. Я хочу знать почему. Я хочу понять, какими своими действиями я заслужил меньшее доверие, чем Плат.

— На что это было похоже?

— Что на что было похоже? — сказал Элиот, хотя уже догадался.

— Как я представляю, все было мгновенно. Но ты наверняка что-то ощутил. Потерю восприятия на долю секунды. Желание уцепиться за меркнувший свет.

— Я почувствовал себя так, будто меня оттрахали в мозг.

— А ты не мог бы выразиться точнее?

— Эта штука была у тебя в О. К. Я уверен, у тебя масса данных от тех бедняг, которых ты запирали в лаборатории.

— Есть, но не так много. И все же я хотел бы услышать от тебя.

Элиот посмотрел на черную воду.

— При обычной *компрометации* чувствуешь себя так, будто сидишь с кем-то в одном «фонаре». Как будто рядом с тобой есть еще кто-то, кто переключает тумблеры у тебя за спиной. В этом же случае у меня не было ощущения, что я смогу вернуть себе контроль. Ни малейшего. Ощущение полного утомления. Словно тебя вымотало нечто примитивное.

Потекли мгновения.

— В общем, — сказал Йитс, — за это я прошу прощения. В мои намерения не входило жертвовать тобой. Честное слово, я выбрал именно тебя, потому что считал тебя самым талантливым из моих коллег и единственным, кто способен остановить ее. Что касается причин, почему я скрыл от тебя свое местонахождение, признаюсь, это была страховка от того, что Вульф могла направить тебя против меня. Эгоистичное решение. Но у меня нет желания противостоять тебе, Элиот. От одной мысли об этом меня охватывает ужас.

Элиот никак не отреагировал на эти слова. В отдалении очень по-австралийски закричало какое-то животное.

— Итак, у тебя есть элементарное слово.

— Первое за восемьсот лет, — сказал Йитс. — Это волнующее и радостное событие.

— Где оно сейчас?

Йитс едва заметно пожал плечами:

— Там, где она его оставила.

— То есть?

— Мы его не обнаружили, — сказал Йитс. — Очевидно, оно все еще где-то в больнице.

— Очевидно?

— Местные власти направили туда несколько команд, и ни одна из них не возвратилась.

Я полагаю, что их убивает слово.

Элиот помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

— Меня удивляет, что ты не предпринял необходимых шагов, чтобы забрать его. Даже

передать не могу, насколько сильно удивляет.

— Гм, — сказал Йитс. Он довольно долго смотрел в темноту. — Позволь задать тебе вопрос. Если слово такое мощное, почему те, кто владел им, пали? А ведь они действительно пали — об этом говорят все истории. В каждом случае за появлением слова следует что-то вроде вавилонского события, в результате которого существующие правила ниспровергаются и исчезает общий язык. Если говорить современными терминами, это равноценно тому, как если бы исчез английский. Представь, что исчез итог работы нашей Организации. Весь наш лексикон уничтожен. И все же для меня очевидно, что все происходило именно так. Такое случается каждый раз, без исключений, когда обнаруживается элементарное слово. Разве это не любопытно?

— Рано или поздно все империи гибнут.

— Но почему? Ведь не из-за недостатка могущества. По сути, все было наоборот. Могущество убаюкивало их, и они расслаблялись. Исчезла дисциплина. Тех, кто вынужден был добиваться власти, заменили те, кто не знал ничего иного. Чьи потребности не поднимались выше примитивных желаний. Власть портит, как говорит народная мудрость, и элементарное слово, Элиот, является не только абсолютной властью, но и обладает качеством похуже: оно не заслужено. Мне не надо ничего делать, чтобы овладеть им, достаточно просто взять его. И это беспокоит меня. Я вынужден спросить себя: если я возьму элементарное слово, останусь ли я прежним? Или оно испортит меня?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Элиот. — Но я твердо уверен, что нам нельзя оставлять его в той чертовой пустыне.

Йитс молчал.

Элиот подался вперед:

— Верни его домой. Спрячь за семью печатями. Господи, залей в бетон... Похорони на следующие восемьсот лет.

Йитс отвел взгляд.

— Оно нам не нужно, — сказал Элиот. — Если только, конечно, ты не собираешься строить башню.

— Есть еще одна проблема. Вульф сбежала.

Элиот закрыл глаза. Хотя подобное противоречило профессиональной этике, ему это было необходимо.

— Как такое стало возможным?

— Она очень изобретательна, — сказал Йитс. — О чем, я полагаю, ты и сам знаешь.

— Газеты писали, что никто не выжил.

— Но ты же не веришь им.

— Где она?

— Не представляю.

— Ты не представляешь?

— Как я говорил, — сказал Йитс, — она изобретательна. Ей удалось вытащить еще кое-кого.

— Кого?

— По всей вероятности, того типа, ради которого она вернулась.

— Гарри?

— Да, это имя мне знакомо.

— Давай проясним кое-что, — сказал Элиот. — В Брокен-Хилл находится

элементарное слово. Местонахождение поэта, который с его помощью убил три тысячи человек, остается неизвестным. Я что-то упустил?

— Нет, — сказал Йитс. — Это всё.

— И все же у меня ощущение, что я что-то упустил, так как такая ситуация — это безумие.

Йитс молчал.

— Элементарное слово необходимо вернуть. Вульф необходимо нейтрализовать. Уверен, ты понимаешь, что эти вопросы обсуждению не подлежат.

Йитс пригубил чай.

— Да. Ты, конечно, прав. Все это необходимо сделать.

По какой-то причине Элиот не верил ему.

— Я найду Вульф.

— Между прочим, ты вернешься в О. К. Билеты уже заказаны. Ты вылетаешь сегодня днем.

Элиот покачал головой.

— Я хочу остаться.

— Как ты, Элиот?

— Ты уже спрашивал меня.

— Я спрашиваю опять, потому что ты во второй раз за наш разговор используешь слово «хочу». Будь ты третьеклассником, я пришел бы в ужас.

— Я выражусь иначе. Важно нейтрализовать Вульф, и я в этом лучший.

— Но как ты себя чувствуешь? — Йитс впился в него глазами. — Она же очень сильно задела тебя. Я это ясно вижу. Разве дело только в элементарном слове? Нет. Кое в чем еще. Ты всегда был слишком близок с ней. В тебе проснулась привязанность. Почему — не представляю. Но эта привязанность уже тогда мешала тебе выносить объективные суждения, мешает и сейчас. Тебе кажется, что тебя предали. Тебя одолело желание рассчитаться с ней за свою неудачу, за то, что тебе не удалось остановить ее в Брокен-Хилл.

— Так вот как ты на это смотришь? Как на мою неудачу?

— Естественно, нет. Я просто изложил то, как видишь ситуацию ты. — Йитс устремил взгляд на другую сторону залива, туда, где над поросшими лесом холмами появились первые лучи солнца. — Когда случается подобная трагедия, мы все виним себя.

«Разве?» — подумал Элиот.

— Я абсолютно уверен, что должен остаться.

— Именно поэтому оставаться тебе нельзя. — Солнце приподнялось над дальним холмом и осветило залив. — Ах, — сказал Йитс. — Вот оно. Смотри.

Окрестности огласились криками, возгласами, рыками — животный мир приветствовал новый день. Там, где солнце своими лучами касалось воды, она моментально становилась ярко-голубой. Элиот не сразу понял, что рой отблесков — это не визуальный эффект. Вода действительно двигалась.

— Ментициррусы, — сказал Йитс. — Свет привлекает планктон, планктон привлекает рыбу поменьше. Мелкая рыбешка привлекает ментициррусов. Если точнее, то ментициррусы уже на месте, ждут, потому что у них достаточно мозгов, чтобы выявить зависимость и сделать выводы.

Элиот ничего не сказал.

Йитс вздохнул.

— Оставайся. Обыщи всю страну, найди Вульф, если это поможет тебе справиться со своей совестью.

Элиот повертел эти слова и так, и этак. Он не смог определить, что в них содержится: благожелательность или угроза. Однако они полностью отвечали тому, что он чувствовал.

— Спасибо, — сказал Элиот.

* * *

Он ощутил свет. Сначала решил, что это солнце над заливом. Потом открыл глаза. Свет проникал через окна. А между окнами стоял Уил. С ружьем. Стены были бледно-голубого больничного цвета. Элиот находился в Брокен-Хилл.

— Доброе утро, — сказал Уил.

— Сколько, — сказал Элиот. — Сейчас. Времени. — Он принялся выбирать из простыней.

— Тебе наверняка захочется полежать.

— Нет. Определенно. Нет. — Он спустил вниз ноги. От этого в глазах на мгновение помутнело, голова закружилась. Чтобы справиться с этим состоянием, Элиот несколько минут сидел неподвижно, с закрытыми глазами. Затем открыл их. Уил целился во что-то снаружи. Элиот вспомнил, что слышал выстрелы. — Что ты делаешь?

Уил не ответил. Элиот обратил внимание, что он умело обращается с оружием. Ствол плавно следовал за тем, во что целился Уил, ружье казалось продолжением его рук. Потом оно дернулось. Уил отступил к стене, оттянул затвор и вставил патрон, который достал из кармана джинсов.

— Сейчас около шести утра.

Элиоту трудно было в это поверить. Если это так, Вульф должна быть здесь. Город должен кишеть пролами, или ИВПами, или поэтами, или и теми, и другими, и третьими. Сейчас не может быть утро, потому что они все еще живы.

— Нам надо убираться.

— Мы никуда не поедem, Элиот.

— Мы... — начал он, но Уил быстро вскинул ружье, и Элиот замолчал. Тело Уила застыло. Ружье дернулось.

— Пожалуйста, расскажи мне, что, по-твоему, нам следует делать, — сказал Элиот.

— Отстреливать всяких типов.

— Каких типов?

— Пролов, я думаю.

— Ты стреляешь в пролов, — сказал Элиот. — Понятно. Когда я просил тебя стрелять в того типа в вертолете, ты не стрелял. А сейчас стреляешь.

Уил перешел к другому окну.

— Их там много, — сказал Элиот. — Если ты до сих пор этого не понял. Она будет посылать и посылать столько, сколько понадобится.

— Кто? Эмили?

«О, да», — подумал Элиот. Уил все вспомнил. Именно поэтому он и обращается с ружьем так, будто умел стрелять с пеленок. Именно поэтому.

— Уил, чем, по-твоему, ты занимаешься?

— Гарри.

— Что?

— Меня зовут Гарри Уилсон.

— Точно, — сказал Элиот. — Конечно, да, моя ошибка... так чем, черт побери, ты занимаешься, Гарри?

— Жду.

— Ждешь... — Элиота осенило. — Ждешь ее? — Уил или Гарри, как его ни назови, не ответил. Но было ясно, что да. Было ясно, что у него сформировалось извращенное, дикое представление о ситуации, и это наверняка приведет их обоих к гибели. И в этом виноват он, Элиот. Как и во всем остальном. — Она — не то, что ты думаешь.

— Она Эмили Рафф?

— Да, — сказал Элиот. — Вульф — это Эмили Рафф. Но...

— Ты же понимаешь, почему у меня возникли проблемы с этим. С тем, что ты хочешь убить ее.

— Ты осознаешь, что ведешь себя как другой человек? Совершенно другой?

— Я все вспомнил.

— Ладно, — сказал Элиот, — но я с сожалением вынужден сообщить тебе, что твои воспоминания больше не имеют силы, потому что изменился не только ты, но и она. Она больше не та девушка, с которой тебе нравилось гулять по Брокен-Хилл, пить молочные коктейли, гоняться за кенгуру и все такое прочее в этом духе. Сейчас она убивает людей. И собирается убить нас.

— Я тебе не верю.

— А с какой стати мне лгать?

— Из-за Шарлотты.

Элиот задумался, подыскивая слова.

— Ты думаешь, я ненавижу Вульф из-за Шарлотты? Из-за Монтаны?

Гарри пожал плечами.

— Черт побери! — сказал Элиот. — Ты поймал меня. С тех пор как она вынудила меня убить женщину, которую я любил, я не могу без ненависти думать о ней! Чтоб ей провалиться! — Он провел рукой по лбу. Гарри бесстрастно наблюдал за ним, и спокойная реакция на его бешенство со стороны человека, которого он знал как Уила Парка, произвела на него впечатление. Ведь Элиот был поэтом, когда-то. — Есть один крохотный фактик: Вульф — кровожадная сука, которая еще до этого охотилась на нас обоих.

— Ты наврал мне.

— А что, по-твоему, мне было делать? Ты единственный неподдающийся! У меня не было возможности найти неподдающегося, который не спал с ней! Уил, я понимаю, что ты злишься. Но взгляни на себя. Едва ты выяснил, что она — это Эмили, ты сдался. Прости, что соврал тебе. Однако это не меняет того факта, что нам надо остановить Вульф. Мы обязаны. Ну что мне сказать, чтобы убедить тебя?

— Я не хочу, чтобы ты что-то говорил. Я хочу, чтобы ты спокойно сидел и ждал, когда она придет сюда.

Элиот рухнул на кровать. Все бесполезно. Никакой из известных ему методов не поможет, потому что Гарри нельзя убедить.

— Что с ней было?

— Когда?

— После Брокен-Хилл?

Элиот посмотрел в потолок.

— Она исчезла. Я искал еще много месяцев.

— А потом?

— А потом она вернулась.

Загадка билингвистов: поиски разгадки продолжаются

«Сити икзэминер», т. 144, изд. 12

...воздействовали с помощью электрода на мозг человека французско-китайского происхождения, говорящего на двух языках, и пациента попросили сосчитать до двадцати. Он начал на французском, но затем электрод переместили на левую нижнюю лобную извилину, и он невольно перешел на китайский. Когда стимуляция закончилась, он вернулся к французскому.

В другом случае — обследование проводилось в прошлом году, в Дорсете, — женщина-билингвист из-за мозговой травмы, полученной в автомобильной аварии, утратила способность говорить по-английски, хотя сохранила свободное владение датским.

Результаты показывают, что языки развиваются в дискретных частях мозга, и этим объясняется тот факт, что смешение языков у билингвистов не происходит.

«Если представить наш мозг как компьютер, то у людей, говорящих на двух языках, система оснащена мультизагрузчиком», — говорит доктор Саймон Оакс из Медицинской школы при Оксфордском университете, имея в виду компьютер с двумя операционными системами. — У них множество режимов работы, но одновременно активным может быть только один».

Ожидается, что дальнейшие исследования влияния специфических языков на мозг приблизят нас к ответам на многие вопросы — например, помогут разгадать загадку, почему те, кто говорит на каком-то одном языке, придерживаются совершенно определенных установок и верований, независимо от культурных факторов.

Она успела на поезд до Блэктауна и блуждала по улицам, пока не нашла магазин «Распродажа армейского обмундирования», о котором прочитала за день до этого. Магазин оказался огромным, размером со склад, стеллажи были забиты квазивоенным барахлом, до которого так охочи приверженцы стиля «милитари», с потолка свисала маскировочная сетка. Протискиваясь мимо байкеров, бушменов и молодых людей с ярко выделяющимися чипами на четко очерченных плечах, она брала то бутылку, то ножик, то упаковку, показавшуюся ей интересной. В третьем проходе к ней подошел бородатый мужик в джинсах и свободной майке и спросил, не нужна ли ей помощь.

— Да, — сказал Эмили. — Я ищу какой-нибудь непромокаемый камуфляж.

— Для пустыни или для буша?

— Для пустыни, — сказала она, радуясь, что не пришлось отвечать на вопрос: «А зачем вам это понадобилось?»

— У нас есть плащи, а еще есть маскировочная сетка. Можно набрасывать одно на другое.

— Мне нужно что-то одно.

— Вы будете переносить это?

— Да, — сказала она. — Именно так.

— Тогда можно порекомендовать вам космический мешок.

— А что это?

— Очень легкий спальный мешок с теплоизоляционной мембраной внутри и непромокаемый снаружи. В зоне головы имеется сетчатое отверстие для вентиляции, сетка предохранит от насекомых. Убирается в крохотный сверток. Это новшество на рынке. Очень трудно достать, все еще используется в армии.

— Сколько?

— Две тысячи.

Эмили кивнула. Такая сумма была ей по силам.

— Расцветка камуфляжная?

— Нет. Но я могу предложить вам такой вариант: если эта штука вас устраивает, я нашу на нее камуфляж.

— Отлично! — сказала Эмили. — То, что надо.

Мужчина проводил ее к прилавку, и она внесла аванс.

— Позвоните мне через два дня. Чем еще я могу помочь вам? — Он увидел, что женщина колеблется. — Если вы планируете провести какое-то время в пустыне, вы, надеюсь, уже позаботились о системе водоснабжения.

— Вода не проблема. Меня гораздо больше беспокоят змеи.

— Прекрасно вас понимаю.

— Что нужно делать, чтобы они держались подальше?

— Суть в том, чтобы самой держаться от них подальше.

— У меня есть хорошие сапоги. Но... — Эмили неопределенно взмахнула рукой. — Есть какое-нибудь электронное приспособление, которое отпугнуло бы их? Что-то вроде такого, которое прогоняет из дома насекомых? — На лице мужчины стала проявляться улыбка, и она поняла, что не существует. — Ну, хоть что-то?

Он почесал бороду.

— Нужно смотреть, куда ставишь ногу.

— Гм, — сказала Эмили.

— И возьмите с собой палку, — сказал он.

* * *

Ситуация со змеями ее не обрадовала, зато все остальные вопросы были практически решены. Спальный мешок был последним элементом в мозаике; теперь Эмили могла приступить к тестированию. Искушение перепрыгнуть через этот этап было велико, однако она раздобыла очень тревожные данные насчет потери воды из-за обильного потоотделения в пустыне, а ей не хотелось проверять правоту этих выкладок в сорока милях от ближайшего жилья и людей. Вернее, от доброжелательных людей — она основывалась на предположении, что Брокен-Хилл окружен пролами, мужчинами и женщинами, которые трудятся в пекарнях, или на автозаправках, или водят грузовики, или просто стоят на значимых перекрестках и которые при виде нее сразу же сосредоточатся, насторожатся и побегут к телефону.

Так что путешествия по пустыне не избежать. Несколько месяцев назад, когда Эмили возвращалась к Гарри, она уже пересекла ее на кроссовом мотоцикле. Сейчас, оглядываясь назад, она видела, насколько рискованной была эта затея. Но ей не терпелось поскорее добраться до него. Она спешила к нему. И это очень плохо закончилось. Ей не хотелось думать об этом. На этот раз она будет осторожна. Ей предстоит пройти пешком по пустыне тридцать миль, и никто не увидит ее, потому что то, что она затеяла, — просто невообразимо.

Как только заберет слово, она начнет новый этап своего путешествия, в округ Колумбия. Когда она доберется туда, то вырвет у Йитса сердце, точно так же, как он вырвал у нее. А что будет потом, уже не имеет значения.

* * *

Эмили провела много времени в поездах, читая словари. Она носила толстовку с капюшоном и почти не снимала капюшон, опасаясь камер. На два доллара она путешествовала целый день и нигде не задерживалась дольше, чем на несколько минут. Последний поезд отходил в два, и ей предстояло найти место для ночлега, однако в этом для нее не было ничего сложного. В прежней жизни она не раз делала это.

Иногда Эмили засыпала в поездах. Она пыталась не спать, потому что боялась проснуться и увидеть поэтов, идущих по вагону и перекрывших все выходы, однако у нее это плохо получалось: словари оказались неинтересным чтением. Так что когда Эмили чувствовала, что голова медленно склоняется к окну, за которым мелькали фабрики и поля, она не сопротивлялась.

На следующий день после того, как она заказала спальный мешок, Эмили проснулась и обнаружила, что напротив сидит мужчина и наблюдает за ней. В испуге она подскочила, с ее языка уже готовы были сорваться слова, но в последний момент она поняла, что это не

Элиот. Что это самый обычный человек. Эмили тяжело опустилась на сиденье. Голова еще гудела от пережитого ужаса — так бывало всегда, когда ее вырывали из сна.

— Простите, что напугал вас, — сказал мужчина.

— Все в порядке. — Эмили постепенно приходила в себя. Мужчине было около сорока, на нем был красивый свитер и дорогие часы. Она иногда вела беседы с такими людьми, еще до школы, ради того чтобы убедить их отдать ей свои деньги.

— Много у вас книг. Словари?

Эмили кивнула.

— Вы студентка?

— Учусь жизни, — сказала она. Людям нравился такой вид остроумия. Он побуждал их раскрываться. — Читайте их ради удовольствия.

— Словари?

— Да.

— Какое тут может быть удовольствие? Просто бросает в трепет от ужаса.

— Трепетать можно и от восторга. Я узнала о значении слова «трепет» из словаря.

Он захлопал глазами.

— Видите? — сказала Эмили. — Вот вам и удовольствие.

— Очень увлекательно. А что еще интересного?

Она заглянула в свои записи. А записи у нее были.

— Изменилось слово «причинять». Раньше оно означало «творить, производить какое-то действие». Сейчас к значению добавили «отрицательной направленности».

— Они изменили «причинять»?

— Они заметили перемену. В словари заносится общеупотребительное значение.

— Я думал, это удел профессоров в каком-нибудь университете, — сказал мужчина, — решать, что значит то или иное слово.

Эмили покачала головой.

— Значит, сейчас «причинять» — это делать что-то плохое?

— Да. И «чинить препятствия» тоже, наверное. Это однокоренные слова.

— Ну и ну, — сказал он. — Я за целую неделю не встречал более интересного собеседника.

— Благодарю, — сказала Эмили. У нее в душе уже поднималось нехорошее чувство; она уже сожалела, что завязала разговор. — Мне сейчас выходить. — Сложила словари в сумку.

— Вам есть где сегодня переночевать? — Эмили ничего не сказала. — Простите, я неправильно выразился. Я хотел спросить: у вас все в порядке? Вы неважно выглядите.

— У меня все в порядке.

— Не примите мои слова за оскорбление, но я сижу достаточно близко от вас, чтобы учуять запах. — Выражение на его лице говорило об искренней заботе, но ей не понравились его глаза. Вокруг них было множество крохотных мышц, и то, что они делали, не сочеталось с движениями остальных лицевых мышц. — Я могу чем-то вам помочь?

— Спасибо, но нет. — Эмили встала. — Моя остановка.

— И моя тоже.

Она села.

— Я ошиблась.

Мужчина наклонился вперед. Он наклонялся медленно, как будто продолжал осмысливать ее слова.

— Вам нужны деньги?

Она заколебалась, потому что ей и в самом деле нужны были деньги. Но не от этого типа. Ей даже не хотелось *компрометировать* его. Ей просто нужно было избавиться от него. У нее разболелся глаз.

— Какие бы ни были у вас проблемы, я в состоянии помочь. Я адвокат. У меня есть деньги. Без всяких условий. Я вижу перед собой умную молодую женщину, которой надо протянуть руку помощи. Вот и всё. Скажите «нет», и я вас больше не побеспокою.

Поезд остановился. Вагон был почти пустым, перрон тоже. Эмили выждала несколько мгновений, чтобы убедиться, что этот тип не собирается никуда идти, затем встала и поспешила к дверям. Ударила по кнопке, ступила на перрон и пошла вперед. Ночной ветерок взъерошил ей волосы. Ей хотелось оглянуться, но она не решилась, испугавшись камер.

— Пятьсот долларов, — сказал мужчина. Его голос прозвучал позади нее. — Взгляните на это. — Она проигнорировала его. — Вы что, совсем тупая? Просто возьмите их. Берите. — Он положил руку ей на плечо.

Эмили развернулась и оттолкнула его. Мужчина попятился. Он действительно держал в руке пачку купюр. Позади него тронулся с места поезд.

— Я хочу помочь вам.

— Пошел к черту! — заорала она, зачем-то подбежала к нему и еще раз толкнула. — Оставь меня в покое! — Мужчина попытался поймать ее за руку, но Эмили ловко уворачивалась. Кем бы он ни был, он не был готов к такому отпору. Она еще раз толкнула его. — Оставь меня в покое!

Мужчина ударился спиной о движущийся поезд и, отпрянув, сделал шаг прочь от края платформы. Мозг Эмили кипел от ярости, ее звездочка оживилась. Еще один толчок мог привести к тому, что он упал бы между вагонами. Если бы она правильно выбрала момент. Эмили подумала: *«Йитс, побереги это для Йитса»*.

— Господи, — сказал мужчина. — Господи. — Он повернулся и побежал.

Эмили осталась стоять, тяжело дыша. Надо выбираться отсюда. Надо убираться прочь, пока не прибыли копы. Она пошла к выходу, поглубже натянув капюшон. Ждать, когда будет готов спальный мешок, нельзя. Придется позвонить в магазин и попросить, чтобы его переслали по почте. Ей надо запретить себе приближаться к городам, к людям, иначе кто-нибудь пострадает.

* * *

Месяц спустя Эмили брела по пустыне. У нее с собой была палка. Она шла ночью, потому что днем ее было видно на расстоянии двадцати миль во всех направлениях, и она допускала, что кто-то может бросить взгляд в ее сторону. А еще по ночам змеи спали. Она была одета в подбитую мехом парку и свободные шорты. Странный наряд, конечно, но ночи в пустыне были достаточно холодными, чтобы на теле замерзал выступивший пот. Для надежности Эмили застегнула ремешок тринадцатикилограммового рюкзака у себя на поясе. Ей все больше и больше нравились ее сапоги: большие, коричневые, удобные говнодавы.

В первую ночь Эмили прошла довольно большое расстояние и устроила привал при первых признаках рассвета. Она нашла выемку рядом с тремя низкорослыми деревцами и пересохшим колодцем и расстелила свой космический спальник. Некоторое время сидела,

отдыхая и наблюдая, как звезды меркнут, а небо светлеет. Тело наполняла приятная усталость, как после хорошо сделанной работы. Утомленной Эмили себя не чувствовала. Она была в отличной форме. Съела галету, забралась в мешок и заснула.

Эмили проснулась через несколько часов, ощущая себя будто в топке. Она буквально плавала в поту. Выглянула наружу, думая, что тень ушла. Но нет. Просто было жарко. Эмили выбралась из мешка и, прижимаясь к земле, добралась до рюкзака. Расстегнув молнию, достала четыре деревянных колышка и развесила на них мешок. Идея состояла в том, чтобы сохранять маскировку и одновременно открыть доступ воздуху. Она разделась догола, забралась под мешок, через трубочку попила воды из мягкой фляги и попыталась заснуть.

Вторая ночь оказалась тяжелее. Ноги болели, что вызывало подозрения, потому что раньше с ней ничего такого не было. Наверное, она неосознанно подгоняла себя, шла быстрее, чем требовалось. А еще она перерасходовала воду. Эмили заставила себя замедлить шаг, чаще останавливалась для отдыха, но тут же начинала беспокоиться из-за того, что отстает от графика, — ведь это влекло за собой проблемы с водой. Шанс, что она сможет пополнить запас свежей воды в Брокен-Хилл, был велик, и в этом случае проблем бы не было. Но ей не хотелось рисковать: ведь если с водой ничего не получится, она умрет. И Эмили трогалась в путь, держа палку наготове на случай появления змей.

Она прошла меньше, чем рассчитывала, и устроила привал рано, потому что чувствовала головокружение. Выпила много воды и даже немного брызнула себе на лицо. И съела галет больше, чем можно было. Запас галет был небольшим — Эмили сделала это намеренно, чтобы избежать искушения, потому что пищеварение требует воды. И это уже казалось ошибкой.

Ее снова разбудило солнце, опалявшее землю, и ей снова пришлось делать навес из мешка. На этот раз, однако, Эмили сообразила, что деревья, под которыми она разбила лагерь, стоят без листьев, что было проблемой, так как они не давали тени. Воздух был недвижим, без намека на ветерок, и внутренняя поверхность мешка отражала жар. Эмили пролежала под навесом сколько смогла, наблюдая, как ее кожа розовеет, потом краснеет. Не выдержав, она вылезла наружу и свернулась калачиком под деревом. Там было лучше, но всего чуть-чуть. Эмили стала всерьез задаваться вопросом, а выживет ли она. Две недели назад она отказалась брать с собой длинные белые бедуинские халаты, которые позволили бы незамеченной идти днем, — она тогда решила, что ради них не надо утяжелять рюкзак. Сейчас же все указывало на то, что это решение убьет ее.

Каждые полчаса она набирала в ладони капельку воды и обтирала лицо и шею. Фляга быстро худела, но вопрос стоял так: пить или отдать концы. Во второй половине дня легкий ветерок принялся играть с песком, и Эмили даже позволила себе немного поплакать, несмотря на потерю жидкости.

Наконец солнце начало спускаться к земле. Вскоре после этого Эмили снова почувствовала себя человеком. Она поднялась на ноги, собрала рюкзак и прикинула, в каком направлении идти. Самым разумным было бы идти назад. На это ушло бы две ночи, и у нее хватило бы воды на эти переходы. Там бы она набралась сил и заново обдумала, как быть дальше. Но одновременно это означало бы, что все надо начинать сначала. И до города всего одна ночь пути. И там наверняка есть вода. Даже если резервуары опустели, остаются бутылки. Там есть магазины и кафе с отключенными холодильниками для напитков. Эмили проигнорировала ту часть себя, которая спрашивала: «А что, если?..», и пошла вперед.

Ноги опять разболелись, потом она ощутила в сапогах влагу, потом ступни вообще

онемели. Ей не хотелось винить в этом свои сапоги, но Эмили чувствовала, что те погубят ее. Они напоминали ей юных кавалеров: сначала такие крутые и обходительные, а потом ты понимаешь, что они самые настоящие козлы. Ближе к полуночи у Эмили начались галлюцинации, и она стала забывать о важных вещах — например, о том, что нужно сверяться с компасом. На пути ей попался валун, она села на него и проснулась на песке. Губы напоминали корочку у пирога. Эмили пила и пила — и допила всю воду.

Город вставал на ее пути вместе с солнцем. И она шла к нему. Она где-то потеряла палку. Появились первые дома, Эмили шла и узнавала места. Она увидела первое тело и старалась не смотреть на него, но глаза отказывали подчиняться. Это была женщина, Эмили ее знала. Черил. Она узнала платье. *«Я здесь, чтобы все исправить, — сказала она Черил. — Попросить прощения»*. Но она прекрасно понимала, что это не обрадует Черил, что она никогда не простит Эмили. Она ухватила губами трубку от фляги и вспомнила, что воды нет. Вошла в ближайшую калитку, сообразив, что пора искать воду. Пройдя по дорожке, остановилась, потому что на бетонных ступенях крыльца лежала коричневая змея и грелась на солнце. Эмили уставилась на нее.

— Пошла прочь! — заорала она и затопала. Змея уползла.

* * *

Она перерыла все шкафы, потеряла сознание в спальне, блевала в туалете — ей трудно было вспомнить, в какой последовательности все это происходило. Эмили нашла воду и заснула. Когда она проснулась, лучи солнца падали под углом сорок пять градусов, и Эмили долго смотрела на них, пытаясь определить, что сейчас, начало дня или конец. Она проспала полтора дня. Она была голодна как волк.

Эмили нашла и жадно сгрызла фруктовые батончики. Ее мозг получил питание, и к ней вернулась способность рассуждать здраво. Пустые бутылки из-под воды были повсюду. Она села за деревянный кухонный стол и стала ждать, когда солнце сядет. Затем закинула на спину рюкзак.

Дул сильный ветер, бросая ей в лицо горсти песка. Эмили шла вдоль шоссе. Она приказала себе не вздрагивать каждый раз при виде тела, старалась смотреть только вперед и думать о посторонних вещах, но чем ближе к центру она подходила, тем глубже ужас запускал в нее свои когти и требовал, чтобы она развернулась и побежала прочь отсюда. Песчинка попала ей в глаз, и Эмили потеряла его, но боль не прошла.

Она прошла мимо заправки со сгоревшими легковушками и грузовиками. Эмили действовала, как запрограммированный робот: бездумно передвигала ноги, стремясь к цели. Она дошла до больницы. Перешагнула через нечто, состоящее из обрывков одежды, человеческой кожи и костей, и открыла боковую дверь. Пошла по коридору, не узнавая ничего вокруг, потому что часть ее мозга была закрыта. Дойдя до дверей в отделение «Скорой помощи», она сбросила рюкзак и закрыла глаза. А потом вошла.

Запах был жутким. Некоторое время Эмили постояла неподвижно, привыкая к нему. Затем приблизилась к стойке и стала ощупывать ее. Ей под руки попадались различные предметы, в маленьких она узнавала, например, степлер или именную бирку, а среди тех, что покрупнее, жаждала найти то, за чем пришла и о чем старалась не думать. Так Эмили добралась до стены и застонала.

Она дважды обыскала стойку. Затем вернулась к тому месту, где раньше лежало элементарное слово, опустилась на четвереньки и стала искать его на полу. Почти сразу наткнулась на ткань и волосы, и ее стон перерос в вопль. Продолжать поиски она не смогла — у нее не хватило духу ползать среди трупов. Она поднялась на ноги. Ей в голову пришла мысль: «*Я заблудилась*». Ей уже не найти выход. Она проведет остаток жизни, ползая по телам тех, для кого она стала причиной гибели, и будет искать выход, страшась открыть глаза и оглядеться. Ее дыхание участилось и перемежалось взвизгами. Наконец ее руки нащупали дверь, и она выползла наружу.

* * *

Эмили вернулась в тот дом. Она могла бы вернуться в дом Гарри, но там ее ждали воспоминания. В четырех стенах Эмили почувствовала себя спокойнее. Она тщательно вымыла руки в бачке, потом села на унитаз и устала в никуда. Оцепенела. Где же слово? Оно должно быть там.

Вероятно, Йитс намеренно поставил ее в такое положение. Вероятно, он уже давно забрал слово, тайком. За ней все это время следили, и сейчас они окружают ее, стягиваясь сюда по разным улицам и шепотом переговариваясь друг с другом...

И все же ей казалось, что это не так. Эмили плохо понимала Йитса, но по опыту знала, что люди, наделенные властью, всегда используют эту власть. Она чувствовала, что слово там. Она остро это чувствовала.

Неожиданно ей в голову пришла одна мысль. Эмили встала.

* * *

Она вернулась в больницу, к дверям, ведущим в отделение «Скорой помощи». Привалила свой рюкзак к стене и достала фотоаппарат, который нашла в том доме. Эмили загодя проверила заряд аккумулятора и на всякий случай сфотографировала огнетушитель. После этого закрыла глаза и переступила порог.

Она прошла вглубь на несколько шагов и подняла аппарат. Ее мысль состояла в том, что эта штука — действительно слово. Оно было на окаменелом куске дерева, но дерево как таковое не играло важной роли. Главным был символ. Эмили нажала на кнопку и сквозь веки увидела вспышку. Слегка сместив фотоаппарат, опять нажала на кнопку. Она сделает множество снимков. На большинстве из них будут запечатлены страшные картины, но на одном окажется слово. Люди заходили в это помещение и превращались в убийц, ergo, слово находилось там, где его можно было увидеть. Эмили снова сместила аппарат, нажала кнопку и сделала еще один снимок. Она будет снимать, пока в аппарате хватит памяти. Потом перекинет фотографии на компьютер, увеличит их в тысячу раз и изучит каждую, пиксель за пикселем. На это уйдет целая вечность. Она увидит страшные вещи. Но своего добьется. Она найдет то, что выглядит как кусок деревяшки. И поймет, где расположено само слово. Она увеличит его в сотню раз, пока оно не вылезет за края монитора. И скопирует его. Слово — это не вещь. Это информация. Ее можно продублировать. Она скопирует его, вырежет на куске дерева, и это будет то же самое. Возможно, она найдет кого-нибудь, кто поможет ей,

чтобы ей не приходилось держать в голове все слово. Она разделит его на сотню крохотных кусочков, пронумерует их, чтобы потом можно было собрать. Ей придется придумать, как безопасно переносить его. Держать его закрытым. Эмили снова нажала на кнопку. Хорошо бы сделать из него ожерелье.

* * *

Эмили вышла из больницы. Воздух казался невероятно свежим, и она буквально глотала его. Сначала она просто шла, потом побежала. Рюкзак бил ее по спине. Она крепко прижимала к себе фотоаппарат. Надо бы остановиться и завернуть его во что-то мягкое, а потом убрать в рюкзак. Но Эмили не могла остановиться и бежала по мертвым улицам. Над головой проорала ворона. Она крикнула ей в ответ, издала нечто, похожее на безумный йодль, который разорвал царившую вокруг тишину. А ведь она должна соблюдать осторожность. Ведь они могут слышать ее. Эмили бежала, изредка икая и что-то бормоча себе под нос. Ей отчаянно хотелось оказаться как можно дальше от этого места, там, где можно будет вдохнуть полной грудью и завизжать от радости — ей этого так хотелось...

* * *

Йитс поднялся на крыльцо, и его окружили дворецкие. Он думал, что они закончатся у подножия лестницы, но здесь их оказалось еще больше. Один поспешил проводить его через открытые двойные двери, другой принялся мягко расспрашивать, не желает ли он выпить прохладительного, третий захотел забрать у него пальто. Все это сопровождалось переговорами на низких тонах, и Йитсу стало казаться, будто он движется в бурлящем потоке. Он позволил, чтобы с него сняли пальто. Четвертый дворецкий вообще проявил небывалую наглость: быстро подошел к нему и поправил галстук-бабочку. Дворецкий, который хотел напоить Йитса прохладительным, встал так, чтобы Йитсу достаточно было сделать один шаг — и бокал с шампанским сам оказался бы у него в руке. Однако Йитс не знал этого дворецкого и ни за что на свете не позволил бы абсолютно чужому человеку поить его любимыми напитками.

— Там испанец, — сказал Элиот.

Он вслед за Йитсом поднялся по лестнице и сейчас заглядывал в дом. Дворецкие шарахались от него, словно он был утлым суденышком в бушующем океане, а все потому, что Элиот не надел смокинг. На нем был коричневый костюм и бежевое пальто, которое Йитсу пришлось бы в буквальном смысле сдирать с него, если бы он вдруг захотел увидеть его в чем-то еще. Это, естественно, был определенный кодекс. Организация устанавливала потолок для качества одежды, которую разрешалось носить поэтам, и этот потолок зависел от уровня поэта. Суть заключалась в том, чтобы избежать ситуаций, когда недавно закончивший школу поэт осознавал, что в этом мире ему доступно практически все, и принимался скупать костюмы по диким ценам, машины за триста тысяч долларов и тем самым привлекал к себе внимание. В техническом плане этот код распространялся и на Йитса. Технически стоимость всего его наряда не должна была бы превышать половину стоимости тех туфель, что сейчас были на нем. Однако Йитс не следовал кодексу, потому

что не был двадцатилетним идиотом, которому требовалась защита от соблазнов. Он был достаточно умным, чтобы уважать значение кодекса, но при этом рабски не следовать его букве. Элиот же был в костюме из прошлого века, в отвратительных башмаках из обычного универмага и в совершенно мятом пальто. Он отказывался нарушать правила даже ради того, чтобы спасти себе жизнь, и это было самым главным в Элиоте.

— Ты идешь? — сказал Йитс. — Думаю, некоторые из делегатов прихватили с собой советников.

— Нет. Я неподобающе одет, — сказал Элиот и только потом сообразил, что, по сути, это не было приглашением.

— Тогда увидимся в офисе.

— Русский не придет. Я специально зашел, чтобы предупредить тебя.

Йитс заколебался. Дворецкий с шампанским воспользовался шансом проскользнуть вперед, и Йитс повернулся к нему, чем вызвал у несчастного приступ жесточайшего стыда за то, что он посмел привлечь к себе внимание. Униженный, дворецкий быстро исчез.

— В каком смысле?

— Русский будет участвовать по спикерфону.

— Ты, наверное, шутишь.

Элиот пожал плечами.

— Так говорят люди.

— Что ж, — сказал Йитс. Он тщательно готовился к таким встречам и старался предвидеть все случайности. Но спикерфон... Русский боится, что его *скомпрометируют*? Разве он не знает, что, используя спикерфон, демонстрирует свой страх всем делегатам, находящимся в этом доме, буквально кричит о своей уязвимости? Это же нелепо.

Элиот все не уходил, поглядывая в зал, на роскошные платья и смокинги.

— Спасибо, — сказал Йитс.

Элиот кивнул и стал спускаться. Йитс почувствовал, как с каждым шагом Элиота, с каждым дюймом, увеличивающим расстояние между ним и теми жуткими ботинками, его настроение улучшается. Дворецкие зароились вокруг него, возбужденные его невниманием. Он отмахнулся от них едва заметным движением плеча и вошел в дом.

* * *

Внутри у самых дверей он встретил фон Гете, который любовался толпой гостей, включавшей, если Йитс не ошибался, одного сенатора и двух конгрессменов. Гете был немцем, низкорослым и остроносым, с зализанными темными волосами. На нем были очки в золотой оправе, и Йитс был уверен, что это лишь декорация. Обут он был в изумительные коричневые туфли ручной работы. Гете извинился перед собеседниками, подошел к Йитсу и обеими руками обхватил его руку.

— *Guten Tag, mein Freund*, — сказал Йитс, чем вызвал гримасу отвращения на лице Гете. — *Wie geht es Ihnen?* [\[16\]](#)

— Паршиво.

— Прошу прощения, — сказал Йитс. — У меня нет возможности совершенствовать свой немецкий так часто, как хотелось бы.

— Вы прощены. — Этот диалог означал, что Гете не желает общаться с Йитсом по-

немецки, что, с одной стороны, было разумно: ведь гораздо проще противостоять, когда тебя пытаются компрометировать на выученном тобою языке, а не на твоём родном. С другой стороны, это было трусостью, по той же причине. Йитс был рад поддержать дух встречи. Он прибыл сюда не для того, чтобы кого-то *компрометировать*. К тому же он искренне сомневался в способности Гете причинить ему какой-либо вред на английском. — Вы организовали великолепный прием. Все очень достойно.

— Ну... — сказал Йитс и впервые оглядел место действия: столы застланы белыми скатертями, сделанная с большим вкусом вывеска рядом с подиумом провозглашает: «МИР ГРАМОТНОСТИ». — Мы делаем все возможное.

— Я тут беседовал с одним из ваших политиков, и он сказал мне, что ваше правительство инвестирует несколько сот миллионов долларов в обучение азиатских детей чтению.

— Мы делаем все возможное.

— Чтению на английском.

— Ну, — сказал Йитс, — вряд ли стоит рассчитывать, что мы будем учить их немецкому. — Он пожал руку высокой женщине с бронзовой кожей. Двадцать секунд назад эта женщина переглянулась с ним поверх толпы и, как торпеда, принялась прокладывать себе путь через весь зал. — Розалия, как я рад.

— Уильям, — сказала она. — Клянусь, ты только молодеешь.

— Де Кастро, — сказал Гете, окидывая взглядом ее зеленое платье, которое было смелым, когда она стояла спокойно, и вызывающим, когда она двигалась. Де Кастро протянула ему руку, и он ее поцеловал. — Мы с Йитсом как раз обсуждали план наводнить мир английскими миссионерами.

— Уверена, вы сами понимаете, что общий мировой язык послужит интересам Организации.

— Вполне возможно, — сказал Гете. — Но меня печалит перспектива, что этим языком станет английский.

— Не станет, — сказала де Кастро. — Им будет испанский. Английский уже достиг своего потолка. Понадобится нечто большее, чем миссионеры Йитса, чтобы вернуть ему былое величие. — Она посмотрела на Гете сверху вниз — тот был на целый фут ниже ее. — Думаю, все это больше беспокоит тех делегатов, чьи языки умирают.

— А, вот оно, — сказал Гете. — Традиционное немецкое преувеличение.

— Скажу честно, меня восхищает ваша сила духа. Смотреть, как твой язык сползает в сноски истории, — это нелегко.

— Ничего такого не происходит.

— Хотя, полагаю, вы уже давно привыкли к униженному положению, — сказала де Кастро. — Немецкий всегда был на втором месте среди самых популярных германских языков.

— Детки, прошу, не ссорьтесь, — сказал Йитс.

Де Кастро лучезарно улыбнулась:

— Я не ослышалась? Пушкин будет общаться с нами по спикерфону?

— Очевидно.

— Очень надеюсь, что нам не понадобится еще один русский делегат. Онидохнут, как мухи. У Александра так хорошо шли дела...

— Все дело в языке, — сказал Гете. — Слишком много морфем. Они по своей сути

уязвимы.

— Не могу поверить, что он рассчитывает обезопасить себя с помощью спикерфона. Эта затея абсурдна.

Для слова «абсурдно» де Кастро использовала немецкое «*lächerlich*», слегка исказив первый слог. При этом она пристально наблюдала за Гете, и Йитс предположил, что де Кастро придала этому слову определенную лингвистическую глубину. Такое можно будет наблюдать на протяжении всей встречи: делегаты станут то и дело прощупывать друг друга, выискивая слабые места. Это неизбежный побочный результат того факта, что Организация является свободной коалицией независимых сообществ. Все делегаты имеют одинаковый ранг. Технически, Йитс был не более важной фигурой, чем аль-Захави из арабской группы или Баратендра Харишчандра — из урду-хинди. И именно это он и собирался изменить.

— Давайте допустим, что у Пушкина другие мотивы, — сказал Йитс, — и не будем тратить наше время на домыслы.

— Договорились, — сказала де Кастро. — Кстати, Уильям, я очень надеюсь и на то, что ты положишь конец всяким домыслам и в отношении меня. Ты вернул свое элементарное слово?

Йитс бедром почувствовал, как в кармане брюк зажужжал телефон. Звонок удивил его, потому как все, кто знал этот номер, знали и то, что звонить на него не следует.

— К сожалению, нет.

— Печально, — сказала де Кастро. — Но все это чушь. Ведь никто из нас не верит, что ты, Уильям, допустил бы, чтобы элементарное слово почти год пролежало в Брокен-Хилл.

— Эта концепция экстраординарна, — сказал Гете.

— Мы сможем обсудить все, во что вы желаете верить, на заседании, — сказал Йитс. — Которое еще не началось.

Де Кастро огляделась по сторонам:

— Для того, что другие делегаты до сих пор не подошли к тебе, есть определенные причины. Думаю, по тем же причинам Пушкин решил не приезжать. — Она вперила в него свой взгляд. — Ты решил *скомпрометировать* нас?

— Какая нелепость, — произнес Йитс.

Де Кастро продолжала пристально смотреть на него. Гете сказал:

— Никто не станет отрицать, что вы делали попытки вернуть его. Однако чем больше времени проходит, тем чаще возникают сомнения, что все усилия — это фикция, и на самом деле мы являемся зрителями фарса.

— У меня нет элементарного слова, — сказал Йитс. — В качестве доказательства прошу вас принять очевидный факт, что если бы оно у меня было, я бы воспользовался им, дабы избавиться себя от этого разговора. — Его телефон снова зажужжал. — Мои извинения.

Он отвернулся, достал телефон, посмотрел на монитор и сунул его обратно в карман. Затем устремил взгляд вдаль, осмысливая слова: «ОБНАРУЖЕНИЕ 3+1@95.65 POI 665006».

Сообщение было автоматически отправлено компьютером в тот момент, когда интересующий объект — POI — был обнаружен одним из элементов обширной системы слежения, к которой у него был доступ. Эти системы не были абсолютно надежны, возможные обнаружения становились сообщениями только тогда, когда компьютер, чтобы достичь необходимого уровня достоверности, аккумулировал достаточное количество таких обнаружений в приемлемом качестве. В данном случае его информировали о наличии трех обнаружений за последние двадцать четыре часа и еще одного, более раннего, и вероятность,

что это именно ROI за номером 665006, составляла девяносто пять процентов. И Йитс отлично знал, что под этим номером числится Вирджиния Вульф.

Он вернулся к Гете и де Кастро.

— Если честно, — сказала последняя так, будто он и не уходил, — я не вижу особого смысла в том, чтобы сидеть и обсуждать цифровые технологии и социальные сети, когда не решена такая важная проблема.

— Она решена, — сказал Йитс. — Даже не знаю, как еще убедить тебя. — У него вдруг возникло странное подозрение, что следующее обнаружение Вульф произойдет в этот момент, на этой встрече. Интересно, спросил он себя, кто из делегатов имеет к этому отношение.

— Ты можешь назвать мне нынешнее местонахождение Вирджинии Вульф, — сказала де Кастро. — Это тоже беспокоит меня.

— Мы искали. Мы ее не нашли. По всей вероятности, она мертва.

Гете посмотрел на де Кастро.

— Он утверждает, что ничего не знает.

— Уильям, я многое слышу от людей из твоей организации, — сказала де Кастро, — как и ты, без сомнения, от людей из моей. И мне недавно рассказали одну историю, которая вызывает немало тревоги. В ней говорится, что Вирджиния Вульф украла элементарное слово и привезла его в Брокен-Хилл не из ребячливого желания потешить оскорбленное самолюбие, как ты нам рассказывал, а по твоему приказу, для тестирования его эффективности. Если учесть, что в настоящий момент население Брокен-Хилл составляет ноль человек, тестирование прошло успешно. Что является тревожной новостью само по себе, так как все мы, при всем нашем глубоком уважении к тебе, Уильям, можем оказаться перед опасностью, что ты воспользуешься способом убеждения, от которого нет защиты. Однако в этой истории меня сильнее всего беспокоит другое: то, что Вирджиния Вульф, как твой агент, бродит где-то поблизости, вовлеченная в какую-то деятельность, которая служит твоим интересам. Я не могу представить, что это за деятельность. И вот от этого мне становится очень неудобно.

Пока она говорила, телефон Йитса все вибрировал и вибрировал. У него вдруг возникло очень неприятное подозрение, что столь странным совпадением — обнаружением Вульф во время проведения встречи — он не обязан никому из делегатов. Он обязан этим исключительно самой Вульф.

— Доверьтесь нам, — сказал Гете. — Мы все союзники, Уильям.

— У меня нет слова, — сказал Йитс. — И Вирджиния Вульф мертва. А теперь прошу меня извинить, но у меня нет возможности принять участие в собрании. У меня появилось срочное дело.

* * *

Он воспользовался вертолетом и приземлился на вертолетной площадке при офисе в округе Колумбия. На это ушло тринадцать минут. Во время перелета Йитс пытался по телефону скоординировать действия людей. Это оказалось довольно сложной задачей, потому что каждые несколько секунд телефон сообщал о поступившем сообщении, и ему приходилось отвлекаться, чтобы нажать на кнопки. К тому моменту, когда в поле зрения

появилось здание Организации, выяснилось, что большую часть времени Йитс потратил на то, чтобы привести телефон в удобное для разговоров состояние. Когда сервер перегружен рассылкой подтверждений приема входящих запросов настолько, что не успевает на них отвечать, это называется атакой на отказ в обслуживании, DOS. Вот то же самое произошло и с Йитсом. Он сдался и отложил телефон.

Выбравшись из вертолета, он сначала решил спускаться на лифте, но потом выбрал лестницу, которая давала ему определенную маневренность. Через один пролет Йитс оказался в помещении, где приглушенная подсветка была сделана с большим вкусом. Его помощник вскочил из-за стола. Он был полон сообщений.

— Не сейчас, спасибо, Фрэнсис, — сказал Йитс и закрыл за собой двойную дверь.

Датчик присутствия включил свет ярче. В этом месяце его кабинет был одой феодальной Японии XVIII века: бумажные перегородки, низкая и незатейливая мебель. На стене позади стола висел подсвеченный специальной лампой самурайский меч. Йитс ничего конкретно не выбирал: дизайн его кабинета периодически менялся в случайном порядке, чтобы ничем не выдать художественные пристрастия хозяина. Он расположился за столом и нажал клавишу на клавиатуре, чтобы разбудить спящие мониторы.

Его предшественник не пользовался компьютером. Компьютер считался инструментом секретаря. Сейчас это трудно представить. На мониторах появились красные «коробочки». Проснувшись, компьютер принялся вываливать данные по обнаружениям за несколько дней и даже недель. Спектрограмма голоса из какой-то гостиницы в Стамбуле. Женщина, подходящая под описание, в Ванкувере. Йитс изучил картинку: солнцезащитные очки, шляпа, ничего такого, за что можно зацепиться, но компьютеру понравились скулы. Фото с видеорегистратора такси, зернистое и бедное, сделано на маршруте, который, как вычислил компьютер, соответствовал передвижениям Вульф. Это было в Сиэтле, вчера. «Коробочки» с извещениями двигались сплошным потоком, но Йитс успел ухватить ту, на которой штамп времени был недавним. Информация поступила с системы видеонаблюдения здания. Уровень достоверности составлял девяносто девять процентов. Итак, Вульф снаружи в настоящий момент.

У его кабинета имелся балкон. Йитса охватило искушение выйти на него и, перегнувшись через перила, проверить, сможет ли он разглядеть ее внизу. Но это было рискованно. Вполне возможно, что Вульф только этого и надо. Не исключено, что его поджидает снайпер. Проблема заключалась в том, что Вульф пропала на целый год; он, хотя и считал, что хорошо понимает ее, плохо представлял, насколько сильно она изменилась.

Зазвонил его телефон. В Йитсе поднялось возбуждение, но он выждал, когда оно пройдет.

— Да?

— Я дико извиняюсь, но тут так много народу, желающего поговорить с вами, и все говорят, что у них срочное дело...

— Среди этих людей есть Фрост? — Поэт, ответственный за обеспечение безопасности здания. Йитс говорил с ним, когда летел в вертолете, между эсэмэсками и попросил его выполнить важные, давно заготовленные приказы. В частности, Фросту предстояло заполнить вестибюль изолированным от внешней среды персоналом, мужчинами и женщинами в черных комбинезонах и с оружием, которые смотрят на мир через компьютерный дисплей и не слышат ничего, кроме слов из рекомендованного списка. Однажды они доказали свою неспособность забрать слово из Брокен-Хилл — команды,

посланные туда, принялись с увлечением убивать друг друга, — однако это ничего не значило, потому что все было подстроено им самим. Он был абсолютно уверен в том, что они смогут остановить Вульф.

— Нет, от Фроста никаких вестей.

— Я буду говорить с Фростом, — сказал Йитс. — Больше ни с кем.

Он выключил микрофон. Красные «коробочки» продолжали ползти по экрану. Йитс увидел слово «ВЕСТИБЮЛЬ». Он откинулся на спинку кресла.

Итак, она в здании. Если его указания будут выполнены, то как только Вульф поднимется на первый этаж, ее схватят, свяжут ей руки, а рот заклеят скотчем. Затем ее доставят вниз и бросят в камеру без окон. А потом позвонит Фрост.

Йитс ждал, сложив руки на груди. По экрану проползло еще несколько красных «коробочек». «ВОЗМОЖНОЕ ОБНАРУЖЕНИЕ РОИ: ВУЛЬФ, ВИРДЖИНИЯ. ВТОР ЭТАЖ». Он некоторое время смотрел на это, пытаясь представить те обстоятельства, которые вынудили службу безопасности принять такое решение: отправить Вульф наверх, а не вниз. Он потянулся к телефону. В тот момент, когда Йитс поднес трубку к уху, на экране появилось новое извещение. «ТРЕТИЙ ЭТАЖ». Произошла задержка? На несколько секунд. Раньше это не имело особого значения.

— Фрэнсис, будьте любезны, объявите на этаже локдаун.

— Да, сэр.

— И, пожалуйста, постарайтесь дозвониться до Фроста.

— Сейчас.

Экран мигнул. Свет выключился. Все это из-за локдауна. Беспокоиться нечего. Йитс ждал. Его дыхание было ровным. Он не испытывал никаких эмоций. Текли минуты. Свет включился.

Он нажал на кнопку интеркома.

— Фрэнсис, почему локдаун сняли?

— Не знаю. Выясняю.

Какой-то шум на заднем фоне. Довольно громкий, он даже услышал эхо от него.

— Кто это еще?

— Это... чем могу вам помочь?

Заговорил женский голос. Неразборчиво, Йитс не смог идентифицировать его. На том конце линии отключились. Он медленно положил трубку.

Отчасти он был доволен. Он и раньше знал, что Вульф от природы находчива и умеет атаковать. Он, в некотором смысле, был бы сильно разочарован, если бы она попала в лапы Фроста и солдат. Он тогда лишился бы шанса проверить себя. Конечно, оставалась вероятность, что она сейчас войдет сюда и уничтожит его. И вот это вызывало тревогу.

Однако все это чувства. И он не нуждается в них. Он либо одержит победу, либо нет.

Йитс сделал несколько глубоких вдохов и принялся молиться. «*Господи, да пребудь со мной, да направь мою руку. Помоги мне преодолеть немощь плоти и стать Твоей праведной силой*». По его телу разлилось тепло. Отношения с Богом были его величайшим богатством. Они позволили ему стать тем, кто он есть. Многие из его подававших надежды коллег поддались искушению. Они справлялись со своими физиологическими потребностями, ели, дышали и трахались с осторожностью и в полном соответствии с протоколом, постоянно держали себя под контролем, но свои социальные потребности — эти основные человеческие желания любить, быть любимым, найти свое место в обществе — они просто

подавляли, потому что не существует безопасного способа удовлетворить их. Ведь они называются потребностями не просто так. Человек — это животное, которое алчет близости на биологическом уровне, без усталости, настойчиво. Йитс видел, как множество успешных карьер рушились только из-за уступки этой потребности: у мужчин, которые шептали признания шлюхам, у женщин, которые задерживали взгляд на детях. На таких маленьких изменах раскрывались души. Он сам раскрыл множество из них.

Он тоже боролся в юности. Сейчас эта борьба выглядела забавной. Инфантильной. Но он хорошо помнил свое одиночество. Как реагировало его тело, когда ему улыбалась какая-то женщина. Приступ желания толкал его к тому, чтобы соединиться с ней, причем не только в физиологическом смысле, довериться ей и добиться от нее понимания. Желание было настолько сильным, что буквально захлестывало его. И тогда он открыл для себя Бога.

В первое время это страшно тревожило его. Надо же, поэт стал религиозным! Он сам себя шокировал. Однако вера в Бога была для него неоспорима и упрочивалась с каждой неделей. И он уже не считал себя одиноким. Он видел божественное во всем, от осеннего листопада до удачной остановки лифта. Иногда, когда серость каждодневных дел начинала давить слишком сильно, он ощущал присутствие Бога, даже видел фигуру в кабинете. Бог был с ним. Бог любил его. Это было нелепо, но это было так.

Естественно, в этом была повинна опухоль. Олигодендрглиома, новообразование в той части головного мозга, которая отвечает за познавательные процессы. Те чувства, которые она порождала, можно было бы вызвать электрической стимуляцией. Опухоль не смертельная, но ее следовало бы удалить, сказал его хирург, когда Йитс смотрел на черно-белые снимки, потому что она продолжит расти. Со временем его будет все меньше, а опухоли — все больше.

Йитс вышел из клиники в замечательном расположении духа. Он не собирался удалять опухоль. Она была идеальным решением для его дилеммы: как утолить потребность его тела в близости. Конечно, он обманывал себя. Не было никакого высшего присутствия, наполнявшего его любовью. Было только ощущение, что это есть. Но и это было замечательно. Просто идеально. Он никогда не доверился бы Богу, существующему за пределами его головы.

* * *

Открылась дверь, и вошла женщина. Она была одета в длинный, до пола, белый халат. Подол был забрызган чем-то черным: это могла быть грязь, это мог быть Фрост. На руках у нее были белые перчатки. На шее — ожерелье, нечто, что вращалось и на что было больно смотреть. Йитс закрыл глаза, слегка нажал рукой на диафрагму, чтобы голос прозвучал правильно, и произнес как можно более властно:

— *Вартикс велкор манник вишик! Не двигаться!*

Воцарилась тишина.

— Ого, — сказала Вульф. — А больно.

Он ухватился за ручку ящика в письменном столе.

— Это делает тебе честь, Йитс. Я долго готовилась к тому, чтобы услышать от тебя эти слова, и все равно почувствовала их на себе.

Он открыл ящик. Его пальцы сомкнулись на пистолете. Он поднял его и нажал на

спусковой крючок. И нажимал до тех пор, пока обойма не закончилась. Потом уронил его на ковер и прислушался.

— Я тут.

На стене позади него висит меч, ему триста лет, но он все еще может рубить. Только вот у Йитса нет для этого навыка. Но, возможно, это не будет иметь значения, если она подойдет поближе. Пусть думает, что это декорация.

— Я пришла убить тебя, — сказала она. — Сообщаю на тот случай, если у тебя остались какие-то сомнения

Йитс глубоко вздохнул. Ему требовалось несколько мгновений, чтобы успокоиться.

— Эмили.

— Вульф, — сказала она. — Сейчас я Вульф.

Интересно. А не изменила ли она свой сегмент? Это вполне возможно. Не исключено, что она не улучшила свою оборону, а просто каким-то кардинальным образом изменила базовые характеристики своей личности. Это можно сделать, если попрактиковаться. В таком случае она становится уязвимой для другого набора слов. Да. Она наверняка отказалась от своей предыдущей сущности, чтобы дистанцироваться от того, что она натворила в Брокен-Хилл. Ему нужно срочно понять, чем она стала.

— Как ты попала сюда?

— Просто пришла.

— Но вестибюль кишит сотрудниками службы безопасности.

— Этими ребятами в шлемах? Ага. Ведь они каким-то образом экранированы, верно?

Защищены от *компрометации*.

— По идее, да.

— Так и есть. Но Фрост-то не защищен.

— А, — сказал Йитс. — Значит, там не было никаких сотрудников.

— Ни одного.

Трудно читать по лицу человека, которого не видишь. Визуальные сигналы очень важны. Но и с этим можно справиться. И он справится. Главное — чтобы она продолжала говорить.

— Как я понимаю, ты считаешь, что я причинил тебе зло?

— Можно выразиться и так.

— Ну, — сказал Йитс, — я не стану унижать нас обоих, делая вид, будто извиняюсь. Но позволь обратить твоё внимание вот на что: твои интересы пострадают, если ты убьешь меня.

— Вот в этом я с тобой не согласна. То есть я думала об этом. Прийти сюда со словом, заставить тебя вернуть меня в Организацию — это было бы интересно. Не буду отрицать, это очень привлекательно — превратить тебя в своего раба до конца твоих дней. Но это не выход. У меня, видишь ли, есть одна небольшая проблема. Она образовалась, когда ты отправил меня в Брокен-Хилл, чтобы я запустила этот приказ убивать. Я почти посмотрела на него. Поймала отражение. Глупо. Этого не хватило, чтобы *скомпрометировать* меня. Оказалось мало. Отражение слова было перевернуто. И не отчетливо. Но, думаю, кусочек е меня пробрался. Я называю его звездочкой. Я его так и ощущаю. Как звездочку в глазу. Не очень приятное ощущение. Она хочет, чтобы я поступала плохо. Однако я нашла способ контролировать ее. Я концентрировалась на мысли, что убью тебя. Когда я это делаю, звездочка не так мучает меня. Я не чувствую потребности убить кого-то еще. Так что

видишь, Йитс, вопрос о твоей смерти для меня обсуждению не подлежит.

Йитс был потрясен. Таких деталей он не знал.

— И что потом?

— Прошу прощения?

— После того, как убьешь меня. Что потом?

— А вот это тебя не касается.

— Наверное, нет, — сказал он. — Отлично. Мы пока оставим эту тему.

— Не будет никакого «пока», Йитс. Во всяком случае, для тебя.

— Гм, — сказал Йитс.

Он уже ограничил свой выбор примерно десятком сегментов. Ему очень хотелось опробовать на ней слова, предназначавшиеся для всех, на что потребовалось бы пятнадцать секунд. Однако это было крайним средством. И он опасался ее мгновенной реакции. Поэтому решил выждать и узнать еще чуть-чуть.

— Прежде чем мы пойдем дальше, я кое в чем тебе признаюсь.

— О? — Он услышал, как ее халат чиркнул по полу.

— Ты здесь благодаря мне. Все эти события, до последней детали, срежиссированы мною. Самым сложным было придумать, под каким предлогом я так долго не забираю элементарное слово из Брокен-Хилл. Если честно, я рассчитывал, что ты будешь действовать быстрее. Мне уже стало казаться, что этот спектакль никогда не кончится. Но вот ты здесь. Жаждешь мести, принесла мне слово... Всё по плану.

— Серьезно? — сказала она. — Должна отметить, что отсюда, где я стою, все это действительно выглядит как отвратительный план.

— Я приехал в Брокен-Хилл в разгар этого жертвоприношения и был тронут. Искренне тронут. Я тогда понял истинную силу элементарного слова. Оно развратило бы меня. Рано или поздно оно стало бы моей гибелью — так всегда бывает с незаслуженно полученной властью. И у меня нет намерения зря растрачивать жизнь на временное величие. Как только я получу от тебя слово, я оставлю на этом мире такую отметину, которую невозможно будет стереть.

— Ты, Йитс, несешь полнейшую чушь.

Он едва заметно пожал плечами:

— Вероятно, мои мотивы — за пределами твоего понимания. Ты обычный человек, а я — нечто большее. Но я хочу, чтобы ты знала: мне не нужны слова, чтобы заставить тебя исполнять мою волю. Ты — моя марионетка, несмотря ни на что. Ты стоишь тут не потому, что так пожелала, а потому, что тебя заставил я. Потому что нанести поражение элементарному слову, которое ты держишь в руках, — это вызов, брошенный мною самому себе, чтобы доказать: я готов владеть им.

— Ты, ублюдок, я собираюсь прикончить тебя, — сказала она. — Я прошла через все расставленные тобой линии обороны. Ты видишь это своими глазами.

Йитс поднялся из кресла и развел руки. Он задышал глубоко, но так, чтобы она этого не заметила. Семьдесят седьмой сегмент. Он в этом не сомневался. Есть еще двести двадцатый, но там больше страха и неуверенности в себе. Интересно, что часто эти два сегмента встречаются у родных братьев и сестер: старший ребенок из двести двадцатого и младший из семьдесят седьмого. Вполне вероятно, что Вульф может соскальзывать то в один, то в другой.

— Вот он я, — сказал Йитс. — Убивай.

Он услышал, что она приближается. По ту сторону его стола стояли два широких кресла, и они сильно ограничивали ей пространство для маневра. Если действовать стремительно, он успеет схватить меч и нанести ей удар.

— Ты, Йитс, даже не представляешь, как сильно мне этого хочется. Я знаю, что так говорить плохо. Про свои желания. Но мне ужасно хочется.

Он слышал ее дыхание. Теперь оно было очень близко. Он чувствовал: достаточно ему протянуть руку, и он дотронется до нее. Йитс продолжал наполнять легкие кислородом, готовясь произнести слова, которые сделают Вульф его рабой.

— Эй, — сказала она, — а что это за слово? Когда японские парни совершали что-то плохое, они, чтобы загладить вину, вспарывали себе брюхо. Ты это знаешь? Потрошили себя. Как это называется?

Он не ответил.

— Сеппуку, — сказала она. — Думаю, что так.

В его сознание закралось сомнение. А она точно из семьдесят седьмого?

— Я долго планировала все это. Подумай об этом, Йитс.

Он подумал.

— *Киннал форсет халлашин эйд!* — Он повернулся. Его руки сомкнулись на рукоятке меча. Он выхватил его из ножен. — *Кричи!* — Это нужно было для того, чтобы определить ее местоположение. И подтвердить, что он правильно вычислил ее. Йитс резко крутнулся, горизонтально выставив перед собой меч. Лезвие разрезало воздух. Он потерял равновесие.

— Холодно, — сказала Вульф откуда-то рядом с дверью.

Он все же удержался на ногах и поднял меч вертикально. Какая глупость. Он был крайне разочарован собственными действиями. Все это чужь насчет ее имени: «Сейчас я Вульф». И он купился на это. Она, естественно, Эмили. И всегда будет Эмили.

Йитс обошел стол, двигаясь на ее голос и держа меч на изготовку. Ему показалось, что раздался какой-то звук, и он мысленно нанес колющий удар. Затем медленно повернулся вполоборота.

— Сюда, — сказала она от коридора.

Йитс ощупью добрался до дверного проема. В коридоре слышался странный шорох. Вентиляция? Он почувствовал, что окружен. Да, совершенно очевидно, что у нее на него определенные планы.

— Здесь люди. — Ее голос прозвучал впереди. — Так... чтобы ты знал.

Йитс сделал два шага и наткнулся на стул. Мыском правой туфли он ударился об ножку и понял, что на коже останется царапина. Его охватила грусть.

— Итак, у меня к тебе предложение, Йитс. У тебя есть два варианта. Ты открываешь глаза, смотришь на то, что у меня на шее, и потрошишь себя, следуя моим инструкциям. В этом случае никто не пострадает, кроме тебя. Но можешь стоять здесь и размахивать своим огромным ножом для масла; правда, в этом случае я брошу на тебя твоих же людей. Что скажешь?

Йитс побежал на нее. Кто-то схватил его за руки. Он ударил мечом нападающего, и после чьего-то тихого возгласа его руки обрели свободу. Он снова выбросил вперед меч и почувствовал, как лезвие проткнуло что-то. Это нечто повисло на лезвии, и он дернул меч на себя. Что-то с глухим стуком рухнуло на ковер.

— Мои поздравления, — сказала Вульф. — Ты убил своего секретаря.

Он резко повернулся на ее голос. Коридор был полон людей. Йитс чувствовал это. Они

стояли молча, ждали, когда он приблизится. Он понял: чтобы добраться до нее, ему придется убить всех.

— Итак, чуда не случилось, — сказала Эмили. — Даже не знаю, чего я ожидала.

Она все еще оставалась двести двадцатым. Просто отточила свою оборону. Но лазейку найти можно. Всегда можно что-то найти. Тайное желание, тщательно скрываемое недовольство собой... Вот через это он и разгадает ее.

Йитс ощупал воздух кончиком меча.

— Ты никогда не была одной из нас. Элиот думал, что ты научишься управлять собой. Но одна эта мысль всегда вызывала только смех. Ты никогда не умела контролировать свои эмоции.

— Не знаю, Йитс. Возможно, ты просто не верил в мое благоразумие.

Он быстро повернулся на голос.

— Ты действительно думаешь, что сможешь спрятать от меня свой разум?

Йитс взмахнул мечом. Лезвие задело за что-то, и он, оскальзываясь, сделал выпад вперед. Лезвие во что-то воткнулось, и он сильнее надавил на него.

— Бр-р, — сказала Эмили. — Это был Фрост.

Возможно, собственная ярость вывела ее из равновесия.

— *Вартикс велкор манник вишик! Кричи!*

Наступила пауза. Никто не закричал.

— Итак, ты понял, что я ни капельки не изменилась. Мои поздравления. Но это тебе не поможет.

— Я чувствую твои эмоции, — сказал он. — Ты излучаешь их. Скажи мне что-нибудь, Эмили. Почему ты так сильно хочешь моей смерти?

— Разве это не очевидно?

— Думаю, потому, что тебе нужно сделать меня виноватым. Тебе нужно верить, что в том, что ты натворила в Брокен-Хилл, есть только моя вина.

— А так и есть.

— Но в глубине души ты знаешь правду. Что если бы ты приложила чуть больше усилий, то смогла бы остановить все это.

— Черт бы тебя побрал, Йитс. До чего же ты упрямый... Но я пришла сюда не для того, чтобы выслушивать твою болтовню. Я хотела добиться, чтобы ты по собственной воле попросил прощения, но мне надоело с тобой валандаться. Открывай глаза, черт побери.

— Ты убеждаешь себя, будто у тебя нет выбора, но сама ты в это не веришь. И поэтому хочешь убить меня. Ты надеешься убить часть себя.

— Хватайте его, — сказала Эмили, обращаясь к кому-то, он не знал, к кому именно. — Валите его на пол. Заставьте его открыть глаза.

Он поднял меч.

— Кто убил того мальчика в Академии? Разве я? Он первым своей жизнью заплатил за свою ошибку, а его ошибка состояла в том, что он любил тебя. Он был первым, но не последним. — К нему потянулись руки. Он только и успевал рубить мечом. — Разве это я сделал из тебя убийцу? Ты стала убийцей задолго до Брокен-Хилл!

— Заткнись!

— *Вартикс велкор манник вишик! Ты убила своего любовника! Кричи!* — Руки схватили его. — *Вартикс велкор манник вишик! Ты заслужила наказание, ты заслужила смерть за свои преступления! Вартикс велкор манник вишик! Кричи, мерзкая сука!*

Йитс упал на пол под весом навалившихся на него тел. Он ощутил на лице чужие пальцы. В царившем вокруг гаме он различил тихий, похожий на шелест звук, даже не звук, а горестный вой.

— *Вартикс велкор манник вишик!* — сказал он. — *Эмили, ляг на пол и спи.*

Его все же вынудили поднять веки. Он увидел знакомые лица, напряженные и сосредоточенные. Он знал сегменты этих людей, но никакие его слова не смогли бы убедить их отпустить его. Однако он мог зайти с другой стороны. Он мог убедить их отпустить его, как только их долг будет исполнен. Мог, потому что за грудой навалившихся на него тел он разглядел фигуру, распластавшуюся на ковре; ее грудная клетка под белым халатом мерно поднималась и опускалась. Йитс возликовал: поединок окончен, и он одержал победу.

4 вопроса, чтобы хорошо и быстро узнать другого человека

From: <http://whuffy.com/relationships/articles/8we4y93457wer.html>

1. Как вы проводите свободное время?
2. Что бы вы сделали, если бы вам оставался год жизни?
3. Чем вы больше всего гордитесь?
4. Чего вы хотите?

Элиот поднялся на восьмой этаж, где дюжие молодцы в серой униформе складывали ковер.

— Что за черт?

— А, Элиот, — сказал Йитс. У него в руке был белый платок, и он утирал пот с шеи. На его рубашке под мышками были влажные круги. Элиот никогда не видел, чтобы у Йитса было такое учащенное дыхание, и его это обеспокоило. — У нас тут был маленький переполох.

— Делегаты разбежались. Решили, что ты собираешься бомбить здание.

— Серьезно? — сказал Йитс. — Это же благотворительное мероприятие в помощь детям.

Элиот отступил, пропуская человека с ковром. Стены были чем-то забрызганы. Маленькими темными капельками, издали похожими на туман.

— Я тебя спросил, — сказал он, — что за черт?

— Вульф вернулась.

Элиот ничего не сказал — ведь это наверняка была шутка.

— Взгляни, — сказал Йитс, указывая на темное пятно на ковре. — Это Фрост.

— Я же говорил тебе, что она жива.

— Да, говорил.

— Я просил у тебя побольше времени... Господи, она убила Фроста?

— По сути, да, — сказал Йитс. — И еще кое-кого.

— Как ей это удалось? — Йитс все промокал платком свою шею. Было нечто странное в его поведении, некая удовлетворенность, источника которой Элиот не понимал. Подошли рабочие: они хотели забрать ковер, на котором он стоял. — Прочь, — сказал Элиот. — Все прочь.

Рабочие вопросительно посмотрела на Йитса, тот никак не отреагировал. Рабочие ушли и оставили после себя слабый запах сигарет и клея для ковровина.

— Оно у нее было?

— Да.

— Значит, она забрала слово.

— Все, как ты предсказывал, — сказал Йитс. — Зря я тебя не послушал.

— Где она?

Йитс ничего не сказал.

— Ты убил ее?

— Какие у тебя интересные приоритеты, — сказал Йитс. — Я сообщаю тебе, что элементарное слово вернулось, а ты первым делом спрашиваешь о ней.

— У меня множество вопросов. И не все они упорядочены.

— Ах, Элиот... Пока я рос, ты мельчал. Я предложил тебе помощь после Брокен-Хилл. Я дал тебе шанс уйти прочь и найти себя такого, каким ты должен быть. Но нет. Ты предпочел остаться. Ты хотел преследовать ее. Ты так и сказал: ты хочешь. Чтобы отыграться за свою неудачу, когда ты не смог остановить ее? Попросить у нее прощения за то, что не смог защитить ее? Честное слово, я не знаю. Наверное, ты тоже не знаешь. Но есть одно, что не вызывает сомнений: она сломала тебя. Ты позволил себе проявить заботу о

шестнадцатилетней девчонке. То, что она сломает тебя, было ясно с самого начала, но твоя слабость со временем превратилась в психологический распад личности. Взгляни на себя. Ты — тень того, каким ты был раньше.

— Между прочим, — сказал Элиот, — это очень освежает, когда тебе честно высказывают свое мнение.

— Я открыто встретил слово и одержал победу. Именно это я и сделал, пока ты копался в себе. В тот день, когда я понял, что элементарное слово может развратить меня, я стал готовиться к встрече с ним. Вот поэтому-то я и оставил слово в Брокен-Хилл — чтобы она его оттуда забрала.

— Что ты сделал?

— В мои намерения не входило инициировать еще одно событие вроде вавилонского. Я слишком много работал ради этого. И только доказав, что я достоин слова, я смог убедиться, что у меня хватит сил противостоять искушению. Я давно хочу обладать им. В том, что касается империй, меня, Элиот, расстраивает их неустойчивость. По размышлении, создается впечатление, что реальная власть — это возможность не просто править миром, а предопределять его будущее. — Йитс пожал плечами. — Вероятно, я это и сделаю.

— Я перестану тебя понимать, черт побери. Вульф могла убить всех нас.

Йитс пожал плечами.

— Но не убила.

— Но могла.

— Она сделала из него ожерелье. Чтобы всегда держать при себе, я думаю. — Йитс сунул руку в карман пиджака. Элиот отвел взгляд. — Я его завернул, Элиот.

Тот посмотрел на то, что было завернуто в белую ткань.

— Меня восхищает твое предположение, что мне нужно элементарное слово, чтобы *скомпрометировать* тебя, — сказал Йитс. — Элиот, при твоём нынешнем состоянии мне едва ли вообще понадобились бы слова.

— Где Вульф?

— Внизу. В камере. Спит.

— Что ты собираешься с ней делать?

— Ты сам знаешь. Пора освободиться от Вульф. Позволь мне помочь тебе.

Элиот ничего не сказал.

— Она убийца. Она убила три тысячи человек. Между прочим, она каким-то образом сама подверглась воздействию слова. В Брокен-Хилл поймала его отражение. Случайно, я думаю. Но сейчас она находится в состоянии выполнения инструкции, цитирую: «убить всех». Мы можем только догадываться, насколько глубоко в ней засела эта инструкция. Она пыталась сопротивляться ей, направляя свои мысли на меня. Но она все равно стала частью ее. И никогда не исчезнет. Вульф безнадежна, Элиот. И всегда была такой. Пожалуйста, сделай это быстро, потому что у меня для тебя есть новая работа в Сирии.

— Я не буду помогать тебе править миром.

— Нет, будешь.

— Ты ошибаешься, если считаешь, что хорошо меня знаешь.

— Элиот, — сказал Йитс, — если бы это было так, тебе не понадобилось бы говорить об этом.

Она проснулась и сразу поднесла руку к ожерелью. Но на месте его не было. Ее мир был желтоватым. Полтора метра на два с половиной. В нем имелись банкетка с мягким сиденьем, которая, как она догадалась, исполняла роль кровати, и ковер, который она узнала. Массивная серая дверь с маленьким окошком, затянутым чем-то с той стороны. На ней было только белье. Голова была тяжелой, как будто по ней нанесли сокрушающий удар. Нет, не по черепу, а по чему-то внутри него. Она села, поднесла руку ко лбу и на мгновение прикрыла глаза, потому что все было очень-очень плохо.

Время шло. Она встала. Ее мучила жажда. Она обнаружила пластмассовое ведро под банкеткой и догадалась, что оно предназначается для туалета. Еще какое-то время она потратила на то, чтобы отломать от ведра длинную заостренную полоску и сунуть ее за спину, за резинку трусов. Она не знала, правильно ли поставила ведро, но рассчитывала, что в комнате видеонаблюдение не ведется. Зачем, когда человек сидит в крохотной камерке и у него нет ничего, кроме ведра? Но если она выберется отсюда именно потому, что в комнате не ведется видеонаблюдение, вот это будет здорово.

То были конструктивные мысли. Но, по сути, она не собиралась никуда выбираться. Просто занимала себя каким-то делом, ожидая прихода Йитса.

Кто-то действительно пришел, но не Йитс. Сначала Эмили не узнала этого человека. Он подстригся. Миновало восемь или девять лет. Но глаза у него были те же, и она не забыла, как они вылезли на лоб в том «Макдоналдсе», где он заставлял ее сделать ему минет.

Она произнесла несколько слов, так, на всякий случай.

— Прощу тебя, не надо, — сказал Ли.

Дверь закрылась. Эмили успела заметить по ту сторону двери людей, которые являлись серьезным препятствием для побега. Она подумала о том, чтобы воспользоваться своим ножиком, сделанным из ведра, но потом решила, что позорно тратить такое оружие на Ли, если остается шанс прикончить им Йитса.

Ли сел на пятки. Это была странная поза, но зато его глаза оказались на одном уровне с глазами сидящей на банкетке Эмили. Она покрылась гусиной кожей. Ей ужасно хотелось сложить руки на груди, но она не стала этого делать, чтобы никак не открываться перед ним.

— Мы, знаешь ли, пишем отчеты, — сказал Ли. Он выглядел странно, как-то болезненно, но, вероятно, в этом был виноват желтоватый свет. — Когда мы вербуем кого-то, то отправляем докладную записку, в которой излагаем свое мнение. Записка про тебя... в общем, мнение о тебе, Эмили, было отрицательным. Я не лгу. Мое мнение было в высшей степени отрицательным. Я знаю, что ты думаешь: я дал тебе плохой отзыв, потому что ты врезала мне по яйцам. Нет. Я отодвинул это в сторону — я же профессионал. Я дал тебе плохой отзыв, Эмили, потому что ты собиралась отсосать у меня. Это был простой тест. Я воспользовался очень слабыми словами. Для новичков. А ты все равно поддалась. Ты очень уязвима. У тебя нет защиты. А такие люди в Организации надолго не задерживаются. — Он развел руками. — Представь мое удивление, когда тебя приняли в Академию. Теперь-то мне

все ясно. Теперь-то я знаю, что ты пролезла в Академию мошенническим способом. Элиот жалеет тебя. Да, сейчас мне все понятно. Но тогда я был страшно изумлен. А потом из тебя сделали Вульф... Я воспринял это как личное оскорбление. Я не боюсь признаться в этом. Мне было обидно. В том смысле, что в моем отчете все было изложено абсолютно четко. «Кандидат не проявляет склонности ни к умственной дисциплине, ни к тому, чтобы развивать ее». Это были мои слова. И вот теперь взгляни на себя. Всё как я предсказывал. А знаешь что? То, как все обернулось, мне только на руку. Я сумел показать свою гениальность. И наконец-то перебрался в округ Колумбия, хотя на это и ушло какое-то время.

Он замолчал, словно ожидая от нее реакции, но она никак не отреагировала, потому что еще не поняла, зачем он пришел. Ли вздохнул, выпрямился и разгладил брюки. Его новый облик не произвел на нее впечатления.

— Итак, — сказал он, — как ты, наверное, догадываешься, тебе суждено умереть в скором времени. Насколько я понимаю ситуацию, ты еще жива только потому, что Йитс слишком занят новым проектом, чтобы тратить время на вытряхивание информации из твоих мозгов, если там вообще есть что-нибудь полезное для нас. В общем, рано или поздно это случится. И ты не сможешь этому помешать. Но у меня есть одна мысль, Эмили: я хочу избавить Йитса от хлопот. Видишь ли, я оказался здесь потому, что это для меня величайший шанс. Испытание, если можно так выразиться. Если я вернусь к Йитсу с той информацией, которая ему нужна, передо мной откроется замечательная перспектива.

Он снял пиджак и принялся закатывать рукава.

— Зачем я тебе все это рассказываю, если ты явно не заинтересована делать то, что мне надо? Объясню. Затем, Эмили, что я хочу, чтобы ты поняла, насколько сильна моя мотивация.

Она сказала:

— Да, Ли? Сама идея, что ты сможешь *скомпрометировать* меня, смехотворна.

— О, я понимаю, что ты не шестнадцатилетняя девчонка. Я и не жду, что и в этот раз все будет легко. Я слышал, что ты усердно работала над своей защитой. — Он принялся расстегивать ремень. — Дело в том, Эм, что в глубине души я уверен: ты осталась прежней. Я думаю, ты очень уязвима. Ты пала жертвой идеи, что лучшая защита — это нападение. Эта идея хорошо тебе служила, но лишь до поры до времени, и вот... мы оказались тут. — Он вытащил ремень из шлевок и стал наматывать его на руку. — Думаю, когда мы протестируем эту защиту, ну, в том смысле, что хорошенько надавим на нее... мы увидим, как она затрещит по всем швам. Я совершенно уверен в этом. Потому что, когда человек находится в серьезном стрессе, его высшая мозговая деятельность затухает. Он утрачивает способность к критическому мышлению. И поведение, приобретенное в результате обучения. — Он похлопал себя по лбу. — Да что я тебе рассказываю! Ты сама все это знаешь. В отличие от меня ты закончила школу недавно и знаешь, о чем я говорю. И ты знаешь, что я не уйду отсюда, не получив то, что мне нужно. Единственный вопрос: насколько сильно мне придется потрудиться. — Ли поднял руку, с которой свисал ремень пряжкой вниз. — Итак, — сказал он, — приступим?

В комнату вошли два крупных мужчины в белой униформе — Эмили узнала в них сотрудников Лаборатории. Они приблизились к ней, выставив перед собой руки с растопыренными, как когти, пальцами. К этому моменту Эмили совсем обезумела: забрызганная кровью с ног до головы, она кричала и размахивала ножиком из ведра. Ли лежал на полу, и вместе с кровью, толчками вытекавшей из горла, из него бесшумно уходила жизнь. Эмили замахнулась на одного из мужчин, выкрикивая подобранные почти наобум слова, но он поймал ее запястье и заломил ей руку. Как ни странно, это успокоило ее. Они выхватили у нее нож и уложили ее на пол. Эмили пролежала так довольно долго, ей казалось, что несколько часов. Другие люди унесли Ли. Это был последний раз, когда в ее камерке появился не Йитс.

* * *

Она по кусочкам снимала с себя кровь Ли. Высохшая кровь превращалась в чешуйки, поэтому она могла очиститься, снимая их одну за другой. Возможно, «очиститься» было не самым правильным словом. Она испытывала дикое отвращение, но продолжала, потому что альтернатива была еще хуже. С каждым снятым кусочком Ли ей становилось лучше.

Шли дни. Во всяком случае ей казалось, что дни. Ее мучила страшная жажда. А потом началась дрожь, которую невозможно было унять. Кишечник и мочевой пузырь перестали работать. Она чувствовала их внутри, они были как камни. Она считала, что ее намеренно пытаются. Ее физиологические потребности намеренно не удовлетворялись.

Она думала об Элиоте. О том, знает ли он, что она здесь. Она решила, что нет, потому что если бы он знал, то обязательно пришел бы. Ну, была у нее такая уверенность. Да, конечно, она оставила его лежать лицом вниз на дороге у Брокен-Хилл, и было бы абсолютно разумно, если бы Элиот возненавидел бы ее всеми фибрами своей души. Но ей почему-то казалось, что те отношения, что установились между ними, допускали ошибки, причем крупные. И что когда эта дверь откроется в следующий раз, на пороге будет стоять не Йитс, а Элиот, и его взгляд будет полон упрека, но в нем также будет прощение и надежда.

Она подумывала о том, чтобы снять белье: оно было заляпано кровью Ли, и от этого она чувствовала себя грязной. Это могло бы подействовать на Йитса устрашающе. «Ничего, кроме Эмили, старина». Но она не стала этого делать. Она не была до такой степени агрессивна. Она заставляла себя периодически слезать с банкетки и прыгать на месте или хотя бы делать приседания. Она не просто лежала без дела. Свет никогда не выключался. Она не могла определить, сколько времени прошло. У нее в голове кружились и кружились разные мысли. Иногда она ловила себя на том, что поет.

* * *

Элиот свернул на подъездную дорожку и медленно подъехал к школе. Час был поздний, в большинстве комнат свет не горел. А вот у Бронте окно светилось. Он несколько мгновений сидел неподвижно, затем вылез из машины и вошел в здание.

Коридоры были пусты. Он давно не был здесь, и школа казалась чужой, хотя ничего не

изменилось. Он прошел в Восточное крыло, встретил мальчика с белой ленточкой на запястье и с темными кругами под глазами, что-то бормотавшего на латыни. Мальчик увидел Элиота и замолчал, на его лице появилось страдальческое выражение. Элиот не остановился.

Он постучал в дверь Бронте. Она властным голосом, который приберегала для учеников, крикнула «Входите!», и он вошел. Шарлотта сидела за письменным столом, окруженная бумагами, ее волосы были собраны наверх, но пряди так и норовили вырваться из-под шпилек. Она отложила ручку и откинулась на спинку кресла.

— Как ты вовремя. Я уже начала собирать бумаги. — Бронте вытянула руку. — Присядешь?

— Я еду в Сирию.

— О, — сказала она. — Когда?

— Сейчас. Сегодня ночью.

Шарлотта кивнула.

— Тебе обязательно нужно побывать в музее в Дамаске. У них есть дощечка с древнейшим из известных линейных алфавитов. Он очень простой.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

Она замерла.

— Я не совсем поняла, что ты имеешь в виду.

Элиот оглядел комнату.

— Ты помнишь те часы, что у меня были? Цифровые, они будили меня, чтобы я успел вернуться в свою комнату до рассвета. Я ужасно боялся, что будильник в них не сработает. Что я просплю.

— Элиот. Прошу тебя.

— Этвуд знала, — сказал он. — Она сама сказала мне об этом, много лет назад.

— Пожалуйста, — сказала Бронте.

— Мы считали себя такими хитрыми. Надо же, забеременеть у них под носом... А когда... когда мы были вынуждены все прекратить, мы думали, что это тоже тайна. Мы прекратили, так как боялись, что про нас узнают. Но они знали.

Ее глаза блеснули.

— Зачем ты все это говоришь? Ты пришел, чтобы *скомпрометировать* меня?

— Нет, — сказал Элиот. — Господи, нет.

— Тогда остановись.

— Они убедили нас. Не произнеся ни слова.

— У нас не было выбора, Элиот.

— Я больше в это не верю. Не могу. Извини.

— Это правда.

— Я почему-то уверен, что была бы девочка, — сказал он. — Не знаю почему. Но у меня была такая уверенность. Я не мог заставить себя не думать о ней.

Бронте спрятала лицо в ладонях.

— Замолчи.

— Сейчас она была бы взрослой. Молодой женщиной.

— Хватит!

— Прости. — Он осадил самого себя. — Прости.

— Я хочу, чтобы ты ушел.

Элиот кивнул. Он колебался, едва еще раз не попросил прощения, затем прошел к двери. Прежде чем закрыть ее за собой, оглянулся — в надежде, что Шарлотта убрала руки от лица. Но она этого не сделала.

* * *

Элиот приземлился в Дамаске. Раскаленный воздух окутал его, едва он ступил на трап. По вкусу воздух был таким же, как в Австралии, но с другим запахом. Элиот прошел в здание аэропорта и тут же подпал под внимательные взгляды усатых офицеров различного ранга. Его документы были безупречны, и вскоре его выпустили в зал прилета, огромный, с высокими зарешеченными окнами в форме замочной скважины и даже работающими, пусть и слабо, кондиционерами. Невысокий человек в тесном костюме держал табличку с надписью:

«الأيوت».

— Я Элиот, — сказал Элиот. — А вы Хуссейн?

Мужчина кивнул и на западный манер протянул руку для приветствия.

— مهينة صيرحيخأف الأبد, — сказал Элиот. Рука мужчины опустилась. Его лицо расслабилось. — Мой рейс задерживают, — сказал Элиот. — Вылет через десять часов. Будете ждать здесь и в это верить. — Он видел выход. У кромки тротуара не было недостатка в такси. — И когда Йитс спросит, что случилось, — сказал он, — скажете ему, что я подал в отставку.

* * *

Кто-то вошел в комнату. Едва поняв это, она закрыла глаза, но все же оставила крохотную щелочку, поэтому она видела вошедшего только в общих чертах: широкоплечий мужчина в темном костюме и с серебристыми волосами.

— Здравствуй, Эмили, — сказал Йитс.

Она села. В голове было ощущение, будто мозг размягчился. Ли был прав: в стрессовом состоянии трудно выстраивать ментальную оборону. Для этого нужна четкость мысли, а она думает только о сэндвиче.

— Ли мертв. Вероятно, ты догадываешься об этом. Но если ты рассчитывала, что в последний момент врачи героическим усилием... нет. Он умер. Еще один труп в твоей коллекции.

— Остановлюсь, когда заполучу еще один.

— Нет, — сказал Йитс. — Не остановишься. Полагаю, мы оба понимаем это. Ты заражена жадой убивать. Пока тебе удавалось подавлять ее, планируя мою смерть. Если бы у тебя все получилось... в общем, это стало бы проблемой, не так ли? Потому что ты неизбежно начала бы, гм, убивать всех. Полагаю, ты все отлично понимаешь. Ты вынуждена планировать мое убийство. Но ты не можешь меня убить. Сложная задача.

Интересно, спросила себя Эмили, сможет ли она быстро соскочить с кровати и сомкнуть руки на горле Йитса. Вряд ли, не успеет. Да и эффекта это не даст, даже если она и успеет. Тут нужно действовать хитрее. Это ее шанс, еще один раз ей его не заполучить. Вот

только надо прекратить эту пульсацию в голове.

— Сознательно ли ты шла на самоубийство? Я так не думаю. Это не в твоём характере. Я думаю, ты пришла сюда с намерением убить меня и слабой надеждой, что это избавит тебя от проклятия. Но ты очень импульсивная девочка. Ты живешь от одного удобного момента к другому. Я прав?

«Возможно», — подумала Эмили. Она не знала. Она была голодна. И она хотела знать, где Элиот.

— Я основываю религию, — сказал Йитс. — Я использую термин «религия» в очень широком значении. Но и все используют его так же. Это большая работа, даже при наличии элементарного слова, и когда она закончится, будет сделан только первый шаг. Поэтому я не стану терять время. Сейчас ты узнаешь, что произойдет. Ты откроешь глаза. Ты согласишься на элементарное слово. Я скажу: *«Всегда служи моим интересам»*. — Йитс наклонился к ней, но она все равно видела его расплывчато. — Судя по выражению на твоём лице, для тебя это неожиданность. Ты думала, что будешь убивать или что убивать будут тебя. Вполне естественное предположение. Но я понял одно, Эмили: ты оказалась очень полезной. Ты опытна, находчива, легко приспосабливаешься, у тебя в голове приказ убивать, который включится в случае моей смерти. Ты, по сути, идеальный телохранитель.

— Нет. Я не буду этого делать.

— Конечно, будешь. Другого способа остановить это у тебя нет.

Она оскалилась от напряжения, силясь встать с кровати. Он прав. Она одна в этой камере. У нее даже нет ведра. Но ведь должно что-то быть. Раньше что-то обязательно находилось.

— За свою жизнь я поработил немало людей, но вряд ли я встречал тех, кто бы так люто ненавидел меня. И это замечательно, Эмили, потому что с тем, во что превратился твой мозг, твоё сознание будет изобретать разумные объяснения, чтобы оправдать твой выбор служить мне. Как низко ты можешь нагнуться, Эмили? Этот вопрос будит моё любопытство. Интересно, можно будет назвать конечный результат тобой?

— Я убью тебя.

— Да, — сказал Йитс, — у тебя будет такое желание.

— Не подходи. — Ей по звуку показалось, что он подошел к ней, и она выбросила вперед руки. — Стой, где стоишь, ублюдок!

— Я не собираюсь драться с тобой, Эмили. Ты откроешь глаза по собственной воле. Ты сделаешь это, потому что у тебя нет выбора.

— Элиот, — сказала она. — Я хочу видеть Элиота.

— Боюсь, Элиот в Сирии. Он улетел вчера ночью.

— Скажи ему, что я здесь.

— Ах, Эмили, — сказал Йитс. — Он уже знает.

Ей не хотелось верить ему. Но она не находила фальшивых ноток в его голосе. «Элиот, — подумала она. — Элиот, ты был моей последней надеждой».

— Открой глаза, пожалуйста, — сказал Йитс, и ее начало сильно трясти, потому что она была готова открыть глаза.

слово [сл`ова]

(сущ.)

1. единица языка

2. базовая единица при обработке данных в компьютере

3. нечто произнесенное или написанное: *предостерегающее слово*

4. речь, способность говорить: *Двух слов связать не может (о том, кто не умеет понятно изложить свою мысль, разг., неодобр.)*

5. разговор, беседа: *Мы с ней перебросились парой слов*

6. приговор, решение: *сказать свое веское слово*

7. мнение: *ее слово против его*

8. обещание, уверение: *Даю слово, что вернусь*

— Значит, ты бросил ее, — сказал Гарри.

Элиот потер лоб. У него саднило горло — он говорил уже довольно долго. Для него это было испытанием — ведь он выздоравливал после того, как побывал на пороге смерти, а люди за окном намеревались убить его.

— Это все, что ты вынес из истории? Что я уехал? — Гарри не ответил. — Да. Я уехал. Выбора не было.

— Выбор есть всегда.

— Ну, — сказал Элиот. Он чувствовал себя уставшим. — Я его не видел.

— И что было потом?

— Йитс пустил ее за мной. У меня оставалась безумная мысль, что меня оставят в покое, если я уеду далеко-далеко. Что я смогу начать новую жизнь. Но она стала преследовать меня и методично убивала всех, кто оказывался у нее на пути.

— Вероятно, она *скомпрометирована*.

— Ты думаешь, это что-то меняет?

— Да, — сказал Гарри, — потому что я могу *раскомпрометировать* ее, с помощью элементарного слова.

— Это невозможно.

— Почему?

— Ты не можешь стереть инструкцию. Даже с помощью слова. Ты только можешь создать противоречащие инструкции.

— И что тогда?

— Это непредсказуемо.

— Черт, это уже кое-что.

— Изначальная инструкция никуда не денется. Она может снова подмять под себя человека в любой момент, в зависимости от ситуации, местонахождения, состояния здоровья. Ты согласен рискнуть, если одна из инструкций — убить всех?

— Да.

— Но этого делать нельзя.

Снаружи послышалось глухое брнчание. Гарри придвинулся к окну и посмотрел на небо.

— Я люблю ее.

Элиот покачал головой:

— Ты плохо помнишь прошлое.

— Уж то, что я люблю ее, я помню.

— Выслушай меня внимательно, — сказал Элиот. — В последний год у меня имелась очень веская причина выяснить, что же случилось в Брокен-Хилл, и в результате я точно знаю, что ваши с нею пути разошлись практически сразу после того, как она уложила меня лицом вниз на шоссе. Я собрал все по кусочкам и сделал следующий вывод: когда она пришла к тебе и попросила тебя уехать с ней, ты отказался. Вот тогда я и начал подозревать в тебе неподдающегося. И узнал, что ты ее не любил.

— Ты говорил, что людей определяют их желания. Что это самое важное в них. Так?

— Так.

— Тогда я знаю, кто я такой.

Элиот перевел взгляд на окно.

— Потрясающе. Просто потрясающе, Уил. Я рад, что ты смог найти свою эмоциональную сущность прежде, чем твоя подруга убьет нас. Представь, что было бы, если бы она снова заграбастала элементарное слово. Просто представь.

— Я спрячу его от нее.

— Ладно, — сказал Элиот. — Итак, мы вступаем в волшебную страну из фантазий, потому что, при всем моем уважении к твоей вновь обретенной уверенности в собственных силах, тебе, черт побери, не удастся помешать ей сделать то, что она хочет. У тебя нет ни малейшего шанса... Что это за шум?

— Вертолеты.

— Не один? И как они выглядят?

— С какой бы стати ей помогать этому типу Йитсу? Нет, она точно *скомпрометирована*. Он заставляет ее преследовать нас, а ты говоришь, что она должна умереть ради этого.

— Думаешь, мне это нравится?

— Да. Думаю. Из-за Шарлотты.

Элиот уставился в потолок.

— Ну, — сказал он, — возможно, ты и прав.

— И?..

— И это не имеет значения. Разве это выбор Вульф? Может, и нет, но она — то, что она есть. Вот ты тут отстреливаешь людей, чье преступление — лишь то, что они были *скомпрометированы*. Чем Вульф лучше? Еще могу добавить: она стала такой не по собственной воле. Йитс бросил семя в плодородную почву.

Чтобы перекрыть грохот вертолетов, Гарри громко сказал:

— В каком смысле?

— А в том, что она стерла с лица земли Брокен-Хилл!

— Может, она уже тогда была *скомпрометирована*!

— Ты веришь в то, во что тебе нравится верить! Господи! Я был бы рад верить, что не допустил гибели трех тысяч человек потому, что вовремя не разглядел ее. Но не могу. Правда в том, что она всегда была такой, а я отказывался видеть эту правду.

— А что ты скажешь насчет того, чтобы нам убить Йитса?

— Ага, как же, мы попросим Вульф минутку постоять в сторонке... Да не смотри ты на меня так, будто это возможно. Она будет защищать его даже ценою своей жизни. И даже если получится ее перехитрить, Йитса все равно придется оставить в живых, потому что только он сможет держать Вульф под контролем. Стоит устранить его — и она останется наедине с инструкцией убить всех.

Гарри смотрел в окно. Грохот вертолетов, кажется, стих.

— Тебе хочется увидеть кошмар наяву? Йитс гибнет, Вульф забирает элементарное слово... Йитсу нельзя умирать. Во всяком случае, раньше Вульф. — Гарри никак не реагировал. — Что там происходит?

— Люди выпрыгивают из вертолетов.

— Какие люди?

— Военные. Большие черные шлемы со щитками. Лиц не вижу.

— Ох, — сказал Элиот. — Вот мы и в заднице.

Гарри посмотрел на него.

— Изолированный от Внешнего мира Персонал. Они видят мир через фильтры, которые защищают их от *компрометации*.

— Стрелять в них?

— Конечно, — сказал Элиот. — А почему нет?

Гарри поднял ружье. В раму возле его лица врезалась пуля. Он нырнул за стену.

— Черт.

— Да, — сказал Элиот.

Гарри опять выглянул в окно:

— Они нас окружают.

— Я бы не удивился, если бы они еще и высадились на крышу, — сказал Элиот. — Спустились бы прямо с вертолетов.

— Что случилось с Шарлоттой?

— Что?

— Когда я встретился с тобой, у тебя был приятель. И еще целая толпа ребят, там, на ранчо. В том числе и Шарлотта. Как они туда добрались?

— Да какая разница? — сказал Элиот. — Честное слово, Гарри, сейчас-то какая разница? Ты думаешь, эти ребята будут брать нас живыми?

Гарри потер подбородок — Элиот еще не видел этого жеста.

— Под матрасом.

— Что?

— Я взял для тебя со склада пистолет. Он под матрасом.

Элиот изумленно уставился на него.

— Так ты будешь его доставать или нет?

— А вдруг я захочу пристрелить тебя из него в надежде, что это что-то изменит?

— Все будет хорошо, Элиот.

— Нет, — сказал Элиот, — эти ребята убьют нас, а Вульф будет наблюдать. А через какое-то время невообразимое количество людей будет жертвовать своими жизнями ради перекапывания земли только потому, что Йитсу ужасно хочется выкопать глубочайшую яму в одном месте и насыпать гору в другом. Вот так все будет, ты, тупой недоносок. Те ребята на ранчо? Они были из тех, кого я убедил уйти из Организации. Я думал, Шарлотта с ними, но потом мне стало совершенно ясно, что Вульф ее *скомпрометировала*. Шарлотта сливала ей информацию о тебе, о наших планах и так далее, сливала все это время, а затем Вульф настроила ее против меня, и я был вынужден убить ее! Уил, мне пришлось убить ее, черт побери!

— Доставай оружие.

— Зачем? — заорал Элиот. — Ведь Вульф придет сюда и осыплет нас дождем из сладостей!

Гарри заходил взад-вперед.

— Ой, — сказал Элиот. — Ой-ой, у нас появились сожаления?

— Заткнись.

— Двадцать лет, — сказал Элиот. — Всю свою взрослую жизнь я следил за каждым своим словом. И знаешь что? С меня хватит. Я сыт по горло, под завязку. Абзац! Пошел ты, Уил Парк! Гарри Уилсон! Плевать, как тебя зовут! Пошел ты куда подальше. И тебя, Йитс, туда же! И тебя, Эмили Вульф! Пошли вы все! — Он отбросил одеяло, сунул руку под матрас

и нащупал металл. — Вперед! — Его тело болело, но дух возвысился. — Йо-хо-хо, поберегись, мы идем! Йо-хо-хо!

* * *

Эмили выпрыгнула из вертолета и побежала в укрытие, обвалившееся здание, где когда-то, очевидно, продавали проволоку. Она уже и забыла о магазинах вроде этого. То есть о лавках. О магазинчиках, где продавался только один товар, который трудно было отнести к товарам первой необходимости. Можно было прожить в округе Колумбия целую жизнь и ни разу не увидеть лавку с проволокой. И тому, кому понадобилась бы проволока, пришлось бы ехать на склад-гипермаркет, и там проволока лежала бы на стеллаже в двенадцатом ряду. Но здесь для проволоки был целый магазин. Человек заходил сюда и просил отмотать ему какой-то определенной проволоки, потому что кенгуру снова снесли у него секцию забора, огораживавшего пастбище, и обязательно начинался разговор на эту тему.

Эмили не хотела возвращаться в Брокен-Хилл. В течение последнего времени ей казалось, что она состоит из кусочков, и она усердно собирала эти кусочки в единую личность и не знала, как Брокен-Хилл может повлиять на этот процесс. Однако Эмили все же оказалась здесь, потому что у нее уже не было права делать выбор в подобных аспектах, и она должна была как можно лучше выполнять свое задание. Одна ее часть, один кусочек был счастлив. Он считал, что она вернулась домой. Все же остальные просто обезумели от ужаса.

— Мы разворачиваемся, — сказала Плат.

Она бегала с гарнитурой, которая все время сваливалась с нее, и постоянно переговаривалась с ребятами из службы безопасности. Эмили не очень радовало присутствие Плат. Их дорожки иногда пересекались, и с каждым разом та была все более взвинченной. Ее диковатый, бегающий взгляд мешал Эмили доверять ей. А еще Плат подключили к операции вскоре после неудачной попытки загнать в угол Элиота и его неподдающегося в аэропорту Портленда, когда погибла поэтесса Райн, и хотя Плат ничего на этот счет не говорила, Эмили знала: та считает случившееся позорным провалом Эмили.

— Как же жарко. — Плат принялась вывинчиваться из жакета. На Эмили не было ни жакета, ни куртки, потому что с самого начала было ясно: в пустыне будет жарко. — Как в печке.

— Да. — Эмили наблюдала, как Плат пытается справиться с жакетом, запутавшимся в проводе от гарнитуры.

— Я позвоню Йитсу, скажу, что мы сели.

— Нет.

— Он просил держать его...

— Не звони Йитсу, — сказала Эмили. Она все еще находилась в руководящем составе. Она все еще лучше всех в Организации умела охотиться и убивать.

— Нам нужен командный центр, — сказал какой-то мужчина.

Его голос доносился из динамиков в шлеме и звучал механически. Его звали Мастерс. Он руководил солдатами. В настоящий момент Мастерс рассредоточивал ИВПов по Брокен-Хилл, его команды токсичными волнами накатили на город, устанавливая периметры, определяя координаты и выполняя прочие свои обязанности. Все это должно было помочь нейтрализовать Элиота, но Эмили не нравилось общество людей, которых она не могла

скомпрометировать.

Она вспомнила о закусочной с бургерами. Заведение располагалось достаточно далеко от больницы, чтобы Элиот не мог подкрасться к ней и убить, и достаточно близко, чтобы можно было координировать действия. Эмили не раз ела в этой закусочной, когда в одиночестве, когда нет. Но об этом она не думала. Гарри все время пытался вынырнуть из глубин ее сознания на поверхность, но она его туда не пускала. В общем, точка была очень удобной.

— Я знаю одно место.

Небольшая команда прочесала закусочную, пока они с Плат стояли снаружи, прикрывая лица от солнца. Над головой пролетел вертолет, подняв тучи острого песка.

— Бр, — сказала Плат. — Ну и местечко.

Солдат открыл заднюю дверь и поманил их. Эмили прошла через маленькую кухню, где на толстом слое пыли лежал темный скелет. С полка свисала кухонная утварь, на удивление чистая и сияющая. Затем она прошла через зал, такой знакомый. Там тел не было. Возможно, солдаты уже убрали их. Плат где-то застряла, и Эмили с каким-то странным внутренним трепетом стала приближаться к входной двери. За грязным окном она смогла разглядеть только темные силуэты. Столики на террасе. Над ними все еще торчал обтрепанный зонтик. Несколько машин. Если прижать лицо к стеклу, можно увидеть и дальнюю часть улицы. Эмили не вглядывалась в детали, но хорошо различала очертания больницы. Где-то там, внутри, Элиот и его неподдающийся.

Зазвонил ее телефон. Она достала аппарат.

— Я слышал, ты в Брокен-Хилл, — сказал Йитс.

— Да. — Эмили посмотрела на Плат, эту стукачку.

— Я все пытаюсь понять, зачем Элиот отправился туда.

— Ну, я думаю, чтобы заполучить слово, — сказала она. — Неподдающийся может забрать его. — На том конце воцарилась тишина. — Алло?

— Прости. Я на мгновение лишился дара речи.

— Элементарное слово, — сказала Эмили. — Оно в отделении «Скорой помощи».

— Элементарное слово у меня.

— Это копия, я ее сама сделала. А оригинал все еще там.

— Было бы гораздо полезнее, если бы эта информация появилась у меня чуть раньше.

— Ах, — сказала Эмили. — Прости. — Один кусочек нее давно понял, зачем Элиот отправился в Брокен-Хилл.

— Ты убьешь Элиота, — сказал Йитс, — и этого неподдающегося, и, кстати, всех, кого Элиоту удалось завербовать и кто не работает непосредственно на меня. После этого ты блокируешь больницу и будешь ждать моего приезда. Ясно?

— Да. — Мысленно Эмили добавила: «говнюк». Иногда она так делала. Для нее это стало своего рода игрой.

— Мне очень не нравится эта история с неподдающимся. Я чувствую себя крайне неудобно, зная, что он существует. Это отвлекает меня от работы, что чрезвычайно нежелательно.

— Представляю. — «Ты говнюк».

— Позвони мне, когда разделаешься с Элиотом, — сказал Йитс. — До этого моей ноги не будет в Брокен-Хилл. О, а знаешь что, Эмили? Потом мы обязательно найдем минутку, и ты во всех деталях расскажешь мне, как тебе удалось скопировать объект, на который ты не

могла смотреть.

— Расскажу, — сказала она.

Телефон пискнул. Ее челюсть задвигалась, и на секунду ей показалось, что она не удержится и произнесет эти слова. Однако Эмили лишь что-то проворчала себе под нос и покосилась на Плат. Судя по всему, никто ничего не заметил. Вот и хорошо.

В самом начале Эмили не могла даже мысленно произнести эти слова. Возможно, со временем она сможет произнести их ему в лицо. «*Эй, Йитс! Ты говнюк!*» Идея была захватывающей. И невероятной. Скорее всего дальше этого она не пойдет — дальше умственной игры. Посмотрим. Сейчас самое главное то, что часть нее все еще остается ею.

* * *

Элиот подошел к двери, открыл ее и исчез. Все это произошло гораздо быстрее, чем ожидал Гарри, потому что всего несколько мгновений назад Элиот слишком сильно походил на человека, приходящего в себя после смертельного ранения. И Гарри не знал, что именно вдруг оживило его.

— Подожди, — сказал он. Но Элиот уже бежал по коридору, и Гарри слышал его топот.

Он взвесил на руке ружье. Оно будет абсолютно бесполезным при ближнем бое. А он-то не собирался покидать комнату. Он собирался прятаться за стенами и отстреливать противника по одному до тех пор, пока Эмили не получит сообщение и не придет повидаться с ним... Гарри выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Черт, — сказал он и поспешил за Элиотом. Пробежал мимо двух палат для новорожденных, здесь когда-то работала женщина по имени Хелен. У нее были пончики с розовой глазурью, всегда, в любое время дня или ночи. Гарри ни разу не видел, чтобы она их ела. Они просто у нее были. И он часто заходил сюда ради этих пончиков.

Добежав до угла, Гарри выглянул. Элиота нигде не было. Он просто исчез. Гарри спорил сам с собой, прикидывая, стоит ли его звать, не привлечет ли он криком вооруженных людей, затем поблизости раздались два коротких выстрела, и он сразу принял решение.

Приблизившись к перилам лестницы, Гарри посмотрел вниз и увидел Элиота прямо под собой. У ног Элиота лежал мужчина в черном комбинезоне и без шлема. Мужчина, кажется, был без сознания. Его оружие, полуавтоматическая винтовка, лежало в нескольких футах от него.

— Выстрелил ему в лицо, — сказал Элиот. — Пусть у них бронированные шлемы, зато хорошо бьет по мозгам.

— Куда ты выстрелил? — Мужчина в черном потянулся за винтовкой. — Он шевелится! — Гарри вскинул ружье.

— Не надо! — сказал Элиот. — Он теперь на стороне ангелов.

Мужчина схватил винтовку, поднялся на ноги и вопросительно посмотрел на Гарри.

— Он свой, — сказал ему Элиот. — Вы не убьете друг друга. — И стал спускаться по лестнице.

— Как тебе?... — Но Элиот уже исчез. Гарри побежал за ним, перепрыгивая через три-четыре ступеньки. Он догнал Элиота на площадке второго этажа, где располагалось отделение хирургии. — Да подожди ты, черт побери! — Он схватил Элиота за плечо, но

мужчина в черном упер в него дуло своей винтовки и прицелился.

— Не пугай моего прола, — сказал Элиот. — Он хочет защищать меня.

— Куда ты?

— Искать Вульф.

— Она может быть где угодно.

— Да. Но это лучше, чем сидеть в той палате. — Элиот оглянулся. Его зрачки были расширены. — Ты когда-то здесь работал. Как отсюда выбраться, чтобы никто не заметил?

— Не знаю. Ты не мог бы сказать этому типу, чтобы он перестал целиться в меня из своей чертовой винтовки?

— Он считает, что от тебя исходит угроза. Между прочим, я тоже.

— У тебя такой вид, будто ты накачался наркотой.

— У меня сейчас вырабатывается много допамина, — сказал Элиот. — Он у меня от природы высокий. Джоэл! Опустит винтовку.

Солдат опустил оружие и мрачно уставился на Гарри.

— Как насчет прачечной?

— Что?

— Там же есть желоб, — сказал Элиот, — по которому можно спуститься в подвал или еще куда-то.

— Нет. Здесь такого нет. Это же больница — тогда бы через желоб сбегали дети.

— И что дальше?

— Не знаю.

— Думай, — сказал Элиот. — У тебя наверняка сбежали несколько пациентов. Ведь они как-то выбрались отсюда. Это же не Форт-Нокс^[17].

— Никто... ладно, однажды один парень влез в складское помещение: он перебрался с крыши соседнего здания. Мы могли бы...

— Да. — Элиот посмотрел на солдата. — Отвлеки их. Ни во что не стреляй. Доложи ложную информацию. Сочини что-нибудь. — Мужчина кивнул и потрусил вниз по лестнице. — Итак, на склад.

— Как тебе удалось *скомпрометировать* этого парня?

— Я знаю его. Я когда-то работал на Организацию, знаешь ли. А теперь — на склад.

Гарри провел Элиота через двойную дверь. Он не любил приходить сюда. Это отделение принадлежало хирургам. Гарри сомневался, что они когда-либо обращали на него внимание. Казалось, они больше любят сложные проблемы, которые ставит перед ними жизнь, чем самих людей.

— Так, значит, ты выстрелил ему в лицо, снял с него шлем и воспользовался словами?

— Именно так.

Они подошли к складу и подергали ручки. Очевидно, за последний год эту дверь никто не отпирал. Но Гарри знал, где ключ. Он пробежал по коридору, выдвинул второй ящик письменного стола в сестринской и среди резинок, зажимов и прочей канцелярской мелочи нашел ключ. Когда он вернулся, Элиот изо всех сил дергал дверь.

— Поторопись, — сказал он.

— Я и так тороплюсь.

— Надо быстрее.

Гарри открыл дверь. Новый Элиот заставлял его нервничать. Где-то в отдалении отрывисто прозвучали выстрелы. Мужчины подождали, но очередь не повторилась.

— Джоэл, — сказал Элиот.

Они вошли на склад. После того взлома на окна установили новые замки, но они все равно не стали серьезным препятствием для злоумышленников. Гарри выглянул в окно. Короткий спуск на скрытый от чужих глаз выступ крыши, короткая перебежка и прыжок на крышу аптеки, расположенной по соседству. Ни одного солдата он не увидел.

— Главная проблема — найти Вульф, — пробормотал Элиот ему в самое ухо. Гарри вздрогнул. Он не услышал, как тот подошел. Элиот внимательно смотрел на него. — Где она, как ты думаешь?

— Ты можешь отступить на шаг?

— Мне кажется, ты знаешь. — Элиот похлопал Гарри по лбу.

— Проклятье, не смей прикасаться ко мне. — Тот принялся вынимать раму.

— Этот город, — сказал Элиот. — Благодаря ему ты снова стал самим собой. Может, и на нее он подействовал так же? К тому же ты знаешь ее. Скажи мне. Где она?

— У тебя, кажется, был план? Ты хотел выбраться из Брокен-Хилл? Я с тобой.

— Где? — спросил Элиот.

Гарри поставил раму на пол и взобрался вверх по стеллажам. Окно было узким, но ему удалось просунуть в него ружье и спрыгнуть на выступ. Прижавшись к стене, он ждал, когда спрыгнет Элиот.

Тот огляделся.

— Это была отличная идея. — Он выпрямился, подбежал к краю крыши, прыгнул и приземлился на крыше аптеки. Гарри увидел, как его голова повернулась сначала вправо, потом влево. Потом он замер. Гарри застыл. Элиот подкрался к краю крыши, выглянул и исчез из виду.

Гарри поспешил вслед за ним. Он услышал, как Элиот прорывкал какие-то слова на странном, гортанном языке. Добравшись до края, он увидел Элиота внизу, в переулке. Тот стоял над еще одним солдатом без шлема. Этот солдат был лысым.

Гарри сбросил вниз ружье и спрыгнул сам.

— Я начинаю думать, что ты во мне больше не нуждаешься.

— О, как раз напротив, — сказал Элиот. — Я не знаю, где она. — Он посмотрел на аптеку.

— Там ее нет. Я вообще не помню, чтобы она когда-нибудь заходила сюда. Элиот. Элиот?

— Что?

— Там ничего нет.

— О, — сказал Элиот. — Я подумываю о берушах.

— А разве... это отличная идея.

— Они отлично работают против вербальной *компрометации*. Зато очень вредны, когда кто-то с оружием подкрадывается к тебе сзади. Так что приходится выбирать из двух зол.

— Верно.

— Я бы предпочел, чтобы меня пристрелили, а не *скомпрометировали*. — Элиот посмотрел на Гарри. — Пристрели меня, если ей удастся *скомпрометировать* меня... Я и в самом деле сказал это?

— Нет.

— Да нет, сказал. Я серьезно.

Лысый произнес:

— Мы на третьем этаже. Мы знаем, что вас там нет.

— Спасибо, Макс, — сказал Элиот. — Гарри, где она?

— Откуда мне знать? Что ты ко мне пристал?

— Думай.

Гарри огляделся. Будь он Эмили, куда пошел бы? Куда-нибудь рядом с больницей. На другом конце квартала было кафе, но оно Эмили никогда не нравилось; она говорила, что там пахнет, как от старика. Они обычно ходили в закусочную с бургерами чуть дальше. По сути, они там и встретились. Если не считать, что Эмили была его пациенткой. Она ела, а Гарри пришел с девушкой, с которой встречался в то время, и Эмили окликнула его. Он хорошо помнит, что подумал тогда: она психованная. А почему он так подумал? Из-за открытки. Она послала ему открытку с бредовой надписью, что-то вроде «МОЕМУ ГЕРОЮ или «ВЫ СПАСЛИ МЕНЯ». Но когда они заговорили, Эмили уже не казалась ему психованной. В ней было что-то. Нечто яркое, сияющее, и он откликнулся на это.

— Ты до чего-то додумался, — сказал Элиот. — Я вижу по твоему лицу.

Он покачал головой.

— Не ври мне. — Элиот придвинулся к нему. — Давай, Гарри, выкладывай.

— До чего же ты мерзкий.

— Это временное состояние. И мне нужно по полной использовать его. А вот в случае неудачи будет паршиво.

— Я хочу заключить с тобой сделку.

— О, да.

— Возможно, я и знаю, где она. Но если я скажу тебе, то первым пойду я. Если у меня ничего не получится, — замечательно. Ты сделаешь то, что должен. Но сначала ты дашь мне пять минут.

— Договорились. — Элиот протянул руку.

Гарри не шевельнулся, полный подозрений.

— Ты не собираешься следовать своему слову.

— А что, черт побери, ты хочешь от меня услышать? — заорал Элиот. — Ты же сам видишь всю глупость своего предложения! Пристрели того типа! — Последние слова относились к лысому солдату, который быстро рухнул на одно колено и вскинул полуавтоматическую винтовку. Гарри повернулся и успел увидеть две фигуры в темных комбинезонах в конце переулка. Элиот схватил его за руку, и они побежали.

— Это закусочная, — задыхаясь, произнес Гарри. — Направо, направо, сделаем круг по кварталу. — Они завернули за угол. — Пять минут. Дай мне слово.

— Ладно, ладно, — сказал Элиот. — Замечательно. — Он остановился и расширившимися глазами посмотрел на ружье Гарри. — Ого, черт, ну и дела!..

— Что? — спросил Гарри. Он не увидел никакой проблемы и снова перевел взгляд на Элиота, но рукоятка пистолета Элиота уже стремительно приближалась к его лицу. Это было все, что он запомнил.

* * *

Вошли солдаты, а потом возникла проблема. Эмили поняла это по тому, что Мастерс, который сначала делал уточняющие доклады каждые пятнадцать секунд — кто где, кто чем

занимается и как долго они будут этим заниматься; в общем, безостановочно перечислял физические факты, что, судя по всему, давало ему наслаждение, сравнимое с сексуальным, — вдруг без всяких причин замолчал на целую минуту. У Плат тревога первым делом выразилась в том, что она принялась театральным жестом поправлять прическу, потом от нее поступил вопрос, и только тогда Мастерс обратил к ней щиток своего шлема и сказал механическим голосом:

— Мы пытаемся определить местоположение цели.

— Я думала, вы уже все установили, — сказала Плат. Мастерс не ответил. — Разве мы не с этого начали?

— Элиот очень увертливый.

— Я не допущу еще одного Портленда.

Плат адресовала эти слова Мастерсу, но как тот воспринял их, определить было невозможно. В глубине души Эмили надеялась, что Плат взбесит Мастерса до такой степени, что он выхватит один из пяти или шести видов оружия, закрепленных на различных частях его тела, и совершит нечто невообразимое. «*Йитс, Йитс*, — думала она, как часто делала в такие моменты. — *Ты говнюк*».

Эмили встала из-за стола. Стекло на фасаде было очень грязным, однако через него все равно можно было что-то разглядеть. Над больницей висел вертолет, но он был единственным признаком того, что вокруг что-то происходит.

— Мы перегруппировываемся, — сказал Мастерс. — Возможно, мы получим новые координаты.

— Вы уж получите, — сказала Плат. — Вы уж получите эти проклятые координаты, да побыстрее, иначе крупно пожалеете.

Ее лицо пылало. По линии волос у нее собралась аккуратная цепочка из огромных капель пота. Она проявляла слишком много эмоций для поэта, и Эмили подозревала, что у Плат есть все основания считать, что последствия неудачи будут ужасающими. Она продолжала наблюдать за дорогой. Ей нужно думать, как Элиот. Она знает его лучше всех. Она может представить, как Элиот прячется где-то поблизости и вынюхивает ее. Он думал бы именно об этом. А не о бегстве. Он обязательно охотился бы за ней.

На перекрестке появился солдат в черном комбинезоне и потрусил к закускойной.

— Кто этот парень? — сказала Эмили. Никто не ответил, и она предприняла еще одну попытку. — Проклятье, кто этот чертов парень?

К ней подошла Плат.

— Если хочешь знать мое мнение, я не прочь увеличить численность личного состава на этой дислокации.

Мастерс сказал:

— Мы перечерчиваем границы зон.

Для Эмили это прозвучало полной чепухой, потому что, если бы ее нынешняя дислокация была частью операционной зоны Мастерса, он бы обязательно об этом упомянул. Военные меняют дислокацию — он только об этом и говорил. Эмили перевела взгляд на приближающегося человека.

— Ой, — сказала она. — Это Элиот.

— Это... это невозможно, — сказала Плат. Но в ее голосе слышалась неуверенность. Плат начала осознавать то, что Эмили уже давно знала: нельзя недооценивать Элиота. Только подумаешь, что вычислил его, и тут оказывается, что он ускользнул. — Давайте...

давайте вызовем сюда кого-нибудь из безопасности, а? — Плат через Эмили наклонилась к Мастерсу, который то ли отдавал приказы по внутренней рации, то ли просто стоял — определить было невозможно. — Мастерс, Мастерс!..

— Объект не отвечает. — Мастерс вытащил пузатый пистолет. — Вероятно, противник. Я рекомендую отход.

Плат куда-то пропала. Эмили колебалась. Она действительно хотела встретиться лицом к лицу с Элиотом и покончить с ним. Но сейчас сделать это было непросто: тело Элиота скрывал бронированный комбинезон, а сам он был защищен от *компрометации*. Это риск, это практически самоубийство. Эмили собралась последовать за Плат, но тут ей в голову пришла другая мысль. Ведь есть вероятность, что это один из вариантов военной хитрости. Что Элиот намеренно отправил кого-то, кого наверняка заметят, — неподдающегося или просто солдата, которого ему удалось скомпрометировать, — к закуской, чтобы отвлечь ее, а потом нанести ей удар в спину. Элиот вполне способен на такую подлость. Эмили размышляла. Здесь есть боковая дверь, которая ведет в боковой проход с контейнерами для мусора. Она решила быть благоразумной.

Эмили толкнула дверь. Перед ней высилась кирпичная стена соседнего магазина. Увиденное порадовало ее: тайный путь к бегству. Это ее стихия. Но потом она подумала, что, возможно, именно в этом и будет скрыта проблема. Возможно, в этой ситуации ей нельзя следовать своим инстинктам, так как ее действия может предугадать тот, кто ее хорошо знает.

Из-за угла вышел Элиот.

— Черт, — сказала она.

Из ушей Элиота торчали желтые беруши. Он держал пистолет. Его глаза были расширены, лицо блестело от пота, и все это подсказало ей, что он ввел себя в интенсифицированное ментальное состояние. Поэты, если им надо было, умели так делать. Эмили видела такое. В течение часа они разговаривали и двигались значительно быстрее, чем обычно, а потом спали несколько суток.

— Понятно, — сказал Элиот.

Она подняла вверх руки. Ей хотелось заговорить, но она чувствовала, что стоит ей открыть рот, и он пристрелит ее. Хотя он пристрелит ее в любом случае. Ведь он здесь именно ради этого.

Секунду они стояли и смотрели друг на друга. Может, кто-нибудь из ребят выйдет в эту дверь и возьмет на себя Элиота? Вот было бы суперски.

Элиот свободной рукой вытащил затычки из ушей.

— Мне пришлось вырубить неподдающегося. Ему нельзя доверять.

— Ладно, — сказала Эмили.

— Я виню себя за то, что произошло. Я должен был остановить это. — Она не знала, что на это ответить. — Я вынужден убить тебя.

Эмили кивнула. В его словах она не услышала ничего нового для себя.

Его палец лег на спусковой крючок.

— Прости, что плохо учил тебя. — Выражение на его лице было странным.

— Элиот, — сказала она.

— Тебя надо остановить.

— Элиот.

Солдаты приближались. Эмили чувствовала их. Еще несколько секунд назад она

обрадовалась бы, но сейчас это в некотором смысле опечалило ее.

— Я совершил ошибку, — сказал он.

Вокруг нее зароились солдаты, они появлялись будто из воздуха. Поднялся страшный шум, Элиот мог бы убить ее, но он не выстрелил. Он повалился на землю и умер.

* * *

После этого Эмили впала в странное состояние. Люди — солдаты и поэты — приходили и уходили, иногда останавливались и заговаривали с ней, но она их не слышала. Когда они стали упаковывать Элиота, она вышла на террасу перед закусочной и села за стол. Изредка кто-то проходил мимо, но большей частью Эмили была одна. Она заплакала. Она не понимала, почему плачет — ведь она так хотела разделаться с Элиотом. И это желание было четким, осознанным. Но душа все равно была полна печали, которая вырывалась из потаенных уголков и тем самым напоминала ей, что не все ее желания — ее собственные.

Рядом упала тень. Эмили подняла голову, чтобы выяснить, что за козел отважился побеспокоить ее в такой момент, и увидела Йитса.

Он поднял упавший стул и устроился на нем. Он был одет в очень красивый серый костюм, его волосы выглядели чисто вымытыми и блестели. Он снял солнцезащитные очки и положил их на стол, и оказалось, что его глаза ничего не выражают.

— О, — сказала Эмили. Она ощущала себя полной дурой. Как же. Йитс здесь. Как она раньше не сообразила?

— Мои поздравления. — Йитс смотрел на покрытые пылью здания на противоположной стороне улицы. — Теперь ты понимаешь, зачем мне понадобилась именно ты, чтобы поймать Элиота.

Эмили не ответила.

— Убеждение проистекает от понимания. Мы принуждаем других, изучая их личностные качества и обращая их против них. Все это — преследование, люди с оружием... — Он неопределенно взмахнул рукой. — Все это детали. То, что Элиоту не удалось улизнуть, объясняется лишь тем, что я понимал его лучше, чем он — сам себя. — В поле зрения Эмили появилась Плат. Йитс сказал: — стакан воды, пожалуйста. Лучше два.

Когда Плат ушла, он снял пиджак и передал его Мастерсу, который как вкопанный стоял за его спиной.

— Я навещал делегатов. Не все согласились с тем, что отныне Организацией буду руководить я. Некоторые пытались предпринимать шаги против меня. Ожидаемые, конечно. И бесполезные, так как я понимаю их лучше, чем они — меня. Мы пытаемся затаиться, Эмили, но суть в том, что на самом деле нам не очень хочется таиться. Мы хотим, чтобы нас обнаружили. Каждый поэт рано или поздно приходит к пониманию, что в пределах идеальных стен нет ничего, достойного защиты. Абсолютно ничего. И тогда мы меняем уединенность на тесные взаимоотношения. Мы рискуем в надежде, что, выставя себя, мы тем самым поможем кому-то найти путь к нам. Вот поэтому человек-животное всегда будет уязвимым: потому что он хочет этого.

Прибыла Плат с двумя стаканами воды и поставила их на стол.

— Мне плохо из-за Элиота.

— Ну, да, — сказал Йитс. — Своего рода подавляемый переизбыток эмоций, я бы так

это назвал.

— И я кое-что начинаю вспоминать.

— Да? Например?

— Я вышла из отделения «Скорой». Через ту дверь. — Эмили указала в ту сторону. — Я шла этим путем. Люди убивали друг друга. Из-за слова. Меня нашел Гарри. Он знал, что я наделала. Но он все равно спас меня.

— Я не совсем понимаю, зачем ты мне все это рассказываешь, — сказал Йитс. — Это не имеет отношения к делу.

— Я разговариваю не с тобой.

Со стороны больницы к ним направлялась фигура. В жарком мареве этого человека можно было принять за кого угодно. Но Эмили его почувствовала.

— Гарри, — сказала она.

* * *

Гарри выглянул из-за края крыши. Голова гудела. Элиот ударил его. Ему что-то не понравилось в ружье Гарри, тот повернулся, желая выяснить, что там такое, и пришел в себя на полу в дверном проеме. Сейчас Элиот был где-то далеко, а Гарри — на крыше мебельного магазина и пытался понять, что происходит.

Несколько минут назад к закусочной прошел солдат, потом из парадной двери заведения появился еще один и двинулся на первого с пистолетом на изготовку. Сначала казалось, что они вступят в схватку, но они просто остановились в трех футах друг от друга и так стояли, не двигаясь, будто переговариваясь телепатически. Потом оба побежали к закусочной, появилось множество солдат, и началась перестрелка. Через какое-то время из закусочной вышла молодая женщина и села за столик. Гарри изумленно уставился на нее, потому что женщиной этой была Эмили.

Раньше он сомневался, из-за Элиота. Насчет того, осталась ли она прежней. Сейчас же ему все стало ясно. Гарри отполз от края крыши. Такое случается сплошь и рядом: чем больше люди говорят, тем сильнее они затмевают правду. Так что отстаивать правду надобности нет. Ее можно просто увидеть. А он-то почти забыл об этом... Гарри крепко сжал ружье и отправился за Эмили.

* * *

Йитс повернулся и посмотрел на движущуюся в мареве фигуру.

— Кто?

— Неподдающийся, скорее всего, — сказала Плат, выглядывая из-под ладони. Руки человека были разведены в стороны. Он был одет в джинсы и майку. — Уил Парк. Похоже, не вооружен.

— Ну, а почему бы нам его не пристрелить?

— Будет сделано, — сказал Мастерс. Он подал знак, и два солдата вышли на проезжую часть.

— Мы знаем Парка, — сказала Плат. — Очень нерешительный. Нет опыта в обращении

с оружием. Он плотник.

— Эмили, ты что-то нервничаешь, — сказал Йитс. — Есть ли нечто, что мне следует знать?

— Да.

— Рассказывай.

— Я думала, Гарри умер. Но он жив. Я просто заставила себя в это поверить.

— Кто такой Гарри? — спросила Плат.

— Ее любовник, — сказал Йитс, — был им не так давно. Он и есть неподдающийся.

Плат кивнула.

Йитс забарабанил пальцами по столу.

— Это ничего не меняет.

Они наблюдали, как солдаты разворачиваются веером. Гарри замедлил шаг. Она отчетливо видела его лицо.

— Подождите, — сказал Йитс. — Я кое-что упустил. Не так ли?

Эмили пришлось ответить.

— Так.

— Что я упустил? — Он щелкнул пальцами, предназначая этот жест кому-то позади себя. — Ты тоже. — Поэт Розенберг, молодой парень с длинными волосами, вышел на проезжую часть и поспешил за солдатами. — Эмили?

— Две вещи.

— Назови их. Я даю инструкцию назвать их.

— Я сомневаюсь, что ты когда-либо любил. Во всяком случае, в недавнем прошлом. Мне кажется, ты уже не помнишь, что такое любовь. Она *компрометирует* тебя. Она обретает власть над твоим телом. Как элементарное слово. Думаю, любовь и есть элементарное слово. Это первое. — Йитс никак не отреагировал. Если он что-то и испытывал, то недоумение. — А второе — это то, что я никогда бы не сказала про Гарри, что он нерешительный и не умеет пользоваться оружием.

— Может, нам стоит уйти внутрь? — спросила Плат.

— Да, — сказал Йитс. — Верно. — Он разгладил брюки и начал подниматься из-за стола. Но вдруг прекратил, потому что Эмили схватила его за галстук.

— А еще, — сказала она, — что ты говнюк.

* * *

Гарри шел к закусочной, пока солдаты рассредоточивались по улице, чтобы перехватить его. Затем он изменил курс в сторону конторы по продаже недвижимости. Перебрался через разбитую витрину, достал из-под прилавка спрятанное там ружье и побежал внутрь конторы. Он бывал здесь несколько раз, когда встречался с Мелиссой, агентом по продаже недвижимости. И знал расположение помещений. Он занял позицию в кабинете Мелиссы и приготовился ждать.

Несколько минут спустя в конторе появился солдат. Гарри выждал, когда появится второй, и выстрелил тому в щиток. Оба исчезли как по мановению волшебной палочки. Он оттянул затвор, перезарядил ружье и перебежал в коридор. Вместо того чтобы повернуть налево, повернул направо, открыл заднюю дверь и оказался на улице. Обежал здание и,

спрятавшись за внешними блоками кондиционеров, заглянул внутрь. Второй солдат крался прочь от него. Гарри поднял ружье и выстрелил тому в затылок.

Когда он вернулся в здание, то с удивлением обнаружил, что оба парня живы. Гарри никогда не доверил бы свою жизнь шлему, способному остановить мощную пулю калибра.28. Однако удар от пули, как он догадался, все же был ощутимым. Один из солдат снял шлем и теперь блевал. Другой вяло полз к входной двери.

Гарри поднял ружье. Солдат без шлема поднял руку. Гарри застрелил его. По пути к другому он перезарядил ружье. На улице перед зданием вдруг возник молодой парень в дешевом костюме и с галстуком. Он бормотал какие-то непонятные слова, и Гарри выстрелил в него. Затем оглянулся. Ползавший солдат уже не ползал.

Гарри перезарядил ружье. Он слышал звук приближающегося вертолета. Сейчас с обеих сторон из него посыплются солдаты, догадался он. Они побегут медленно, как те двое, потому что втиснуты в сорокафунтовую духовку. Они уже и так почти час жарятся на полуденном солнце. Гарри с трудом представлял, каково им в такой экипировке. Он не раз видел, как здесь люди падали замертво, перегревшись. Они думали, что от солнца особого вреда нет — ну, помучаются они немного от жары, и всё. Они мазались лосьонами, надевали шляпы, выходили на открытое пространство — и падали.

Гарри прошел в туалет, открыл окно и увидел низенький заборчик. Ограда прикроет его, когда он будет пробираться к соседнему зданию, а оттуда уже можно незаметно двигаться куда угодно. Он выбрался наружу через окно и пополз.

* * *

Йитс вылупил глаза. Эмили впервые видела, чтобы он был так шокирован. Она вообще впервые видела, чтобы он проявлял хоть какие-то эмоции.

— Отпусти меня, — сказал Йитс.

— Это ты отпусти меня, — сказала Эмили, хотя эти слова были просто сотрясанием воздуха. Был только один способ освободиться от Йитса, и она собиралась использовать его.

Он резко выпрямился и полез в карман пиджака за той штукой, которая снова должна была отобрать у нее разум. Это показало Эмили, что на самом деле Йитс не уразумел суть элементарного слова. Он решил, что оно исчерпало себя, что она больше не подчиняется ему.

Эмили потянулась к нему, но ее перехватила Плат — надо же, не кто-нибудь, а сама Плат. Она была тощей как проволока, совсем не из тех, кто мог бы долго удерживать Эмили, однако та вообще не ожидала, что кто-то помешает ей, поэтому у Йитса хватило времени, чтобы сунуть руку в карман и взять слово.

— Сядь и замри, — сказал он.

— Нет.

По его лицу промелькнуло недоверие. Плат ослабила хватку, ожидая, что Эмили покорится. Йитс уже вынимал руку из кармана, а у нее не было желания видеть то, что он собирался достать оттуда, поэтому она резко откинула голову. Сдавленный возглас доставил ей несказанное удовольствие. Она встала, схватила стакан со стола и вылила воду на туфли Йитса.

Тот издал визгливый, испуганный крик. Для Эмили он прозвучал божественной

музыкой, однако главное заключалось в том, что других звуков Йитс не издал, не дал команду людям убить ее, поэтому, пока он с ужасом взирал на темнеющую кожу, она разбила стакан о край стола и полоснула острым краем по его горлу.

Йитс попытался что-то сказать. На его губах появлялись и лопались крохотные красные пузырьки. Эмили как можно осторожнее разогнула его пальцы и забрала ожерелье. Он рухнул на колени, а она, вместо того чтобы повернуться к Плат или к Мастерсу — в общем, к тому, кто мог оказаться у нее за спиной, — стояла и смотрела, как он умирает.

* * *

Гарри бежал к закусочной. Он думал, что здесь будут толпы солдат, но не видел ни одного. Вертолеты куда-то улетели — Гарри не представлял, почему вдруг. Он обошел квартал и не встретил никого, поэтому подошел к закусочной не таясь и остановился на противоположной стороне улицы. Эмили была там. На земле лежало несколько тел. Один солдат в черном комбинезоне, но без шлема и без оружия стоял в расслабленной позе, выставив одну ногу, и оглядывался по сторонам с видом курортника.

Держа ружье на изготовку, Гарри стал переходить улицу. Эмили повернулась к нему. Она что-то держала в руках, какое-то ожерелье. Выражение на ее лице было странным.
— Эй, — сказал Гарри. — Эм, это я.

* * *

Он подошел к ней, и Эмили не сразу поняла, кто он. Она только что убила целую кучу людей и *скомпрометировала* Мастерса, поэтому в ее голове был полный хаос.

Однако она узнала выражение на его лице. Такое же, как в последний раз, когда ее окружала смерть и он пришел за ней. Эмили догадалась: он снова собирается спасти ее. Сомнений нет, собирается. И он снова намерен простить ей все.

— Ах, Гарри, — сказала она. — Как же я рада видеть тебя.

Он улыбнулся. До этого момента Эмили думала, что больше никогда не увидит его улыбку, и сейчас эта улыбка добила ее, потому что она знала: этой улыбке суждено угаснуть. Ничто из того, что есть вокруг, не может длиться долго.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Прости меня, но мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

— С радостью. — Гарри повесил ружье на плечо и вытянул к ней руки. Эмили любовалась его улыбкой. — Только скажи.

— *Киккаф фкаткх ффиксу зткку*, — сказала она. — Застрели меня.

Брокен-Хилл остается зоной отчуждения

«Сидней морнинг геральд», том. 183, выпуск 217, стр. 14

Правительственная комиссия, уполномоченная рассмотреть вопрос о токсичности

территории Брокен-Хилл — города, где в 2011 году в результате экологического бедствия погибло более трех тысяч человек, — рекомендовала сохранить зону отчуждения в прежних границах на неопределенное время.

Толчок к пересмотру статуса был дан прошлым летом, когда появились фотографии двух вертолетов, висящих над городом. Снимки возродили к жизни умершие было гипотезы местных жителей о том, что город не является необитаемым, а также теории заговора, утверждавшие, что город якобы стал пристанищем для всех, от мафиозных группировок, превративших его в хранилище своих богатств, до военных структур, проводящих там секретные испытания.

Отчет, опубликованный на трехстах страницах и содержащий выводы видных ученых, которые со всей ответственностью заявляют о критически высоком уровне метилизокарбоната в почве, должен положить конец подобным домыслам.

«Я очень люблю истории с хорошим концом, но все равно не рискнул бы утверждать, что любой желающий может отправиться на экскурсию в Брокен-Хилл, — сказал нам один из докладчиков, Генри Лоусон. — К сожалению, город все еще остается мрачным напоминанием нам о том, что бывает, когда люди и бизнес пренебрегают элементарными мерами безопасности».

Брокен-Хилл остается зоной одной из страшнейших в мире экологических катастроф.

Служебная записка №

Тема: Re: пересмотр моделей на основе БХ

Корректировка по запросу — отчет не завершен, поэтому не цитируйте меня, и т. д.

Наше главное открытие — то, что мы видели в БХ, было мультилингвальным эффектом. Что, как я понимаю, не имеет смысла, так как ни одна из имевших отношение к делу сторон не является/не была многоязычной в какой-либо известной степени. Но раньше, когда бы мы ни сталкивались с неприятием такой магнитуды, это всегда объяснялось тем, что реципиент свободно владел более чем одним языком. (Может быть четко воспроизведено в тестировании — например, при счете на датском билингвальный субъект обнаруживает усиленное сопротивление компрометации на английском.) Мы построили теорию, что когда мозг настроен на один язык, слова из другого, вероятнее всего, фильтруются на первом этапе и воспринимаются как бессмысленные слоги — то есть не как слова, наделенные значением.

Поэтому, естественно, возникает вопрос: какой второй язык? И — опять же, не цитируйте меня, данные еще предстоит обработать — наш ответ: язык элементарного слова. Каким бы он ни был. Мы прежде не имели дела с элементарным словом, поэтому наши знания очень поверхностны. Но мы считаем, что элементарное слово относится к фундаментальному языку человеческого сознания — языку, на котором животное под названием человек общается с самим собой на самом низком базовом уровне. К языку программирования, по сути.

Нам еще не совсем ясно, какие взаимоотношения существуют между В. Вульф и неподдающимся Гарри Уилсоном — любовная связь? Но мы признаем, что в тот конкретный момент Вульф переместилась в очень примитивное, анималистическое состояние. Ментально она оперировала тем самым базовым языком, ее желания выражались

как элементарное слово.

Как нам известно, когда у субъекта возникает конфликт между инструкциями примерно одинаковой непреодолимой силы, результаты становятся ситуативно обусловленными, т. е. непредсказуемыми. В такой ситуации мы, в сущности, говорим о свободе воли.

(Следует иметь в виду, что когда инструкции конфликтуют, они не отменяются. Субъект испытывает желание выполнить обе. Нельзя забывать об этом.)

Итог: мы не видим причин отказываться от признанных моделей. Нет надобности выплескивать ребенка вместе с грязной водой. Это может прозвучать так, будто мы пытаемся прикрыть свои задницы, т. е. увильнуть от признания того, что в наших прошлых исследованиях были изъяны, однако это наше подлинное мнение.

Я понимаю, что может возникнуть своего рода политическая проблема в свете нынешней реструктуризации/жестокое уничтожения организации. Хотя для меня еще большая проблема — вопросы, поднятые этим базовым лексиконом. Что представляют собой его слова? Сколько их? Можно ли их обнаружить в лабораторных условиях, т. е. прямым извлечением из мозга? Можем ли мы научиться произносить их?

Тут много того, над чем стоит подумать.

Р. Лоуэлл

Он встал в четыре, надел брюки, сапоги и куртку. В доме было холодно, как в погребке, и он собрался оживить остатки огня в камине, но остатков там уже не было. Он сунул руки под мышки и вышел наружу. Воздух был ледяным, небо напоминало открытую коробку, из которой еще не вылез солнечный свет. Он пошел через выгул к сараю. Корова, Гонг, услышала его шаги и радостно замычала. Он завел ее внутрь, поставил ведро и занял свое место на табурете. Он доил ее, прижавшись лбом к теплему коровьему боку, чтобы согреться. Он не заметил, как заснул — такое случалось иногда — и погрузился в мир снов о смерти и словах. Гонг сделала пару шагов и разбудила его.

Ведро наполнилось за восемь минут. Раньше ему казалось, что оно наполняется смехотворно медленно. Он страстно желал достичь большей эффективности. Но дойка стала для него хорошей тренировкой в переключении. Сейчас он наслаждался процессом, видя в нем возможность существовать в данный, конкретный момент. Когда доишь корову, нет ни прошлого, ни будущего. Ты просто получаешь молоко.

Он принес ведро в дом и разлил его содержимое по шести бутылкам. Кошка терлась о его сапоги и урчала, как трактор. Он и ей налил чуть-чуть. Затем сложил шалашик из щепочек, сунул под них газету и разжег огонь. Когда над деревьями появились первые лучи, он остановился, чтобы понаблюдать. Главным достоинством дома был открывающийся вид. Переходя от окна к окну, можно смотреть вдаль на сорок миль во всех направлениях. А о приближении машины можно узнать за полчаса до того, как она подъедет. Хороший дом.

Он услышал, как по полу зашлепали босые ступни, и в следующее мгновение появилась Эмили, заспанная, в спадающей с плеч ночной рубашке.

— Зря ты встала, — сказал он.

— Не указывай мне, что делать.

— Не извращай мои слова.

Она подошла к нему. Они поцеловались. С треском вылетела искра. Эмили прижалась к нему.

— Хочешь взглянуть, как встает солнце?

— Конечно, — сказала она.

Он взял два одеяла из стопки и бросил одно на скамью, которую когда-то смастерил специально для террасы. Затем накрыл их обоим другим одеялом и обнял ее. Она положила голову ему на плечо. Солнце выбралось из-за деревьев, и он ощутил тепло на лице.

— Я люблю тебя, — сказала она, прижалась теснее и положила руку ему на затылок. Поднялся ветер.

— Не убивай меня, — сказал он.

— А я и не собираюсь, — сказала она.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАШЕЙ РАССЫЛКЕ!

Мы надеемся, что вам понравился наш продукт. Чтобы быть в курсе новинок, а также чтобы иметь право участвовать в розыгрыше призов, просто заполните анкету!

1. ФИО: _____

2. Адрес: _____

3. Эл. почта: _____

4. Кого вы предпочитаете: собак или кошек? _____

5. Какой ваш любимый цвет? _____

6. Выберите любое число (обведите кружочком)

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

7. Вы любите свою семью? _____

8. Почему вы это сделали? _____

_____

_____

Благодарности

Когда-то раздел благодарностей был окошком в сознание автора, редким моментом, когда он (или она) не пытался вам соврать. Лучше всех благодарности писал Стивен Кинг. Они были длинными и бессвязными, словно вы поймали его после обеда и нескольких бокалов вина. Я вырос в австралийской глубинке, где ближайший книжный магазин находился в соседнем городе. Стивен Кинг никогда не приезжал к нам, даже на мотоцикле^[18]. Я вообще не знал, что авторы устраивают встречи с читателями. Все, что у меня было, — это благодарности. Они служили блогами до изобретения блогов.

Теперь существуют и блоги, и микроблоги, и нам не приходится гадать, что писатель думает на ту или иную тему. Поэтому мне немного обидно за благодарности. Теперь они ужались до списка имен. Важных имен, если вы писатель или носите одно из них. Ради этих имен и существует раздел благодарностей. И все же мне нравилась бессвязная болтовня...

Мой список важных имен начинается с очевидного: тех людей, кто читал мои первые черновики, а потом, полгода спустя, — их вторые версии («Постарайся притвориться, будто не знаешь, что случится дальше»), и так далее, до бесконечности. Вам может показаться, что это здорово — прочесть книгу до того, как она завершена, но это лишь потому, что вы не представляете, насколько ужасны мои черновики. Вообразите свою любимую книгу, в которой герои то и дело вытворяют разные глупости и все кончается не так, как надо. Ужас, правда? Это не просто «не так хорошо, как могло бы быть», это портит все. Я очень благодарен людям, которые не позволили мне испортить им чтение, особенно Тодду Кейтли, Чарльзу Тейсену, Кэсси Хамфрис, Джейсону Лэйкеру, Джо Кэрону и Джону Шонфельдеру.

Спасибо всем, кто продолжает издавать мои книги. В каждую из них вкладывают силы множество людей, и если они работают на совесть, то вся слава достается автору. Это редакторы и маркетологи, секретари и корректоры, переводчики и торговцы, закупщики и владельцы книжных магазинов, дизайнеры и технологи, и многие другие. Спасибо вам всем за каждый раз, когда вы сделали больше, чем были обязаны. И особенное спасибо моим американскому и английскому редакторам, Колину Дикерману и Рут Тросс, которые вели меня к финальной версии книги с пониманием и аккуратностью, о каких писатель может только мечтать.

Люк Джанклоу — моя «палочка-выручалочка», литературный агент по названию, ангел-хранитель по природе. Не знаю, что бы я без него делал, но уверен, что мне бы это не понравилось. Клэр Диппел, ветер в крыльях Люка, может, кажется, сделать все, что угодно, не теряя бодрости духа и доброты. Это даже подозрительно. Спасибо вам обоим.

Теперь самое главное. Джен, спасибо тебе, что делаешь это возможным. Без тебя здесь не было бы ничего. Ни книги, ни письма, ни меня. Ни меня — это уж точно.

И, эй, ты! Спасибо тебе, что ты из тех, кто любит книги. Это замечательное качество. Недавно я встретил библиотекаршу, которая призналась, что не читает, потому что книги — это ее работа, и когда она возвращается домой, то ей надо переключиться на что-то другое. Я думаю, мы все можем согласиться, что это просто какая-то жуть. Спасибо тебе, что ты ищешь приключений — тех, что случаются у тебя в голове!

Пикачу — существо из серии игр, манги и аниме «Покемон».

Amway (сокр. от англ. American Way of Life — «американский образ жизни») — американская компания, занимающаяся производством и продажей средств личной гигиены, бытовой химии, косметических средств, биологически активных добавок к пище и др. Для продвижения товаров используются технологии прямых продаж и сетевого маркетинга с многоуровневой системой компенсаций.

Слаш — прохладительный напиток, известный также как «фруктовый лед».

Автор имеет в виду европейский футбол, именуемый в США «соккер».

Фратернизация — чувство братской любви к кому-либо.

Быт. 4:1.

ЭЭГ — электроэнцефалография.

Следовательно (*лат.*).

Кукабарра — австралийский зимородок.

За исключением случаев, установленных законодательством. Клиент должен иметь в виду, что некоторые властные структуры вправе обязать «ТруКорп» представить информацию соответствующим административным органам, при этом «ТруКорп» может не иметь возможности известить об этом клиента. Прилагая все усилия к обеспечению сохранности данных, «ТруКорп», однако, не несет ответственности за любую утечку и/или раскрытие частой информации независимо от того, каким образом эта утечка и/или раскрытие произошло (в том числе в результате предоставления информации по решению суда, по запросу правительственных агентств, несанкционированного доступа сотрудников и субподрядчиков, хакерских действий, а также в результате других причин). «ТруКорп» вправе передать полные статистические данные, полученные на основе личных данных клиентов, в анонимной форме другим организациям по своему выбору. «ТруКорп» снимает с себя обязательства, изложенные в данной статье, в отношении клиентов, которые задержали выплату задолженности на срок более 28 дней или оказались недоступными для контактов. Данные условия и положения могут быть изменены в будущем, и ответственность за своевременное получение информации на нашем сайте ложится на вас.

Австралийская шляпа, похожая на американский стетсон.

Известная песня группы The Beatles.

Lockdown (*англ.*) — строгая изоляция, карантин.

«Мышца гордецов», производит на переносице горизонтальные морщины.

Затыльно-лобная мышца.

Добрый день, друг мой. Как дела? *(нем.)*

Форт-Нокс — военная база США, находящаяся в 30 милях к юго-западу от Луисвилла, штат Кентукки; на ее территории расположено существующее с 1936 г. хранилище золотых запасов США.

В 1997 году Стивен Кинг путешествовал по Австралии на мотоцикле «Харли-Дэвидсон». Позже, в интервью газете «Калгурли майнер», он сказал: «Пока не попадешь сюда сам, трудно представить, насколько здесь необычно. На западе Америки пусто, но вдали всегда маячит линия электропередачи или какой-нибудь дом. Здесь же вокруг вообще ни хрена».